

Абгар Рубенович Иоаннисян

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 года во ФРАНЦИИ и КОММУНИЗМ

М.: НАУКА. 1989

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](http://vive-liberta.narod.ru) и [Век Просвещения](http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm), 2010. Книга подготовлена в виде сканов (5 pdf файлов) и выложена по главам в нашей библиотеке и сообществе: <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm>

Тематические ссылки:

Луи Эритье. История французской революции 1848 г. и Второй республики

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p75800170.htm>

Революция 1848 года: сборник статей, писем и стихов

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_1.pdf

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 ГОДА ВО ФРАНЦИИ (февраль—июнь)

в воспоминаниях участников и современников

Серия «ИНОСТРАННЫЕ МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА И МАТЕРИАЛЫ»

Подбор, перевод, статья и комментарии Е.Смирнова

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm>

А.Молок. Июньские дни 1848 года в Париже

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_4.pdf

Ф.Потемкин. Июльская монархия во Франции (1830—1848 гг.)

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_5.pdf

С.Сказкин, «Сорок восьмой год во Франции (февраль-июнь)

http://narod.ru/disk/21894969000/1848_3.pdf.html

К СТОЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА: сб. статей

Е. Степанова. Маркс и Энгельс в первые месяцы революции 1848-49 годов

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-1.pdf

А.Нарочницкий. Международные отношения от Февральской революции до лета 1848 г.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-2.pdf

Р.Авербух. Рабочее движение в Вене в августе 1848 года

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-3.pdf

Л.Бендрикова. Экономический кризис рабочее движение накануне Февральской революции во Франции

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-4.pdf

Л.Бендрикова. Французская историография революции 1848—1849 гг. во Франции (1848-1968)

http://narod.ru/disk/22330801000/1848_8.pdf.html

Т.Ойзерман. Развитие марксистской теории на опыте революции 1848 г.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_9.pdf

Е.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 года

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok3.pdf>

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok_lit.doc

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей. Перв. половина XIX в.

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin7.pdf>

В.Волгин. Французский утопический коммунизм

http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html

В.Волгин. Этьен Кабе

http://narod.ru/disk/19222487000/volgin_cabet.pdf.html

Теодор Дезами. Кодекс общности

http://vive-liberta.narod.ru/doc/t-dezamy_code-comm.pdf

Изложение учения Сен-Симона (лекции Базара, Анфантена, Родрига)

<http://vive-liberta.narod.ru/doc/st-simon.pdf>

Вильгельм Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно есть, и каким оно должно было бы быть

<http://narod.ru/disk/20715261000/weitling.pdf.html>

Г.Кучеренко. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/stsimon_kucherenko.pdf

Ю.Кучинский. История условий труда во Франции с 1700 по 1948 гг. Глава II. Ранний период французского промышленного капитализма (1789—1848 гг.)

http://enlightment2005.narod.ru/arc/labor_kucz2.pdf

Дж.Рюде. Народные низы в истории: 1730-1848

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude3.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude4.pdf>

А.Ревякин. Революция и экономическое развитие Франции в перв. пол. XIX века. В сб. «Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология

http://vive-liberta.narod.ru/journal/revac_econm-xix.pdf

П.Фроман. Рабочее восстание в Лионе

http://narod.ru/disk/11658254000/lyon_from.pdf.html

Хронологическая таблица по курсу "История международного рабочего и национально-освободительного движения"

<http://vive-liberta.narod.ru/doc/tablim.pdf>

Поль Луи. Французские утописты: Луи Блан, Видаль, Пекар, Кабе, с отрывками из их произведений

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/p-louis_blanc_vidal_pecquer_cabet.pdf

Ю. Данилин. Французская политическая поэзия XIX в.

http://narod.ru/disk/8689964000/dan_poet1.pdf.html

С. Великовский. Поэты французских революция 1789-1848 гг.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/poets_velikovski.pdf

Л. Блан. Глава IX (Философия) из книги «История французской революции»

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/lblanc_rob.pdf

М. Домманже. Бланки

http://narod.ru/disk/9664864000/blanqui_dommanje.pdf.html

М. Федорова. Классический французский либерализм

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81716006.htm>

Либерализм Запада. Глава 3. Трудные судьбы французского либерализма

<http://narod.ru/disk/4366351000/libr3.doc.html>

М. Алпатов. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в.

Глава 4. Политические взгляды и историческая теория А.Токвиля: «Воспоминания». Токвиль о причинах революции 1848 г. во Франции. Февральская революция в освещении Токвиля. Токвиль о борьбе с революцией. Монархия или республика?

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hist_alptv.pdf

Д. Ливен. Аристократия в Европе. 1815-1914 гг.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p69874420.htm>

О. Орлик. Передовая Россия и революционная Франция: первая половина XIX века

Глава 3. Июльская буржуазная революция 1830 года в восприятии и оценках русской общественности

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic3.pdf>

Глава 4. Отражение в освободительном движении России идейно-политической жизни Франции периода июльской монархии

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic4.pdf>

Глава 5. Французская революция 1848 года и освободительное движение в России

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic5.pdf>

Р. Авербух. Революция и национально-освободительная война в Венгрии в 1848-49 гг.

http://enlightment2005.narod.ru/arc/hung_aver1-3.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hung_aver4-6.pdf

И. Майский. Испания 1808-1917: исторический очерк
Первая карлистская война и третья революция (1833—1843)

Диктатура генерала Нарваеса (1843—1854)

Экономика Испании в середине XIX века

http://enlightment2005.narod.ru/arc/espagna_mai2.pdf

История Ирландии

Глава VII. Ирландия в первой половине XIX в. (1801—1848 гг.)

Глава VIII. Аграрный переворот. Движение фениев

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/irin-all.pdf>

И. Полуяхтова. История итальянской литературы XIX в. Эпоха Рисорджименто

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p78170179.htm>

На страницах сводных ссылок - подборки материалов:

Теодор Дезами <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#dezamy>

и другие...

Предисловие

Глава I. Участие коммунистов в Февральской революции. Вечер 25 февраля. Афиши и прокламации. Газеты Дезами, Эскироса, Констанана и Торе. «Красная» пресса в марте—апреле 1848 г.

Глава II. Проекты «организации труда». Пропаганда коммунизма икарийской школой. Вильгардель, Массе, Гарен де Витри. «Индивидуализм и коммунизм». Оуэнистские проекты. Антикоммунистические брошюры

Глава III. Парижские клубы. Коммунистические клубы: Центральное братское общество, Клуб братских друзей, Клуб журнала «Фратерните», Клуб Горы, Клуб неподкупных, Клуб будущего и другие. Центральное республиканское общество. Клуб революции. Общество прав человека и гражданина. Манифестация 17 марта. Клуб клубов и агитация в департаментах. Программы коммунистических кандидатов в депутаты

Глава IV. «Документ Ташеро». Антикоммунистическая кампания и преследования коммунистов. Демонстрация 16 апреля и ее последствия. Выборы в Национальное собрание и обострение политического кризиса. События 15 мая

Глава V. Накануне решающей битвы. Клубы. Собрания под открытым небом. «Красная» печать. Коммунистическая агитация

Заключение

ПРЕДИСЛОВИЕ

Только что пришло известие о том, что народ победил и провозгласил республику. Признаться, мы не надеялись на столь блестящий успех парижского пролетариата... Благодаря этой победоносной революции французский пролетариат вновь оказался во главе европейского движения. Честь и слава парижским рабочим! ...Наступает наше время, время демократии. Пламя, полыхающее в Тюильри и Пале-Рояле, — это утренняя заря пролетариата. Господство буржуазии теперь всюду потерпит крах или будет ниспровергнуто»¹. Так писал Ф.Энгельс в статье «Революция в Париже», опубликованной 27 февраля 1848 г. Такая реакция на Февральскую революцию во Франции была характерна не только для Энгельса, но и для многих его современников. Революцию совершил парижский пролетариат; революция эта является не только политической, но и социальной; она закончится низвержением господства буржуазии.

Анализируя расстановку классовых сил в революции 1848 г. во Франции, В.И. Ленин указывал: «Третьей решающей классовой силой был пролетариат, который стремился не к «примирению» с буржуазией, а к победе над ней, к безбоязненному развитию революции вперед и притом в международном масштабе»². Поэтому все те, кто выступали как защитники интересов рабочего класса, и прежде всего представители коммунистической мысли, рассматривали низвержение буржуазного общества и установление нового общественного строя, как конечную цель победившей во Франции «демократической и социальной революции».

По своему объективному характеру революция 1848 г. во Франции была буржуазно-демократической и в силу этого не могла привести к радикальному социальному переустройству. Уже в 1850 г. в своей классической работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» К.Маркс говорил о «социальных иллюзиях февральской революции» и указывал, «что парижский пролетариат не был еще в состоянии выйти из рамок буржуазной республики, иначе как в своих *представлениях, в воображении*», что «французский рабочий класс... еще не был способен осуществить свою собственную революцию»³. Исходя из опыта европейских

революций 1848—1849 гг., К.Маркс и Ф.Энгельс поставили, правда, вопрос о непрерывной, перманентной революции, т.е. о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Но, как признал впоследствии Энгельс, в ту эпоху еще не было объективных предпосылок для этого. В 1895 г. в своем введении к упомянутой выше работе Маркса он писал: «История показала, что и мы и все мыслившие подобно нам были неправы. Она ясно показала, что состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства». Говоря далее о Парижской Коммуне, Энгельс добавлял: «И снова обнаружилось, как невозможно было даже и тогда, через двадцать лет после периода, описываемого в предлагаемой брошюре, это господство рабочего класса»⁴.

Но изучение «социальных иллюзий Февральской революции» отнюдь не является бесполезным. Впервые в мировой истории в буржуазно-демократической революции выступил со своими социальными требованиями и чаяниями рабочий класс, пролетариат, стремившийся к низвержению капиталистического общества, основанного на эксплуатации человека человеком. В горниле ожесточенных классовых битв шла борьба за новый общественный строй, борьба, завершившаяся июньским восстанием, «первой великой битвой между обоими классами, на которые распадается современное общество», борьбой «за сохранение или уничтожение буржуазного строя»⁵. Эта «первая великая гражданская война между пролетариатом и буржуазией»⁶ явилась непосредственной прелюдией к Парижской Коммуне — попытке установления диктатуры пролетариата.

После Февральской революции 1848 г. активизировались различные «социальные школы», существовавшие в период Июльской монархии, включая фурьеризм, прудонизм и коммунизм разных направлений. В то время их обычно называли «социалистическими», хотя многие из них проповедовали идеи мелкобуржуазного «социализма». Все эти лжесоциалистические учения и воззрения оказывали еще несомненное влияние на рабочий класс, особенно на отсталые элементы ремесленного пролетариата, не изжившие мелкобуржуазных иллюзий. Но уже в предреволюционные годы основной идеологией рабочего класса становится коммунизм. Именно коммунизм в дни революции был

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.1. С.500-501.

² Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.32. С.344.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.7. С.27.

⁴ Там же. Т.22. С.535.

⁵ Там же. Т.7. С.20.

⁶ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.38. С.305.

Участие коммунистов в Февральской революции. Вечер 25 февраля. Афиши и прокламации. Газеты Дезами, Эскироса, Констана и Торе. «Красная» пресса в марте-апреле 1848 г.

Накануне революции 1848 г. коммунистическое движение во Франции, зародившееся во второй половине 30-х годов и быстро распространявшееся и усиливавшееся в течение 40-х годов, отнюдь не было единым.

С одной стороны, имелись различные подпольные коммунистические организации. После того как созданное в 1840 г. Общество трудящихся-эгалитариев, с его двумя фактически самостоятельными фракциями – эгалитариев и коммунистов, в 1843 г. окончательно прекратило свое существование, остались отдельные разрозненные коммунистические подпольные группы, продолжавшие формально примыкать к тайному обществу «Новые времена года». Но поскольку это общество влачило эфемерное существование, а противоречия между коммунистами-революционерами и мелкобуржуазными республиканцами-демократами все более обострялись, в 1847 г. между ними произошел окончательный раскол. Коммунисты-революционеры открыто порвали с «Новыми временами года» и образовали особое общество, объединившее от 400 до 500 революционеров-подпольщиков. Однако и это «диссидентское» общество не было единой сплоченной организацией. Фактически оно состояло из отдельных подпольных коммунистических групп, не имевших единого руководства. К коммунистам-подпольщикам примыкали и идеологи революционного коммунизма, вроде Дезами, Пийо, и многие другие. Их главным печатным органом накануне революции был журнал «Фратерните 1845 г.», руководящую роль в котором играл Савари.

С другой стороны, довольно широкое распространение в 40-х годах во Франции получил икарыйский коммунизм. Икарыйские организации насчитывали в своем составе примерно около 40 тыс. человек. И хотя официальный вождь и идеолог икарыйцев Кабе в своих многочис-

знаменем социального освобождения, знаменем борьбы против буржуазного общества. Именно коммунизм вызывал лютую ненависть буржуазии и всех собственнических слоев. Именно коммунисты подвергались травле и преследованиям; именно в них видела своих главных врагов буржуазная реакция, стремившаяся покончить с теми (пользуясь словами К.Маркса) «уступками социализму», которые вынуждены были сделать в феврале, провозгласив право на труд и пообещав «организацию труда». Именно коммунизм был ненавистен и мелкой буржуазии, «и никто не проявлял такого фанатизма в борьбе против мнимых махинаций коммунистов, как мелкий буржуа...»⁷

В дореволюционные годы коммунистическое движение было уже всеми признанной реальностью политической жизни Франции. Наряду с икарыйским коммунизмом существовал и революционный коммунизм, которому мы посвятили две книги⁸. Мы ставили себе поэтому непосредственной целью проследить участие в революции представителей этого движения – коммунистических идеологов, деятелей коммунистической печати, участников тайных коммунистических обществ. Но после Февраля в это движение влились и новые свежие силы. Изучить не только пропаганду коммунистических идей – коммунистическую агитационную литературу и печать, – но и политическую деятельность коммунистов, их роль в клубах и в организации народных выступлений, их участие в политической жизни страны – такова была наша главная задача.

Изучение коммунистического движения в период революции невозможно, однако, в отрыве от социального движения в целом; невозможно, например, изучать коммунистическую прессу в отрыве от всей «красной» печати, тем более что коммунистические воззрения излагались подчас и в тех ее органах, которые по своему общему направлению не были коммунистическими; нельзя изучать одни лишь коммунистические клубы, так как коммунисты принимали активное участие и в деятельности многих массовых клубов, пользовавшихся большим влиянием, но не являвшихся чисто коммунистическими. Нельзя не осветить более подробно некоторые политические события, непосредственно связанные с нашей темой. Поэтому рамки настоящей работы неизбежно оказались несколько шире ее заглавия.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.7. С.25.

⁸ Иоаннисян А.Р. Революционно-коммунистическое движение по Франции в 1840-1841 гг. М., 1983; Он же. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1842 -1847 гг. М., 1980.

ленных брошюрах и в своем журнале «Пошлер-пропагандировал «мирный» коммунизм, среди его последователей, в силу сложившейся во Франции социально-политической обстановки, все шире распространялся революционный дух, и часто икаррийские организации становились лишь прикрытием для революционной деятельности. В последние месяцы Июльской монархии власти, преследовавшие до этого только коммунистов-революционеров, попытались нанести удар и икаррийскому движению. Даже сам Кабе был привлечен к судебной ответственности. И хотя 18 февраля 1848 г., т. е. всего за четыре дня до революции, он был оправдан, но сами эти преследования еще более усилили революционные настроения среди икаррийцев и даже в какой-то мере повлияли и на самого Кабе¹.

Представители всех течений коммунистической мысли и всех коммунистических организаций приняли активное участие в Февральской революции. Полицейский осведомитель Люсьен де ла Одд, прекрасно знавший обо всем, что происходило в тайных обществах, одной из глав своей книги, посвященной революции, дал подзаголовок «Диссидентское общество начинает действовать». Описывая события тех дней, он отмечает, что еще 21 февраля под воздействием двух главных вождей республиканцев Ледрю-Роллена и Луи Блана было решено воздержаться от какого-либо выступления, что люди из «Националя» отвергали самую идею вооруженного выступления, что общество «Новые времена года» (одним из руководителей которого де ла Одд в то время был) получило приказ не шевелиться. Далее он пишет: «Единственной фракцией, которая не взяла на себя никаких обязательств, не получила никакого приказа и была готова принять участие в любом беспорядке, было диссидентское общество». Затем, описывая события 22, 23 и 24 февраля, он сообщает, что именно члены диссидентского общества, рассыпавшиеся по предместьям, побуждали рабочих прекратить работу. Он утверждает, что именно члены этого общества еще 22 февраля явились инициаторами постройки баррикад: «Группа членов диссидентского общества воздвигла баррикаду на улице Матиньон, используя строительные материалы одного сооружаемого здания; на улице Фобур-Сент-Оноре были

брошены омнибусы и другие экипажи». 23 февраля после объявления об отставке Гизо именно коммунисты, члены тайных обществ, прилагали все усилия, чтобы поддержать «беспорядок» и вели усиленную пропаганду. 24 февраля одним из вооруженных отрядов, прибывших на площадь Пале-Рояль, а затем принявших участие в штурме караульного поста Шато д'О, преграждавшем путь в Тюильри, командовал «поджигатель Консидер»². Он был старым коммунистом, активным участником тайных обществ, неоднократно привлекался к судебной ответственности.

После захвата префектуры полиции, когда там в качестве префекта обосновался Коссидьер, для ее охраны была создана вооруженная гвардия под названием «монтаньяры». Командующим монтаньярами стал другой старый коммунист и подпольщик Бернар Порнен, который организовал три отряда. Одним из командиров первого отряда был очень активный член тайного Общества коммунистов-материалистов Жавело. Вообще, как писал два года спустя Шеню, бывший участник подпольного коммунистического движения, также связанный с полицией, вокруг Коссидьера было много лиц, стремившихся «установить истинную республику, которая, по их представлению, являлась чистейшим коммунизмом»³. Действительно, среди монтаньяров было много коммунистов. К их числу принадлежали вышеупомянутый Консидер, старый соратник Порнена Галлан, еще в 1837 г. входивший вместе с ним в тайную коммунистическую организацию «Демократические фаланги». Монтаньяром был и Виту-отец, один из вождей коммунистов, порвавших с обществом «Новые времена года», а затем привлеченный к судебной ответственности по «делу о бомбах». Наконец, ближайшим сподвижником Порнена, командиром отряда, всегда и всюду его сопровождавшего, был не кто иной, как Великюс, бывший член руководящего комитета Общества коммунистов, одной из фракций трудящихся-эгалитариев.

Не следует, однако, полагать, что в Февральской революции приняли непосредственное участие лишь коммунисты-революционеры, члены различных тайных обществ. Поскольку революционные настроения были

¹ Подробно о коммунистическом движении накануне Февральской революции см.: *Иованисян А. Р.* Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1842–1847 гг. М., 1986.

² *Hodde L. de la.* Histoire des sociétés secrètes et du parti républicain de 1830 à 1848. P., 1850. P. 431–467.

³ *Chenu A.* Les conspirateurs. P., 1850. Pt 2. P. 132.

сильны и среди икарійцев, то они также были вовлечены в революционный водоворот, особенно в решающие дни — 23 и 24 февраля. Об этом мы знаем из свидетельства самого Кабе. «25 февраля,— писал он,— ответственный издатель „Популяр“, который во главе икарійцев дрался 23 и 24 февраля и которого тысячи бойцов избрали на площади Ратуши своим командиром, отправился, не посоветовавшись с нами, требовать от Временного правительства включить нас в свой состав»⁴. Ответственным издателем «Популяр» был в то время Робийар (Robillard), один из ближайших помощников Кабе. Именно он и возглавил отряды икарійцев, сражавшихся на улицах Парижа. Оставим на совести Кабе цифру в несколько тысяч человек. Но как бы то ни было, остается фактом, что весьма большое число икарійцев приняли активное участие в Февральской революции.

Мы имеем также сведения об участии отдельных коммунистов в февральской битве за свержение Июльской монархии. Гийом Розье, участник восстания 1839 г. и активнейший член Общества коммунистов, один из организаторов и руководителей всеобщей забастовки в Париже в 1840 г., чуть было не переросшей в восстание, писал о своей революционной деятельности: «В Феврале я также проповедовал восстание и также сражался; я провозгласил республику на баррикадах и у трона тирана (т. е. в Тюильрийском дворце.— *А. И.*), обломки которого мы растоптали своими ногами»⁵.

Но наиболее интересно свидетельство Теодора Дезами, самого выдающегося теоретика французского революционного коммунизма 40-х годов. Выставляя свою кандидатуру в депутаты Национального собрания, он опубликовал в виде брошюры специальное обращение «К рабочим Парижа», в котором подробно рассказывал о своем участии в Февральской революции. Поскольку рассказ Дезами ценен не только в биографическом плане, но и является наглядным свидетельством самого активного участия коммунистов-революционеров в бурных событиях 22—24 февраля, приводим его полностью: «До 22 февраля,— писал Дезами,— я принадлежал к малочисленным республиканцам, вознамерившимся превратить банкет в 12-м округе в могилу для монархии. От-

ступничество организаторов банкета расстроило наши планы, но мы решили не отклоняться от намеченной цели. 22 февраля мы были участниками и подстрекателями революционного брожения. 23 февраля я открыто проповедовал восстание и принял участие в революционных шествиях в различных кварталах, и особенно в 12-м округе. На площади Пантеона я обратился с речью к линейным войскам и муниципальной гвардии. Тогда, а также позже, ночью, я совместно с капитаном Колле, гражданином Морелем и другими приложил все усилия, чтобы побудить старших офицеров 19-го легиона отправиться с нами в город на помощь нашим братьям. 24 февраля, в шесть часов утра, я заложил первые камни при возведении баррикады в Сент-Жан де Бове. Я разоружил двух солдат и одного консервативно настроенного национального гвардейца. На баррикаде у монастыря Сен-Бенуа один молодой человек, сражавшийся со мной рядом, упал, сраженный пулей. Когда всюду народ восторжествовал, я побегал в мэрию 12-го округа (было около двух часов). На заседании муниципального совета говорили о легальности и умеренности. Я воскликнул, что больше нет муниципального совета, и произнес слова „Революция“ и „Республика“. Некоторое время спустя я повторил эти слова в Ратуше, в разгар заседания генерального совета, тогда как ораторы, пользовавшиеся репутацией наиболее смелых, едва осмеливались говорить о регентстве и Временном правительстве. То были гражданин Ландольф и я, которые первыми, вопреки всем запретам, проникли в большую залу и решительно заявили генеральным советникам, что теперь во Франции имеется лишь один суверен: народ! Две минуты спустя я взшел на трибуну и громким голосом зачитал следующую программу, которой устроили длительную овацию граждане, наводившие большую залу. „1. Низвержение Луи-Филиппа, его семьи и всех Бурбонов. 2. Объявление вне закона всех офицеров, которые прикажут или допустят стрелять в народ или откажутся сдать оружие и боеприпасы уполномоченным Временного правительства. 3. Республика — основной принцип. Республиканское Учредительное собрание. 4. Всеобщее и прямое голосование. 5. Право собраний и ассоциаций. 6. Неограниченная свобода слова и прессы. 7. Никакой наемной милиции. 8. Немедленное вооружение всех граждан“. Для подтверждения всего мной изложенного я могу привести многочисленные свидетельства». Далее Дезами перечисляет

⁴ Populaire. 1848. 7 mars. P. 1.

⁵ Bouton V. Profils révolutionnaires par un crayon rouge. P. 1848—1849. P. 163.

имена целого ряда лиц, которые могли бы удостоверить правдивость его рассказа⁶.

Так Дезами, слабый и больной человек, скончавшийся два года спустя в сорокалетнем возрасте, в февральские дни не только вел революционную агитацию, но и под градусом пуля сражался на баррикадах, требовал провозглашения республики и одним из первых, вернее первым, еще днем 24 февраля составил и провозгласил в Ратуше программу радикальных демократических преобразований.

Таким образом, коммунисты-революционеры и большая часть икарійцев приняли самое активное участие в Февральской революции. Если утверждение де ла Одда, что именно коммунисты-подпольщики развязали революционное движение, несколько преувеличено, то нельзя отрицать, что именно они первыми попытались придать этому движению организованный характер и что все коммунисты, бывшие в то время на свободе, находились в авангарде революционной борьбы, приведшей к падению Июльской монархии.

II

Временное правительство, сформированное вечером 24 февраля, в котором преобладающую и руководящую роль играли буржуазные деятели, пытавшееся даже на первых порах отложить провозглашение республики и провозгласившее ее лишь на следующий день, 25 февраля, только из опасения новой мощной народной демонстрации, сразу же вызвало подозрение у баррикадных бойцов, и в первую очередь у коммунистов-революционеров. Последние не считали революцию законченной, не могли и не хотели примириться с правительством, взявшим в свои руки бразды правления.

Вечером 24 февраля в Париж вернулся Бланки. Его амнистировали еще в 1844 г., и с тех пор он не являлся политическим заключенным. Первое время Бланки находился на излечении в больнице города Тура. Вновь привлеченный к судебной ответственности в связи с делом турецких коммунистов, он на процессе, состоявшемся в апреле 1847 г., был оправдан⁷. Видимо, Бланки так и не

вернулся в Тур. Во всяком случае, по свидетельству современницы Марии де Флавиньи, широко известной под псевдонимом Даниэль Штерн, к моменту революции он проживал на даче в окрестностях Блуа, где «полиция разрешала ему пользоваться относительной свободой»⁸. Поэтому он имел возможность сразу же после революции вернуться в Париж. Политические же заключенные, томившиеся в тюрьмах, несмотря на то что их освобождение было декретировано Временным правительством еще 24 февраля вечером, смогли сделать это лишь несколько дней спустя. Барбес, например, вернулся в Париж лишь 1 марта. Таким образом, Бланки был единственным видным и известным революционером, уже 25 февраля находившимся в столице. Его революционное прошлое, организованное им Общество времен года, возглавленное им в мае 1839 г. восстание создали ему большой авторитет. Среди коммунистов-революционеров были выдающиеся теоретики вроде Дезами, пламенные трибуны вроде Пийо, старые подпольщики, закаленные в революционной борьбе, но они действовали разобщенно и не имели каких-либо общепризнанных руководителей. Поэтому при сложившихся обстоятельствах роль Бланки становилась решающей.

О событиях, разыгравшихся 25 февраля, мы знаем в основном из свидетельств трех современников Люка, Бутона и Дельво. В 1851 г. Люка опубликовал книгу о клубах, созданных в Париже после революции 1848 г. Он был ярким антикоммунистом, не скрывал свою ненависть к «красным». Весьма вероятно даже, что он был полицейским агентом и в этом качестве присутствовал на заседаниях различных клубов и собирал о них сведения, которые использовал в своей книге. Виктор Бутон в течение всего периода Июльской монархии был тесно связан с революционными кругами и уже в 1848—1849 гг. опубликовал отдельными выпусками свою книгу «Профили революционеров», содержащую большой фактический материал и ряд документов о революционно-коммунистическом движении. Событиям 25 февраля он посвятил особую брошюру, вышедшую в свет в 1851 г. Хотя к этому времени Бутон уже отошел от революции, но, поскольку в апреле 1848 г. был исключен из клуба Барбеса, он в силу этого склонен был защищать Бланки от его противников. В одной из брошюр, опубликованной в мае 1848 г.,

⁶ Aux ouvriers de Paris. Alexandre-Théodore Dezamy, homme de lettre // Bibliothèque Nationale. Lc⁶³, 965 (далее: BN).

⁷ См.: Поанисьян А. Р. Революционно-коммунистическое движение... 1842—1847 гг. С. 181—193.

⁸ Stern D. Histoire de la Révolution de 1848. P., 1985. P. 252.

он даже приписывал свои злоключения тому обстоятельству, что не хотел потворствовать врагам Бланки. «Я не хотел быть их соучастником... я отказался принять сторону полиции против Бланки, и это оказалось для меня роковым»⁹. Что касается Дельво, то он был мелкобуржуазным демократом, личным секретарем Ледрю-Роллена. Подвергнутый затем политическим преследованиям и вынужденный эмигрировать, он преисполнился более радикальными настроениями. В опубликованном в 1850 г. первом (и единственном) томе своей «Истории февральской революции» он дает весьма впечатляющий портрет Бланки, не скрывая симпатий к нему. «Я бесконечно уважаю Бланки, более того, я его понимаю... Больше чем кто-либо другой я уважаю его мученическую жизнь... Я воздаю должное лояльности его намерений и особенно суровости его принципов. Он все перенес со стоицизмом: тюрьму, нищету, огорчения, страдания...»¹⁰.

Каковы же сведения, сообщаемые этими тремя столь различными людьми, о событиях, разыгравшихся вечером 25 февраля?

Было около четырех часов, когда Бутон встретил вблизи Пале-Рояля Бланки; окруженного его старыми сообщниками по восстанию 1839 г. «Со всех уст срывались горькая критика, проклятия, угрозы. По мнению всех, господство людей из „Националя“ было худшим деспотизмом». Бланки соглашался с этим и в свою очередь говорил: «Если мы предоставим им свободу действий, революция будет загублена сегодня же вечером. Нужно потребовать от них дать нам подлинное правительство на самой широкой основе. Недостаточно переменить слова, нужно радикально изменить вещи. Доказательством же того, что правительство хочет направить страну на ретроградный путь, является то, что оно не соизволило включить в свой состав никого из старых узников и что оно

окружает себя лишь порочными людьми»¹¹. Если верить Бланкисту Ф. Жирау, опубликованному в марте 1850 г. статью «Первые шаги реакции», Бланки в тот день выступал с еще более резкими нападками на Временное правительство. Так, в беседе «с двумя бывшими вождями демократической партии» он говорил: «Вот снова начинается комедия 1830 года. Революции пужны люди, которые в нее верят. Разве вы не видите, что именно первые шаги определяют путь, на который вы вступаете... вы должны решить, являетесь ли вы сторонниками эгалитарной республики или буржуазного конституционализма»¹².

Пока Бланки беседовал у Пале-Рояля со своими единомышленниками, прибежал Вилькок и рассказал о только что происшедших событиях. Какой-то человек взобрался на стацию Генриха IV (у Пон-Неф), чтобы сбросить прикрепленное там красное знамя, знамя революции. В толпе, собравшейся у Ратуши и узнавшей об этом, раздались негодующие крики. Особенно бурно, по словам Вилькока, против этого святотатства протестовали бывшие там коммунисты Виту, Мусташ и др. Услышав эти новости, Бланки тут же продиктовал обращение, адресованное Временному правительству, в котором говорилось, что республиканские бойцы, узнав о восстановлении Временным правительством трехцветного знамени, которое было обесчещено при Луи-Филиппе, глубоко скорбят. «Народ вывесил красное знамя на баррикадах 1848 г. Пусть не пытаются его заклеить. Оно красное кровью, великодушно пролитой народом и национальной гвардией. Оно развевается над Парижем, оно должно быть сохранено. Победоносный народ не спустит свой флаг»¹³. Это обращение носило характер ультиматума и содержало явную угрозу в адрес Временного правительства.

⁹ *Bouton V. Attentat de la police républicaine contre la souveraineté du peuple. P., 1848. P. 8 // BN. Lb⁵⁴, 148.* Из Клуба революции Бутон был исключен по обвинению в том, что он полицейский агент. Бутон решительно отрицает это, напоминая, что в эпоху Июльской монархии его пять раз предавали суду, а в последний раз, в 1846 г., приговорили к годичному тюремному заключению. Он писал, что подобное обвинение было после Февральской революции трафаретным приемом, используемым против лиц, которых хотели дискредитировать.

¹⁰ *Delvaux A. Histoire de la révolution de février. P., 1850. T. 1. P. 300, 447–448.*

¹¹ *Bouton V. La patrie en danger au 25 février 1848: Conspiration du drapeau rouge. P., 1851. P. 35–36 // BN. Lb⁵³, 15.*

¹² *Wassermann S. Les Clubs de Barbès et de Blanqui en 1848. P., 1913. P. 45–46; см. также: Dommanget M. Auguste Blanqui et la révolution de 1848. P., 1972. P. 5–7.*

¹³ *Bouton V. La patrie... P. 37–40.* Это обращение, продиктованное Бланки 25 февраля, не следует путать с воззванием по тому же поводу, написанным им на следующий день, 26 февраля, в связи с новой массовой демонстрацией, организованной в защиту красного знамени. Текст воззвания см.: *Бланки Л. О. Избр. произведения. М., 1952. С. 129–130.*

Затем Бланки вместе с Бутоном и Вилькоком отправился в префектуру полиции, где получил от Коссидьера пропуск в Ратушу — место пребывания Временного правительства. Выйдя из префектуры, они втроем пошли в Ратушу, но Бланки вошел туда один. С кем он там встречался и говорил? В опубликованном Бланки 14 апреля «Ответе» на «документ Ташеро» мы находим следующие данные. По его словам, вернувшись в Париж, полный энтузиазма, он встретил там «ледяной прием». Уже 25 февраля «гражданин Рекюр», бывший в то время помощником мэра, сказал ему: «Вы хотите нас низвергнуть». На что он ответил: «Нет, я хочу только преградить вам дорогу назад». Но совершенно очевидно, что в тот день Бланки виделся не только с Рекюром, который не был членом правительства. Несколько дальше Бланки пишет: «Г-н Ламартин в Ратуше обратился ко мне со следующими словами: „Преследования сделали из Вас мученика и обеспечили Вам славу“»¹⁴. Хотя дата этого заявления Ламартина не названа, но определить ее не представляет труда. Во-первых, Бланки излагает историю своих взаимоотношений с Временным правительством в хронологическом порядке, а эти слова Ламартина он приводит сразу же после изложения своего разговора с Рекюром. Далее, нам известно, что впоследствии Бланки имел лишь одно свидание с Ламартином — 15 апреля, т. е. уже после опубликования своего «Ответа», и не в Ратуше, а в министерстве иностранных дел, и следовательно, здесь речь идет не об этом свидании. Отправившись вечером 25 февраля в Ратушу, чтобы встретиться с кем-нибудь из членов Временного правительства, он, несомненно, был принят именно Ламартином¹⁵.

Из Ратуши Бланки вышел около семи часов вечера, очень взволнованный. «Ах,— сказал он Бутому,— какое тяжелое положение, какое сверхчеловеческое дело, сколько нужно осторожности и хладнокровия»¹⁶. Затем, вме-

сто того чтобы сразу отправиться в Прадо, где было назначено собрание революционеров, он вновь пошел один в префектуру полиции к Коссидьеру. Бутон же и Вилькок отправились в Прадо.

Бальный зал Прадо, точнее примыкающее к залу обширное продолговатое помещение, в тот вечер 25 февраля изменило своей облик. В нем собралось от четырехсот до пятисот самых пламенных революционеров, большей частью коммунистов. Еще дель назад они боролись на баррикадах и штурмовали Тюильри. Почти все они были вооружены. «Пятисот вооруженных человек,— по словам Бутона,— еще разгоряченным восставшим и опытным провозглашением республиканы, пятисот человек самых смелых в Париже, привыкших к любым выступлениям, много раз рискованных своей жизнью»¹⁷. «Там, в этом зале,— пишет Дельво,— где блеснули ружья и выставились папоказ красные колпаки, находилось от четырехсот до пятисот решительных восторженных людей, по большей части командиров баррикад, старых коммунистов, привычных к невзгодам». Они собрались в момент, когда, по выражению Дельво, «буржуазный Париж находился в двух шагах от своей гибели. «Все еще угрожающе возвышались баррикады, угрожающим были и лица бойцов, охранявших их с оружием в руках; восстание все еще продолжалось. Требовалось лишь одно слово, чтобы вновь разжечь пожар»¹⁸.

Собрание в Прадо открыл председательствовавший Крусс. Заявив, что именно они, здесь собравшиеся, представляют революцию и республику, он далее сказал: «Именно мы должны руководить республикой, нами созданной. Если мы сразу не завладеем властью, она ускользнет от нас навсегда... Власть находится сейчас в руках людей из „Насционаля“, бессильных свцовух, которые погубят республику, если мы предоставим им свободу действий. Нужно ее спасти, заняв их место»¹⁹. Все присутствовавшие согласились с Круссом. Началась бурная выступления. Бутон, прибывший на заседание с некоторым опозданием, так описывает представившую перед ним картину: «Председательствующий Крусс, с бледным лицом, с затуманенными глазами, руководил дебатами с

¹⁴ Réponse du citoyen Auguste Blanqui. P. 2 // BN. Lb⁵³, 1132.

¹⁵ Домманже утверждает, что неизвестно, с кем встретился Бланки в Ратуше, и что во всяком случае он не видел ни Ламартина, ни Луи Блана, ни Гарнье-Пажеса, иначе те, по его мнению, не преминули бы рассказать об этом в мемуарах (*Dommanget M. Op. cit. P. 4*). Но это несерьезный аргумент, особенно в отношении Ламартина, который писал в мемуарах только о том, что ему было выгодно: вряд ли он хотел приводить льстивые слова в адрес Бланки и упоминать об авансах, данных им Бланки.

¹⁶ Bouton V. La patrie... P. 49.

¹⁷ Ibid. P. 56—57.

¹⁸ Delvan A. Op. cit. P. 309—310, 320—321.

¹⁹ Lucas A. Les clubs et les clubistes: Histoire complète, critique et anecdotique des clubs et des comités électoraux, fondés à Paris depuis la Révolution de 1848. P. 1851. P. 213.

его организуем по-революционному, как некогда его организовывали якобинцы». Призывая «подождать», он говорил: «Нам нужны широкие народные массы, предместья, пылающие в огне восстания, нам нужно новое 10 августа. Тогда, по крайней мере, мы будем обладать престижем революционной силы»²³. Конечно, странно было слышать подобные слова из уст человека, привыкшего действовать заговорщицкими методами. Но ведь как раз эта пред-посылка — поддержка широких народных масс — и была в то время палло. Массовые народные выступления 25 февраля и последующих двух дней были наглядным тому свидетельством.

Если бы мы не знали об истинных мнених Бланки о Временном правительстве и об опасностях, поджидающих революцию, то можно было бы обвинить его в политической близорукости и невероятном легкомыслии. Но, разумеется, это было не так. Бланки вряд ли сам верил тому, что он говорил о неизбежном, чуть ли не механическом падении бессильного Временного правительства. Его единственной целью в тот вечер было предотвратить намеченное выступление.

Бланки достиг своего, хотя, по мере того как он говорил, в зале все более усиливался ропот, а Делант попытался даже выступить с возражением²⁴. Но дело было сделано. Авторитет Бланки возымел действие. Его речь, поставившая под сомнение целесообразность немедленного выступления для свержения Временного правительства, вызвала замешательство среди собравшихся. Это выступление, которое до прихода Бланки казалось уже делом решенным, было сорвано.

«Нас спас Бланки,— пишет Люка,— Бланки, который только что посетил диктаторов (членов Временного правительства.— *А. И.*), Бланки, который, быть может, первый раз в своей жизни дал себя обмануть и думал, что ему обеспечено место в Ратуше»²⁵. Если Люка явно злорадствует, то Дельво, защищавший Бланки и негодовавший, что он был вновь посажен в тюрьму, с болью констатирует: «Бланки был в тот момент всецелен... Удача Парижа и Временного правительства была в его руке: ему стоило только ее разжать, ему стоило только пожелать, и члены Временного правительства были бы выброшены в окно из зала их заседаний; буржуазный Париж

принадлежал бы народу Парижа; был бы организован Комитет общественного спасения, и Франция подчинилась бы Парижу!.. Ах, вы должны были бы поставить ему большую свечу, буржуа, спекулянты, аферисты, пропитанные эгоизмом и надменностью! Вы его законопатили в четырех стенах; а он мог бы уложить вас всех в гроб. Не дрожите больше, опасность прошла. Разве вы не имеете громоотводов? И разве молния не заключена теперь в Дулассе?.. Что скажете вы, буржуа? В то время как вы занимаетесь тем, что изготавливаете корону для одного из претендентов, вы могли бы сплести венок, чтобы возложить его на голову того, кто вас спас. Бланки этого заслуживает»²⁶.

Действительно — и все современники с этим согласны, — в ночь с 25 на 26 февраля рабочие-революционеры, руководимые коммунистами, могли захватить власть. Париж был фактически в руках вооруженных рабочих, баррикады еще не были разобраны; пятьсот вооруженных революционеров, собравшихся в Прадо, могли опереться на самые широкие массы, возмущенные отказом Временного правительства принять красное знамя, что имело отнюдь не только символическое значение, а раскрывало его истинные намерения; массовая рабочая демонстрация, состоявшаяся на следующий день, является лучшим тому свидетельством. Временное правительство не имело практически в своем распоряжении сколько-нибудь значительных вооруженных сил и не смогло бы оказать никакого серьезного сопротивления. Сформированными в префектуре полиции отрядом монтажеров руководили коммунисты. В ту ночь могла быть установлена революционная диктатура, возглавляемая коммунистами-революционерами. Другое дело, как долго она продержалась бы. Ведь 23 года спустя Парижская Коммуна продержалась всего 72 дня. Но разве упрекаем мы коммунаров за то, что они взяли власть? Разве упрекаем мы парижских рабочих, поднявших восстание в совершенно безнадежных для них условиях в июне того же 1848 г.?

Чем же объяснить столь странное поведение Бланки, который днем 25 февраля, казалось бы, понимал сложившуюся обстановку, считал, что Временное правительство, если ему предоставить свободу действий, загубит революцию и направит страну на ретроградный путь, а вечером того же дня пренебрег мнением всех своих единомыш-

²³ Бланки Л. О. Избр. произведения. С. 127—128.

²⁴ Bouton V. La patrie... P. 56; Delvaux A. Op. cit. P. 312.

²⁵ Lucas A. Op. cit. P. 214.

²⁶ Delvaux A. Op. cit. P. 321, 322, 324.

ленников и сорвал выступление против этого правительства? Бутон дает на это следующий ответ. Вопреки широко распространенному мнению, Бланки был человеком нерешительным; в решающий момент он не смел дерзнуть, доказательством чему является и его последующее поведение 17 марта, 16 апреля и 15 мая²⁷. В этом утверждении Бутон — а Бутон при всех своих отрицательных чертах, безусловно, был тонким наблюдателем — есть, разумеется, зерно истины. Но нельзя лишь этим объяснять позицию, занятую Бланки на собрании в Прадо. У него была для этого и более веская, с его точки зрения, причина. Как мы знаем, днем он говорил своим единомышленникам, что доказательством ретроградных устремлений Временного правительства является то, что оно окружило себя лишь порочными людьми и не удосужилось включить в свой состав никого из бывших политических заключенных. Рассуждая так, он, несомненно, имел в виду прежде всего себя самого. Сразу же во избежание каких-либо недоразумений оговоримся: Бланки, конечно, не был карьеристом, стремившимся заполучить министерский портфель. Но он был глубоко убежден, что наличие в составе Временного правительства подлинных революционных борцов, бывших политических узников, таких людей, как он, изменило бы характер этого правительства, направило бы его на истинный путь. Именно потому, что Бланки считал еще возможным оказать воздействие на политику Временного правительства, достичь с ним какого-то взаимопонимания, он и отправился в Ратушу — иначе этот его демарш был бы совершенно необъясним. Ламартин сразу же понял это. Он прекрасно знал, что правительство по существу беззащитно, что Париж во власти революционеров и что необходимо любой ценой выиграть время. В той или иной форме он, несомненно, заверил Бланки, многое пообещав ему и вселив в него надежды. В варианте речи Бланки в Прадо, приводимой Бутоном, есть знаменательная фраза: «Они (члены Временного правительства. — *А. И.*) двигались медленно, но наконец они все же двинулись и обещали удовлетворить наши права»²⁸. Люка, связанный с полицией и очень хорошо осведомленный, утверждал, что Бланки был уверен, что ему обеспечено место в Ратуше, т. е. во Временном пра-

²⁷ *Bouton V. La patrie...* P. 57—58.

²⁸ *Ibid.* P. 56.

вительстве, и поэтому в первый раз в жизни дал себя обмануть. Люка считал также, что ожесточенная война между Бланки и Временным правительством началась лишь в середине марта, а до этого Бланки верил, что ему удастся достигнуть взаимопонимания с наиболее прогрессивно настроенными членами этого правительства²⁹. Быть может, середина марта — это слишком отдаленный срок, но то, что в последние дни февраля и в первые дни марта Бланки еще щадил Временное правительство — факт неопровержимый.

25 февраля Бланки совершил крупнейшую, не просто тактическую, а стратегическую ошибку, даже более значительную, чем та, которую он допустил в 1870 г., когда в своей газете «Отечество в опасности» призывал на первых порах сплотиться вокруг взявшего в руки власть (после падения Второй империи) Временного правительства, которое К. Маркс справедливо называл «правительством национальной измены». 25 февраля была упущена единственная возможность создать под руководством коммунистов революционную диктатуру или хотя бы изменить состав Временного правительства. Когда Бланки осознал это и развернул бескомпромиссную борьбу против этого правительства, было уже поздно³⁰.

25 февраля предопределило фактически весь дальнейший ход революции. Выступая в тот вечер в Прадо в несвойственной ему, вообще говоря, роли «главноуправляющего», Бланки утверждал: «Найдем в себе достаточно благоразумия, чтобы подождать еще несколько дней, и революция будет принадлежать нам». «Еще несколько дней» спустя по очищенным от баррикад улицам Парижа маршировали первые отряды спешно сформированной Временным правительством мобильной гвардии.

²⁹ *Lucas A. Op. cit.* P. 212.

³⁰ События 25 февраля, собранию в Прадо и позиции Бланки посвящена обширная литература. Об этом говорится во всех обобщающих трудах и популярных книгах, посвященных революции 1848 г. Апологеты Бланки стараются всяческими надуманными доводами оправдать его поведение, они превозносят его «хладнокровие», «осмотрительность» и даже «мудрость». Мы не намерены вступать здесь с ними в полемику, поскольку они исходят из постулата о непогрешимости Бланки, забывая, что он при всех своих исторических заслугах не руководствовался научной теорией, а это не могло не отразиться и на его практической деятельности.

III

В первые же дни после революции стены Парижа покрылись афишами. Среди них наряду с распоряжениями и декретами Временного правительства, были и манифесты, воззвания, обращения, исходившие от различного рода организаций и даже частных лиц. Нас здесь в первую очередь интересуют, разумеется, обращения, опубликованные коммунистическими группировками.

Уже на следующий день революции была расклеена афиша «Манифест журнала Фратерните», «составленный и обсужденный на собрании основателей журнала 25 февраля, втором дне республиканской эры» и подписанный «Рабочие — основатели Фратерните»³¹. Указывая, что благодаря героизму народа Парижа не только перед Францией, но и перед всеми нациями открывается светлое будущее, авторы манифеста заявляли, что основатели «Фратерните» в момент установления нового республиканского образа правления, к которому они стремились всеми своими помыслами и для достижения которого прилагали все свои усилия, «не отказываясь от своего идеала, который и составляет их силу» (т. е. коммунистического идеала. — *А. И.*), считают необходимым изложить принципы, которые следует немедленно реализовать на практике. Далее шло перечисление этих политических и социальных мероприятий. Реальный суверенитет народа путем установления единой, нераздельной и демократической республики. Всеобщее избирательное право. Ликвидация двухпалатной системы: единое Собрание, избираемое всеми гражданами путем прямых выборов. Удаление регулярных войск из Парижа, право каждого гражданина быть национальным гвардейцем. Реорганизация национальной гвардии и выбор ее командиров всеми гражданами. Свобода печати и отмена всех репрессивных законов. Свобода дискуссий и ассоциаций. Организация народных собраний в целях политического воспитания граждан, дабы обеспечить полное и разумное использование ими своих прав и своего суверенитета. Отмена смертной казни и пересмотр уголовных законов. Избрание судей и присяжных самим народом. Обновление всей государственной

администрации, реальная ответственность всех государственных служащих. Применение избирательного принципа в армии. Прямое избрание мэров и муниципальных советников всеми гражданами. Бесплатное общественное образование, обязательное для всех. Признание права на жизнь и обеспечение этого права государством путем организации труда. Открытие национальных мастерских. Немедленная отмена законов, направленных против коалиций рабочих. Действительная помощь старикам, детям, больным, всем тем, кто еще не может или больше не может работать. Упразднение ввозных пошлин и всех косвенных налогов на предметы потребления.

Тогда же, 25 февраля, появилась афиша с обращением «К икарыйским коммунистам», подписанная Кабе³². Обращение это подтверждает прежде всего активное участие икарыйцев в Февральской революции. «Чудовищная измена, — говорится в нем, — в результате которой в среду вечером 23 февраля была пролита кровь граждан перед министерством иностранных дел, принудила вас взяться за оружие для совместной защиты; и в бессмертный день 24 февраля вы также разделили героическую самоотверженность храброго и отважного населения Парижа». Обращение призывало поддержать Временное правительство, провозглашающее себя республиканским и демократическим и признавшее принципы братства, равенства и свободы. Но нужно неустанно требовать, чтобы были осуществлены все следствия, вытекающие из этих принципов. Необходимо требовать, чтобы все французы были признаны братьями с равными обязанностями и правами, чтобы все они могли стать национальными гвардейцами, избирателями и избираемыми на любые общественные должности без всякого денежного ценза. Нужно добиваться права ассоциаций, собраний, дискуссий, личной свободы, свободы прессы — без залогов и гербовых сборов. Особенно необходимо требовать «гарантии всех прав и всех интересов трудящихся». Надлежит требовать организации труда. Необходимо также добиваться упразднения всех налогов на предметы первой необходимости, всеобщего, бесплатного и всестороннего образования. Не следует посягать на собственность, но нужно настойчиво требовать осуществления всех мер для упразднения нищеты, «приняв демократическую систему постоянно уменьшающегося неравенства и все возрастающего равен-

³¹ Les Murailles révolutionnaires: Collection complète des professions de foi, proclamations, décrets, affiches, bulletins de la République, facsimile de signatures etc., etc., etc. P., 1851. P. 38-39 // BN. Lb⁵², 44.

³² Ibid. P. 46-47.

ства». «Остережемся требовать немедленного осуществления наших коммунистических доктрин... но опыт вместе с дискуссией окажутся достаточными, чтобы убедить, что наша система общественной и политической организации является единственным средством для избавления от нужды, единственной организацией, способной обеспечить счастье и благосостояние человечества». Обращение заканчивалось следующим призывом: «Не складывайте вашего оружия; не покидайте ваших прославленных и бессмертных баррикад... требуйте, чтобы все бастилии были разрушены, чтобы все пушки, все оружие и все боеприпасы были предоставлены народу и чтобы весь народ Парижа находился под ружьем во главе с избранными им самим командирами». Свобода и порядок могут быть реально обеспечены лишь тогда, когда вся национальная гвардия будет вооружена и организована на демократических началах.

Два дня спустя, 27 февраля, было расклеено второе обращение к «Трудящимся, нашим братьям», подписанное на этот раз как Кабе, так и ответственным издателем «Попюлера» Робийаром³³. В нем в восторженных словах восхвалялась только что происшедшая революция, которая характеризовалась как «победа трудящихся». Народ, говорилось в обращении, имеет право требовать обеспечения своих прав и интересов. Не следует забывать, что истинной причиной революции явилась нужда и что поэтому абсолютно необходимо найти средство, чтобы ее ликвидировать. Сплотившись вокруг Временного правительства, необходимо одновременно требовать от него, чтобы оно твердо следовало по пути демократических реформ и социальных преобразований. В заключение обращение призывало трудящихся ничего не разрушать, а использовать все в своих интересах. «Не машины причиняют зло, а использующая их плохая индустриальная система; нужно изменить эту плохую индустриальную систему, заменив ее истинной организацией труда».

29 февраля был расклеен очередной номер «Попюлера», с опубликованным в нем обращением «К Временному правительству»³⁴. Временное правительство приняло ряд правильных решений, которые можно только приветствовать, — о праве на труд, об организации труда, об учреждении национальных мастерских. «Но мы должны от-

кровенно вам сказать — это в ваших интересах и в наших, — что ряд других ваших действий или ваших бездействий по кардинальным вопросам уже вызвали беспокойство, недоверие, недовольство и даже раздражение... Мы должны вам даже заявить, что все мы или почти все глубоко сожалеем, что вы как будто не понимаете все величие миссии Временного правительства и не имеете достаточного представления о составных частях нашего теоретического общества и о том, что требует сложившаяся ситуация. Мы скорее за трехцветное знамя, чем за красное; но зачем же вы вывесили красное знамя на Ратуше, на почтамте и в других местах под приветственные возгласы народа, чтобы затем от него отказаться, как бы подчиняясь реакционному влиянию? Как могли вы восстановить галльского петуха (старую эмблему французской власти.— А. И.), ставшего столь непопулярным?.. Почему столько колебаний, столько уверток по основным вопросам?.. Говорят даже, что вы хотите восстановить залоги и гербовый сбор (для печати.— А. И.) ... Вы, конечно, будете ссылаться на нужды казначейства и необходимость покрытия государственных расходов. Но остерегайтесь! Нужда явилась главной причиной революционного движения, и через 15 дней вы очутитесь перед страшной проблемой нищеты. Как вы сможете решить этот вопрос, если вы не будете пользоваться абсолютным доверием народа? А как же вы обеспечите себе необходимое доверие, если вы порождаете в народе недоверие и беспокойство?.. Никакой исключительной и особой национальной гвардии под видом наемной мобильной гвардии, так как мобильную гвардию, созданную вами, уже обвиняют в том, что она в действительности является своего рода преторианской гвардией, которую могут в дальнейшем использовать враги революции».

Наконец, 2 марта был вывешен новый номер «Попюлера» с повторным изложением политической платформы икарийцев³⁵. В нем говорилось: икарийцы — прежде всего демократы и республиканцы, сторонники самой последовательной демократии и самой демократической народной республики. Раньше они не были революционерами и вели лишь мирную и легальную пропаганду, хотя и считали революцию неминуемой. «Но когда началась борьба, когда встал вопрос о защите наших братьев и свободы, многие из нас взяли за оружие и, не боясь смер-

³³ Ibid. P. 113–114.

³⁴ Ibid. P. 164–166.

³⁵ Ibid. P. 233–234.

ти, билась на баррикадах. Сегодня мы являемся революционерами, чтобы защищать революцию и республику. Никто не превзойдет нас в бдительности, твердости, энергии, решительности в деле защиты права ассоциаций, собраний, устных и печатных дискуссий, права быть национальным гвардейцем, всех прав, которые природа дала человеку и которые народ вновь завоевал ценой своей крови. Они не хотят навязывать силой свою доктрину (т. е. коммунизм), а хотят лишь, чтобы она свободно обсуждалась.

В первые дни марта была расклеена также афиша с текстом адреса Временному правительству Центрального республиканского общества, организованного Бланки еще 26 февраля. Он как бы объединял различные предложения, обсуждавшиеся на заседаниях общества в конце февраля. Рукописи Бланки свидетельствуют, что основной текст этого документа был написан им самим. «Мы твердо надеемся,— говорилось в адресе,— что правительство, рожденное на баррикадах 1848 года, не захочет следовать примеру своего предшественника и, восстанавливая разрушенные мостовые, не восстановит законов, ведущих к угнетению народа. Убежденные в этом, мы предлагаем Временному правительству наше содействие в осуществлении прекрасного девиза „Свобода, Равенство, Братство“». Далее в 10 пунктах излагались следующие требования: полная и неограниченная свобода печати с отменой системы залогов и различных сборов; полная свобода распространения печатных произведений; отмена всех законодательных актов, которые могли бы сузить или ограничить естественное и полное право ассоциаций и собраний; отрешение от должностей всех судей и прокуроров последних трех царствований; немедленное вооружение и включение в состав национальной гвардии всех рабочих; отмена статей уголовного кодекса и всех специальных законов, воспрепятствующих коалиции рабочих³⁶.

Говоря о различного рода манифестах, воззваниях, обращениях, нельзя не упомянуть о «Манифесте тайных обществ»³⁷, хотя он был опубликован несколько позже.

³⁶ Бланки Л. О. Избр. произведения. С. 131–132. Следует сказать, что русский перевод этого адреса довольно неточен. Так, например, второй пункт переведен так: «Полную и окончательную отмену налогов, гербового и почтового сбора». Речь шла не об отмене налогов, а об отмене системы залогов (cautionnements), которые должны были вносить издатели органов периодической печати.

³⁷ Les Murailles révolutionnaires. P. 254–256.

Этот манифест был подписан людьми разных политических взглядов, которых объединяло лишь то, что все они были членами тайных обществ периода Июльской монархии. Среди них были и мелкобуржуазные республиканцы вроде Коссидьера, Флокона, Гранмениля, попеременно входивших в руководящий комитет «Новых времен года». Но среди подписавших было и много коммунистов-подпольщиков, таких, как Галлац, Порсен, Детис, Жюльетт и др. Поэтому «Манифест тайных обществ» не мог не быть компромиссным документом, приемлемым как для мелкобуржуазных демократов, так и для коммунистов. Но все же он представляет значительный интерес. В нем отмечалось, что в 1830 г. народ не смог воспользоваться своей победой. «Буржуазия восстановила трон. Мы должны были снова взяться за дело; на этот раз на нас была возложена двойная задача: установление республиканского образа правления и установление нового социального строя. Так, 24 февраля мы завоевали республику; политический вопрос решен. Чего мы хотим теперь, так это решения социального вопроса, быстрого избавления трудящихся от страданий; наконец реализации принципов, содержащихся в нашей Декларации прав человека». В этой декларации, опубликованной в манифесте, провозглашалось: «Целью всякого общества является обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека, другими словами, осуществление республиканской формулы „Свобода, Равенство, Братство“». Первое право человека — это право на жизнь. Из этого права вытекает право на полное использование своих физических, моральных и интеллектуальных способностей. Все должны пользоваться равной свободой, иметь право собираться, объединяться и излагать свои философские, политические и религиозные убеждения. «Труд — одно из условий человеческого существования, общество обязано обеспечить труд каждому из своих членов и средства существования тем, которые не способны работать. В республике больше не должно быть бедных... Собственность — это индивидуальное или коллективное право пользоваться тем, чем владеют. Оно подчинено интересам общества и должно быть регламентировано законом». Налог должен быть прогрессивным и не затрагивать прожиточный минимум. Общество обязано обеспечить всеобщее бесплатное физическое, моральное и интеллектуальное воспитание. Народ — единственный суверен. Все граждане являются избирателями и избираемыми и могут занимать все общественные долж-

ности. Армия — это народ, организованный для защиты своих прав и своей территории. Правосудие должно быть доступно всем и осуществляться избранниками народа. Правительство может существовать и использовать свою власть лишь в силу полномочий, предоставленных ему народом. «Всякое правительство, которое нарушает незбываемые принципы Равенства, Свободы и Братства, является врагом народов. Восстание против него — священный долг». Манифест заканчивался следующим призывом: «За дело же, братья! Мир взирает на нас! Нам надлежит обеспечить настоящее и заложить основы будущего... Наша задача огромна. Не одна Франция ждет от нас своего спасения. Пусть наши чаяния выйдут за пределы нашей родины! Все народы — братья, и каждому из них мы должны уделить место в наших планах возрождения».

В обращениях «Фратерните» и икарійцев откровенно говорилось о коммунизме, как об общественном идеале. Рабочие — основатели «Фратерните» — заявляли, что они не намерены от него отрекаться, а Кабе вновь провозглашал, что коммунизм — единственная общественная организация, способная обеспечить счастье и благосостояние человечества. Но ни те ни другие, разумеется, не думали требовать немедленного осуществления «коммунистических доктрин». В качестве непосредственной цели они выдвигали целую программу радикальных демократических реформ. Наряду с общедемократическими требованиями абсолютной свободы печати и ассоциаций, полного гражданского равенства и всеобщего избирательного права, всеобщего бесплатного образования они выдвигали еще и такие, как «обновление всего государственного аппарата», выборности всех должностных лиц, демократической реформы армии, вооружения народа и включения всех граждан в состав национальной гвардии. По одновременно они настаивали и на целом ряде социальных мероприятий. Манифест «Фратерните» требовал немедленной отмены законов, запрещающих коалиции рабочих, свободы народных собраний, обеспечения права на труд, открытия национальных мастерских, государственной помощи неработоспособным, упразднения косвенных налогов на предметы потребления. Икарійцы требовали «гарантии всех прав и интересов трудящихся», «организации труда», отмены всех налогов на предметы первой необходимости, решительных мер по борьбе с нищетой.

Программа, разработанная Бланки от имени Центрального республиканского общества, содержала требова-

ние не только полной свободы печати и ассоциаций, но и включения в состав национальной гвардии всех рабочих. Кроме того, вслед за авторами манифеста журнала «Фратерните», Бланки тоже энергично настаивал на отмене законов, воспрепятствовавших коалиции рабочих. Но если в манифесте «Фратерните» выдвигалось требование обновления всего государственного аппарата, то в программе Центрального республиканского общества предлагалось лишь сместить прежних судей и прокуроров.

Особенно бросается в глаза следующее обстоятельство. Уже 29 февраля в обращении к Временному правительству Кабе обрушивается на него с резкой критикой. Он упрекает его за колебания и увертки по кардинальным вопросам, за непонимание сложившейся обстановки, за неправильные действия, создающие впечатление, что оно поддается реакционным влияниям; он прямо заявляет, что действия правительства вызывают беспокойство, недоверие и недовольство. К чести Кабе следует сказать, что он первым понял истинную цель создания наемной мобильной гвардии, этой «преторианской гвардии», которая в соответствующий момент могла быть использована врагами революции. Ничего подобного не было в «Адресе» Центрального республиканского общества. Наоборот, в нем предлагалось «содействие» Временному правительству и выражалась твердая уверенность, что оно не захочет идти по стопам своих предшественников. В начале марта Бланки все еще был во власти своих иллюзий.

Что касается «Манифеста тайных обществ», то он интересен во многих отношениях. Он не только провозглашал общедемократические принципы. В нем констатировалось, что собственность может быть индивидуальной и коллективной и право собственности должно быть подчинено интересам общества, что общество обязано обеспечить трудом всех своих членов и предоставлять средства существования всем неработоспособным. В нем говорилось о двойной задаче революции, об установлении наряду с республиканским образом правления «нового социального строя», о необходимости решения социального вопроса, о быстром избавлении трудящихся от страданий. Конечно, под «новым социальным строем» можно было понимать разные вещи, и несомненно, что мелкобуржуазные демократы и коммунисты, подписавшие этот манифест, вкладывали в эти слова разное содержание. Но эти заявления «Манифеста» очень характерны для Февральской революции, сразу же провозглашенной революцио-

перами различных школ и направлений не только «демократической», но и «социальной».

Показательно также, что во всех «красных» афишах в центре внимания были рабочие, трудящиеся, которые рассматривались как основная движущая сила революции. В этом отношении характерно следующее утверждение из обращения «К трудящимся департамента Сены»: «Трудящиеся! Не считайте себя меньше, чем вы есть на самом деле: весь мир, слышите, весь мир взирает на вас, и в ваших руках находится не только ваша собственная судьба, но и судьба всего человечества»³⁸.

IV

2 марта вышел первый номер газеты «Права человека», издание которой предпринял Дезами, подписывавший ее как ответственный издатель-редактор. Газета имела подзаголовок «Свобода, Равенство, Братство, Ассоциация, Союз народов»³⁹. Дезами удалось выпустить всего лишь три номера этой газеты: второй номер 4 марта, третий — 9 марта. Видимо, он прекратил ее издание из-за отсутствия необходимых денежных средств. Поскольку газета не получила широкого распространения. В конце третьего номера был помещен призыв ко всем гражданам, ей симпатизирующим, содействовать ее распространению, «которому уже пытаются препятствовать». Газета предлагала 25% комиссионных лицам, которые взялись бы продавать ее на улицах, в мастерских, на заседаниях пародных обществ, в театрах. Но, очевидно, ничто не помогло, и газета прекратила свое существование. Но и вышедшие номера «Прав человека» дают ясное представление об общественно-политической позиции Дезами в начале революции.

Первый номер газеты открывался программной статьей «Основные принципы Республики», подписанной Дезами. К числу этих фундаментальных принципов, соответствующих человеческой природе, он относил свободу, равенство и солидарность. Исходя из этого, он заявлял, что газета будет требовать всех свобод: политической свободы, свободы слова, свободы печати, свободы

ассоциаций, свободы обучения, индустриальной свободы. «Она будет решительно и настойчиво бороться с привилегией и монополией; целью наших усилий будет внедрить в нравы и в социальный закон принцип равенства. Это не значит, что теперешнее общество обязательно сразу же достигнет социального равенства; мы думаем, что необходимо учитывать сложившиеся условия и что было бы осмотрительно удовлетвориться пока что только частью наших естественных прав, с тем, однако, чтобы активно и последовательно двигаться для завоевания остального. Но что, по-нашему, не вызывает никакого сомнения, так это то, что необходимо решительно вступить на путь фактического равенства, продвигаться, не отклоняясь, твердым шагом к цели, которую мы хотим достичь». Много говорят об организации труда, о социализме, о коммунизме. Представители всех этих систем имеют право выражать свои убеждения и основывать на них свою практическую деятельность; но они не могут и не должны их навязывать. «Организация труда, социализм, коммунизм свидетельствуют о похвальных и великодушных чувствах; они опираются на экономическую науку. Они имеют, следовательно, право на благожелательное отношение и симпатию республиканцев. Это было бы не так, если бы эти системы претендовали на правительственную монополию. Так же, как и государственная религия, они были бы в таком случае отрицанием самой свободы. Между добровольным социализмом и коммунизмом и государственным социализмом и коммунизмом лежит пропасть: это пропасть, отделяющая свободу от деспотизма». Статья заканчивалась следующим призывом: «Демократы, социалисты, коммунисты всех оттенков, соединитесь... Какое значение имеют наши разногласия относительно путей и средств, если мы солидарны в отношении исходной точки, принципов и цели? Мы ищем общество будущего, разногласия же о способах экспериментирования сами по себе являются условием прогресса». Далее, после подписи Дезами, следовало дополнение: «Мы выражаем коммунистам всех оттенков глубокую благодарность за проявленную ими самоотверженность. Они прекрасно понимают, что осуществление их теорий не должно быть связано с насилием; они рассчитывают достигнуть этого путем убеждения и свободой ассоциаций»⁴⁰.

³⁸ Ibid. P. 872.

³⁹ Droits de l'homme: Liberté, Egalité, Fraternité, Association Alliance des Peuples // BN. Lc², 1705.

⁴⁰ Ibid. N 1. P. 1.

Эта программная статья наглядно свидетельствует, что Дезами никогда не отрекался от своего коммунистического идеала, который продолжал, как и раньше, обосновывать чисто рационалистически, ссылаясь на человеческую природу. Основную цель революции он видел в осуществлении социального равенства. Можно верить, поэтому Бутону, который утверждает, что вечером 24 февраля Дезами казалась, что общество наконец ступило на обетованную землю равенства и братства⁴¹. Как и другие коммунистические идеологи, он, разумеется, не считал возможным немедленное и насильственное осуществление социального равенства. Но был уверен в необходимости решительно ступить на путь, ведущий к достижению этой цели, и неуклонно следовать по нему. Некоторое недоразумение может вызвать его резкое противопоставление государственного и добровольного социализма и коммунизма. Дело, очевидно, заключается в следующем. Как известно, план устройства коммунистического общества, выдвигавшийся Дезами, существенно отличался от бабувистской концепции единого централизованного государственного хозяйства. Под влиянием идей оуэннизма он представлял себе будущее коммунистическое общество как совокупность самоуправляющихся коммун, объединяющихся по десять тысяч человек⁴². Поскольку бабувистские концепции имели в то время во Франции довольно широкое распространение, то, видно, этим и объясняется его резкий выпад против «государственного» коммунизма, ведущего к «деспотизму». Но Дезами отнюдь не стремился противопоставлять себя коммунистам других «оттенков». Наоборот, он призывал к объединению всех коммунистов и социалистов, всех сторонников социального равенства. Он полагал, что независимо от своих разногласий о путях и средствах его осуществления все они должны объединиться в борьбе за достижение этой цели, в борьбе за радикальное социальное переустройство.

Что же необходимо немедленно осуществить? В первом номере своей газеты Дезами воспроизводил программу, изложенную им в Ратуше 24 февраля, которая, по его словам, встретила всеобщее одобрение. Во втором номере он опубликовал следующее обращение «К клас-

сам». «Братья и друзья, положение серьезное. Постараемся ограничить круг наших дискуссий, чтобы сосредоточить все наши усилия на основных вопросах. За двумя зайцами погоняться, ни одного не поймаешь. Прежде чем говорить об идеале, подумаем о том, как обеспечить жизненно важные принципы нашей дорогой республике. Братья, вот эти принципы: 1) право собрания и ассоциаций; 2) неограниченная свобода слова и прессы, без каких-либо помех; 3) всеобщее прямое избирательное право; 4) недопущение на общественные должности лиц подозрительных, как с точки зрения личной честности, так и с точки зрения республиканской лояльности; 5) немедленное вооружение, с предоставлением одинаковой униформы, всех здоровых граждан 18-летнего возраста»⁴³.

В отдельных статьях и высказываниях газета развивала эти требования. Особенно детально обосновывалась необходимость свободы слова и печати: «Когда мы требуем абсолютной свободы слова и мысли, мы не требуем только свободы говорить и писать, сообразуясь с законами, как то было раньше. Мы требуем абсолютного права... Предоставьте полную свободу тем, кто ищет новые идеи... Когда народ мирно, но решительно устремляется в будущее, не является ли ужасающей неосторожностью стараться преградить ему дорогу?» Рассказывая о попытке правительства восстановить гербовый сбор для органов печати, газета писала: «Уже сегодня пресса должна озарить светочем идеи наши 44 000 коммун Франции, распространять просветительные идеи, являющиеся предметом общественного обсуждения. Но как это сделать, если слово предоставлено только уже существующей прессе? Эта пресса... имеет все возможности обрабатывать на свой лад общественное мнение. Народ беден, очень беден. Газеты пролетариата были бы задушены при своем рождении и даже — в своем зародыше. Французы слушали бы в таком случае лишь некоторые партии, в то время как они имеют право слушать их всех»⁴⁴.

Откликаясь на сообщение о новых назначениях по служебному ведомству, опубликованное 29 февраля в «Монитере», газета писала: «Среди этих новых назначений можно заметить имена, которые отнюдь не дают всех

⁴¹ Bouton V. Profils révolutionnaires... P. 453.

⁴² См.: Иоаннисси А. Р. Революционно коммунистическое движение... в 1842—1847 гг. С. 39—43.

⁴³ Droits de l'homme. N 2. P. 4.

⁴⁴ Ibid. P. 2.

желательных гарантий... Кроме того, необходимо изменить не только личный состав судебных учреждений; нужно обратить прежде всего внимание на корни зла. Разве возможно сохранить в республике несправедливые законы и кодексы, почти все сфабрикованные к выгоде привилегированных и для угнетения пролетариата? Ратуя за вооружение народа, газета выдвигала лозунг «Никакой наемной милиции внутри страны». А об идеальном наборе добровольцев в мобильную гвардию писала так: «Долг правительства — обмундировать в кратчайший срок этих добровольцев и направить их к границам. Если оно оставит их надолго в Париже, то рискует услышать весьма нежелательные интерпретации»⁴⁵.

В своем третьем номере газета опубликовала воззвание Люксембургской комиссии об избрании рабочих делегатов от отдельных профессий. Она призывала трудящихся избрать этих делегатов, но подчеркивала, что необходимо, чтобы представители всех профессий вырабатывали общую программу действий. В этой связи трудящимся рекомендовалось: «...отвергнуть любую систему организации, которая лишила бы людей свободной воли или держала бы их в зависимости от хозяев. Говорят об ассоциации капиталиста и трудящегося — это негодное средство. Необходимо достичь упразднения системы наемного труда и заменить его свободным трудом и национальными складами (entrepôts). Лишь тогда слово „республика“ станет истиной»⁴⁶. Таким образом, Дезами решительно отвергал получившие широкое распространение после Февральской революции также проекты «организации труда», которые предусматривали различные виды сотрудничества между предпринимателями и рабочими, различные формы их «ассоциаций».

Еще до революции Дезами разрабатывал разные проекты временных реформ. В 1846 г. в работе «Организация свободы и всеобщего благосостояния», стремясь найти средство для улучшения «теперешнего тягостного положения» до осуществления коммунистического идеала, он выдвигал целый ряд проектов, в частности проект Земельного банка, Банка сельского хозяйства и индустрии, Банка труда, Кассы взаимного страхования от болезней, инвалидности, спотетства. Все эти планы возникли у него под несомненным влиянием кооперативных

идей Оуэна и планов Фурье, относящихся к периоду «гарантизма» — одному из двух переходных периодов от «цивилизации» к новому идеальному строю «гармонии»⁴⁸. Естественно, что теперь он хотел пропагандировать эти планы в своей газете в противовес различным проектам «организации труда», предусматривавшим ассоциацию труда и капитала.

Поскольку газета Дезами прекратила свое существование уже на третьем номере, он успел изложить в ней лишь один из этих планов — об учреждении Банка труда⁴⁹, который считал необходимым вынести на «общественное обсуждение». Суть этого проекта, содержавшего 27 статей, сводилась к следующему. Банк труда предполагалось учредить в Париже на государственные средства и под государственной гарантией. Его цель — предоставление кредитов трех категорий пролетариям, располагающим только своей рабочей силой: 1) для приобретения необходимого для работы сырья; 2) для приобретения орудий труда; 3) для расходов на питание, жилье, одежду, мебелировку и т. п. Кредиты могли предоставляться как рабочим, так и земледельцам. Планировалось, что банк организует продажу всех произведенных за счет его кредитов товаров и ценностей как через собственные магазины, так и иным путем. Как видим, функции Банка труда предусматривались довольно обширные, они не сводились в узком смысле к банковским операциям. Он должен был не только предоставлять кредиты неимущим производителям, но и сбывать их продукцию, организуя даже собственную торговую сеть. Интересно также, что кредиты предполагалось предоставлять не только рабочим, но и земледельцам. Это еще раз свидетельствует о том, сколь расширительно Дезами толковал термин «пролетарий». Под этим термином он понимал не только рабочих, но и неимущих земледельцев. Совершенно ясно также, что проект Банка труда в том виде, как его мыслил Дезами, был предназначен для оказания помощи лишь самостоятельным производителям, т. е. земледельцам и ремесленным рабочим. Его главная цель — превращение рабочих в самостоятельных производителей — носила, несомненно, характер мелкобуржуазной утопии, как и аналогичные проекты Прудона. Но между Прудоном и Дезами была кардинальная разница. Прудон

⁴⁵ Ibid. N 1, P. 2.

⁴⁶ Ibid. P. 1; N 2. P. 2.

⁴⁷ Ibid. N 3. P. 2.

⁴⁸ См.: Иоаннисян А. Р. Революционно-коммунистическое движение... в 1842—1847 гг. С. 68—71.

⁴⁹ Droits de l'homme. N 2. P. 1.

не отвергал частной собственности и решительно выступал против коммунизма. Дезами же никогда не отрекался от коммунистического идеала. Для него Банк труда и аналогичные учреждения были лишь временными установлениями для неотлагательного улучшения участи трудящихся. Как бы подчас он ни ошибался в методах и путях социального переустройства, конечную цель революции он видел в достижении полного социального равенства, в установлении нового коммунистического общественного строя.

Газета Дезами повторно обращала внимание на опасность контрреволюции: «Контрреволюционные газеты включают в объятия нашу рождающуюся республику. Многие ей аплодируют; но мы видим в этом только лишь повод для недоверия; мы всегда предпочитаем открытых врагов ложным братьям. Сегодня они обнимают статую Свободы, а вчера били ее по лицу. Сегодня они ссылаются на свободу слова, а еще вчера держали в руках цензурные ножницы». Даже аббат Лакордер напяливает на свою тунику доминиканца республиканскую куртку. А ведь еще недавно он преследовал в судебном порядке Дезами за то, что тот осмелился подвергнуть критике его так называемые речи⁵⁰. «Пресса» предлагает восстановить денежный ценз. «Уже высовывается ушко контрреволюции»⁵¹. Особенно резко протестовала газета против восстановления трехцветного знамени, ставшего символом реакции. «Побежденное и проклятое еще вчера трехцветное знамя сегодня в триумфальных тонах восхваляется аристократией как символ реакции. Призывают вооружаться, чтобы сдержать тех, кого нагло называют чернью... „Деба“, „Пресса“ и все прочие оскорбляют наше знамя баррикад, которое они называют грязным и кровавым знаменем»⁵².

Газета выражала большое беспокойство в связи с выборами в Национальное собрание в условиях, когда нет пролетарской прессы, когда светоч новых идей не озарил еще все коммуны Франции: «Последствия этого нас беспокоят. Республиканская форма правления установлена лишь под условием ее утверждения народными депутатами. Откуда же у нас может быть убеждение, что, поль-

зуясь своей неприкосновенностью как представители народа, никто не выскажется за графа Парижского? Разумно ли рисковать такой возможностью, которая поставит истинных республиканцев перед альтернативой — или тирания, или 31 мая?»⁵³

31 мая 1793 г. началось руководимое якобинцами восстание парижских санкюлотов, приведшее к изгнанию жирондистов из Конвента. Дезами, еще 25 февраля требовавший вместе с другими коммунистами-революционерами низвержения Временного правительства, теперь, 4 марта, открыто заявлял в своей газете, что при неблагоприятном развитии событий, особенно в случае неблагоприятного исхода выборов в Учредительное собрание, станет необходимой новая революция под руководством «истинных революционеров».

V

В марте 1848 г., кроме Дезами, пытались наладить издание своих печатных органов и некоторые другие представители коммунистической мысли периода Июльской монархии. То были Альфонс Эскирос и Альфонс Луи Констан.

Эскирос в изданном им в 1840 г. «Евангелии народа», а также в опубликованной им в 1841 г. «защите» этого произведения пытался обосновать строй общности заветами христианства. Несмотря на явно религиозный характер его мировоззрения, несмотря на его непрестанные ссылки на Евангелие и учение Христа, он все же решительно порицал современный ему общественный строй, строй эксплуатации и угнетения, требовал отмены частной собственности, противопоставляя ему принцип общности, осуществление которого он связывал с грядущей революцией, которая принесет народу освобождение. Поэтому Эскирос был предан суду и осужден на восьмимесячное тюремное заключение.

1 марта 1848 г. вышел в свет первый и единственный номер его газеты «Народ»⁵⁴. В ней Эскирос восторженно приветствовал революцию и призывал бороться до полной победы. «Нужно, — писал он, — чтобы нация оста-

⁵⁰ Ibid. N 1. P. 1. Об анонимной брошюре Дезами, направленной против Лакордера, см.: Иоаннисян А. Р. Революционно-коммунистическое движение... в 1842—1847 гг. С. 64—66.

⁵¹ Ibid. N 2. P. 1.

⁵² Ibid. N 1. P. 1.

⁵³ Ibid. N 2. P. 2.

⁵⁴ Peuple. 1848. 1 mars. N 1 // BN. Lc², 1701.

валась бдительной, необходимо, чтобы на этот раз мы обеспечили плоды народной победы». Нужно реформировать все общественные институты, ибо все нуждается в перестройке. В прошлом его преследовали, держали в тюрьме, так как в своих произведениях он ратовал за осуществление принципа: унижить сильных и гордых и возвысить слабых. «Я буду идти всегда вместе с народом. Мое сердце сочувствует всем несчастным, которым вследствие несправедливости старого индустриального и феодального устройства необходимо помочь и которым надо воздать». «Еще предстоит решить ряд других более серьезных вопросов, а именно заработной платы, труда, ассоциаций, собственности». Ссылаясь на революционное прошлое Франции, он отмечал, что старые идеи видоизменяются, развиваются. Защитниками новых идей должны быть студенты и рабочие, осуществившие революцию. Дело не в форме правления, которое, конечно, будет республиканским. Дело в такой общественной структуре, которая учитывала бы нужды и выражала чаяния народных масс. «Больше не должно быть ни черных, ни белых рук, а должны быть только одни руки, руки труда и братства». «Наша республика не будет иметь ничего общего с древними и современными республиками! Спарта имела илотов, Рим имел голодный плебс... Соединенные Штаты Америки имеют рабов». Далее Эскирос писал, что теперь он может умереть спокойно, так как ему довелось увидеть восходящее над обетованной землей солнце.

Эскирос резко критиковал политику католической церкви. «Сохранить между людьми видимые различия значит изменить заветам Иисуса Христа, пришедшего учредить на земле царство абсолютного равенства». «Главное, не следует останавливаться на середине пути; то, что нам нужно — это полная революция, охватывающая одновременно людей, институты и материальную сферу. Если нельзя идти слишком быстро, то столь же опасно двигаться чересчур медленно, а особенно страшно отступать».

В газете помещено также стихотворение, подписанное женой Эскироса Адель: «Стоны угнетенных, голод и нищета, и всюду лохмотья нужды — все это требовало мщения... О, слава тем, кто ниспровергает и сокрушает угнетателя». В конце номера рекламировалось «Евангелие народа» Эскироса — произведение, конфискованное и уничтоженное в 1840 г.»

Чтобы составить себе более полное представление об общественно-политических воззрениях Эскироса в начале революции, необходимо привести здесь и некоторые другие высказывания. «Вот уже 16 лет как я работаю для дела, которое теперь восторжествовало... Писатель-социалист, я принадлежу к самой передовой демократии. Сын Парижа, рожденный в нашем героическом Сент-Антуанском предместье, я страдал за народ и вместе с народом... Я вместе со слабыми, бедными, обездоленными... Революция путем последовательных реформ должна затронуть самые глубины общества. В своих сочинениях я защищал дело не только рабочих, но и работниц, так как женщина не должна быть забыта в наших великих политических преобразованиях»⁵⁵.

Констан ступил первоначально на духовное поприще, и хотя затем порвал с церковью и даже женился, его продолжали часто называть аббатом Констан. В своей книге «Библия свободы», опубликованной в 1840 г., он сквозь призму религиозных представлений также пропагандировал коммунистические идеалы, причем не отрицал возможность и даже неизбежность революции бедных и угнетенных. Он был привлечен к суду и приговорен к тюремному заключению. Появившаяся в «Попюлере» статья, направленная против него в то время как он находился в тюрьме, вызвала всеобщее возмущение в коммунистических кругах⁵⁶. В разгар продовольственного кризиса и вызванных им волнений он опубликовал брошюру «Голос голода», из-за которой в феврале 1847 г. снова попал в тюрьму. После Февральской революции, 2 марта 1848 г., «Попюлер» опубликовал его письмо Кабе. Напоминая об их прежних разногласиях и о напаках на него Кабе, он призывал забыть личные счеты в момент, когда все люди, преданные идее, должны объединиться. Он просил его также опубликовать его письмо, посланное им и в другие газеты, в котором он возражал против созданной ему репутации кровожадного человека и писал, что не хочет, чтобы его имя служило символом анархии и вандализма. Он заявлял, что в своих произведениях он использовал угрозы лишь в адрес эксплуататоров бедняков, всех высокопоставленных воров; коммунизм же является противоположностью воровства⁵⁷.

⁵⁵ *Bouton V. Profils révolutionnaires...* P. 129.

⁵⁶ См.: *Иоаннисян А. Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840—1841 гг.* М., 1983. С. 184—185.

⁵⁷ *Populaire. 1848. 2 mars.* P. 1.

Констан начал издавать свою газету лишь 16 марта, успев выпустить за десять дней, до 26 марта, четыре номера. Его газета называлась: «Трибун народа. Орган трудящихся»⁵⁸.

Уже в первом номере Констан провозглашал: «Революция еще не закончена: она только начинается. Общество было подобно беременной женщине с головой, зараженной гангреней; голова отделилась, а ребенок, еще живой, заключен в труп: требуется хирург». «Режим Июльской монархии являлся только головой социального гниения. Кто победенные февральских баррикад? Не забудем: это пузатые, довольные, эксплуататоры бедняков, пожиратели народа; и разве вы верите, что все эти люди исчезли вместе с королевским двором?» В 1792 г. истинной опасностью для родины являлась вялость буржуазной республики, честолюбивый эгоизм ее театральных героев. Это и ввергло народ в отчаяние и привело к сентябрьским убийствам. «Знаете ли вы, что в настоящее время угрожает отечеству? Это коммунизм, скажет лавочник. Нет, это страх перед коммунизмом. Если разразится социальная война, то это будет преступлением, вернее, глупостью собственников и лавочников». Временное правительство имеет, конечно, благие намерения, «но мы хотели бы, чтобы оно было более энергичным, а оно проявило колебания». Колебаться это значит шататься, а шататься значит ставить себя под угрозу быть раздавленным. Можно, конечно, восхищаться великим поэтом Ламартином и не слишком вспоминать поэзию этого добродетельного государственного деятеля, весьма мало революционную по содержанию. Но сейчас не время любоваться отражением луны в озере. После революции в окнах Тюильрийского дворца было вывешено объявление: «Воры подлежат казни». «Эксплуататоры народа, читайте это и дрожите! Пусть этот страх будет для вас спасительным, и не ждите, пока масса оборванцев поднимется на вас, крича: „Смерть вора!“ В этих словах заключается вся суть революции 1848 года. Пусть они не превратятся в клич социальной войны».

В этом же номере помещены два стихотворения Констан «Правление народа» и «Февраль 1848», в которых мы находим следующие строки: «Место для детей пролетария, место для завоевавших наши права; труд покояет землю, все трудящиеся являются королями». «Не

будем отдыхать, нам еще предстоит все сделать и пролить всю нашу кровь. Самый жестокий тиран — это постыдная нужда, и именно его нужно свергнуть. Разве мы победили лишь для чьих-то происков? Разве мы трижды восторжествовали лишь в интересах ненавистной лиги буржуазной аристократии?» «Дрожите, развратители Франции, народ хочет равенства! Слишком великий, чтобы жаждать мщения, он будет, однако, защищать свою свободу!» «Мы кричим: „Долой хижины, народ завоевал замки!“». «Народ, которого дважды обманули, не станет складывать оружия: пока мы прогнали только королей. Если эксплуататоры нашей нужды мечтают еще нас поработить, двинемся, чтобы победить или умереть... Пусть наконец сила избавит нас от бед, которые они заставляют нас переносить. Если наши руки не могут обеспечить нам существование, мы сумеем сражаться и умереть. Разве лучше погибнуть закованными в цепи, каторжниками изнурительного труда, чтобы наполнять брюхо этих пожирателей человеческой плоти?.. Горе тем, которые нас предают, молчите, трусливые усыпители. Война пудам, убийцам свободы, долой бесстыжих фразеров!»

Второй номер газеты открывался статьей «Временный патриотизм», в которой разоблачалась иллюзия всеобщего братства. Если верить газете Распайля, все друг с другом обнимаются и жмут друг другу руки, так что Ротшильд готов даже построить фаланстер. «Товарищи, будем говорить серьезно, потому что мы имеем на это право. Меняя слова, не меняют людей... Вы будете опять обмануты. Почему? Потому что, чтобы существовать, вы должны иметь уверенность в завтрашнем дне, и эксплуататоры это хорошо знают; они хотят разочаровать вас в революции баррикад путем контрреволюции, безработицы и голода. Большие торговые дома припрятывают свои капиталы, нас хотят уморить голодом: но разве это имеет какое-нибудь значение? Разве мы не условились любить и обнимать друг друга? Разве мы не клялись во всеобщем братстве и не плакали от умиления с господами судьями, все еще остающимися на своей должности, и с господами шпиками, которые только временно в отпуске. Не проливайте чужой крови, мои друзья; прольем только собственную кровь, когда найдут нужным открыть по нас огонь. Да будет так. Вот истинно христианские чувства... Храбрые рабочие! Как вами восхищаются, когда вы удовлетворяетесь куском хлеба и водой после

⁵⁸ Tribun du peuple: Organe des travailleurs // B.N. Lc², 1728.

трех дней треволений и боев... Вы вчера соблюдали диету, ну что же, сегодня поститесь! Вчера лилась ваша кровь? Ну что же, зато сегодня вы имеете право лить слезы умиления, обнимая обращенного в новую веру шпика. О братство! Дети мои, дети мои, я вам говорю, что все это кончится плохо, потому что вас хотят усыпить: опасайтесь же пробуждения». «Республика может быть только социалистической». Если Национальное собрание будет представлять буржуазию, то это приведет к восстановлению монархии. Если оно будет представлять народ, то революция будет завершена, но буржуазная аристократия станет всеми силами этому противодействовать. Если же в Национальном собрании будут в одинаковой мере представлены оба класса, то это неизбежно приведет к конфликту и гражданской войне. Сплотить граждан можно лишь двумя способами — убеждением или силой. Но убеждение в теперешних условиях исключается. Следовательно, остается сила.

Исходя именно из этой установки, Констан в следующей статье, озаглавленной «Будем ли мы иметь диктатора?», откровенно высказывается за установление диктатуры, воплощенной в народном диктаторе. Самый последовательный и самый сильный человек среди монтаньяров Марат требовал после казни Людовика XVI установления диктатуры. «В каждой революции есть два сорта людей: ее эксплуатирующие и ей преданные, люди болтовни и люди действия». «Временному правительству не хватает единства и силы. Если не хотят гражданской войны, нужно действовать быстро. Всякая расколота власть слаба. В часы опасности республике нужен глава... Слава диктатору, который спасет республику».

В третьем номере Констан с еще большей откровенностью излагал свои общественно-политические взгляды. В статье «Наши социальные принципы» он писал: «Общество является нашим должником соразмерно с тем, что мы делаем для него, а мы являемся его должниками соразмерно с тем, что оно для нас делает... Повиновение несправедливости само является несправедливостью. Подчинение общественному строю, который не гарантирует жизнь всем, а отдает избыток только некоторым, равносильно соучастию в убийстве. Богатый, который говорит бедному: „Не все ли равно, будешь ли ты жить“, — заслуживает того, чтобы бедный ему ответил: „Не все ли равно, умрешь ты или нет“. Законы, защищающие несправедливую эксплуатацию, провоцируют грабеж. Законной

является та собственность, которую все заинтересованы защищать. Мы все солидарны друг с другом. Наши братья — это мы сами; их жизнь — это и наша жизнь; их богатство — это и наши ресурсы. Истинные братья это те, которые могут сказать: „Твое есть мое, а мое есть твое, твое право — это мой долг, а твой долг — это мое право“».

В статье «Наши политические тенденции» Констан писал, что, хотя «Трибун народа» насчитывает только три номера, ему, с одной стороны, выражают симпатии, с другой — осыпают бранью. Он заявлял, что гордится тем, что имеет врагов, так как стремится к правде и справедливости, а враги правды и справедливости являются и его врагами. Рассказывая о себе, о том, как он порвал с церковью, ибо не хотел предавать свои убеждения, о том, как дважды сидел в тюрьме, Констан далее писал: «Каковы же теперь наши политические тенденции? Мы отнюдь не скрываем, что это самый радикальный социализм... Я считаю, что паллиативы лишь продлевают зло и что при неизлечимой гангрене нужно иметь храбрость претерпеть железо и огонь. Я желаю прежде всего мира любой ценой, но только не ценой забвения справедливости. Я хочу, чтобы все имели право на жизнь... Но я буду изо всех сил кричать тем, кого еще раз захотят обмануть, чтобы усыпить их и эксплуатировать: „Не давайте больше вампирам высасывать вашу кровь! Война кровопийцам! Не мстите, но защищайтесь“».

В том же номере помещено открытое письмо Констан одному рабочему в Мондидье. Последний, сообщая, что его друзья хотят выдвинуть его кандидатуру в депутаты, просил у Констан совета, соглашаться ему или нет. Отвечая, Констан писал: «Если вы имеете убеждения настоящего социалиста, надежды апостола и самопожертвование мученика, то соглашайтесь!»

Наконец, в последнем, четвертом, номере газеты Констан, осуждая в принципе междоусобную войну, в то же время указывал, что она является фактом, с которым нужно считаться. Дабы между ягнятами и волками царил мир, необходимо, чтобы или ягнята превратились в волков или волки в ягнят; до тех пор волки всегда будут пожирать ягнят. Поэтому сейчас нужно исполнять роль собак, охраняющих ягнят, хватать за горло волков и за ноги воров. «Война тем, которые требуют мира лишь для того, чтобы нас спокойно пожирать». «Современное обще-

ство разделяется на два класса, на тех, кто работает, и на тех, кто пользуется благами, на эксплуататоров и эксплуатируемых, на сеньоров собственности и илотов. Слияние и ассоциация этих двух соперничающих, враждебных друг другу классов дело будущего, это не проблема сегодняшнего дня. Проблема сегодняшнего дня для одних — эти блага сохранить, для других — приобрести их». «Сделать сразу же всех богатыми невозможно, разделить в современных условиях между всеми блага означает сделать всех бедными». Пока что нужно, чтобы богатые проявили самоотверженность и предоставили что-нибудь несчастным, дабы удержать их от соблазна взять силой. «Бедные и пролетарии, мои братья и друзья! Не пугайте собственность и торговлю враждебными демонстрациями. Лучше один раз и вовремя укусить, чем бесмысленно лаять... но если вас спровоцируют, если вас захотят обмануть, дайте себя убить, но не сдавайтесь!» Разве врачи и хирурги, проливающие кровь больных, чтобы их излечить, являются кровожадными людьми? Если волк пробрался в овчарню и если сердобольный пастух не прольет его кровь, то не на нем ли будет лежать ответственность за кровь всех овец? Именно это утверждал Марат, а теперь чернят память этого великого трибуна, называя его кровожадным. Между тем истинными виновниками террора 1793 г. были жирондистские аристократы и эксплуататоры, поставившие отечество в опасность. «Истинные социалисты не являются кровожадными людьми. Таковыми являются ограниченные консерваторы, ретроградные паникеры, трусливые заговорщики. Отменили смертную казнь за политические преступления, это хорошо; но закон возмездия остается правом войны».

В заключение следует сказать, что газета Констан с воодушевлением приветствовала революционное движение, охватившее почти все европейские страны. В передовой статье, помещенной в третьем номере, по этому поводу говорилось: «Пробил первый час всеобщей эмансипации... Угнетенные всей земли, поднимайтесь!»

Если учитывать обстановку первого месяца революции, то нельзя не признать, что Констан проявлял гораздо больший реализм, чем большинство его современников. Конечно, и он говорил о желательности гражданского мира, о слиянии в неопределенном будущем враждебных классов, призывал богатых к самопожертвованию, а пролетариев к сдержанности. Но он правильно оценивал дей-

ствительность. Поэтому так резко и едко издевался он над столь распространенными в то время иллюзиями всеобщего братства. Под покровом этой болтовни он видел стремление эксплуататоров увековечить свое господство. Он призывал пролетариев быть бдительными, не складывать оружия, быть готовыми пролить кровь в защиту своих прав, чтобы завершить революцию, которая только еще начинается. Междоусобная война, борьба между двумя классами современного общества — факт, из которого и следует исходить. Рабочие не должны больше удовлетворяться куском хлеба, народ не вправе дать себя еще раз обмануть, а должен с оружием в руках отстаивать свою подлинную свободу. Самый решительным образом осуждал он «усыхателей», «иуд», «бесстыжих фразеров», предающих народ. Социальный конфликт не может быть решен путем убеждения, а только силой. Поэтому Констан высказывался даже за установление диктатуры. Он не скрывал и свой общественный идеал, который называл «самым радикальным социализмом», подразумевая под этим термином коммунизм. Различного рода паллиативы лишь продлевают зло. Республика может быть только социалистической.

Здесь уместно сказать несколько слов и о газете, издававшейся Теофилом Торе. Он приобрел широкую популярность в начале 40-х годов. Изданная им в 1840 г. брошюра «Правда о демократической партии» имела большой успех в революционных кругах. Хотя еще в 1839 г. Торе пытался наладить издание газеты «Демократия», в проспекте которой смело затрагивались острые социальные проблемы, в то время он выступал как мелкобуржуазный демократ. Им даже была издана брошюра, в которой он критически отзывался о коммунизме, что вызвало полемику между ним и Кабе. Но к эпохе революции он проникся уже социалистическими убеждениями и выступал как один из видных поборников социальной революции. Можно поэтому согласиться с Бутоном, который писал: «Торе стал одним из олицетворений демократической и социальной республики»⁵⁹.

Торе начал издавать свою газету «Истинная республика»⁶⁰ еще в марте и публиковал ее весьма большим для того времени тиражом в 40 тыс. экземпляров вплоть до июня. Нас, однако, интересуют те мартовские и ап-

рельские номера этой газеты, в которых Торе изложил свои общественно-политические воззрения.

Торе резко осуждает буржуазную политическую экономия, «политическую экономию Адама Смита и Сейя», провозглашающую неизбежность экономических законов современного общества как естественных и нерушимых. «Как, значит, закон, обрекающий рабочего быть для капиталиста лишь орудием труда, как и машина, которую он покупает на свой капитал, этот закон естествен? Значит, капиталист, фабрикант, собственник имеют на основании естественного права привилегию покупать людей под названием наемные рабочие одновременно с землями и заводами? Поистине эта тирания капитала превосходит все политические тирании, и республиканская Франция ничего не выиграет от изгнания Луи-Филиппа, если природа навсегда обрекла ее на послушание сеньору Капиталу... Конечно, когда в обществе незначительное меньшинство владеет всей землей, всем капиталом, всеми орудиями труда, в то время как земледельцы, рабочие, мыслители и артисты должны обращаться к хозяевам, чтобы существовать и производить, трудящиеся неизбежно принадлежат собственникам и капиталистам». С этим необходимо решительно покончить. «Республика должна, следовательно, изменить самые основы общественной организации, которая увековечивает касты внутри нации, предназначая одним собственность и капитал, а другим нужду и рабство»⁶¹. Конечно, переход к этому новому общественному строю будет состоять из ряда этапов, «так как самые нетерпеливые умы не могут вообразить, что реально существующий мир будет разом преобразован»⁶².

Каковы же пути этого преобразования? Торе решительно отмежевывается от фурьеристов и сенсимонистов. Фурьеристы, говоря в «Демократии пасифик» об организации труда, предлагают свою старую формулу — ассоциацию капитала, труда и таланта. Выдающийся представитель сенсимонистской школы Родриг предлагает в опубликованной им афише ассоциацию капитала и труда. Обе эти формулы порочны. «Нет, это не братство, это не равенство, это не свобода; это опять-таки борьба между человеком, обладающим капиталом, и тем, который обладает лишь разумом и руками». При подобном режиме по-

⁵⁹ Bouton V. Profils révolutionnaires... P. 59.

⁶⁰ Vraie république: Par le citoyen Thoré // BN. Lc², 1748.

⁶¹ Ibid. 1848. 31 mars. N 6. P. 1.

⁶² Ibid. 1 avr. N 7. P. 1.

рабощение продолжалось бы, так как рабочий оставался бы порабощенным, фактически завися от капиталиста. Кроме того, если раньше рабочий мог протестовать и бороться, то в условиях подобной ложной ассоциации он не имел бы больше этой возможности, и власть капитала, которую он никогда не хотел признавать, была бы как бы официально освящена⁶³. Что же тогда надлежит делать?

Торе предлагает социализировать капитал, сосредоточив его в руках государства, которое будет за это выплачивать капиталистам определенный процент. Этот «социальный капитал» государство должно использовать для создания рабочих ассоциаций, т. е. производственных товариществ. Но одновременно он ставит вопрос о выкупе государством средств производства, что и приведет в конечном итоге к установлению «идеального мира и братства», когда каждый будет трудиться сообразно своим силам и способностям, содействовать росту производства и общественного богатства и участвовать в потреблении сообразно своим потребностям⁶⁴.

Прогнав Луи-Филиппа, революция прогнала лишь главу «касты паразитов», обманывавшей народ и присваивавшей плоды его труда. Паразитический класс является неизбежно врагом республики, стремящейся к справедливости и равенству. Если аристократы и примкнули к республике, то только для того, чтобы извратить ее суть, а затем уничтожить. В этой связи Торе критиковал Временное правительство, обращая внимание на его неоднородность и противоречивую политику: «социальная борьба» находит свое отражение и во Временном правительстве. Большинство «диктаторов», взявших в руки власть в феврале, — противники каких-либо общественных перемен. В то время как Люксембургская комиссия проповедует организацию промышленности государством и социализацию орудий труда, министерство финансов предписывает продажу национальных имуществ — единственного на сегодняшний день общественного достояния. Большинство «диктаторов» боится народа и его требований⁶⁵.

Конечно, предложения Торе об организации с помощью государства производственных ассоциаций рабочих носили отпечаток мелкобуржуазных иллюзий, столь распространенных в то время во Франции. И не случайно он

⁶³ Ibid. 9 avr. N 15. P. 1.

⁶⁴ Ibid. 1 avr. N 7. P. 1.

⁶⁵ Ibid. 23 avr. N 30. P. 1.

полностью солидаризировался с деятельностью Люксембургской комиссии. Но он ясно видел классовые противоречия, раздиравшие Францию, противоречия между капиталом и трудом, решительно высказывался против любых планов «ассоциаций» между капиталистами и рабочими, понимал, что «паразитический класс» — основной враг революции, и открыто выступал за «социализацию» средств производства и установление нового общественно-экономического строя, основанного на всеобщем труде и распределении по потребностям. Приводя выдержки из обращения одного из буржуазных кандидатов в депутаты, в котором коммунисты характеризовались как «дикие мечтатели», он с горькой иронией писал: «О сколь хорошем вкусе свидетельствует этот страх перед коммунистами! Поистине рабочие-социалисты являются убийцами, ворами и сумасшедшими»⁶⁶.

VI

И «Права народа» Дезами, и «Народ» Эскироса, и «Трибун народа» Констана, и «Истинная республика» Торе принадлежали к числу тех «красных» органов печати, которые появились после Февральской революции. Таких органов в марте—апреле 1848 г. было множество, причем почти все они были недолговечными, насчитывали всего несколько номеров, а подчас только один. Не все эти издания дошли до нас. Библиографии современников, в частности Валона и Изамбера⁶⁷, содержат названия целого ряда «красных» газет, которых нет в Национальной библиотеке, скажем, таких, как «La Correspondance socialiste», «L'Harmonie universelle», «Le Socialiste», «Travailleur Libre», «Album de l'ouvrier» и многие другие. Нужно иметь также в виду, что эти библиографии включают лишь парижскую прессу. Что касается провинциальных изданий, то о них вообще очень мало сведений, даже в известной библиографии Атена, изданной еще в период Второй империи⁶⁸. А что значительной части этой

⁶⁶ Ibid. 9 avr. N 15. P. 1.

⁶⁷ Wallon H. La presse de 1848 ou revue critique des journaux, publiés a Paris depuis la Révolution de février jusqu'à la fin du décembre. P., 1849; Isambert H. La presse parisienne: Statistique bibliographique et alphabétique de tous les journaux, revues et canards périodiques nés, morts, ressuscités ou métamorphosés à Paris depuis le 22 février 1848 jusqu'à l'Empire. P., 1853.

⁶⁸ Hatin E. Bibliographie historique et critique de la presse périodique française. P., 1866.

провинциальной прессы, даже прессы крупных городов, нет в парижских книгохранилищах, видно хотя бы из следующего примера. Одним из «красных» органов печати в Лионе был «Трибун народа», в котором публиковал «неистовые» статьи выдающийся коммунистический идеолог Габриэль Шаравэ, бывший редактор «Юманитера». Но в Национальной библиотеке имеется лишь три разрозненных номера этого издания.

Разумеется, что далеко не вся «красная» пресса была коммунистической. Но она рассматривала Февральскую революцию не только как революцию политическую, но в первую очередь, как революцию социальную. Выступая от имени народа, рабочих, пролетариев, она разоблачала классовую структуру современного ей общества, основанного на эксплуатации трудящихся капиталистами и крупными земельными собственниками, требовала ликвидации этой эксплуатации и установления нового общественного строя, основанного на подлинном осуществлении принципов свободы, равенства и братства. В этой связи она все более активно критиковала Временное правительство за его нерешительность и колебания, за стремление сохранить прежние общественные отношения и старый административный аппарат, за его нежелание довести до конца социальную революцию. Конечная цель этой социальной революции представлялась разной. Но многие органы «красной» прессы представляли равенство, которое должно лежать в основе нового общественного строя, именно как коммунистическое равенство.

13 и 14 марта вышли два номера газеты «Знамя прав народа. Труд и свобода»⁶⁹. В обращении к «Народу и братьям» газета напоминала, что революция 1830 г. закончилась неудачей, народ не добился ни гарантий свободы, ни организации труда. «Братья, работающие, как и мы, на неблагодарных и вероломных хозяев, борющихся, как и мы, откликнитесь на наш призыв... и если мы объединим наши общие усилия для достижения намеченной цели... мы будем жить как дети одной семьи»⁷⁰. Временное правительство занимается проблемой организации труда! «Но это трудная задача для людей, которые никогда не видели, как рабочий трудится по двенадцать часов в день, т. е. больше, чем раб»⁷¹.

С 27 февраля по 9—10 апреля было опубликовано 12 номеров газеты «Часовой народа»⁷². Уже в первых двух номерах от 27 и 28 февраля газета изложила «Программу французского народа». В ней, кроме общедемократических требований, провозглашалось право на труд, «т. е. обязанность общественных властей предоставлять работу и в случае необходимости прожиточный минимум всем членам общества, не обеспеченным работой в частной промышленности». Газета выдвигала также различные проекты — создание «социального капитала», «индустриального банка» для финансирования организации различного рода ассоциаций рабочих, «сельскохозяйственного банка», введение прогрессивного налога и налогов на предметы роскоши, реорганизация армии и создание индустриальных полков, способных одновременно и защищать территорию Франции и выполнять крупные общественные работы⁷³. Все эти проекты и предложения отражали влияние идей различных «социальных школ», в том числе фурьеризма. Газета подробно освещала деятельность Люксембургской комиссии. Однако, восхваляя рабочих за их храбрость и самоотверженность, она, следуя примеру Луи Блана, призвала их к спокойствию и отказу от неуместных демонстраций.

19 и 29 марта были опубликованы два номера «Пробуждения народа — газеты народных интересов, основанной обществом рабочих»⁷⁴. «Революция, которую мы совершили, — говорилось в ней, — является целиком социальной... Ложные основы старого общества полностью разрушены, и на развалинах заблуждения и лжи воздвигается теперь здание нового общества». Политический вопрос уже решен. «Что же касается установления нового социального и промышленного строя, то это более сложная проблема». Сейчас происходит открытая борьба различных интересов. Франция переживает финансовый и экономический кризис. «Из этого не следует, что народ должен отказаться хотя бы от части своих завоеваний, наоборот, чем больше зло, тем более радикальным должно быть средство исцеления... Закон, призванный организовать труд на благо всем, следует установить на столь солидном фундаменте, чтобы впредь ничто не могло его поколебать». Организация труда целиком зависит от про-

⁶⁹ Etendard des droits du peuple: Travail et liberté // BN. Lc², 1725.

⁷⁰ Ibid. N 1. P. 1.

⁷¹ Ibid. N 2. P. 1.

⁷² Sentinelle du peuple // BN. Lc², 1694.

⁷³ Ibid. N 1. P. 1; N 2. P. 3.

⁷⁴ Reveil du peuple: Journal des intérêts populaires, fondé par une société d'ouvriers // BN. Lc², 1731.

изводителей. Поэтому рабочие должны стремиться по-слать как можно больше своих представителей в Национальное собрание⁷⁵.

2 апреля вышел единственный номер «газеты рабочих» «Революционный обвинитель»⁷⁶, редактором которого был Дуэ Ратай (Douhet Rathail). В нем содержалось обращение: «К гражданам рабочим Парижа и предместий». Наивно было верить, что земельные собственники и капиталисты, побежденные в лице своего верховного представителя (т. е. Луи-Филиппа), примут участие в революции или по крайней мере будут безропотно наблюдать за социальными реформами. Произошло обратное. За истекший месяц невероятно возросло число врагов республики, в то время как рабочие проявили простодушие, доверчивость и робость. «Первый раз в мире мы, трудящиеся, считаемся в обществе людьми... рабочие могут, если захотят, стать хозяевами своих хозяев». Но если они не будут на страже, то конституционалисты, реформисты, легитимисты, бонапартисты и все прочие, которые, как все мошенники, действуя заодно, ловко подменяют республику, оставят только ее форму и выхолостят ее суть. «На их стороне коварные дельцы, банкиры, рантье, лавочники, промышленники, знать, иезуиты и святоши, изголодавшиеся литераторы и журналисты, профессора, вся клика адвокатов и поверенных, все эти буржуа, которые заставляют рабочего есть на кухне, этого плохо одетого человека с черными руками... годного лишь на то, чтобы строить баррикады и умирать за Францию». На их стороне все оборванцы, желающие сделать карьеру и разбогатеть, все государственные служащие, поспешившие признать Временное правительство. «Вот сброд ваших врагов, вот те, которых вы должны опасаться, с которыми вы должны бороться, которых вы должны прогнать, поскольку с самого начала вы им не показали зубы и не принудили оставаться спокойными». Если рабочие не выбьют их с их позиций, то они постепенно отбросят их вновь в мрачную бездну прежних времен, с ее нуждой, голодом и рабством. «Старые основы общества были в феврале выкорчеваны из французской почвы, в августе они их восстанавливают». «Опасайтесь же, боритесь с ними и прогоните всех этих мошенников, всю эту нечисть, этих злодеев, этих жуликов, этих предателей. Остерегайтесь

циркуляров, которые они распространяют, кредо, которые они провозглашают, газет с республиканскими заглавиями, которые они издают, речей мерзавцев, ими подкупленных». «Рабочие, вы единственные революционеры Франции, вы добродетель, сила и спасение страны, гений здравого смысла и инстинкт родины, источник ее величия, вы, любезные дети, впервые приглашенные на банкет братства, войдите в залу пиришества... Где же вы? Что вы делаете? Неужели вы так уверены в себе, что не хотите даже двигаться? Ах, тогда остерегайтесь вашего доверия!.. Февральская революция... будет снова запеленута и придушена буржуазными классами, если вы сами не будете охранять ее колыбель».

Даже в те бурные дни не все органы печати столь четко определяли роль и место рабочего класса в революции, имели такое ясное представление о расстановке классовых сил в стране, о реакционном блоке, противостоящем рабочим, этим единственным подлинным революционерам, — блоке, включавшем знать, буржуазию, чиновников, церковников, вплоть до люмпен-пролетариата, — которые так страстно призывали рабочих к бдительности, к активной борьбе с врагами, пока тем не удалось угробить революцию и вновь укрепить прежний общественный строй. Но в этом обращении к рабочим мы не находим никаких указаний на конечные цели революции, на тот новый общественный строй, который должен прийти на смену старому. Непосредственная задача обращения — побудить рабочих принять активное участие в выборах в Национальное собрание и добиться, чтобы среди избранных от Парижа депутатов преобладающее большинство составляли рабочие.

С 2 по 23 марта 1848 г. в Лионе издавалась газета «Республика»⁷⁷, редактором и ответственным издателем которой был Бертео (Bertheault). В программной статье, опубликованной в первом номере, говорилось: «Наша революция совершена, но наша эволюция только начинается... Настанет день, и этот день несомненно близок, когда весь народ, осознав наконец всю полноту своих прав, сумеет и потребовать их и получить». Но для этого необходимо, чтобы люди, «более продвинувшиеся по пути прогресса, чем их братья», просветили бы их и устно и с помощью газет и клубов. Немедленными требованиями должны быть следующие: вооружение всего народа, его

⁷⁵ Ibid. N 1. P. 1.

⁷⁶ Accusateur révolutionnaire: Journal des ouvriers // BN. Lc², 1757.

⁷⁷ République: Organe des intérêts du peuple // BN. Lc¹¹, 564.

организация путем создания политических ассамблей, т. е. клубов, организация труда и создание национальных мастерских, всеобщее светское образование, «превращение в жизнь социалистической политической экономики, которая, признавая за всеми гражданами право производить, признает в то же время за ними право потреблять»⁷⁸. Простой человек, Жак Боном, согласен пока что оставаться таковым, но он хочет от своих сеньоров не милостыни, а требует принудительного налога на их состояние, пропорционального сумме их богатств, которые они несправедливо удерживают в своих руках и которые он согласен пока что оставить им на временное хранение⁷⁹.

Если народ хочет сохранить завоеванные им права, ему нужно, не теряя времени, объединиться и организоваться. Враги народа еще на ногах. Возврат к старому национальному знамени они воспринимают как возврат к старым общественным установлениям. Предстоит различные выборы. Народ не должен избирать своих эксплуататоров: «...люди, живущие твоим потом, имеют интересы, диаметрально противоположные твоим интересам». Газета резко протестовала против попыток отобрать у рабочих оружие, требовала, чтобы вооруженные рабочие заняли форты Лиона, опубликовав в этой связи «Петицию о вооружении лионских рабочих»⁸⁰.

«Мы искренне хотим, — читаем в газете, — сплотиться вокруг временной власти. Мы окажем ей помощь, поскольку ее действия будут полностью демократическими. Однако наш долг как хороших граждан быть постоянно начеку в отношении ее ретроградных тенденций. К тому же эти тенденции не должны нас удивлять, если принимать во внимание характер этой власти, наполовину народной, наполовину буржуазной, скорее, однако, буржуазной, чем народной»⁸¹. «Наши государственные деятели не хотят ни за что на свете пугать капитал... Но если государственные люди не способны подняться до уровня социальных потребностей, то народ через своих представителей сумеет это сделать»⁸². Сообщая о создании Люксембургской комиссии, газета писала: «Мы все знаем о возвышенных и великодушных взглядах Луи Бла-

на, но пусть он остерегается: практика наталкивается на препятствия, которые неведомы теории. Самые большие препятствия возникнут, несомненно, в связи с недоброжелательством крупных промышленников»⁸³. Рассказывая о деятельности этой комиссии и о проблеме организации труда, газета констатировала, что нужда является порождением неравенства. «Нужда исчезает, когда между гражданами одной и той же страны устанавливается равенство не на словах, а на деле. Комиссия организации труда должна поэтому всеми своими мероприятиями, всеми своими постановлениями стремиться все больше приближаться к равенству»⁸⁴.

Мы не знаем, о чем писала газета «Трибуна народа», в которой сотрудничал Габриэль Шаравэ. Но и другая лионская «красная» газета «Республика» провозглашала установление фактического равенства как конечную цель социальной революции, требовала вооружения рабочих и мобилизации всего народа против происков реакции, критиковала «ретроградные тенденции» в деятельности Временного правительства, буржуазного по своему существу, подчеркивала противодействие любым социальным реформам «крупных промышленников», диаметрально противоположность интересов эксплуататоров и трудящихся.

20 марта в Париже вышел первый номер феминистской газеты «Голос женщин»⁸⁵. Ее редактор Эжени Нибуайе (Niboyer) была известным деятелем женского движения в период революции 1848 г., основателем женского клуба, а одной из главных сотрудниц газеты — жена коммуниста Жюлье Гей Дезире Гей. В качестве главной задачи газета выдвигала борьбу за эмансипацию, общественное, политическое и экономическое равноправие женщин, в том числе — за избирательные права и равенство в оплате труда. Но газета, называвшая себя «социалистической», содержала многочисленные высказывания о необходимости социального возрождения и коренного общественного переустройства. «То, что мы хотим, это всеобщее возрождение ...мы хотим вместе с вами (мужчинами. — А. И.) построить этот новый мир, где должны царить мир и истина». Газета разоблачала «несправедли-

⁷⁸ Ibid. 1848. 2 mars. N 1. P. 1—2.

⁷⁹ Ibid. P. 2—3.

⁸⁰ Ibid. 9 mars. N 4. P. 3.

⁸¹ Ibid. 5 mars. N 2. P. 2.

⁸² Ibid. 20 mars. N 9. P. 1.

⁸³ Ibid. 5 mars. N 2. P. 3.

⁸⁴ Ibid. 12 mars. N 5. P. 1.

⁸⁵ Voix des Femmes: Journal socialiste et politique. Organe des intérêts de toutes // BN. Lc², 1736. Газета издавалась до 29 апреля; затем после месячного перерыва ее издание возобновилось 28 мая и продолжалось до 20 июня; всего вышло 46 номеров.

вость мополии на землю и другие орудия производств», «самое большое неравенство в богатстве и общественном положении, зависимость или порабощение, невежество и нравственный упадок народной массы». «Сегодня налицо две политические экономии... одна, которая хочет установить человеческие отношения на основе права, порядка, равенства, единства, предусмотрительности и солидарности; другая стремится сохранить неравенство, беспорядок, индивидуализм и изолированность». Последняя «предполагает наличие грабителей и ограбленных, эксплуатацию человека человеком, постоянное снижение минимума как заработной платы, так и количества пропитания, необходимого живому существу для восстановления своих сил»⁸⁶. В статье Дезире Гей «Наши принципы» говорилось, что женщина тоже «должна содействовать решению проблемы равенства»⁸⁷. В связи с выступлением Кабе в защиту эмансипации и равноправия женщин газета опубликовала открытое письмо, в котором ему выражалась благодарность: «Вы, как и мы, хотите, чтобы возрождающие принципы свободы, равенства и братства — единственно возможная основа наших общественных институтов — впредь были бы истиной для всех». Они также преданы «святому делу социального возрождения и всеобщего братства»⁸⁸. Газета осуждала Ламенне, отрицавшего социализм, защищавшего собственность и считавшего при этом себя христианином, хотя Христос и его ученики «жили в условиях общности»⁸⁹. В газете повторно подчеркивалось, что она выражает интересы трудящихся, рабочих и работниц. В статье, посвященной Флоре Тристан, говорилось, что она «посвятила себя классу, которому служим и мы: рабочему классу»⁹⁰.

Сообщая о попытке нескольких лиц воспрепятствовать продаже газеты — под предлогом, что она проповедует коммунистические принципы, — ее редакторы заявляли: «Коммунистки, фюреристки или сенсимонистки, мы имеем право излагать наши доктрины»⁹¹. Газета так отвечала на статью в «Либерте», в которой утверждалось, что нельзя называть реакцией противодействие «коммунисти-

ческим утопиям»: «Коммунисты, как и фаланстерианцы, как и сенсимонисты имеют право быть приверженцами своих доктрин и даже мирно их распространять»⁹². Все эти характерные для газеты заявления свидетельствуют о том, что она не примыкала к какой-нибудь определенной «социальной школе». Среди ее сотрудниц были и сенсимонистки, и фюреристки, и коммунистки. Нибуайе была старой сенсимонисткой. Дезире Гей, в прошлом тоже сенсимонистка, в период революции стояла уже на коммунистических позициях. Но, несмотря на различные оттенки социальной мысли, которые встречаются на страницах «Голоса женщин», мы видим, что газета пропагандировала необходимость коренного социального переустройства, противопоставляя «две политические экономии», и указывала на социальное равенство как на конечную цель общественных преобразований.

Несомненный интерес представляет и единственный номер газеты «Народ суверен», вышедший в свет 26 марта⁹³. В подзаголовке этого органа, назвавшего себя «газетой трудящихся», провозглашались лозунги: «Свобода, равенство, братство, солидарность, единство». Газета писала, что борьба между теми, кто стремился похоронить прошлое, и теми, кто, наоборот, хотел продлить его существование, хотя бы и в новом облике, закончилась победой народа. Все поклонники золотого тельца, все те, кто владел земными богатствами, должны знать, что их царство окончилось. Народ, чьими палачами они являлись, хочет теперь осуществлять свои суверенные права. Революция должна полностью завершиться. Нужно, чтобы то, что уже давно было провозглашено на словах, было бы реализовано на деле. «Необходимо, чтобы то, что было воплощено в страдающей душе пролетария, было бы осуществлено в социальной жизни, чтобы слова превратились наконец в ощутимую реальность, в великодушную действительность... Буржуазная свобода внушает нам отвращение; использовав нас как орудие в своих интересах, она всегда вновь подводила нас под ярмо: раньше она питалась нашей нуждой и пила наши слезы, и теперь она тоже прятет под своей одеждой цепь рабства». Сейчас все превозносят республику. Это единодушные поистине трогательно, но необходимо понять друг друга. Чем станет республика 1848 г., какой она должна быть? Вот в чем

⁹² Ibid. 22 avr. N 30. P. 1.

⁹³ *Peuple souverain: Journal des travailleurs. Liberté, égalité, fraternité, solidarité, unité* // BN. Lc², 1746.

⁸⁶ Ibid. 1848. 29 mars. N 9. P. 1—3.

⁸⁷ Ibid. 30 mars. N 10. P. 1.

⁸⁸ Ibid. 31 mars. N 11. P. 1.

⁸⁹ Ibid. 16 avr. N 25. P. 2.

⁹⁰ Ibid. 15 avr. N 24. P. 3.

⁹¹ Ibid. 18 avr. N 26. P. 1.

вопрос. Слепы те, кто полагают, что республика — это лишь перемена в форме правления, что она не должна ничего менять из того, что существует, и являть образец мира и гармонии. Теперь даже те газеты, которые вели борьбу против свергнутой политической системы, являются приверженцами подобной республики: они первые стараются успокоить финансовую и земельную аристократию, призывая в то же время народ, трудящихся оставаться в предписанных границах, т. е. не требовать ничего такого, что могло бы радикально изменить существующий социальный порядок; они призывают проявлять уважение к собственности, заявляя, что только таким путем можно упредить республику. Но как же можно совместить республику, провозгласившую своим девизом свободу, равенство и братство, с полным сохранением того, что являлось корнем всех злоупотреблений и социальных привилегий? «Свобода! Где тот сумасшедший, тот шарлатан, который считает возможным обеспечить свободу пролетариев без нового преобразования собственности? Что делает гражданскую и политическую свободу реальной и жизненной, а не обманчивой и абстрактной, так это собственность: следовательно, или нужно создать столько же собственников, сколько есть пролетариев, или необходимо социализировать собственность с тем, чтобы никто из граждан не зависел материально от другого; без этого не может быть никакого избавления». То, что относится к свободе, в равной мере относится к равенству и братству. Утверждать, что должны быть богатые и бедные, рантье и производители, эксплуататоры и эксплуатируемые, разве в этом равенство и братство? Кого можно заставить поверить, что крестьянин и рабочий, существование которых при теперешнем порядке вещей вечно зависит от каприза собственника и предпринимателя, когда-нибудь увидят в этом собственнике и в этом предпринимателе своего равного и своего брата? «Рабочие, трудящиеся, не будем дремать... нам хорошо известно, что не может быть свободы, равенства, братства без преобразования собственности: это та цепь, на которой нанизаны все социальные кольца; если вы не будете упорно и твердо держать эту цепь в руках, республика сыграет с вами кровавую штуку».

Все приведенные выше высказывания существенно отличаются от позиции некоторых других органов «красной» печати, доказывавших, что все люди — братья. Газета вполне четко и определенно стояла на классовых позициях, полагая, что крестьяне и рабочие не могут

считать земельных собственников и предпринимателей своими братьями. Резко осуждая «буржуазную свободу», эту новую форму рабства, она требовала установления нового общественного строя, невозможного без радикального преобразования отношений собственности. Она призывала рабочих, трудящихся твердой рукой осуществить это преобразование, пророчески предрекая, что иначе буржуазная республика учинит над ними кровавую расправу. Какой же социальный идеал пропагандировала газета? Она как будто указывала на две возможности: превратить всех пролетариев в собственников или же социализировать собственность. Первый вариант выражал столь распространенные в то время во Франции мелкобуржуазные иллюзии, в частности идеи прудонизма. Но сама газета явно предпочитала социализацию собственности. В статье, посвященной предстоящим выборам в Национальное собрание, газета призывала избирать депутатов из числа рабочих, пролетариев, поясняя, что их будет возглавлять «светлая фаланга социалистов и экономистов демократии».

В марте были изданы три недатированных номера газеты «Настоящая республика»⁹⁴, редактировавшейся Виктором Комбе и Шарлем Десольмом. Последний два года спустя, в 1850 г., был арестован по обвинению в заговоре. Республика провозглашена, говорилось в газете, но она не должна быть такой, как республики Афин, Спарты, Рима или Венеции. «Мы не знаем, какую степень совершенства готовит будущее для человеческого рода; но, чтобы человечество достигло того предела, когда станет возможным общность имуществ, нужно, чтобы вся масса людей стала безразличной к любому преимуществу, кроме преимуществ заслуги и добродетели. Мы еще далеки от этого, и приходится мириться с социальным неравенством, присущим собственности... Пролетарий требует сегодня только одного — жить работая; он хорошо осознал свою силу, и его возмущение может привести к опасным действиям, если побояться принять энергичные меры, способные положить конец его страданиям». Временное правительство сделало, конечно, ряд хороших вещей: отменило смертную казнь за политические преступления, тюремное заключение — за долги, открыло всем гражданам доступ в национальную гвардию, провоз-

⁹⁴ Véritable république: Journal quotidien/Redigé par m. m. V. Combet, Ch. Desolme et une réunion des républicains sincères // BN. Lc², 1750.

гласило право на труд. Но одновременно оно допустило серьезные ошибки и встало на очень опасный путь. Революция требует дерзновения, смелости. Без этого революции не достигают своей цели, а остаются незавершенными; вскоре их подтачивает реакция. Временному же правительству не хватает смелости. Оно должно было бы отменить оклады духовенству, отменить косвенные налоги, реорганизовать на новых базах магистратуру, уволить 20 тыс. бесполезных государственных служащих, сменить большинство других, упразднить все sinecуры, заставить кровопийц отдать награбленное. Вызывает также большие опасения, как готовятся выборы в Национальное собрание, ибо в существующих условиях невозможно, чтобы их результат явился искренним выражением народной воли; богачи и интриганы получают в нем большинство. Капиталы, конечно, вернутся во Францию, и вновь расцветет биржевая спекуляция. «И хотя бы вся пресса выражала негодование, мы будем продолжать протестовать против пути, неизбежно ведущего к такому результату». Как видим, газета Комбе и Десолма, критикуя Временное правительство, требовала чистки государственного аппарата и радикальных демократических мероприятий, дабы революция не потерпела поражения. Считая общественное неравенство пока что неизбежным, она видела в перспективе его полную ликвидацию и установление «общности имуществ».

В своем единственном номере, вышедшем в свет 9 апреля, газета «Организатор труда» под редакцией Летелье⁹⁵ ставила вопрос об общественном переустройстве более конкретно. Она решительно осуждала планы создания ассоциаций, объединяющих хозяев и тружеников. «Тщетно хотели бы ассоциировать трудящихся и промышленников, подобная ассоциация невозможна». Газета выдвигала проект «Универсального общества», конечной целью которого являлась бы организация аграрно-индустриальных колоний, каждая из 2000 человек. Лишь это единственно возможная форма организации труда. «Сельскохозяйственные и индустриальные колонии — единственный предоставленный нам якорь спасения; без этого свобода является лишь пустым словом, а братство — абстракцией». В газете был помещен фельетон, посвящен-

ный «острову Утопии» Томаса Мора. В ней было также опубликовано объявление о новой брошюре Кабе.

10 марта вышел в свет первый выпуск «Социальной революции», «еженедельных памфлетов», как характеризовалось это издание в подзаголовке⁹⁶. Третий выпуск должен был появиться 17 апреля. Сохранился, однако, лишь второй выпуск, который, следовательно, вышел в конце марта или начале апреля. Издателем и автором этих «еженедельных памфлетов» был Эдуар Горж, о котором мы, к сожалению, не имеем сведений. Какие же идеи излагал он во втором, дошедшем до нас, выпуске «Социальной революции»?

Горж констатировал: сейчас все объявляют себя республиканцами. «Слово „республика“ — термин очень неопределенный, под ним подразумеваются различные формы правления, коренным образом отличающиеся друг от друга». Можно быть республиканцами аристократическими, демократическими, социалистическими, коммунистическими. «Часовые, находящиеся на передовой линии, мы хотим бороться в первых рядах среди тех, кто поставил перед собой благородную задачу упразднить все злоупотребления, разрушить по частям наше старое порочное общество — вплоть до его фундамента, чтобы перестроить его на плодотворных и великодушных принципах. Мы прежде всего хотим заменить индивидуализм ассоциацией».

В «Памфлете» содержится резкая критика Временного правительства. «Самой большой и, быть может, единственной заслугой правительства является то, что оно временное». Автор предлагает заменить все его декреты одним-единственным законом с одной-единственной статьей: «Все общественные должности принадлежат господам членам Временного правительства, их родственникам и друзьям». В отличие от других Горж не только критикует правительство в целом, но и обрушивается на всех его членов в отдельности — и на министра народного просвещения Франсуа Араго, и на министра внутренних дел Ледрю-Роллена, и на министра финансов Гарнье-Пажеса, непосредственно ответственного за тяжелое экономическое положение страны. Самым интересным является его откровенное издевательство над Луи Бланом. В то время как другие «красные» газеты, даже критикуя Временное правительство, отзывались с уважением о Луи Блане,

⁹⁵ Organisateur du travail: Journal de la Société universelle (vaste association commerciale, industrielle et agricole)/Sous la dir. du citoyen Letellier // BN. Lc², 1771.

⁹⁶ Révolution sociale: Pamphlet hebdomadaire // BN. Lc², 1721.

восхваляли его «благородные намерения» и с надеждой следили за деятельностью Люксембургской комиссии, Горж разоблачал его пустую болтовню, преследовавшую цель успокоить общими словами и различными обещаниями всех недовольных. Десять тысяч литераторов отправляются к Луи Блану, «который соизволил взять на себя организацию труда». К нему обращается с речью их представитель Партишон, требуя от «господина временного» предоставления работы. Луи Блан отвечает: «Господа, Временное правительство глубоко тронато проникновенной и разумной речью, которую произнес здесь прославленный Партишон с таким изяществом и скромностью. Вопрос поставлен, и я прошу у вас времени для размышления». Когда Партишон указывает, что уже четыре часа, а они еще ничего не ели, и просит дать ответ не позже чем через пять минут, Луи Блан восклицает: «Братья мои, вы просите работы у правительства и вы совершенно правы. Власть, порожденная баррикадами, заседающая на баррикадах, действующая посреди баррикад, не может отвергнуть пожелания своих детей». В конце беседы он заявляет: «Впрочем, Временное правительство думает обо всем, и если кто-нибудь из вас умрет с голоду, то Республика похоронит его за свой счет». Вряд ли можно встретить в те дни другое столь саркастическое разоблачение подлинной роли Луи Блана, этого «главноуговаривающего», пытавшегося своими речами успокоить широкие народные массы и прикрывавшего ими неблагоприятную деятельность Временного правительства.

Мы видим, что Горж считал основной задачей революции разрушение старого общества и построение нового. Какое же новое общество он считал необходимым построить? В конце своего «Памфлета» Горж дает на этот вопрос совершенно недвусмысленный ответ: «Через некоторое время реакционеры будут пугать нас коммунистами, как в детстве нас пугали оборотнями, а вчера — словом „республика“. Будем изучать коммунизм. Если его принципы ложны и опасны, то лучший способ его опровергнуть, это ознакомиться с ними; если же эти принципы жизненны, мы их оплодотворим и постараемся применить для социального возрождения... Развитие человеческого познания, выводы из демократического принципа прямым путем ведут нас к коммунизму. Это может быть лишь вопросом времени».

Несколько позже, в июне, Горж опубликовал брошюру, еще раз свидетельствующую о его коммунистических

убеждениях. Она называлась «Организация коммуны во Франции» и была помечена 23 июля 1848 г.⁹⁷ Старое общество, говорилось в ней, рушится. «Собственник — последний осколок умирающего мира. Паразиты являются трутнями социального улья, пчелы которого — пролетарии... Кем сейчас является пролетарий? Никем. Кем он должен быть? Всем. Попробуйте организовать общество без пролетариев. Теперь поставим обратный вопрос и посмотрим, каким было бы общество без праздных собственников, без паразитов, которых нужно кормить?.. Разве трудящееся большинство осуждено вечно быть эксплуатируемым праздным меньшинством? Мы не знаем еще, сколько времени будет длиться эксплуатация человека человеком; мы не знаем, сколько благородной крови прольется в грядущих революциях до справедливой и разумной организации общества. Но что свобода, равенство и братство, которые сегодня лишь пустые слова, лишенные смысла, станут великим законом будущего, мы в этом глубоко убеждены». Необходимо организовать коммуны, которые объединяли бы многочисленные семьи и обменивались бы между собой своей продукцией. Выдвигая идеал коммунистического общества, основанного на принципах общинного коммунизма, Горж в то же время отмежевывался не только от сенсимонизма, фурьеризма, но и от Кабе, от Оуэна, Пеккера и Дезами. Видимо, он хотел быть оригинальным. Но это не имеет существенного значения. Важно то, что он считал коммунизм будущим человечества и даже открыто провозглашал возможность новых революций для достижения этой цели.

К коммунистическим выводам приходил и автор единственного номера (от 20 апреля) газеты «Эгалитарная демократия» Фредерик Жерар⁹⁸. В передовой статье «О равенстве» он писал, что формальное равенство перед законом — одно из главных надувательств. «Ни при монархии, абсолютной или конституционной, ни при аристократической или олигархической республике не может существовать подлинного равенства. Патриции и пролетарии, знатные и простолюдины, буржуа и трудящиеся являются двумя крайностями социальной лестницы». Как в прошлом, так и в настоящем не было еще республик,

⁹⁷ Gorges E. Organisation de la Commune en France // BN. Lc⁵⁴, 573.

⁹⁸ Démocratie égalitaire: Semaine social et républicaine. 1848. 20 avr. N 1 // BN. Lc², 2891.

основанных на равенстве. В Спарте были рабы, в Риме шла непрерывная борьба между патрициями и плебеями, республики средневековья носили аристократический характер. В Америке не только имеются рабы, но и вся жизнь граждан — своего рода бесконечная гонка, в которой наименее умелые сворачивают себе шею. Но ведь все люди имеют одинаковые права на удовлетворение своих жизненных потребностей и на развитие своих способностей. Пока не будет равенства между правами и обязанностями, общество будет зиждиться на ложной и несправедливой основе.

Февральская революция дала возможность добиваться устранения этого противоречия. «Кто осмелится вопить об утопии, когда мы можем противопоставить заинтересованным защитникам сохранения привилегий постепенное осуществление доктрины равенства, упраздняя, с одной стороны, злоупотребления, всегда проистекающие от неравенства, и сближая, с другой стороны, права и обязанности с тем, чтобы их уравновесить? Приученные судить о теориях лишь с точки зрения возможности их осуществления, мы берем в самых соблазнительных социальных доктринах лишь то положительное, что может быть в настоящее время осуществлено, отнюдь, однако, не связывая этим будущее и ничем не ограничивая прогресс... Разве мы безрассудные утописты, когда мы требуем для всех гарантии жизни и права на труд?.. Являемся ли мы утопистами, когда мы стремимся к тому, чтобы никто не мог в силу столь несправедливой привилегии, как богатство, угнетать себе подобных? Являемся ли мы утопистами, когда мы считаем одиозной и аморальной бесчеловечную эксплуатацию человека себе подобным и автоматизм пролетария (когда рабочий рассматривается как простое орудие)... Являемся ли мы утопистами, когда мы хотим, чтобы естественное равенство стало фундаментальной основой наших общественных институтов?»

Враги социальной реформы хотели заклеить доктрину равенства и представить ее в смешном виде, противопоставляя ей самые абсурдные примеры абсолютного равенства во всем, даже в самых интимных сферах, делая вид, что они не понимают, что закон разнообразия тоже является естественным законом. Абсурдно также требовать раздела земель, денег, движимого и недвижимого имущества. «Эта лживая теория противоречит любой разумной общественной организации, а между тем имен-

но подобной чепухой хотят помешать успеху эгалитариев и пытаются внедрить среди той части народа, которая отстала в своем развитии, идеи анатагонизма и ненависти... Но мы убеждены, что, несмотря на сопротивление, французское общество продолжит свое продвижение по пути равенства, единственного якоря спасения, способного избавить его от гибели».

Вряд ли можно сомневаться, что под равенством Жерар подразумевал коммунистическое равенство, а под эгалитариями — коммунистов. Именно в осуществлении этого равенства, в создании нового общественного строя, основанного на этом равенстве, он и видел конечную цель революции.

Глава вторая

Проекты «организации труда». Пропаганда коммунизма икаррийской школой. Вильгардель, Массе, Гарен де Витри. «Индивидуализм и коммунизм». Оуэнистские проекты. Антикоммунистические брошюры.

I

Непосредственно после Февральской революции книжный рынок был буквально наводнен различного рода изданиями, главным образом брошюрами, посвященными актуальным политическим вопросам. Среди них главное место занимал вопрос об «организации труда» и о социальных реформах. Формула «организация труда» была в те дни общепризнанной, в нее вкладывали самое разное содержание — от борьбы с безработицей до коренного социального переустройства.

В нашу задачу не входит, разумеется, рассмотрение всех опубликованных в то время планов «организации труда». Скажем лишь следующее. Среди них мы встречаем и самые разнообразные проекты «ассоциаций». Пропагандировались, в частности, разные планы продовольственной, производственной и иной кооперации. Приведем лишь два характерных примера, хотя их можно было бы привести множество. В изданной в марте брошюре «Идеи об осуществлении на практике принципа братства»¹ содержалось предложение о создании ассоциаций семейств, живущих раздельно, продолжающих заниматься своей профессией, но взаимно гарантирующих друг друга от всех бед и невзгод. Такие ассоциации, по мнению автора, принесут пользу и создадут истинное братство, даже если в них будут объединены только малоимущие семьи. Но он выражал надежду, что в подобные ассоциации будут вступать и зажиточные семьи. Перед нами проект потребительского и страхового товарищества, весьма напоминающий аналогичные, мелкобуржуазные по своей сути, проекты ассоциаций, существовавшие во Франции давно, еще со второй половины XVIII столетия. А вот другая

брошюра «Об организации труда»: в конце ее стоит подпись «Рабочий»². Было бы целесообразно, пишет автор, организовать ассоциации женатых рабочих. Подобные ассоциации должны учреждать обширные мастерские и представлять собой нечто вроде маленьких колоний, в которых проживали бы все рабочие со своими семьями. Во главе двух-трех мастерских одной и той же профессии стоял бы мастер, а отдельные мастерские возглавляли бы его помощники. Все они избирались бы рабочими на один-два года. Кроме поденной платы, все члены ассоциации получали бы причитающуюся им долю доходов. Из этой суммы предполагалось вычитать взнос в фонд резервной кассы, для содержания инвалидов и престарелых. Вот типичный образчик производственного товарищества рабочих, также не представляющий ничего оригинального. Такие проекты можно встретить еще в конце XVIII в. Они усиленно пропагандировались в 30—40-х годах многими мелкобуржуазными идеологами, в частности Бюше.

Но наряду с такого рода планами «организации труда» имелись и проекты, в которых «организация труда» непосредственно связывалась с проблемой установления нового общественного строя. Так, 18 марта 1848 г. в Гренобле была опубликована брошюра «Переходные предложения об организации труда»³. Ее автор предлагал осуществить ряд временных, переходных мероприятий до окончательного социального переустройства, причем он сам сравнивал их с мероприятиями периода гарантизма Фурье. Сперва необходимо организовать, при помощи государственных субсидий, общества, заботящиеся о своих членах «в случае болезни, недуга, старости или отсутствия работы», т. е. своего рода страховую кооперацию. Затем необходимо создать в каждом департаменте «конторы трудящихся» и «общие склады», связанные друг с другом и представляющие единую систему в общегосударственном масштабе. Постепенно «конторы» станут собственниками всей земли и всех промышленных предприятий, а «склады» ликвидируют анархическую торговлю. В результате подобного общественного развития можно предвидеть возникновение «огромной общины, обеспечивающей всем благосостояние, счастье и свободу». Хотя автор, говоря о предлагаемых переходных мероприятиях,

¹ Idées sur la mise en pratique du principe de la fraternité // Bibliothèque National. Lb⁵³, 298 (далее: BN).

² Sur l'organisation du travail // BN. Lb⁵³, 439.

³ Proposition transitoire sur l'organisation du travail // BN. Lb⁵³, 596.

справедливо ссылается на систему гарантизма Фурье, но его конечный идеал отнюдь не фурьеристская фаланга. Он сам указывает, что предлагаемые им переходные мероприятия должны удовлетворить коммунистов, так как они в конечном итоге приведут к «всеобщей ассоциации».

В воззвании, подписанном 6 апреля в Сомюре «рабочим, обвиненным собственниками в коммунизме»⁴, предлагалось организовать производственные ассоциации рабочих. Каждый из ассоциированных должен получать свою долю в доходах ассоциации, пропорциональную вложенному им труду, оцениваемому по пятнадцатибалльной шкале. В конце воззвания автор, однако, указывал, что таковы его предложения до того, как вступят на единственный путь, который принесет избавление. Каков этот «единственный путь», он не говорит, но об этом можно догадаться, так как он сам называл себя рабочим, обвиненным в коммунизме.

Автор брошюры «Новая социальная идея», изданной под инициалами А. Ф.⁵, не скрывал своей приверженности социализму и коммунизму. Он решительно осуждал фурьеризм и все проекты ассоциаций, основанные на объединении эксплуататоров и эксплуатируемых. Необходима такая политическая система, которая содействовала бы прогрессивному уменьшению индивидуальных состояний и прогрессивному росту общего достояния. Необходимо ликвидировать право наследования и постепенно обобществить средства производства: «...машины станут общей собственностью и будут использоваться на благо всем». Конечно коммунизм — «это, безусловно, все самое совершенное и превосходное, о чем можно только мечтать». Но вряд ли можно рассчитывать на установление коммунистической общности в ближайшем будущем. Поэтому в новом «эгалитарном» обществе должен применяться принцип «каждому по его труду». Как видим, хотя автор брошюры и считает коммунизм самым совершенным общественным идеалом, на практике он призывает построить, путем постепенного обобществления средств производства, новое социалистическое общество, в котором не будет больше эксплуататоров и каждый труженик будет получать вознаграждение по своему труду.

⁴ Aux électeurs français // BN. Lb⁵³, 996. Помечено: Saumur le 6 avril 1848. Подписано: Un ouvrier, accusé de communisme par les propriétaires.

⁵ Nouvelle idée social par A. F. P.; Lyon, 1848 // BN. Lb⁵³, 1658.

В эти же дни была опубликована и другая любопытная брошюра под названием «Резюме книги, которая будет называться „Дорога к счастью“, а также credo»⁶. Ее автором был некто Луи Дезэй, который, по его словам, автором был некто Луи Дезэй, который, по его словам, автором был профессией живописцем и работал как в фарфоровых мастерских, так и в мастерских декоративных и по производству обоев. Дезэй также считает необходимым полное обновление общества и предлагает целый ряд переходных мероприятий, которые вряд ли стоит здесь подробно излагать. Скажем лишь, что они отчасти напоминают учреждения эпохи гарантизма Фурье. Это не значит, однако, что Дезэй был приверженцем главы социетарной школы. Наоборот, он самым решительным образом заявлял, что «социализм Фурье» можно допустить лишь как «переходной режим». «Я буду противиться ему всеми моими силами, так как эта трехступенчатая ассоциация, внесла бы, конечно, некоторые улучшения, но сохранила бы под другими именами аристократию, буржуазию и пролетариат». Его общественный идеал — это коммунизм. Он говорит о «святой идее коммунизма» и активно защищает ее. Никто не хочет превратить Париж в огромный богодельню, состоящую из маленьких неблагоустроенных домашних хозяйств, никто не хочет раздела земель, никто не хочет поделить деньги, ибо тогда на долю каждого пришлось бы всего 50 фр. При коммунизме не будет бездельников, так как все будут трудиться на общее благо. Не будет воров, так как каждый может приобрести все то, что есть у другого. Поскольку отношения между мужчинами и женщинами будут основываться на любви, не будет больше адюльтеров. Никто не собирается упразднить роскошь и искусства. Неопровержимо доказано, что «абсолютное равенство и общность» могут заменить теперешнюю неестественную жизнь наций «истинной жизнью». Он рад, что дожил до республики, но был бы еще больше рад, если жил бы при республике и в условиях общности.

II

Развернутая пропаганда коммунистического идеала велась в марте—апреле 1848 г. прежде всего икарыйской школой. Это и понятно. Икарыйские организации были

⁶ Résumé d'un livre qui aura pour titre: Le chemin du bonheur et profession de foi. Par Louis Deshay, peintre. P., 1848 // BN. Lb⁵³, 1241.

самыми многочисленными коммунистическими организациями во Франции еще до революции, и именно они вели последовательную коммунистическую пропаганду. Активное участие икарийцев в революции подняло их общественный престиж. Кабе признавался всеми как главный идеолог коммунизма.

Печатным органом икарийской школы продолжала оставаться газета «Попюлер», издатели которой, разумеется, не скрывали ее коммунистической направленности. В номере от 5 марта 1848 г., непосредственно под названием газеты, они поместили следующее кредо: «Братство, равенство, свобода, ассоциация, единство — Общность. Коммунизм является противоположностью индивидуализма, антиподом аграрного закона и раздела земель. Это самая широкая и самая полная ассоциация, основанная на братстве, равенстве, свободе, единстве, базирующаяся на образовании, труде, браке и семье. Это осуществление демократии и христианства в его первоначальной чистоте. Его главные формулы следующие: Каждый за всех, все за одного. От каждого сообразно его силе и способности, каждому сообразно его потребностям. Социальная, коллективная, неделимая собственность. Установление общности путем законной и мирной пропаганды, путем убеждения, индивидуальной и национальной волей. Прогрессивно развивающийся переходный период»⁷.

Как свидетельствует это кредо, икарийцы стремились всячески отмежеваться от распространяемых в то время представлений о коммунизме как об аграрном законе, о намерении коммунистов ликвидировать брак и семью, немедленно уничтожить частную собственность и установить коммунистические порядки. Эту же цель преследовали и многочисленные передовые, написанные самим Кабе. Так, например, 7 марта в ответ на публичное заявление одного из членов Временного правительства, что коммунисты хотят упразднить собственность, семью и брак, Кабе написал: «Он не ведает, что, даже когда наши теории и наша система будут полностью осуществлены, с согласия всех и по национальной воле, мы не уничтожим собственность, а видоизменим ее и реформируем, как это было уже сделано тысячи раз, мы ее улучшим, усовершенствуем, превратив в социальную, коллективную, неделимую и общую, в интересах всех, чтобы в огромной мере увеличить производство, упразднить нищету, обес-

печатить изобилие и всеобщее благосостояние! Он не ведает, что мы всегда считали, что после революции должен быть переходный период, который может продлиться 20—30 лет, в форме демократии и республики, который сохранит собственность в течение всей жизни теперешних собственников и установит систему постоянно уменьшающегося неравенства и прогрессивного роста равенства»⁸. 12 марта в передовой статье он заявлял: «Нас обвиняют в желании осуществить раздел земель; но никто не является таким врагом раздела, как мы, потому что мы добиваемся всесторонней ассоциации и общности... Считают, что мы хотим упразднения семьи, но никто не ломал столько копий, как мы, в защиту брака и семьи, одновременно их очищая и совершенствуя. Нас изображают как анархистов, но никто не является такими друзьями порядка, как мы, большими сторонниками организации, убежденными, что народу необходимы порядок и дисциплина, дабы он мог пользоваться плодами своего труда»⁹. Те же мысли Кабе развивал и во многих других передовых статьях¹⁰.

«Попюлер» в каждом своем номере печатал многочисленные выдержки из прессы, из выступлений различных ораторов, из проповедей духовных лиц, в которых речь шла о коммунизме. В своих комментариях и возражениях газета разоблачала все тенденциозные измышления о коммунистическом учении и о практических целях коммунистов. Приести все эти материалы здесь просто невозможно, так как это заняло бы десятки страниц, да и вряд ли целесообразно, так как газета фактически вынуждена была неоднократно говорить одно и то же, опровергая отождествление коммунизма с уравнительством, а коммунистов — с ворами и грабителями, покушающимися на чужую собственность, с аморальными людьми, провозглашающими общность женщин.

Занятая вопросами текущей политической борьбы, газета не публиковала специальных статей, посвященных коммунистической теории, а если и касалась проблем коммунистического строя, то только в связи с конкретными политическими задачами. Так, в номере от 16 апреля был опубликован «Призыв к здравому смыслу народа», подписанный скульптором Жюльеном Шамбри (Julien Chambry), в котором содержалось более или менее полное изложение коммунистического идеала. «Тру-

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. 12 mars. P. 1.

¹⁰ См., напр.: Ibid. 6 avr. P. 1.

⁷ Populaire. 1848. 7 mars. P. 1.

дящиеся,— говорилось в этом воззвании,— вспомним о нашем прошлом и задумаемся над нашими страданиями и нашим рабством... вспомним, что при монархии существование пролетария было лишь сплошной невзгодой, источником тревог и унижения для нас, наших жен и детей. Не будем же доверять богатым эксплуататорам, которые до настоящего времени относились к нам с презрением и оставались бесчувственными к нашим страданиям. Вспомним жестокость, с которой обращались с нами консерваторы буржуа, когда мы требовали реформ, когда мы проводили забастовки». Шамбри обращается к рабочим не для того, чтобы возбудить в них ненависть, а чтобы они не были одурочены людьми, которые вчера их презирали, сегодня им льстят, а завтра их предадут. Нужно, однако, ненавидеть не людей, а «аристократические институты» современного общества, основанного на эгоизме и индивидуализме. «Нужно заменить личный интерес общим интересом, нужно чтобы изолированность, конкуренция, принцип „каждый для себя“, были заменены ассоциацией. Одним словом, нужно заменить индивидуализм, эгоизм коммунизмом, который является не чем иным, как ассоциацией, основанной на братстве, равенстве и свободе. Пусть все трудящиеся в интересах своих собственных семейств читают и изучают коммунистические сочинения, не становятся орудиями в руках врагов народа и не распространяют клевету, преследующую цель бесчестить друзей свободы и исказить системы и доктрины, основанные на самых возвышенных истинах». «При общности полное равенство как юридическое, так и фактическое, равенство в обязанностях, бремени, благосостоянии и пользовании... При общности все работают, лень рассматривается как воровство. Труд, стимулированный содействием всех и в котором все принимают участие, является умеренным, привлекательным; в крупной промышленности и сельском хозяйстве благодаря обилию машин он обеспечивает громадную экономию и изобилие во всем». Далее автор опровергает трафаретные возражения против коммунистического строя, который будто бы упраздняет стимулы к соревнованию и нивелирует людей, обладающих разной степенью способностей. Обращение заканчивается призывом к рабочим читать произведения Кабе⁴¹. Этот «Призыв», опубликованный в «Попюлере», был явно связан с предстоявшими выборами в Национальное собрание.

⁴¹ Ibid. 16 avr. P. 3.

Он был обращен к рабочим, среди которых в то время усиленную агитацию вели и противники коммунизма с целью настроить их против коммунистов. Именно поэтому автор «Призыва» и счел нужным изложить вкратце основные коммунистические принципы, разумеется, в их икарыйской интерпретации.

Кроме передовых статей в «Попюлере», Кабе в марте—апреле издал целый ряд брошюр. В номере «Попюлера» от 2 апреля сообщалось, что скоро будут выходить в свет «Маленькие диалоги о коммунизме» на 4—8 страницах⁴². В номере от 6 апреля было помещено извещение о выходе брошюры Кабе «Долой коммунистов»⁴³, написанной в форме диалога между неким буржуа и икарыйцем⁴⁴. Буржуа все время провозглашает: «Долой коммунистов». Они разбойники, грабители и воры, они поджигатели и насильники, стремящиеся осуществить аграрный закон и раздел земель, они пьяницы и бездельники, желающие ограбить трудящихся и жить за их счет, распутники, не признающие ни брак, ни семью, аморальные и безбожные люди. Икареец последовательно опровергает эти обвинения. На замечание буржуа, что даже сами рабочие отвергают коммунизм и коммунистов, икареец отвечает: «Нет! Все газеты и все публикации, наоборот, признают, что мирный и легальный икарыйский коммунизм сделал громадные успехи; что большинство рабочих в Париже, Лионе, Нанте, Руане, Реймсе, Туре, Виенне, Тулоне, Тулузе являются коммунистами; что повсюду элита трудящихся, самые прилежные и самые рассудительные, восприняли коммунизм». На возражение буржуа, что очень многие рабочие также кричат «Долой коммунистов!», икареец заявляет: «Потому что они не знают, что такое коммунизм, потому что их обманывают, потому что их вводят в заблуждение, потому что им внушают, что коммунисты их враги, в то время как они их лучшие друзья, их товарищи и их братья! Они очень несчастны, эти бедные рабочие! Их обременяют работой, не оставляя им времени читать; их держат в невежестве и нужде; и когда появляются реформаторы, посвятившие себя улучшению их участи... привилегированные, аристократы, священники, все эксплуататоры возбуждают их против тех, кто хочет их освобождения и счастья». И хотя ни в какую другую эпоху, как сейчас, не было

⁴² Ibid. 2 avr. P. 4.

⁴³ Ibid. 6 avr. P. 4.

⁴⁴ A bas les communistes // BN. Lb⁵³, 1051.

столь много образованных и сознательных рабочих, но, к сожалению, есть еще очень много таких, которые дают себя обманывать. Это не их вина, а вина общества. Разговор заходит о республике, и икареец утверждает, что именно коммунисты являются истинными республиканцами и демократами, но они делают из девиза «Свобода, равенство, братство» все последовательные выводы.

Серия «маленьких диалогов о коммунизме», о которой было объявлено в «Попюлере», видимо, не имела продолжения. Но в те месяцы в виде брошюр регулярно выходили так называемые речи Кабе. Это были, по существу, протоколы собраний Центрального братского общества икареев; на каждом из них Кабе выступал с пространными речами. Конечно, основное внимание Кабе уделял текущим политическим вопросам, но одновременно стремился защищать коммунистический идеал.

Так, в своей седьмой речи он указывал на необходимость — в связи с усиливавшейся антикоммунистической кампанией — открыто излагать свои взгляды. Он говорил: «Коммунизм это не только самая мудрая и радикальная политика, но и самая чистая мораль, самая возвышенная философия, самая светлая религия». Коммунизм — это принцип братства, из которого необходимо сделать все надлежащие выводы, связанные с социальными преобразованиями. «Все те, кто рассматривает наши доктрины, вынуждены признать, что если даже они являются иллюзией, то это самая честная иллюзия, достойная глубочайшего уважения, и что если коммунисты являются лишь утопистами и мечтателями, то нельзя не признать, что они самые искренние друзья Бедного, Рабочего, Трудящегося, Пролетария»¹⁵.

В девятой речи Кабе, вновь и вновь опровергая стандартные обвинения, выдвигаемые против коммунизма, заявлял: «Коммунистов объявляют бездельниками и даже добились того, что в это поверили и это повторяют несчастные рабочие, пролетарии, а также люди всех классов. Коммунисты будто бы бездельники, которые ничего не хотят делать и хотят жить за счет трудящихся. Можно ли так злоупотреблять общественным доверием? Коммунисты, наоборот, являются трудящимися людьми; они хотят, чтобы все происходило из труда; они объявляют труд первой жизненной необходимостью, первым делом, который нам предписывает природа. Ничего без тру-

да, но необходимо сделать все, чтобы изменить его характер. Мы хотели бы, чтобы люди могли работать с помощью машин, не подвергая при этом опасности свою жизнь и здоровье; а кто же может пожаловаться на то, что в интересах трудящихся мы хотим сделать труд менее утомительным, менее изнуряющим?»¹⁶

Десятая речь Кабе посвящена «краткому изложению доктрины икареевского коммунизма и пути его развития». Мы не станем ее пересказывать, так как в ней не содержится ничего нового. Скажем лишь, что в заключение Кабе более подробно говорил о проблеме переходного периода, что, конечно, вполне понятно, так как вопрос этот был очень актуален. Подчеркнув, что коммунистическая система будет полностью установлена лишь после переходного периода, он определял его длительность не 20—30 годами, как раньше, а 40 или даже 50 годами, заявляя при этом, что поскольку «переходный режим» должен осуществляться в условиях демократической республики, то и икареевцы должны выступать в настоящее время как республиканцы-демократы¹⁷.

Наконец, в последней, одиннадцатой речи Кабе, страстно обличая невыносимое положение трудящихся, рабских, осуждая гонения на коммунистов, выражал непоколебимую уверенность в грядущей победе коммунизма. «Трудящегося эксплуатируют, как скотину, как лошадь, как собаку, и вдобавок эти животные более счастливы, чем трудящиеся. О лошади заботятся, потому что она представляет ценность; ее лечат, когда она больна, ее опасаются ранить, так как это означало бы потерю для кошелька. Но общество организовано так, что всюду можно наблюдать безразличное отношение к здоровью и жизни трудящегося... К рабочему повсюду проявляют большее безразличие, чем к животным. Больше заботятся о машине, чем о рабочем, переставшем быть полезным». Между тем «без пролетария общество не могло бы существовать». Упразднить пороки современного общества может только коммунизм. Когда Галилей утверждал, что Земля вращается вокруг Солнца, его подвергли преследованиям и осудили. «Сегодня хотят упразднить коммунизм, преследуют коммунистов за то, что они считают, что общество плохо организовано и что есть возможность его лучше организовать на счастье всего человечества».

¹⁵ 7^e et 8^e discours du citoyen Cabet. P. 4—5 // BM. Lb⁵³, 932.

¹⁶ 9^e discours du citoyen Cabet P. 7—8 // BN. Lb⁵³, 1294

¹⁷ 10^e discours du citoyen Cabet // BN. Lb⁵³, 1343.

Осужденный Галилей воскликнул: «И все-таки она вертится!» «Ну что ж, можно запретить коммунизм, так как он разоблачает порочную организацию общества; можно называть коммунистов мечтателями, утопистами, осуждать их, даже убивать, это не помешает нам всегда повторять, что никто не любит человечество больше, чем мы, не ищет с большей искренностью и самоотверженностью средства, чтобы сделать его счастливым. Так же, как осудили Галилея, а затем точка зрения Галилея получила всеобщее признание, так и мы имеем достаточную веру в наши доктрины, чтобы быть уверенными, что они однажды восторжествуют на всей земле среди изобилия, мира, доброжелательства и безопасности»¹⁸.

Газета «Попюлер» и Кабе своей неустанной защитой коммунизма, безусловно, играли положительную роль в первые месяцы революции, и роль эта была, конечно, очень важной, особенно по мере роста во Франции антикоммунистических настроений, когда для обывателей само слово «коммунизм» становилось одиозным. Но, признавая это, мы должны отметить и следующее. Кабе и его последователи и после революции не продвинулись в своей теории коммунизма ни на шаг вперед. Они повторяли свои прежние формулы. Кабе беспрестанно ссылался на христианское учение, видя в коммунизме его лучшее воплощение. И хотя Кабе выступал от имени рабочих, он вовсе не призывал их активно содействовать социальному переустройству. Он всегда настаивал на том, что строительство коммунизма — это мирный процесс, который должен протекать постепенно и с согласия всех. Более того, и теперь он продолжал всячески подчеркивать отличие икарийского коммунизма от коммунизма материалистического. Так, в передовой статье «Попюлера» от 7 марта, возражая члену Временного правительства, который обвинял коммунистов в стремлении упразднить собственность, брак и семью, он писал: «Несмотря на наши многочисленные сочинения и на наш недавний манифест (Обращение к икарийским коммунистам от 25 февраля. — А. И.), а также последние номера «Попюлера», он не знает, что ни в коем случае нельзя смешивать икарийских коммунистов... с коммунистами, которых называли материалистами, коммунистами немедленных действий, революционерами, что икарийцы составляют основную массу коммунизма, а другие несравненно менее

многочисленны»¹⁹. Даже теперь, после революции, в которой икарийцы приняли самое активное участие, когда сам Кабе называл своих последователей «революционерами» и «республиканцами-демократами», он продолжал решительно отмежевываться от представителей революционно-коммунистического течения. Поэтому он постоянно настаивал, чтобы говорили не о коммунизме вообще, а использовали термин «икарийский коммунизм».

III

Представители икарийской школы выступали в защиту коммунизма не только в Париже и на страницах «Попюлера», но и в провинции. В марте в Аяже был опубликован «Ответ икарийских коммунистов на четвертый памфлет гражданина Гриля»²⁰. Ответ этот был подписан «членами икарийского коммунистического общества в Аяже» и помечен: «Аяже 19 марта 1848 г.» В нем опровергались различные измышления о коммунистах, в частности, что они хотят общности женщин. Коммунисты стремятся осуществить свои доктрины лишь путем убеждения и отнюдь не рассчитывают осуществить их немедленно. Считая, что во Франции этого сделать сейчас невозможно, поскольку прежние правители слишком преуспели в укреплении «рабства бедных классов», они хотят даже основать свою колонию на девственной земле. Речь шла об основании икарийских колоний в Америке.

В Нанси уже во второй половине апреля был напечатан «Ответ врагам социализма»²¹, под которым стояла подпись: «Илер (Hilaire), виноградарь в Мароне». Этот «Ответ» был написан в целях защиты коммунизма и лично Кабе. Непосредственно после революции реакция притаилась, но затем ободренная слабостью Временного правительства, дрожащая за свои привилегии вновь подняла голову. Народ пугают коммунизмом, а между тем коммунизм — это ассоциация, солидарность всех трудящихся для взаимного обеспечения материального, морального и интеллектуального благосостояния.

¹⁹ Populaire. 1848. 7 mars. P. 1.

²⁰ Réponse des communistes icariens au pamphlet N 4 du citoyen Grille // BN. Lb⁵³, 615.

²¹ Réponse aux ennemis du socialisme // BN. Lb⁵³, 1200.

Его девиз — каждый за всех, все за одного. Коммунизм — это эмансипация женщин, всеобщее образование, это упразднение рабства и привилегий, это уважение всех прав человека. Коммунизм — это не аграрный закон, не раздел земель и денег, это не грабеж и не упразднение семьи. На коммунизм теперь клеветают так, как в свое время язычники клеветали на христиан. Народ хотят ввести в заблуждение, чтобы его эксплуатировать. Кабе, «глава социалистической школы, известной под именем икарыйских коммунистов» всю свою жизнь боролся за счастье народа, за «братскую ассоциацию». Обвинять Кабе — это значит обвинять всех выдающихся людей прошлого и современности. Это значит обвинять Томаса Мора, Руссо, Фенелона и даже Луи Блана, «теория которого об организации труда... содержит, за малым исключением, те же основы общественной организации, что и у Кабе». Поэтому вместо того чтобы кричать: «Долой Кабе, долой коммунистов!» — народ должен был бы кричать: «Долой аристократов, долой эксплуататоров и тиранов!». Но даже в этом обращении, написанном для защиты коммунизма от нападков реакции, нашли явное выражение сектантские взгляды представителей икарыйской школы. Призывая читать и изучать произведения Кабе, дабы понять сущность коммунизма, автор «Ответа» специально предупреждал: «Особенно не смешивайте с икарыйскими коммунистами эгалитарных коммунистов, или материалистов, которые насчитывают очень мало сторонников или вообще их не насчитывают».

В апреле же была опубликована объемистая брошюра лионского преподавателя Рабейрена (Rabeyrin) «Коммунизм»²², которая распространялась «Попюлером» и его представителями в департаментах. Брошюре предпослано несколько эпиграфов, в том числе высказывания Лаотьера о первобытной общности и цитаты из анонимной статьи в лионской газете «Лионский организатор» (Organisateur Lyonnais), в которой утверждалось, что тот, кто не является коммунистом, не может быть республиканцем. Сама же брошюра не носит оригинального характера, повторяет лишь общеизвестные тезисы икарыйской школы; в ней нет систематического изложения коммунистического учения; попеременно говорится обо всем, приводятся длинные выдержки из статей Жорж Санд и других авторов.

²² Le Communisme par G. Rabeyrin, professeur à Lyon. P., 1848 // BN. Lb⁵³, 1161.

Быть может, наиболее интересным является то, что автор защищает коммунизм прежде всего от тех, кто на словах тоже борются за социальное освобождение. «Это нечто неслыханное, возмутительно наблюдать сегодня... бешенство людей, которые, провозглашая социальную и интеллектуальную эмансипацию, одновременно остервенело нападают на тех, кто считает, что истинное счастье человечества может обеспечить лишь общность... Вы знаете, что прогресс нельзя повернуть назад. Неужели вы думаете, что ваши мелочные преследования, ваши непрерывные нападки могут остановить поступательное движение коммунизма и предотвратить его осуществление, когда пробьет его час?.. сила растет в зависимости от препятствия; притеснение порождает гнев, клевета порождает ненависть, несправедливость провоцирует месть, наконец мятежи всегда являются следствием тирании, под каким бы видом она ни скрывалась» (3—4). Этот дух нетерпимости исходит, однако, от самого Временного правительства. Между тем человеческая мысль должна быть свободной, «и никто не имеет права ставить препятствия человеку, действия которого направлены на достижение благосостояния, общего счастья. В таком случае преследование является преступлением, а сопротивление — самым священным долгом; в таком случае кротость была бы слабостью, безразличие — стыдом, терпение — трусостью» (5—6). Если бы коммунизм защищал интересы богатых против бедных, если бы он провозглашал законность собственности и признавал неравенство в общественном положении, то тогда его провозглашали бы прекрасной и моральной доктриной. «Все так называемые республиканцы, которые сейчас его поносят, защищали бы его с такой же энергией, с какой они теперь на него клеветают» (7). «Конечно, среди противников коммунизма есть и невежды, и люди, повторяющие, как попугаи, то, что им говорят. Есть среди них и такие, которые, не отрицая совершенства коммунизма, считают невозможным его осуществление именно в силу этого совершенства. Но почему же нельзя вступить на этот путь, ведущий к столь прекрасной цели?» (8—9). Борьба против коммунизма это фактически борьба против всех сторонников социального обновления. «Коммунизм — это республиканизм, это идейный радикализм, осуществленный на практике... Если вы нападаете на коммунистов, вы тем самым нападаете на фалангианцев, на социалистов, которые склоняются к слиянию с коммунистами, вы выступаете про-

тив самых передовых писателей нашей эпохи, таких, как Ламенне, Пьер Леру, Кабе, Распайль, Луи Блан, Виктор Кюссидьеран, Роберт Оуэн, Жорж Санд и многие другие, которые высказываются за эмансипацию человеческого рода, защищают большинство, угнетенное меньшинством, по примеру своих предшественников Сен-Симона и Фурье» (7).

В брошюре Рабейрена мы находим все характерные для икарыйской школы интонации, и прежде всего бесконечные сравнения коммунизма с христианством, заветы которого он и должен осуществить. В результате автор впадает в противоречие с самим собой. С одной стороны, он считает сопротивление священным долгом, осуждает кротость и терпение, т. е. обосновывает необходимость активной борьбы в защиту коммунизма. С другой — его брошюра содержит призывы противопоставлять насилию сдержанность, отвечать на ненависть любовью, помня завет Христа, прощать тем, кто не знает, что творит.

В связи с антикоммунистической кампанией, все более усиливавшейся во Франции, была опубликована и другая брошюра — «Коммунисты, которым предъявлено обвинение»²³, судя по ее содержанию, также вышедшая из недр икарыйской школы. Помеченная 1 мая 1848 г., она подписана: «Жан-Шарль». «Коммунистов объявляют врагами республики. Но как это может быть, если именно они являются ее создателями. Быть может, боже упаси, я совершаю преступление, приписывая республиканцам, демократам и радикальным социалистам заслугу основания республики на развалинах монархической власти, в то время как эта слава целиком принадлежит богачам, людям зажиточным и располагающим досугом буржуа, честным лавочникам? Ах, если это так, доблестные и мужественные враги коммунизма, если мы похитили лавровые венки, завоеванные вами на наших прославленных баррикадах, то вы имеете право называть нас ворами и грабителями» (2—3). Коммунистам дорога республика, и они будут защищать ее всеми средствами, так как она дает им возможность излагать и устно и письменно свои идеи, собираться и создавать ассоциации. «Но республика не обеспечивает будущее всех своих детей, а республика, где есть свобода без равенства и братства, подобна солнцу, которое светит, но не греет. Республика

и свобода для нас единое слово; это стремянка для достижения коммунизма; это основная предпосылка социальной реорганизации» (2). «Да, мы хотим равенства, это правда; но какое равенство мы хотим? Быть может, равенства в нужде? Нет, мы хотим равенства в достатке и благосостоянии». Коммунисты не хотят ни богатых, ни бедных, ни благотворителей, ни просящих милостыню. Они хотят, чтобы все люди были бы свободными и трудились на благо общества. Вопреки абсурдным обвинениям их противников они хорошо понимают, что люди неравны ни по силе, ни по уму. Но они хотят, чтобы все они трудились в меру своих сил и способностей, получая взамен все им нужное согласно своим потребностям. Коммунисты хотят, чтобы девиз республики «Свобода, равенство, братство» не был бы больше ложью. «Мы уже пользуемся свободой, мы завоевали ее на баррикадах: сохраним ее и используем. Не прекратим ни на одну минуту взывать к братству, пропагандировать, поощрять практику этой плодотворной добродетели. В особенности покажем ее пример; так как пример — это наиболее убедительное красноречие. И равенство само установится между нами как следствие и осуществление братской любви» (7). Последние слова, ссылка на необходимость примера, т. е. создания образцовой коммуны, как и повторные упоминания заветов Христа, свидетельствуют, что рассмотренная нами брошюра также принадлежит перу приверженца икарыйского коммунизма.

IV

Среди дореволюционных теоретиков, пропагандировавших коммунистические идеи, был и Франсуа Вильгардель. Бывший фурьерист, он в 40-х годах перешел на коммунистические позиции. В предисловии к перизданному им в 1841 г. «Кодексу природы» Морелли он защищал уже коммунистические принципы, которые излагал в своих работах «Согласие интересов в ассоциации» и «История социальных идей до революции», опубликованных соответственно в 1844 и 1846 гг.²⁴ После Февральской революции, в период Временного правительства, он издал в Бордо брошюру «О порядке в республике»²⁵, в которой

²³ Les communistes mis en accusation // BN. Lb⁵³, 1862.

²⁴ См.: Иоаннисян А. Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1842—1847 гг. М., 1986. С. 159—160.

²⁵ Villegardelle, De l'ordre dans la république. Bordeaux, 1848 // BN. Lb⁵³, 288.

пытался откликнуться на животрепещущие вопросы дня. Вильгардель открыто провозглашал коммунизм самым высшим общественным идеалом. «Изучая различные планы реформ, разработанных от Платона до наших дней, я пришел к убеждению, что социальная система, имеющая наиболее величественную традицию, — потому что она начинается еще с первых христиан и отцов церкви и продолжается до Мора, Фенелона, Мабли, Морелли и других, — является также идеалом самой высшей справедливости, которая когда-либо была провозглашена в мире» (10). Однако осуществление этого идеала сейчас невозможно. Система общности, отвергая всякую идею заработной платы, предусматривает работу каждого соответственно его силам и распределение по потребностям. Это предполагает нравственные принципы, добрую волю, честь, чувство долга, «которые истинно республиканское воспитание сумеет, несомненно, внедрить в конце концов во все сердца», но которые теперь отсутствуют. Поэтому «было бы неосторожно предоставить каждому возможность свободно брать все из общего фонда соответственно своим потребностям» (11). Ссылаясь на свои две предыдущие работы и приводя из них цитаты, Вильгардель предлагал следующее. Нужно установить новый демократический политический строй, необходимый для экономических реформ, с тем, чтобы, не упраздняя немедленно собственность, путем налоговых и иных мероприятий уменьшить ущерб, наносимый ею интересам народных масс, и улучшить положение рабочих и труженников. Но, не ограничиваясь этим, он решительно выступал и за радикальное общественное переустройство. Все средства производства должны быть сосредоточены в руках республики. Трудящиеся, однако, должны получать заработную плату соответственно своему труду. Поэтому заработная плата должна быть не равной, а различной, реально соответствующей количеству труда. Другими словами, Вильгардель, не считая возможным в обозримом будущем осуществление коммунистического идеала, предусматривающего распределение по потребностям, настаивал на установлении нового, социалистического строя, с вознаграждением по труду.

Довольно объемистая брошюра (36 стр.) Жана Масе «Кредо коммуниста»²⁶ была опубликована в апреле:

предисловие помечено 31 марта 1848 г., а текст 17 апреля. Автор откровенно заявляет, что он буржуа: его язык, привычки, внешность тому подтверждение. Лишь чувство справедливости, возмущенная совесть побудили его покинуть лагерь, с которым его связывают личные симпатии, старые дружеские связи, образ жизни, и выступить в защиту интересов, отнюдь не являющихся его собственными. Излагая свои общественные воззрения, он мог бы, конечно, использовать термин «социализм», который внушает меньший страх. Но он сознательно прибегает к термину «коммунизм», так как именно это слово теперь хотят втоптать в грязь, сделать из него пугало. Кроме того, из всех формул, которые в настоящее время воплощают новые идеи, коммунистическая формула является наиболее логичной и наиболее четкой.

Отмечая живые представления о коммунизме как доктрине, требующей будто бы всеобщего раздела, ведущей к упразднению свободы личности, лишаящей людей стимулов к активной деятельности, Масе не излагает, однако, в своей брошюре коммунистическую теорию. Это и понятно, так как его брошюра являлась первой частью задуманного им труда и посвящалась лишь критике существующего общественного строя. Эта критика воспроизводит, конечно, все традиционные аргументы коммунистов и социалистов. Масе также разоблачает отсутствие реальной свободы там, где люди вынуждены работать по найму за кусок хлеба, и указывает, что рабочий не может быть равным своему хозяину, что «бездельник, пресыщенный избытком, не является братом трудящегося, которому недостает необходимого» (9). Но наряду с этим в социальной критике Масе есть один момент, на котором следует остановиться более подробно. «Порох пушек низвергнул сеньора силой, восстановив равновесие на полях сражений. Машина приводит к падению денежных сеньоров, нарушив равновесие на поле битвы различных интересов» (19). Машина повсюду вытесняет рабочего, который не может с ней конкурировать, так как хозяин всегда отдает ей предпочтение. Расширяется производство, основываются новые промышленные предприятия, появляются новые отрасли промышленности, но всюду в них внедряются машины. Машины, однако, только производят и не потребляют. Они не только не расширяют потребления, а, наоборот, его суживают, так как снижают уровень жизни трудящихся, самых многочисленных потребителей. «Посмотрите на Англию, эту

²⁶ Profession de foi d'un communiste. Première partie: De la forme actuelle de la Société/Par J. Macé. P., 1848//BN. Lb⁵³, 1196.

классическую страну машин, на Англию, раздавленную избытком изделий, с которыми она не знает что делать... на Англию с ее легионами бедняков... Будьте уверены, болезнь, которая гложет Англию, не останется только при ней. Машина космополитична и легко распространяется; она акклиматизируется на всех широтах» (11—22). Между тем машина это не зло, а благо. Машина, которая в настоящее время способствует появлению голодных,— величайшее завоевание человечества, несравненно большее, чем было в свое время для людей приручение животных. Машина способна обеспечить величайшие блага человечеству. «Именно человечеству! Вот то, что забывают ее панегиристы, которые не замечают, что наличие богатства поставило на службу одного человека то, что должно было обслуживать всех людей. Машина должна служить человеку, а не быть его соперником, она должна работать на него, а не против него; ее миссия — эмансипировать человека, избавить его от жизни вьючного животного. Эта ее миссия должна быть осуществлена... Именно с этой целью она в один прекрасный день будет отпята у тех, в чьих руках она теперь находится» (22—23). Над правом собственности, сколь бы respectable оно теперь ни казалось, существует высшее право — право на жизнь (21).

Конечно, мысль о том, что машина является злом лишь в условиях капиталистического строя, что машины по своему характеру несовместимы с частной собственностью, мысль в коммунистической литературе не новая. Об этом еще до революции писала «Фратерните 1845 г.» Но Массе развивает эту мысль очень подробно, указывая, в частности, на возникающие в условиях капиталистического общества перепроизводство и кризисы сбыта.

Массе выражает непоколебимую уверенность в будущем. Всеобщее избирательное право, завоеванное в результате революции, означает политическую эмансипацию бедняка и содержит в зародыше и иную его эмансипацию. В то время как теоретики, замороженные своей мечтой, бессильно бродили вокруг запертого храма равенства, революция силой вскрыла его дверь. Теперь, когда бедняк проник в него, никакая сила не может заставить его остановиться на пороге.

Если Массе в основном критикует существующий общественный строй, указывая на коммунизм лишь как на неотвратимое будущее, то брошюра Гарена де Витри

(Guarin de Vitry), помеченная 26 апреля 1848 г., «Что такое коммунизм»²⁷ посвящена, наоборот, конкретному обоснованию коммунизма и описанию коммунистического общества. Автор²⁸ начинает с категорического утверждения: «Коммунизм не есть аграрный закон. Коммунизм не есть эгалитарное распределение. Если бы коммунизм предусматривал, как утверждают, равный раздел продуктов и производственных фондов таким образом, чтобы каждый получил свой клочок земли, свою малую долю денег, орудий, продовольствия и разного рода изделий, то коммунизм был бы столь же абсурдным, как и чудовищным. Это означало бы распад общества. Это явилось бы всеобщей нуждой и всеобщей изолированностью. Это было бы тем же идеалом: каждый за себя, апогеем индивидуализма», т. е. «крайним выводом из теперешней экономической системы» (3). Интересно отметить, что если в других коммунистических брошюрах того времени под равным разделом понимался лишь раздел земли и потребительских ценностей, имущества, денег, то Гарен де Витри понимает под этим и раздел орудий труда. Резко осуждая это, он фактически имеет в виду не только измышления хулителей коммунизма, но и столь распространенные в то время во Франции мелкобуржуазные учения, предусматривавшие превращение не только крестьян, но и всех рабочих в мелких хозяйчиков, самостоятельных производителей. «Что же такое коммунизм? Это объединение всех производительных сил, а не их раздел. Это концентрация, а не рассредоточение всех элементов богатства. Это реализация единства, где все потенциальные возможности направлены на достижение единой цели, блага всех. Это социальная деятельность, взамен индивидуальной деятельности, с тем, чтобы вся масса действовала в пользу отдельной личности, а отдельная личность в пользу массы. Это не индивидуализм, а социализм, девизом которого является: «Все за каждого, каждый за всех! Вместо того чтобы требовать для каждого часть земли и капитала, собственность лично для него, коммунизм отрицает право

²⁷ Qu'est ce que le communisme // BN. Lb⁵³, 1313.

²⁸ Мы знаем, что Гарен де Витри и его жена посещали Центральное республиканское общество Бланки (см.: *Dommanget M. Auguste Blanqui et la révolution de 1848*. P., 1972. P. 43), жена де Витри на процессе в Бурже давала в этой связи показания (см.: *Wassermann S. Les clubs de Barbès et Blaqui en 1848*. P., 1913. P. 9, 35, 169).

собственности отдельных людей, признавая право собственности только за обществом» (3—4). Современное общество являет собой «индустриальный и коммерческий хаос», «поле битвы анархической конкуренции, поле битвы, где преимущество всегда на стороне сильного, где крупные капиталы сокрушают более мелкие, где капиталы сокрушают трудящихся». Поскольку «капитал, орудия труда находятся в руках одного класса, этот класс пользуется привилегией жить за счет других классов и располагать по своему усмотрению их жизнью, предоставляя им труд или отказывая в нем». Против всего этого и выступает коммунизм. Функция регулирования производства и потребления для обеспечения жизни всех должна принадлежать только государству. «Коммунизм требует поэтому, чтобы все капиталы и все орудия труда принадлежали одному лишь государству; чтобы государство выступало в роли предпринимателя в отношении всего сельского хозяйства, всей промышленности, всей торговли, другими словами, в отношении всего труда и всей человеческой деятельности; чтобы отдельный человек, трудящийся был бы просто государственным служащим, не наемным, а ассоциированным, получающим свою долю из общего богатства или сообразно своим потребностям в соответствии с общественным благосостоянием (это идеал менее отдаленный от нас, чем принято думать), или соответственно своему вкладу в общий фонд производства» (5—6).

Далее в брошюре приводятся подробные ответы на четыре основные возражения, выдвигаемые против коммунистической системы. Первое возражение состоит в том, что коммунизм отводит слишком большую роль государству. «Если формой правительства является монархия или олигархическая республика, или конституционная республика, то нужно не доверять власти и ставить ей преграды, так как тогда социальный строй основан на привилегии; правительство является не чем иным, как цитаделью, возведенной для защиты привилегии, а общественные институты преследуют лишь одну цель — организацию эксплуатации... Тогда правительство является врагом народа, который, конечно, не станет доверять ему защиту своих интересов. Но если правительственной формой является истинная, подлинно демократическая республика, то власть неизбежно — друг народа, так как народ сам управляет через своих уполномоченных, всегда находящихся под его контролем».

Тогда правительство является не чем иным, как органом ведения общих дел на общую пользу в целях достижения священной цели — всеобщего счастья (7—8).

Второе обвинение против коммунизма это то, что он упраздняет свободу, поскольку личность поглощается общей массой. Да, это правда, что коммунизм упраздняет «ложные свободы», вроде свободы для сильного сокрушать более слабого. Но коммунизм обеспечивает истинную свободу личности, ликвидирует все препятствия,

мешающие ее всестороннему развитию. Современные тартюфы громогласно требуют свободы труда. Но разве может быть свобода труда там, где орудия труда являются частной собственностью; эту свободу может обеспечить только общность. «Общность — это научная организация всех человеческих взаимоотношений, это всеобщий порядок. Это, следовательно, всеобщая свобода» (10).

Третье возражение заключается в том, что коммунизм упраздняет конкуренцию и вместе с ней стимулы для производства. Это правда, что коммунизм ликвидирует «смертоносную конкуренцию», ведущую к поглощению мелких состояний крупными, к банкротствам, порождающую массовую безработицу и снижающую заработную плату рабочего до уровня, не обеспечивающего его самых неотложных нужд. «Да, коммунизм навеки упраздняет эту братоубийственную борьбу; но он организует подлинную конкуренцию, соревнование между трудящимися, соперничество в усердии и самоотверженности ради общего блага» (11).

Наконец, говорят, что коммунизм мечтает о неосуществимом распределении, поскольку невозможно вести учет потребностей и ресурсов. В ответ на это автор довольно подробно излагает хозяйственную структуру коммунистического общества. И в общегосударственном масштабе, и в каждом департаменте, кантоне и коммуне следует создать «бюро счетоводства», которое будет вести учет как производства, так и потребления, регламентировать поступление продукции и ее расход, а также учитывать на будущее ресурсы производства и нужды потребления. Государство исходя из точных и полных данных, находящихся в его распоряжении, будет регулировать производство и потребление. Благодаря единой организации учитывать ресурсы и потребности нации будет легче, чем теперь распределять и взимать налоги с помощью бесчисленных налоговых учреждений. Вместо миллионов торговцев-паразитов в каждой коммуне будут построены склады и организована единая транспортная служба. Организация труда в ассоциации в сотни раз увеличит народное богатство. Бездельники и пенужные посредники станут производителями. Будет ликвидирован излишний труд. Возрастет число машин, освобождающих человека от тяжелого и отталкивающего труда и способных удовлетворить все нужды общества. Будут обрабатываться все земли, и сельское хозяйство будет вестись на научных основах.

Еще раз кратко перечислив основные положения коммунизма, автор в заключение пишет: «Называйте нас утопистами и сумасшедшими, но не клеветайте больше на нас! Утописты?! Мы ими являемся в меньшей мере, чем вы, которые хотя и хотите восстановить ваше разрушающееся общество на тех самых основах, которые и привели к его распаду». Пусть мы сумасшедшие. Но ведь Беранже писал, что если завтра не взойдет солнце, то какой-нибудь сумасшедший зажжет факел для человечества.

Брошюра Гарета де Витри выгодно отличается от изданий икаррийской школы. В ней отсутствует какой-либо намек на совпадение интересов бедных и богатых, на необходимость их «братства». Наоборот, автор всячески подчеркивает антагонизм между владельцами капитала и средств производства и трудящимися. Современное государство он рассматривает как орудие для защиты интересов господствующего класса, для увековечения эксплуатации. Такова задача не только монархий, но и конституционных, т. е. буржуазных республик. Он считает необходимым установление «истинной республики», основанной на подлинном народоправстве, когда государственные власти — это лишь уполномоченные народа, находящиеся под его строгим контролем. Именно такое, совершенно новое по своей сути, государство и должно изъять орудия производства у владеющего ими класса и сделать их общим достоянием. Именно оно и должно установить новый общественный строй, сосредоточив в своих руках все капиталы и средства производства, выступая как единственный предприниматель и в области промышленности, и в области сельского хозяйства, регулируя все производство и потребление. Автор, следовательно, исходит не из принципов общинного коммунизма, рассматривающего коммунистическое общество как сумму отдельных коммунистических общин, а из концепции единого централизованного государственного хозяйства в масштабе всей страны, охватывающего все департаменты, кантоны, коммуны. Под коммунами он подразумевает не общины, а существовавшие во Франции наряду с департаментами и кантонами административные единицы. При новом общественном строе возможны две формы распределения: или сообразно вкладу каждого в общий фонд производства, т. е. сообразно труду, или сообразно потребностям каждого. Первую форму распределения автор считает возможным осуществить незамедли-

тельно, а вторая форма — идеал, который будет осуществлен в дальнейшем. Это, быть может, наиболее интересный тезис Гарена де Витри. Он ясно понимал разницу между социалистическим принципом распределения по труду и коммунистическим принципом распределения по потребностям, увязывая их, однако, друг с другом. Распределение по труду он рассматривал как первую форму общественного распределения при новом социальном строе, до того как станет возможным переход к распределению по потребностям, «в соответствии с общественным благосостоянием».

V

В апреле 1848 г. была опубликована также книжка «Индивидуализм и коммунизм»²⁹. Хотя в числе ее авторов значились Лефюэль, Ламенне, Дюваль, Ламартиш и Кабе, но фактически это было не собранием различных высказываний за и против коммунизма, а целенаправленной пропагандой коммунистического идеала. Это видно хотя бы из предосланных книжке различных эпиграфов, занимающих целую страницу. Среди них мы находим следующие: «Каждый за всех, все за каждого». «Нет свободы, когда не имеют хлеба. Нет равенства, когда богатство выставляется напоказ рядом с нуждой. Нет братства, когда работница со своими голодными детьми тащится мимо дворцов». «Существование народа не может зависеть от недоброжелательства капиталистов». «Право на труд — неотъемлемое социальное право. Всякая республика, которая не способна обеспечить работу и благосостояние каждого гражданина, является бессильной и анархической республикой». «Организируйте, организуйте, реорганизируйте». «Готовьтесь: потому что как бы ни сопротивлялся строй собственности, коммунизм близок, его пришествие неизбежно».

Главным инициатором этого издания был, видимо, Лефюэль — коммунист-революционер, старый подпольщик, член тайных обществ, «бывший политический заключенный», как подписывал он сам свои статьи.

Анри Теотем Лефюэль был типографским наборщиком; он принимал самое активное участие в сентябрь-

ской стачке 1840 г. в Париже; во время ареста у него была конфискована литература, свидетельствующая, по словам председателя суда, о его «большой экзальтации»; он был приговорен тогда к пятимесячному тюремному заключению³⁰. В конце книги «Индивидуализм и коммунизм», в приложении, помещен текст его тоста, написанный 20 февраля 1848 г. для банкета 12-го округа Парижа, запрещенные которого правительством и послужило непосредственным поводом к Февральской революции. Этот тост, «посвященный коммунизму», по словам Лефюэля, он написал, будучи воодушевленный принципами, которые исповедовал уже в течение десяти лет. В нем он противопоставлял коммунизм индивидуализму. Передовые представители человеческого рода, коммунисты, водрузят свое знамя на земле абсолютного равенства. Только люди, пользующиеся земными благами, ненавидят коммунизм и называют его утопией. Нет, не всегда должны существовать богатые и бедные. Коммунисты стремятся к созданию общественного строя, основанного на равенстве прав и обязанностей, на равенстве в производстве и потреблении. «Когда эта цель будет осуществлена, достигнут апогея социального прогресса». Перефразируя слова Наполеона, можно сказать, «что коммунизм — это солнце, и слеп тот, кто его не видит». Апостолы равенства не должны отчаиваться в будущем. «Коммунисты, вы победите» (32—33).

Сборник открывался обширной статьей Лефюэля, озаглавленной «Кто всем», в которой детально излагались коммунистические принципы. Настанет время, когда на земле воцарится братство. Сейчас все рушится в результате гигантского всеобщего катаклизма. Завоевана уже республика. «Но республика — далеко не последнее слово человечества; она только громогласное провозглашение его нерушимых прав. Ее дополнением, самым настоящим и полным осуществлением, является коммунизм» (3). Говоря о коммунистическом учении, Лефюэль ссылается на Христа, утверждая что «доктрина Христа является не только республиканской; она прежде всего коммунистическая» (5). Среди сторонников революционно-коммунистического движения были, как мы знаем, не только материалисты, но и «спиритуалисты», к числу которых и принадлежал, очевидно, Лефюэль. Далее он

²⁹ L'Individualisme et le communisme par les citoyens Lefuel, Lamennais, Duval, Lamartine et Cabet. P., Avril 1848 // BN. Lb³³, 1197.

³⁰ См.: Иоаннисян А. Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840—1841 гг. М., 1983. С. 126.

подробно излагал свои взгляды. «Луи-Филипп мертв, но не мертва система. Необходимо полностью разрушить именно эту систему, презренную и позорную систему эксплуатации человека человеком... Если вы оставляете собственность, вы оставляете возможность присвоения одним или несколькими лицами основы производства и существования — орудий труда, которые всегда должны оставаться собственностью всех... Организуйте как можно скорее обширные национальные мастерские — единственное средство от зла, основу здания прогресса, не боясь при этом упразднить эксплуатацию бедных богатыми, не опасаясь слепого и эгоистического сопротивления... Предоставьте компенсацию гражданам, которых вы экспроприируете ради общественного блага» (6-7). Необходимо установить реальное равенство. Не нужно ни хозяев, ни рабочих, ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых. Народ не хочет только переменить хозяев. Он не хочет ни сам угнетать, ни быть угнетенным. «Что хочет народ, так это равенства, но равенства реального, равенства в труде и равенства в отдыхе, равенства в производстве и равенства в погребении» (11). При современной системе частной эксплуатации производство носит непланомерный характер, подчиняясь эгоистическим интересам отдельных лиц. От промышленной и коммерческой неустойчивости страдает все общество. Половина трудящихся изнуряется непрерывным тяжелым трудом, а другая половина чахнет от изнуряющего безделья в результате безработицы — этой общественной язвы. Коммунизм все это упраздняет.

Коммунизм — это просто-напросто социальная экономия, приносящая благо как всем, так и каждому. Каждый гражданин обязан выполнять минимум труда различного рода. Расчет этого труда должен осуществляться исходя из количества среднего времени, необходимого для той или иной работы. Но это означает, что более умелые и проворные могут выполнить свой обязательный труд за более короткий срок. Например, требуется 1 800 000 пар ботинок. Предположим, что в мастерских работает 50 000 сапожников. Это означает, что каждый из них должен изготовить 36 пар, по одной паре в день, чтобы выполнить свой социальный долг. Но умелый и прилежный может выполнить возложенную на него задачу всего за 18 дней. Может быть и другое. Шесть товарищей объединяются, чтобы поделить между собой этот труд; вместо того чтобы одному изготавливать весь

ботинок, каждый станет выполнять лишь одну определенную операцию: кто-то разрезать кожу, кто-то вырезать подошвы и т. д. Все это приведет к несравненно большей производительности труда. А подобная организация может быть распространена на все профессии. Таким образом, коммунистическая система отнюдь не ликвидирует стимулы к труду и соревнованию. Наоборот, все будут заинтересованы выполнить свой обязательный труд в более короткий срок, поскольку это оставит в их распоряжении больше свободного времени.

Аграрный закон — антипод коммунистических теорий. Это пугало, используемое сторонниками эксплуатации человека человеком для запугивания масс, для клеветы на социализм. Коммунизм вовсе не упраздняет брак и семью. Наоборот, ликвидируя нужду и неуверенность в завтрашнем дне, он ее всемерно укрепляет.

В защиту коммунизма выступали самые выдающиеся умы человечества: Кампанелла, Фенелон, Морелли, Гельвеций, Гольбах, Дидро, Бабеф, Буонарроти и многие другие. И теперь коммунистические идеи царят среди писателей-демократов. «Честь им, честь благородным гражданам, которые с такой отвагой, с таким пониманием и беспристрастием выступают в защиту интересов многочисленного класса обездоленных трудящихся, которых называют пролетариями». Коммунизма жаждут все народы и страны — и Ирландия, и Италия, и Польша, и Германия, и Швейцария. «Будущее принадлежит коммунизму; безумец тот, кто ему противится» (15).

В конце статьи Лефюэля изложена следующая «Программа эгалитарных коммунистов». 1. Суверенитет народа. 2. Национальное собрание. 3. Провозглашение республики. 4. Движение к коммунизму как к логическому следствию из республиканского принципа, как к гарантии сохранения гражданского мира путем содействия уменьшению неравенства и росту равенства. 5. Способ перехода. Бюджет, предназначенный для учреждения национальных мастерских. Национальные мастерские, привлекательные благодаря эгалитарной и демократической ассоциации трудящихся; ставки, основанные на исчислении среднего времени, необходимого для выполнения минимальной работы; экономия — благодаря единой кухне и общим трапезам; обеспечение завтрашнего дня; право на помещение в дом гражданских инвалидов; право на пристанище во дворце старости; привлекательный труд, не длительный и не тяже-

лий. Комитеты или научные мастерские для изобретений и социальных улучшений; каждый работает обусловленное количество часов или выполняет оговоренную работу, согласно эгалитарному тарифу. Свобода — Неприкосновенность жилища — Браки — Развод, — Необходимый для обеспечения принципа свободы, — Уважение семьи. Экономное профессиональное, унитарное и общее обучение, обеспечиваемое государством. Врачи, субсидируемые государством. Упразднение права наследования. Наши матери, наши жены, наши дочери, пользующиеся, как и мы, теми же эгалитарными правами, выполняющие те же эгалитарные обязанности сообразно своим возможностям. Общественные празднества — Притягательная сила, постоянная тенденция к Единству» (15).

«Эгалитарными коммунистами» Кабе в противоположность икарійцам называл коммунистов-революционеров. Лефюэль был одним из них, а изложенная им «программа», как и вся его статья, дает представление об их политических взглядах после Февральской революции. В условиях демократической республики, основанной на народном суверенитете, Лефюэль требовал сразу же начать «движение к коммунизму». В этих целях на государственные средства должны создаваться национальные мастерские, но отнюдь не такие, какие были организованы Временным правительством. Национальные мастерские — это государственные промышленные предприятия, представляющие собой ассоциации трудящихся, основанные уже на новых общественных принципах; в них труд не тяжелый и изнурительный, а привлекательный и вознаграждается по единой системе. Национальные мастерские — это не только производственные объединения. Рабочие и их семьи питаются вместе и обслуживаются единой кухней. Инвалиды и престарелые помещаются в соответствующие дома. Организация национальных мастерских должна со временем сосредоточить в руках государства все средства производства. Видимо, Лефюэль мыслил достигнуть этого двумя способами. С одной стороны, он упоминает о возможности компенсации собственникам, чья собственность экспроприруется государством. С другой стороны, он выдвигает требование об упразднении права наследования (старый бабувистский тезис). Таким образом, через одно поколение вся собственность автоматически должна перейти к государству. Но он отнюдь не предлагает пассивно ждать этого, а, наоборот, призывает, преодолевая

любое сопротивление, сразу же приступить к ликвидации «частной эксплуатации», «эксплуатации человека человеком».

Одновременно с организацией национальных мастерских он считает необходимым немедленно осуществить и ряд других мероприятий: обеспечить бесплатное медицинское обслуживание за счет государства, ввести всеобщее единое обучение, добиться равноправия женщин. Все это вместе взятое должно неизбежно привести к установлению коммунистического строя. Строй этот Лефюэль, как и большинство коммунистов-революционеров, придерживавшихся бабувистской традиции, мыслил себе в виде отдельных комму, а как единое государственное хозяйство. В своей статье он характеризует коммунистическое общество лишь в самых общих чертах. Следует, однако, отметить одну его оригинальную мысль. При коммунизме каждый член общества должен выполнять определенное трудовое задание. Если кто-либо выполняет его в более короткий срок или один, или кооперируясь со своими товарищами, то у него остается больше свободного времени. Таким образом, и при коммунизме будет стимул для усидчивого труда и повышения его производительности. Ясно, что этим Лефюэль хотел отвести стандартное обвинение, выдвигавшееся против коммунизма, что он лишает людей стимулов к плодотворной трудовой деятельности.

Следующая статья сборника называлась: «Коммунизм и гражданство Ламенне». Она состояла из введения, письма Ламенне, опубликованного в газете «Националь», и из ответа на это письмо. Во введении указывалось, что коммунизм возник, конечно, не сегодня; но только за последние годы он получил широкое распространение, особенно среди трудящихся. Коммунизм проник во многие страны — Испанию, Италию, Россию, «особенно в Германию». Если смотреть на то, что сейчас происходит во Франции, можно легко убедиться как широко распространялась коммунистическая доктрина в народе. Коммунистом является не только рабочий, терпящий за свой изнурительный труд лишения и преследования. Коммунизм проник и в деревню, особенно на юге страны, он проник даже в армию. Только различные писаки и фарисеи, заинтересованные в сохранении существующего строя, выступают против коммунизма и клеветают на него. К ним присоединился теперь и Ламенне. Далее приводится письмо, опубликованное Ламенне в газете

«Националь», в котором он, отвечая на запрос редакции, решительно осуждал коммунистическую доктрину. «Для меня очевидно,— писал он,— что в случае осуществления подобной системы народы оказались бы в таком рабском положении, какого еще не существовало, а человек превратился бы в простую машину, в простое орудие, опустился бы ниже уровня негра, которым плантатор располагает по своему усмотрению, опустился бы ниже животного» (18—19).

Подробный ответ на это письмо, озаглавленный «Один коммунист гражданину Ламенне», подписан: «Дюваль, рабочий». Кто такой этот Дюваль, мы точно не знаем. Сам он называет себя «бедным работником, безвестным тружеником, впервые взявшимся за перо». Говоря о своем уважении к Ламенне за его прежние сочинения, он выражает изумление, как тот мог так писать о коммунизме. Изменение формы правления как таковое ничего не дает людям из народа. Оно не упраздняет разделение общества на собственников и несобственников, оно не упраздняет общественные пороки, оно не ликвидирует эксплуатацию. В основе общественного зла лежит частная собственность. Лишь ее упразднение приведет к общественному возрождению. Вся собственность должна быть сосредоточена в руках государства, и это отнюдь не означает, что люди превратятся в рабов, в негров. Свободный труд людей будет обеспечивать им наиболее полное пользование всеми благами. В современной же Франции на тридцать пять миллионов населения приходится десять миллионов лиц, не занимающихся производительным трудом, живущих за счет пяти-шести миллионов истинных производителей — земледельцев, рабочих, ученых,— а двадцать тысяч привилегированных присваивают столько же, сколько приходится на долю тридцати миллионов прочих граждан. Мы не станем здесь подробно пересказывать доводы Дюваля в защиту коммунизма, так как в них мало оригинального.

Наконец, в сборнике помещено письмо Ламартина Кабе. Последний обратился к нему по поводу преследований, которым подвергаются коммунисты. В своем ответе Ламартин утверждал, что он всегда стоял за свободный обмен мнений, но в то же время не скрывал свои антикоммунистические убеждения. Если бы ему поручили цивилизовать общество дикарей, то первое, что он бы сделал, так это узаконил право собственности. Государство, семья и собственность — это три основы со-

циального порядка. Коммунизм слишком прекрасный сон, чтобы он мог быть осуществлен на земле. Кабе, в свою очередь, написал ответное письмо, в котором опровергал доводы Ламартина, указывая, в частности, что если обладание собственностью является естественным инстинктом человека, то лишь общность способна удовлетворить этот инстинкт, так как коллективная собственность превращает в собственников всех людей. Однако отметим, что даже в этом кратком письме он не преминул совершенно нестати продемонстрировать свою сектантскую ограниченность, заявив, что Ламартин не делает различия между икарыйским коммунизмом и коммунизмом революционным.

VI

Среди лиц, бурно приветствовавших революцию во Франции и видевших в ней начало новой эры в истории человечества, был и Роберт Оуэн. Уже 27 февраля он отправил из Лондона обращение к французскому народу, которое было опубликовано в «Популере» 23 марта³¹. В своем обращении Оуэн указывал, что на французский народ легла теперь большая ответственность. До настоящего времени все формы правления были основаны на ложных принципах. Французы имеют теперь возможность установить новый образ правления, основанный на истине, который может стать образцом для всего мира и благодеянием для человечества. Далее в 13 пунктах Оуэн излагал свои предложения. Наряду с требованием всех демократических свобод, отмены всех налогов, кроме пропорционального налога на собственность, пока та еще существует, он провозглашал необходимость коренной перестройки всего общественного строя. Нужно приступить к осуществлению идей ассоциации, создать единство людей вместо их теперешней изолированности. Нужно создать подразделения, объединяющие как мужчин, так и женщин, в количестве наиболее полезном для рациональной организации общества, с тем, чтобы обеспечить их благосостояние, чтобы наилучшим образом создавать и распределять общественное богатство. Такова «социальная трансформация», которая должна быть осуществлена во всем мире. Французы в настоя-

³¹ Populaire. 1848. 23 mars. P. 3.

щие время находятся «в наилучших условиях, когда-либо выпадавших на долю наций, для осуществления этого великого и славного социального переустройства».

Вскоре Оуэн сам приехал в Париж. Он тотчас же связался с Кабе и принял участие в двух заседаниях икарыйского Центрального братского общества. На заседании 3 апреля по предложению председательствовавшего доктора Бодена собравшиеся приветствовали его громом аплодисментов³². На заседании 10 апреля он выступил с речью на английском языке, которая тотчас переводилась на французский. Оуэн начал с заявления, что он, изучив общественную систему, которая за последние шестьдесят лет восторжествовала во всех странах, пришел к убеждению, что она порочна. Рабочий класс угнетается людьми, ничего не производящими. Он сам использовал большое число рабочих и может лично засвидетельствовать всю несправедливость взаимоотношений рабочих и хозяев. Он решил посвятить свою жизнь решению этой проблемы, и ему удалось найти систему, обеспечивающую благосостояние всех людей. Славная февральская победа французского народа открыла неожиданную возможность для осуществления его идей. Поэтому он и поспешил во Францию. «Я намерен предложить Франции систему ассоциации, которая так же отличается от прежней общественной системы, как железные дороги отличаются от старых средств сообщения... Чтобы продолжить это сравнение, скажу, что мой план явится новой железной дорогой, предназначенной привезти человечество к благосостоянию и счастью (гром аплодисментов)... Я надеюсь, что рабочий класс Франции не допустит, чтобы восстановили строй, который он низвергнул (возгласы „нет“, „нет“, выражение горячего одобрения)... Вскоре соберется Национальное собрание; все должны потребовать от него изменить общественную систему сверху донизу... Я готовлю сейчас работу, в которой будет изложена моя система. Я надеюсь уже через пятнадцать дней представить ее публике... Я рассчитываю, что вы приложите все ваши усилия, чтобы осуществить нашу совместную цель — установить братство, в самом широком смысле этого слова». В своем ответном выступлении Кабе отметил, что «социалистическая система Роберта Оуэна настолько близка к нашей, что можно даже сказать, что она сливается с ней»; он выра-

³² 7^e et 8^e discours du citoyen Cabet. P. 6.

зил уверенность, что «новая социальная организация, являющаяся не чем иным, как общностью», действительно станет для человечества той железной дорогой, которая, несмотря на все препятствия и противодействия, доставит его к цели, предназначенной ему судьбой, — всеобщему счастью³³.

Работа, о которой упоминал в своем выступлении Оуэн, была, очевидно, брошюрой, изданной на французском языке в том же апреле под названием «Диалог о социальной системе Роберта Оуэна»³⁴. В этой брошюре, где сперва излагались его философские воззрения, Оуэн заявлял: «Я советую Временному правительству и будущему Национальному собранию отказаться от какой-либо мысли вновь поставить общество на его прежние основы. Его необходимо целиком перестроить. Никаких полумер. Ничего не удастся, пока общество будет придерживаться своих теперешних ложных принципов» (24). Далее был изложен проект из 26 пунктов, посвященный организации коммунистических общин. Мы не станем, разумеется, пересказывать здесь содержание этого проекта, поскольку он воспроизводил лишь общеизвестные оуэнистские планы общинного коммунизма.

И в дальнейшие недели Оуэн продолжал свою пропаганду. В конце мая он опубликовал «Адрес Национальному собранию Франции»³⁵. В этом «Адресе», датированном 24 мая, он писал, что в возрасте 77 лет приехал во Францию, чтобы объяснить, каким путем можно установить мир на земле, обеспечить Франции счастье и, следуя ее примеру, добиться этого счастья для всего мира. Франция может обеспечить богатство своему народу и положить конец раздорам и преступлениям, порождаемым как бедностью, так и богатством и жадностью. Весь мир может превратиться в земной рай. Необходимо осуществить эту великую перемену и во Франции, и во всем мире. «До тех пор, как она не будет осуществлена, до тех пор, как не откажутся от теперешних принципов социального строя, бесполезно и тщетно провозглашать во Франции свободу, равенство, братство».

³³ Ibid. P. 9—11.

³⁴ Dialogue sur le système social de Robert Owen. P., 1848 // BN. Lb⁵³, 1105.

³⁵ Adresse à l'Assemblée nationale de France/Par Robert Owen, fondateur du système rationnel de société // BN. Lb⁵⁴, 234.

1 июня Оуэн опубликовал афишу «Народу Франции, военным и гражданским лицам всех классов, всех партий, всех религий»³⁶. До настоящего времени, указывалось в этом обращении, французы терпели общественную систему, основанную на ложных и противоестественных понятиях. Необходимо отказаться от этой системы лжи и зла. Говорят, что новая общественная организация практически неосуществима. Но это отнюдь не так, тем более в условиях Французской республики, основанной на принципах равенства, свободы и братства. Конечно, переход к новым общественным порядкам должен быть постепенным, так как требуется время для окончательного устранения низменных привычек и чувств, внушенных теперешнему поколению существующей «проклятой системой». Новый же общественный строй обеспечит всем людям такое благосостояние и нравственное возрождение, о котором нельзя было и мечтать. В конце своего обращения Оуэн призывал всех французов — богатых и бедных, знатных и простых — изучить эти важные вопросы, заверяя, что никто не пострадает от предлагаемой им «великой перемены».

Идеи Оуэна о реорганизации общества на базе коммунистических общин не были во Франции чем-то новым.

Уже во второй половине 20-х годов, т. е. в эпоху Реставрации, учение Оуэна распространилось во Франции, и тогда же возник французский оуэнизм. Кругом Жозефа Рея, пропагандировавший это учение, объединял многих лиц. В 30-х годах, в первый период Июльской монархии, когда главой французских оуэнистов стал Жюль Гей, окончательно оформился французский вариант оуэнизма, впитавший в себя многие идеи фурьеризма, не противоречившие принципу коммунистической общности³⁷. В те годы коммунистические идеи распространялись во Франции двумя путями — с одной стороны, в форме французского оуэнизма, с другой — в виде возродившегося бабувизма. Дезами первым сделал попытку сочетать оба эти направления коммунистической мысли. В 40-х годах, однако, положение

³⁶ Au peuple français. Au militaire et aux civils de toutes les classes, de tous les partis, de toutes les religions // BN. Lb³⁴, 322.

³⁷ См.: Иоаннисян А. Р. К истории французского утопического коммунизма первой половины XIX столетия. М., 1981.

существенно меняется. Истинными преемниками и продолжателями французского оуэнизма становятся икарийцы.

Система Кабе сложилась под несомненным влиянием идей Оуэна, чего не отрицал и он сам. Не случайно поэтому по приезде в Париж после Февральской революции Оуэн сразу же принял участие в заседаниях Центрального братского общества, а Кабе открыто признал, что системы Оуэна и икарийского коммунизма настолько близки, что фактически сливаются друг с другом.

Это не значит, конечно, что в 40-х годах, да и в эпоху революции, во Франции не оставалось уже людей, вдохновлявшихся непосредственно идеями Оуэна, в частности различными его кооперативными проектами. Такие люди были, и одним из них являлся А. Ражинель³⁸, который сам сообщал о себе следующие сведения: «Боец 1830 г. и 1832 г. Узник в 1834 г., осужденный в 1841 г. Боец 1848 г. Первый, кто 24 февраля, еще до провозглашения республики, предложил в Тюильри сжечь трон на площади Бастилии, бывший комиссар республики в департаменте Авейрон. Главный редактор (газеты. — А. И.) „Социальная цель“. Социалист с 1834 г.»³⁹.

Еще в 1845 г. вышла вторым изданием его книжка «Коммунизм, осуществленный в сельскохозяйственно-промышленном обществе большой семьи»⁴⁰. Во введении он специально останавливался на «возрастающей нужде трудящихся классов». «Нужда, — указывал он, — порождает пороки и преступления, которые быстро прогрессируют на наших глазах; откройте первую попавшуюся газету, и вы увидите ее наполненной рассказами о насилиях, подлостях, изменах, воровстве, преступлениях, проституции, фанатизме, мошенничестве, банкротствах, наконец самоубийствах, а все это является логическим следствием неравных возможностей в получении

образования, в праве на труд, в распределении благосостояния» (4–5). Положить этому конец может только ассоциация. «Ассоциация! Ассоциация! Вот принцип, заключающий в себе будущее мира; вот единственное средство, которое кажется нам справедливым и немедленно осуществимым» (6). Человек имеет право удовлетворять все свои материальные и интеллектуальные потребности и жить с себе подобными в мире и братском согласии, эксплуатируя совместно природные ресурсы для общего счастья. Конечно, все блага ассоциации скажутся лишь тогда, когда она получит всеобщее распространение. Но даже отдельный ее образец покажет все ее преимущества. Далее Ражинель предлагал в форме устава проект сельскохозяйственно-промышленной ассоциации. Каким примером он при этом вдохновлялся видно из его слов, что аналогичная ассоциация существует уже несколько лет в Англии (7).

В июне 1848 г. вышел в свет единственный номер газеты Ражинеля «Социальная цель». Поскольку он почти целиком посвящен изложению общественно-политических взглядов и проекту Ражинеля, то целесообразно рассмотреть его именно здесь.

В «уведомлении» читателям, помещенном на последней странице газеты, Ражинель сообщал о своем намерении опубликовать «полную доктрину социализма» под названием «Естественная, или позитивная философия, обосновывающая нормальную социальную организацию, вытекающую из основных законов человеческой природы». Далее он писал: «Мы рекомендуем гражданам, желающим серьезно ознакомиться с социальными идеями, прочесть маленькую брошюру, озаглавленную „Диалог о социальной системе Роберта Оуэна“». Уже это «уведомление» пагально свидетельствует, под влиянием чьих идей он находился, разрабатывая свои общественные планы.

В передовой статье «Кем мы являемся и что мы хотим» говорилось: «Мы республиканцы, социалисты, унитарные и эгалитарные. Мы хотим, чтобы республика наполнила все, что она должна сделать для трудящихся, о которых до сих пор никто не заботился, сперва для улучшения их участи, а затем для их благосостояния... Мы хотим доказать настоятельную необходимость ассоциации как наиболее подходящей переходной формы от старого общества, кончающего свои дни, к новому, которое зарождается; испробовать систему подобной добро-

³⁸ Его не следует отождествлять с Адольфом Радигелем, одним из первых французских оуэнистов, членом кружка Рея, писавшим еще в 1827 г. письма Фурье и пытавшимся убедить его в преимуществах системы Оуэна. См.: Там же. С. 80–82.

³⁹ But social: Journal de philosophie positive et des moyens transitoires. Liberté, solidarité, égalité, fraternité. 1848. 18–21 juin. N 1. P. 1 // BN. Lc², 1892.

⁴⁰ *Raginel A.* Le communisme réalisé dans la société agricole et industrielle de la grande famille. P., 1845 // BN. Rp, 1225.

вольной ассоциации... попросить у правительства средства для осуществления этого в наикратчайший срок: привлечь определенное количество добродетельных, но лишенных средств рабочих, чтобы показать путем постоянного роста их благосостояния, обеспеченного их трудом, всемогущие свободной ассоциации, показатель результаты, которых может достигнуть общество, основанное на свободе, равенстве, братстве и солидарности, в котором реализуется принцип: все за одного и один за всех». Ражинель обещал в последующих номерах более подробно изложить свою доктрину, основанную на изучении природы человека, а также перечислить ряд ближайших мероприятий, необходимых для «социальной трансформации».

Далее приводился текст петиции, адресованной Национальному собранию. Предполагалось, что она будет размещена и передана всем демократическим клубам и редакциям различных газет как в Париже, так и в департаментах для сбора под ней подписей. «От имени страдающих трудящихся», «от имени всех социалистов, стремящихся к осуществлению прогресса путем опыта и благоразумия» в петиции содержалась просьба к Национальному собранию помочь в организации опытного «эгалитарного общества», предоставив в этих целях в аренду земли и здания вблизи одной из железнодорожных линий, а также аванс в размере 500 тыс. фр.

Речь шла, следовательно, о помощи государства в деле организации опытной ассоциации. Устав подобной ассоциации или подобного «общества» также был опубликован в газете. Он состоял из 60 статей. Вряд ли имеет смысл подробно его пересказывать. Скажем лишь, что предусматривалась организация сельскохозяйственно-промышленного товарищества. Все члены ассоциации (предполагалось, что их будет 500 человек, не считая детей) проживают совместно, занимаясь как сельскохозяйственным, так и промышленным трудом до достижения 60-летнего возраста, причем лица от 50 до 60 лет работают на два часа меньше, чем остальные. Кроме дней отдыха, каждый имеет два свободных дня в месяц, которые может проводить вне общины. В этих целях члены общины получают на руки одну треть ее дивидендов. Сама же община, управляемая общим собранием и избираемым им советом, организована, в противоположность фалангам Фурье и в соответствии с предписаниями Оуэна, на чисто коммунистических началах. Статья 13 устава специально предусматривала: «Все члены общества имеют равные

права в потреблении и распределении продуктов и одинаковые социальные преимущества; никто не питается хуже другого, никто не одет хуже, не живет в худших условиях, каждому во время болезни обеспечен одинаковый уход; основное правило — это соблюдение пропорциональности в удовлетворении потребностей каждого... Точно так же и при выполнении работ — исходят из работоспособности, силы и таланта отдельных лиц». Все члены общества питаются вместе в общей зале. У них одинаковая одежда, как повседневная, так и праздничная. После трудового дня и по праздникам они вместе развлекаются.

Проект Ражинеля не блещет оригинальностью. С одной стороны, он примыкает к многочисленным проектам ассоциаций, производительно-потребительских товариществ, организуемых в условиях существующего общественного строя, которые мы встречаем во французской литературе уже в конце XVIII в. В то же время он включает принципы коммунистических общин Оуэна, его цель — добиться постепенного переустройства всего общества на коммунистических началах. В период Февральской революции подобного рода проекты носили, быть может, наиболее утопический характер. В те бурные месяцы в условиях все нараставшей классовой борьбы не только революционные коммунисты, но даже икарійцы, пропагандируя коммунизм как конечную цель революции, стояли на гораздо более реалистических позициях. Но и проекты последних французских оуэнистов, вроде проекта Ражинеля, свидетельствовали о распространении коммунистической идеологии среди тех деятелей революции (а Ражинель был ее активным участником), которые выступали как представители интересов «страдающих трудящихся».

VII

Этой пропагандистской коммунистической литературе, распространявшейся в первые месяцы после революции, противостояла разнузданная антикоммунистическая агитация. Ее вела вся буржуазная пресса — от главного органа буржуазных республиканцев «Националь» до «солидного» журнала «Revue des deux mondes». В различных афишах и воззваниях буржуазные деятели самых разных направлений отмежевывались от коммунизма и клеймили его. Приведем лишь несколько примеров, Эмиль

Шавен (Chavin), выдававший себя за сына крестьянина и «истинного рабочего», выставляя свою кандидатуру в Национальное собрание, излагая в предвыборном обращении свою программу и требуя, казалось, самых неограниченных демократических свобод, тут же, однако, провозглашал «неприкосновенность собственности, которой угрожает коммунизм». Доктор Эмиль Бонне (Bonnet), обещая в аналогичной афише приложить все усилия для искоренения «самой большой социальной язвы» — пауперизма, сразу же оговаривался: «Коммунизм имеет шансы на успех только в девственной стране; он не подходит для Французской республики». Племянник Андре и Мари Жозефа Шенье опубликовал даже специальное обращение «Предупреждение французскому народу об его истинных врагах». К их числу он, в первую очередь, относил «людей, исповедующих неосуществимые утопии... проповедующих общность имуществ, равенство во владении, исходящих из ложного принципа, что все люди равны по природе, приходящих к заключению, что в гражданском обществе все имеют право на равную долю благосостояния». Доказывая, что среди людей отнюдь нет естественного равенства, что общее у них только то, что все они рождаются и умирают, он стремился внушить мысль, что в обществе не может быть иного равенства, кроме правового⁴¹. Можно было бы умножить эти примеры во много раз, но, очевидно, в этом нет необходимости.

Антикоммунистическая агитация велась и путем распространения великого множества различного рода брошюр. Отнюдь не претендуя привести их все, что вряд ли целесообразно, ограничимся опять-таки наиболее характерными примерами.

Известный журналист и литератор Эмиль де Жирарден считал нужным опубликовать специальную книжку, посвященную социалистическим и коммунистическим учениям⁴². Он ставил себе целью доказать, что «к коммунизму не приходят сразу; это последняя ступень социализма и всех теорий, к нему примыкающих» (3). Что же касается самого коммунизма, то его суждение совершенно категорично: «Нам кажется невозможным, чтобы

благоразумный народ мог бы долго относиться всерьез к таким бредням» (14).

В книжке Монтобана, посвященной социализму и христианству⁴³, автор самым резким образом обрушивался на коммунизм. «К социализму, — писал он, — примыкает коммунизм... Коммунизм в последнем счете не что иное, как логическое и последовательное применение социализма. Коммунизм решительно ниспровергает две основы человеческого общества — собственность и семью, которые социализм только подтачивает» (10).

Жюль Мовиель, один из членов Центрального демократического общества, считавший себя сторонником социализма и «пролетарским кандидатом» в Национальное собрание, в своей брошюре, опубликованной в апреле 1848 г.⁴⁴, всячески превозносил суверенитет народа, описывая тяжелое положение рабочих, говорил о необходимости организации труда. Но по существу его основной задачей являлась борьба против коммунистической идеологии, которая, по его собственному признанию, все более распространялась среди рабочих. В специальном разделе, посвященном коммунизму, он самым решительным образом обрушивался на коммунистические идеалы, всячески подчеркивая, что коммунизм неизбежно ведет к деспотизму, так как коммунистические принципы могут быть осуществлены лишь путем насилия.

В памфлете «Паникеры»⁴⁵ осуждались люди, по-своему трактующие свободу, равенство, братство, которые под суверенитетом народа понимают «господство рабочего класса над всеми другими» (12—13).

Автор другого антикоммунистического памфлета⁴⁶ пытался доказать, что «коммунизм, как и иезуитизм, отрицает свободу... Упразднить собственность — это значит стремиться свергнуть нас вновь в состояние упадка и рабства» (29—30).

⁴³ *Montauban P. J. Le socialisme et le christianisme dans les circonstances actuelles. 1848 // BN. Lb⁵³, 726.*

⁴⁴ *Le Fanal républicain: Eclairer français du peuple souverain, par Jules Mauviel (de Maine et Loire) Membre de la Société démocratique centrale, ouvrier du socialisme et candidat prolétaire. P., 1848, N 1 // BN. Lc², 1755.*

⁴⁵ *Les alarmistes: Pamphlet par Charles Colleau. P., 1848 // BN. Lb⁵³, 1175.*

⁴⁶ *Catéchisme du républicain patriote suivi d'une comparaison entre le communisme et le jésuitisme // BN. Lb⁵³, 1823. Подписан 19 апреля 1848 г. инициалом Н.*

⁴¹ *Les Murailles révolutionnaires. P., 1851. P. 325, 665, 847.*

⁴² *Girardin E. de. La République et les républicains. Les saint-simoniens — les socialistes — les fouriéristes — les icariens etc., etc. P., 1848 // BN. Lb⁵⁴, 329.*

В «Прокламации Мехмеда-Али паши французскому народу»⁴⁷ утверждалось: «Вам говорят: „Государство должно быть единственным собственником, единственным промышленником, единственным банкиром... это как раз то, что существует на Востоке“» (4). Напрасно Карл Маркс и Ян Собеский остановили в свое время мусульманские армии в их нашествиях на Европу: «Еще много столетий назад они несли вам блаженный режим, который апостолы социализма хотят у вас установить. Велик Аллах! Луи Блан и Кабе такие же его пророки, как и Магомет» (6—7).

«Один неисправимый собственник» бил тревогу в связи с распространением коммунизма⁴⁸: «Не нам искать различия между икарийскими коммунистами и эгалитарными коммунистами. Нам совершенно не важно, что одни требуют немедленного установления коммунизма, а другие откладывают его осуществление на более или менее отдаленное будущее. Так или иначе существует партия, которая угрожает собственности, которая угрожает священным узам и правам семьи... Да, коммунистическая партия существует со своей организацией, своими вождями, своими газетами и своими клубами» (2). Без зазрения совести искажая коммунистический идеал, автор изображает его как раздел всей собственности. Делая расчеты, сколько земли и денег придется тогда на долю каждого, он описывает, какая это будет катастрофа для промышленности и сельского хозяйства. Брошюра — один из лучших примеров дезинформации, которую в те дни усердно распространяли во Франции.

Если эта брошюра была опубликована от имени «собственника», то многие другие антикоммунистические пасквили публиковались от имени рабочих. «Опровержение коммунизма»⁴⁹ было издано от имени некоего рабочего Гандона, причем для большей убедительности был указан и его адрес. В этом «Опровержении» приводятся те же избитые аргументы. Коммунизм упраздняет стимул к труду, устанавливает подлинное рабство (один из разделов так и озаглавлен «Коммунизм — это рабство»). Он нивелирует всех людей, заставляя их одинаково оде-

ваться, ходить в мастерские и даже ложиться спать в твердо установленное время. Коммунизм наносит смертельный удар равенству, солидарности, братству, так как общество должно содержать всех бездельников.

Другой «пролетарий», некий Гюйар⁵⁰, утверждал, что сколько он ни читал коммунистической литературы, он не только не воспринял коммунистическую веру, а наоборот, стал «противником коммунизма». «Чем чаще я перечитываю произведения этих публицистов и размышляю над ними, тем более их система политической и социальной организации представляется мне химерой». Конечно, коммунисты проповедуют свои идеи не из личной корысти, они искренни, но их принципы ложны. Коммунизм исходит из представления об идеальных и совершенных людях, между тем люди несовершенны. Коммунизм, ликвидируя собственность и обеспечивая всех по потребностям, упраздняет всякое побуждение к труду. Коммунизм — несправедливый строй, так как не вознаграждает по достоинству ум и талант.

Брошюра «Трудящиеся и коммунисты»⁵¹ также пыталась убедить, что коммунизм враждебен трудящимся, что коммунизм «был бы самым большим бичом для трудящихся, так как при этом режиме праздность пользовалась бы продуктами труда». Видимо, для того чтобы отвратить рабочих от каких-либо реформаторских идей, в брошюре давалось следующее определение коммунизма: «Коммунизм — это порождение идеи ассоциации, в действительности является лишь ее обязательным и последовательным развитием».

Мы привели, повторяем, лишь некоторые образцы антикоммунистической литературы периода Временного правительства, но и они в достаточной мере характерны. Прежде всего бросается в глаза сознательная фальсификация самой сути коммунистического учения — коммунисты изображаются как сторонники раздела имущества, против коммунизма используются одни и те же надуманные аргументы. Особый упор в антикоммунистической пропаганде делался на том, что коммунизм будто бы означает деспотизм, рабство. В эпоху революции, когда прославлялась свобода, было крайне выгодно внушать, что коммунизм — отрицание свободы. Многие антикомму-

⁴⁷ Proclamation de Méhémet-Ali pacha au peuple français // BN. Lb⁵⁴, 70.

⁴⁸ Le cri d'alarme contre le communisme (подписано: Un propriétaire incorrigible) // BN. Lb⁵³, 1864.

⁴⁹ Réfutation du communisme // BN. Lb⁵³, 1315.

⁵⁰ Essai sur le communisme par J. Guyard, Prolétaire. Dijon, 1848 // BN. Lb⁵³, 1050.

⁵¹ Les travailleurs et les communistes. P., 1848 // BN. Lb⁵³, 1863.

нистические памфлеты, как видим, публиковались от имени «рабочих», «пролетариев» или были адресованы «трудящимся». Противники коммунизма прекрасно сознавали, что коммунистические идеи распространялись прежде всего среди рабочего класса, и всячески стремились отвлечь от него рабочих.

В обстановке этой антикоммунистической свистопляски от коммунизма решили отмежеваться даже многие представители других «социальных школ», которые в лучшем случае выступали за право коммунистов свободно излагать свои воззрения. 8 апреля прудонистский орган «Представитель народа» (Représentant du peuple) опубликовал статью одного из своих редакторов, Фовети (Fauvety), «Коммунизм». «Мы, которые не являемся коммунистами,— говорилось в этой статье... сочли своим долгом поднять голос против дурацких обвинений коммунистов. Используя клевету и страх, коммунистам приписывают самые злостные намерения: их цель — раздел всех имуществ, их средства — воровство, грабеж, поджоги и т. д. Под влиянием этих несуразных обвинений торговцами, промышленниками, капиталистами овладевает страх, и они с грустью взирают на прошлое; со своей стороны восемь миллионов земельных собственников, прозябающих на земле Франции, думая что их собственность под угрозой, цепляются мертвой хваткой за клочок земли, которым они владеют». Фовети далее указывал: «Нужно также сказать, что те, кто должен был бы защищать коммунистов против предубеждений обывателей, как раз сами, быть может того не желая, наносят им наибольший вред. Мы имеем в виду тех реформистских и социалистических писателей, чьи системы более или менее непосредственно ведут к коммунизму, но которые, будучи напуганы обвинительными речами современных Эберов, кричат на всех перекрестках, что они не коммунисты, ни по существу, ни по своим намерениям. Так поступают последователи Сен-Симона, ученики Фурье и все реформаторы, которые по примеру Луи Блана хотят организовать труд с помощью государства. Представители этих различных школ, более или менее связанных с коммунизмом, отрицают (как будто это преступление), что они являются коммунистами, усиливая тем самым предубеждения обывателей против тех, кто смело себя так называет»⁵².

⁵² Populaire. 1848. 16 avr. P. 4.

В защиту коммунизма выступали отдельные представители демократической интеллигенции. Первой можно по праву назвать Жорж Санд, которая принимала самое активное участие в революции. В издававшихся министерством внутренних дел «Бюллетенях республики» она публиковала смелые статьи, вызывавшие ярость реакционеров. Она открыто выступала и против разнузданной антикоммунистической кампании. В статье, озаглавленной «К богатым», она писала: «В настоящий момент вызывает большие опасения коммунистическая идея... Под словом „коммунизм“ подразумевают народ, его нужды, его чаяния. Не будем, однако, смешивать понятия: народ — это народ; коммунизм — оклеветанное и непонятое будущее народа... Вы видели добродетель и величие народа, и так как вы не можете их отрицать, вы мотивируете нежелание признать его права опасением, что он сторонник коммунизма. Увы! Нет, народ не сторонник коммунизма, и тем не менее Франция призвана стать коммунистической не позднее, чем через столетие. Коммунисты среди народа — это несравнимо малое число; но вы должны знать, что если большинство — это действительность сегодняшнего дня, то меньшинство — это действительность будущего. Поэтому нужно уважать меньшинство и предоставлять ему свободу... Но говорят, что существуют коммунисты немедленных действий, которые хотят огнем и мечом разрушить собственность и семью. Где же они? Я, будучи сама коммунисткой, никогда не видела ни одного из них... Успокойтесь — коммунизм вам нисколько не угрожает!» Не нужно делать из коммунистов мучеников, так как это приведет только к обратному результату. «Оставьте же коммунизм жить в мире, так как он будет развиваться еще быстрее в условиях войны»⁵³.

Несколько позже, в начале мая, она опубликовала в газете Торе «Истинная республика» другую статью, в которой также резко осуждала антикоммунистическую травлю. Высказываясь против попыток установить коммунизм насильственным путем, она в то же время писала, что если под коммунизмом понимать стремление немедленно упразднить возмутительное неравенство между крайним богатством и крайней нуждой, дабы в дальнейшем установить истинное равенство, если под коммунизмом понимать развитие под покровительством государства

⁵³ Ibid. 23 mars. P. 2-3.

все более широкой и всеобъемлющей ассоциации трудящихся, то она тоже является коммунисткой⁵⁴. Как видим, в полемическом задоре Жорж Санд называла себя коммунистской — каковой она, конечно, не была — и готова была видеть в коммунизме общество будущего. И делала она это из благородной цели, чтобы заклеить гнусную антикоммунистическую кампанию.

Но такие люди, как Жорж Санд, являлись исключениями.

Даже такой убежденный республиканец, как Виктор Гюго, защитник «отверженных», допускал в те дни грубые и пошлые антикоммунистические выпады.

⁵⁴ Угай république. 1848. 7 mai. N 42. P. 1-2.

Абгар Рубенович Иоаннизян

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 года во ФРАНЦИИ и КОММУНИЗМ

М.: НАУКА. 1989

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](http://www.vive-liberta.com) и [Век Просвещения](http://www.vive-liberta.com), 2010. Книга подготовлена в виде сканов (5 pdf файлов) и выложена по главам в нашей библиотеке и сообществе: <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm>

Предисловие

Глава I. Участие коммунистов в Февральской революции. Вечер 25 февраля. Афиши и прокламации. Газеты Дезами, Эскироса, Констана и Торе. «Красная» пресса в марте—апреле 1848 г.

Глава II. Проекты «организации труда». Пропаганда коммунизма икарийской школой. Вильгардель, Масе, Гарен де Витри. «Индивидуализм и коммунизм». Оуэнистские проекты. Антикоммунистические брошюры

Глава III. Парижские клубы. Коммунистические клубы: Центральное братское общество, Клуб братских друзей, Клуб журнала «Фратерните», Клуб Горы, Клуб неподкупных, Клуб будущего и другие. Центральное республиканское общество. Клуб революции. Общество прав человека и гражданина. Манифестация 17 марта. Клуб клубов и агитация в департаментах. Программы коммунистических кандидатов в депутаты

Глава IV. «Документ Ташеро». Антикоммунистическая кампания и преследования коммунистов. Демонстрация 16 апреля и ее последствия. Выборы в Национальное собрание и обострение политического кризиса. События 15 мая

Глава V. Накануне решающей битвы. Клубы. Собрания под открытым небом. «Красная» печать. Коммунистическая агитация

Парижские клубы. Коммунистические клубы: Центральное братское общество, Клуб братских друзей, Клуб журнала «Фратерните», Клуб Горы, Клуб неподкупных, Клуб будущего и другие. Центральное республиканское общество. Клуб революции. Общество прав человека и гражданина. Манифестация 17 марта. Клуб клубов и агитация в департаментах. Программы коммунистических кандидатов в депутаты.

I

Одной из наиболее характерных черт политической жизни Франции в первые месяцы революции 1848 г. были клубы. Сразу же после февральских дней в Париже, в марте и апреле, возникает множество клубов под самыми различными наименованиями. Клубы организуются и в провинции, особенно в крупных городах. Почему это «клубное движение» приняло столь массовый характер? Думается, что афиша Республиканского клуба свободных трудящихся дает на этот вопрос достаточно убедительный ответ. «Клубы, — говорилось в этом воззвании, — являются живыми баррикадами демократии. С помощью реальных баррикад 24 февраля мы ниспровергли трухлявые опоры конституционной монархии с ее коррупцией, с ее привилегиями и ее злоупотреблениями; с помощью моральных баррикад, называемых клубами, мы, следует надеяться, зложим основы общественных институтов, без которых республика была бы пустым словом. Именно с помощью клубов — этого второго Национального собрания, — непрерывно действующих, должен быть построен новый социальный строй. Именно из недр этих поистине народных собраний, из горнила различных мнений, из жарких дискуссий должны быть выдвинуты если и не полностью решенные, то по крайней мере разработанные вопросы будущего, которыми вскоре займется Учредительное собрание, дабы установить реальное господство равенства; наконец, именно из клубов, этих активных избирательных центров, и возникнет само Учредительное собрание»¹.

¹ Club republicains des travailleurs libres // BN, Lb53, 587.

Парижским клубам и их роли в революции 1848 г. посвящена вышедшая в 1975 г. монография американского историка Аманна². В ней он ставит вопрос: почему массовое движение в революционной Франции привело к созданию клубов, а не рабочих советов, как в русских революциях 1905 г. и 1917 г. Отвечая на этот вопрос, он пишет, что в Париже в 1848 г. не было крупных промышленных предприятий, где могли бы быть организованы подобные рабочие советы³. Нам представляется, что постановка такого вопроса вообще неправомерна, даже по чисто формальному признаку: Советы в России были выборными органами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Они были прообразом политической власти. Советы сразу после революции и действовали как органы власти, решая самостоятельно экономические и иные вопросы, производя даже аресты. Поэтому первые месяцы после Февральской революции в России характеризовались двоевластием, когда наряду с Временным правительством властью обладали и Советы. Ничего подобного, разумеется, не было во Франции. Клубы не были выборными органами и не имели никакой реальной власти. Они только пытались путем организации демонстраций, подачи петиций и иными способами воздействовать на Временное правительство. Кстати, хотя в департаментах тоже были клубы, но их основным центром был Париж, и когда мы говорим о клубах периода революции 1848 г., мы имеем в виду именно парижские клубы. Неправильно также, как это делает Аманн, рассматривать все «клубное движение» как единое целое. Несомненно, что подавляющее большинство клубов носило демократический характер. Но среди них были не только умеренно буржуазные, но и откровенно реакционные клубы, что тоже свидетельствует о кардинальном отличии клубов эпохи революции 1848 г. от Советов 1917 г.

Говоря все это, нельзя, однако, отрицать огромную роль клубов в Февральской революции во Франции. Они действительно были органами массовой демократии, той организационной формой, которая сумела объединить все демократические слои населения, основную массу парижских рабочих. Они стали центрами политической жизни страны. Они вовлекли парижских трудящихся в активную политическую борьбу. Они сделали многое для их по-

литического просвещения, для распространения передовых социальных идей.

Современники единодушно подчеркивали пролетарский состав большинства революционных клубов. Там, пишет Даниэль Стерн, пролетариям внушали идеи «революционного деспотизма». Само слово «народ» трактовалось там узко, оно «означало лишь индустриальный пролетариат»⁴.

Каково же было число парижских клубов, а также число их членов? Мы не делаем собственных подсчетов, так как соответствующий подсчет сделан Аманном. 1 марта имелось не менее пяти клубов, к 10 марта — 36, к 15-му — 59. К середине апреля, когда «клубное движение» достигло апогея, в Париже функционировали уже 203 клуба и пародных общества. Эта цифра меньше тех, что приводят некоторые современники, а также некоторые историки. Объясняется это тем, что Аманн (нам кажется, вполне обоснованно) не включил в это число различные организации, представлявшие объединения лиц для защиты частных интересов, вроде демократического общества безработных литераторов, Клуба торговцев, Клуба съемщиков помещений и т. п. Что касается численности членов всех клубов, то дело обстоит следующим образом. Точные сведения имеются лишь о 18 больших народных обществах, число членов которых превышало 20 тыс. человек. Эти клубы составляли менее одной десятой всех народных обществ. Это не значит, конечно, что число членов всех клубов равнялось 200 тыс. человек, так как остальные клубы были гораздо более малочисленными. Но и по самым осторожным подсчетам, число членов клубов составляло от 50 тыс. до 70 тыс. человек. Аманн склоняется даже к более высокой цифре — около 100 тыс.⁵ Во всяком случае, совершенно несомненно, что клубы были массовыми организациями, сумевшими объединить десятки тысяч человек, включая самую активную часть трудящегося населения столицы. В середине марта Жорж Санд, вернувшись вечером домой, не смогла открыть дверь своей квартиры. Она послала за тремя слесарями, но ни одного из них не застала дома — каждый был на заседании своего клуба.

Где же собирались и заседали члены клубов? Упомянутый нами в первой главе Люкэ, хорошо знакомый с

² *Amann P. H. Revolution and Mass Democracy: The Paris Club Movement in 1848. Princeton University Press (N. J.), 1975.*

³ *Ibid. P. 36—37.*

⁴ *Stern D. Histoire de la Révolution de 1848. P., 1985. P. 347—348.*

⁵ *Amann P. H. Op. cit. P. 33—35.*

дейтельностью парижских клубов, писал по этому поводу следующее: «Клубы организовывали в городе шествия с факелами... они проводили свои заседания, не заботясь получить разрешения муниципальных властей... они размещались в бывших королевских дворцах, в церквях, в общественных зданиях, в музеях и научных залах»⁶. Действительно, все данные свидетельствуют о том, что в первые недели революции клубы использовали для своих заседаний главным образом общественные здания и помещения. Очень немногие клубы снимали частные залы, в том числе и танцевальные, как, например, икарыйский клуб снимал так называемый зал Монтестье. Подавляющее же большинство клубов с согласия, а иногда и без согласия муниципальных властей заседали в церквях, школах, лицеях, залах высших учебных заведений, в том числе и Сорбонны, в домах для престарелых и даже во дворцах. Использовать, в частности, учебные заведения было тем более легко, что клубы заседали только по вечерам, по окончании рабочего дня, и, следовательно, днем в них шли обычные занятия. Кстати сказать, клубы не заседали постоянно в одном месте, а часто их меняли в зависимости от обстоятельств. Так, Центральное республиканское общество Бланки за время своего существования переменило пять помещений, а Клуб революции Барбеса — шесть.

Если даже клубы и не тратили денег на наем помещений, то у них все же были другие расходы — на освещение, на печатание пригласительных билетов и афиш-извещений, наконец, на различные канцелярские нужды. Они поэтому вынуждены были взимать членские взносы, стремясь свести их к минимуму. То были или ежемесячные, или еженедельные взносы, или же входная плата для участия в данном заседании. Так, например, Центральное братское общество Кабе взимало с участников каждого заседания по пять сантимов. Следует, однако, учитывать одно важное обстоятельство. На заседаниях клубов, особенно таких популярных, как клубы Кабе, Бланки, Барбеса, принимали участие не только их члены, но и посторонние лица, зрители, которые, купив входной билет, могли на них присутствовать. Таким образом, финансовые ресурсы клубов пополнялись не только за счет их членов, но и за счет зрителей.

Как указано выше, клубы заседали по вечерам, так как иначе в них не могли бы принимать участие трудовые слои населения, составлявшие их основной контингент. Заседания начинались обычно в семь-восемь часов вечера и затягивались до одиннадцати часов, а иногда и до полуночи. Периодичность заседаний была разной. Некоторые клубы заседали только два раза в неделю, некоторые — три-четыре раза, но были и такие, которые заседали ежедневно. Здесь следует опять-таки учитывать следующее. Многие лица являлись одновременно членами двух, а то и более клубов. Им необходимо было предоставить возможность посещать и другие клубы, кроме того основного, к которому они принадлежали. Поэтому, хотя многие клубы заседали всего два-три раза в неделю, их члены отнюдь не посвящали общественной деятельности только два-три вечера в неделю.

Люка, называя клубы «маленькими парламентами», писал: «Каждый клуб имел свое бюро, свой порядок дня, свой устав, свою трибуну, квесторов, привратников и все остальное»⁷. Уставы клубов, к сожалению, не сохранились, за исключением одного, а именно Клуба Фратерните, поскольку он бы отпечатан и расклеен на улицах Парижа⁸. Сразу же оговоримся, что было два Клуба Фратерните: один коммунистический, основанный бывшими издателями журнала «Фратерните», о котором речь пойдет ниже, и другой, основанный в Латинском квартале, вступить в который приглашали как студентов, так и рабочих. Этот клуб как таковой нас не интересует, но мы все же считаем необходимым вкратце изложить его устав, чтобы иметь представление об организационной структуре одного из клубов. Устав этот состоял из десяти глав и 49 статей. Клуб, говорилось в нем, имеет центральный комитет и секции. Центральный комитет включает председателя, вице-председателя, двух секретарей и казначея, избираемых на общем собрании членов клуба сроком на три месяца. В каждую секцию входит от десяти до двадцати членов. Во главе секции стоят председатель, вице-председатель и секретарь, также избираемые на три месяца. Граждане, желающие стать членами клуба, должны быть представлены двумя членами секции, их кандидатуры должны утверждаться на общем собрании клуба. Заседания клуба начинаются с утверж-

⁶ Lucas A. Les Clubs et les clubistes. P., 1851. P. 4.

⁷ Ibid. P. 2.

⁸ Les Murailles révolutionnaires. P., 1851. P. 238—240.

дения протокола предыдущего собрания, далее обсуждаются права человека и гражданина, «патриотические сочинения» и изложенные в них доктрины, а также рассматриваются все вопросы, связанные с деятельностью правительства. Каждый член клуба имеет право вносить свои предложения. Затем утверждается порядок следующего заседания. Если возникают срочные вопросы, председатель клуба созывает центральный комитет, а с его согласия и общее собрание. Член клуба, не явившийся без уважительных причин на заседание, в первые три раза подвергается штрафу, а на четвертый раз исключается.

Трудно, конечно, сказать, насколько этот устав был характерен и для других клубов. В нем, как видим, предусматривалось деление клуба на секции. Мы знаем, что действительно были клубы, имевшие отдельные секции. Но в то же время многие клубы, причем из самых многочисленных, таких секций не имели. Но у всех были председатели, заместители председателей, секретари и казначеи. В этом отношении устав Клуба Фратерните не составлял, видимо, исключения, разве что большинство клубов называло свой руководящий орган «бюро», а не «центральным комитетом».

В центре внимания всех клубов находились, разумеется, текущие политические вопросы, связанные прежде всего с ликвидацией монархического прошлого, с обеспечением демократических прав, с укреплением республиканских учреждений, с деятельностью и мероприятиями Временного правительства. Но поскольку все эти вопросы неизбежно переплетались с проблемой конечной цели революции, то неудивительно, что всюду обсуждалась и эта основная проблема, что приводило и к рассмотрению различных «доктрин», о чем не случайно говорилось в уставе Клуба Фратерните. Так как подавляющее большинство клубов носило демократический характер, то они оценивали революцию не только как политическую, но и как социальную, и стремились к установлению «социальной» республики.

Что социалистическая пропаганда интенсивно велась в различных клубах, было хорошо известно всем современникам. Эжен Лабиш, будущий автор «Соломенной шляпки», написал даже в те дни одноактный водевиль, посвященный клубам и озаглавленный «Клуб в Шампаньи». впервые поставленный на сцене 8 июня. В нем выведен один из клубных ораторов, «социалист», выставляющий свою кандидатуру в Национальное собрание. Он заявля-

ет, что люди должны жить отдыхая, что работу за них должны делать машины, а на вопрос, кто же будет строить сами машины, отвечает, что это будут делать другие машины, что производство возродится благодаря ассоциации и будет находиться под руководством государства и что таким путем люди приблизятся к решению «великой проблемы»⁹. Этот пасквиль на клубы — лишь одно из многочисленных свидетельств представления современников о клубах как центрах социалистической пропаганды.

Наша задача — выявить те клубы, которые носили открыто коммунистический характер или же в которых активное участие принимали коммунисты и где велась пропаганда коммунистических идеалов. Сделать это, конечно, не так легко. Если имеются монографии и работы, посвященные отдельным крупным клубам, то нет никаких общающих исследований по указанной выше теме. Книга Аманна не является в этом отношении исключением. Она посвящена «клубному движению» в целом, т. е. участию парижских клубов в политических событиях в период революции. В предисловии сам автор специально предупреждает, что его книга посвящена клубному движению, а не отдельным клубам, что историк, которые захотят почерпнуть в ней конкретные сведения, скажем, об Обществе прав человека, не могут на это рассчитывать¹⁰. Нам надлежит поэтому проделать эту работу, опираясь на имеющиеся в нашем распоряжении источники.

К ним прежде всего относится книга Люка «Клубы и клубисты». Как мы говорили уже в первой главе, Люка был, по всей вероятности, полицейским осведомителем. Он хорошо знал парижские клубы, собирал о них все данные и усердно их посещал. Его книга, опубликованная в 1851 г., содержит поэтому очень интересные материалы. Люка дает сведения о многих клубах, об их руководителях, иногда рассказывает об их заседаниях, приводит выдержки из речей и т. п. Конечно, ему никак нельзя безоговорочно верить, а тем более полагаться на его характеристики, поскольку он был реакционно настроенным человеком и не скрывал свою ненависть ко всему прогрессивному. Когда он называет тот или иной клуб «красным», это еще отнюдь не значит, что тот был действительно выразителем передовых социальных идей; когда он называет клуб «красным и коммунистическим», это

⁹ Labiche E. Theatre I. P., 1979. P. 524.

¹⁰ Amann P. H. Op. cit. P. XIV.

еще отнюдь не значит, что тот был действительно коммунистическим — в подлинном смысле этого слова. Сообщения Люка всегда следует сопоставлять с другими сведениями, если только таковые имеются.

Сообщения о заседаниях клубов публиковались в прессе. Более того, выходили газеты, специально предназначенные для освещения деятельности клубов. Таковыми прежде всего были газеты «Голос клубов»¹¹, издававшийся с 8-го по 26 марта, а затем со 2-го по 7 апреля «Часовой клубов»¹². Газета «Коммуна Парижа»¹³, выходящая в свет с 9 марта по 7 июня, также претендовала быть органом клубов. Во всех этих газетах печатались отчеты, иногда очень подробные, о заседаниях отдельных клубов. Но, разумеется, в них не могла найтись отражения деятельности всех клубов. Кроме того, эти газеты, как и прочая пресса, интересовались прежде всего дебатами в клубах по текущим политическим вопросам. Поэтому в них относительно мало сведений, позволяющих судить об идейной направленности тех или иных клубов. Но все же такие материалы там имеются.

В Национальной библиотеке сохранились отдельные афиши, воззвания и иные материалы, опубликованные клубами. По ним также можно судить об идейной сути того или иного клуба.

Накопец, в нашем распоряжении имеются материалы архивного фонда следственной комиссии, созданной в связи с событиями 15 мая и июньским восстанием, фонд, который стал доступным историкам сравнительно недавно, после его передачи из архива Национального собрания в Национальный архив. В этом фонде имеются документы отдельных клубов, в том числе и почти неизвестных. Весьма ценным является то, что в этих документах упоминаются многочисленные имена, дающие возможность составить более полное представление об участии коммунистов в различных клубах и выявить их политическую деятельность в период революции 1848 г., о которой мы до настоящего времени не имели достаточных сведений.

Постараемся же, используя и сопоставляя все материалы, ответить на интересующий нас вопрос.

Начнем с Центрального братского общества (Société fraternelle centrale) Кабе. Коммунистический характер этого клуба не вызывает никаких сомнений. Он возник на базе уже существовавших до революции икарыйских организаций. В нем объединились сторонники икарыйского коммунизма. Центральное братское общество, посвящая значительную часть времени обсуждению актуальных политических проблем, уделяло значительное внимание и пропаганде коммунистической идеологии. В предыдущей главе мы уже говорили о выступлениях Кабе на заседаниях Общества в защиту коммунизма. Здесь скажем следующее. По мере усиления во Франции антикоммунистической кампании Кабе не только не приглушал коммунистическую агитацию, а, наоборот, усиливал ее. В своем выступлении на заседании Центрального братского общества 3 апреля, указав, что хотят заглушить голос коммунистов, он призывал икарыйцев не отступать, а, наоборот, удвоить свою отвагу и энергично и активно защищать и пропагандировать коммунистический идеал¹⁴.

О Центральном братском обществе и его деятельности мы имеем достаточно полные сведения. Во-первых, о его заседаниях регулярно извещал на своих страницах «Пюлюер». Во-вторых, мы имеем протоколы этих заседаний, за исключением первых пяти. Мы уже отмечали, что издаваемые отдельными выпусками «Речи гражданина Кабе» были на самом деле не чем иным, как протоколами заседаний Центрального братского общества, в которых приводились не только выступления Кабе, но и всех других ораторов. Между 28 февраля и 8 мая состоялось 15 заседаний икарыйцев: 28 февраля, 1, 3, 6, 10, 13, 17, 27, 24 и 29 марта, 3, 10 и 24 апреля, 1 и 8 мая. Отметим, что лишь на пятом заседании, 10 марта, икарыйцы приняли решение впредь именовать свой клуб Центральным братским обществом¹⁵. Икарыйский клуб собирался, как видим, регулярно (если не считать двухнедельного перерыва между 10 и 24 апреля, вызванного событиями 16 апреля), но не так часто, как некоторые другие. Собрания эти были очень многолюдными. Так, по дан-

¹¹ Voix des Clubs: Journal quotidien des assemblées populaires // BN. Lc², 1715.

¹² Sentinelle des Clubs: Journal special des sociétés républicaines // BN. Lc², 1716.

¹³ Commune de Paris, moniteur des clubs // BN. Lc², 1717/19.

¹⁴ 7e et 8e discours du citoyen Cabet. P. 6 // BN. Lb⁵³, 932.

¹⁵ Populaire. 1848. 12 mars. P. 3.

ным «Попюлера», на первом заседании присутствовали 2000 человек, на последующих трех — 4500 человек, в том числе 500 женщин, на пятом — 5000 человек, включая 1000 женщин¹⁶. Такой же наплыв был и на последующих собраниях Общества: «Попюлер» сообщает, что на заседании 24 апреля присутствовало 6000 человек, на заседании 8 мая — 4000 мужчин и 1000 женщин¹⁷. К этим округленным цифрам, приводимым «Попюлером», следует, конечно, относиться критически. Но одно несомненно — и это подтверждается всеми другими данными, — что на собраниях Центрального братского общества присутствовали не сотни, а тысячи людей. Теснота была такая, что на заседании 10 апреля, где предложение о кандидатуре Пьера Леру в депутаты Национального собрания было встречено аплодисментами, один из присутствующих воскликнул, что эти аплодисменты были бы еще громче, если бы не было тесноты и они могли бы свободно пользоваться руками¹⁸.

Не следует полагать, что все посещавшие заседания были икарійцами, т. е. последователями Кабе. На собраниях Центрального братского общества бывали и представители других течений коммунистической мысли, а также фюреристы и прочие сторонники «социальной республики». На одном из заседаний, обращаясь к присутствующим, Кабе поэтому говорил: «Вы все являетесь социалистами и почти все вы икарійцы»¹⁹. Представители других «социальных школ» выступали даже на заседаниях Центрального братского общества. В этой связи следует подчеркнуть, что неверно думать, что эти заседания сводились лишь к «монологам» самого Кабе. Это ложное впечатление, подкрепляемое публикацией «речей» Кабе, не соответствует действительности. Правда, Кабе выступал на них с длинными речами, но говорил отнюдь не только он один, да и председательствовал не всегда он сам. Иногда даже завязывались оживленные дискуссии, против предложений Кабе выступали другие ораторы, и против них голосовали подчас сотни людей.

Несмотря на большие заслуги Центрального братского общества в деле защиты и пропаганды коммунистических идей, его характер как общества икарійского не мог

не отражаться на его деятельности. Хотя Кабе неоднократно призывал к сплочению представителей всех «социалистических» школ, особенно в связи с предстоящими выборами в Национальное собрание, но старая вражда к коммунистам-революционерам все же не утихала. Только этим и можно объяснить следующий факт. Собрания Центрального братского общества посещал один из выдающихся коммунистов-революционеров, уже упоминавшийся нами в первой главе, Гийом Розье²⁰. Он попытался добиться выдвижения клубом Кабе своей кандидатуры в депутаты Национального собрания. Но если Центральное братское общество охотно одобряло кандидатуры таких лиц, как Пьер Леру, то в отношении коммуниста-революционера Гийома Розье оно заняло иную позицию. На заседании 10 апреля последний зачитал свое «кредо», с которым нам еще предстоит ознакомиться. Но тут же некий «гражданин Фавар» стал его оспаривать, упрекая, в частности, в том, что, организовав Общество трудящихся-эгалитариев, он расколол Общество времен года. Возражая, Розье объяснил, что он организовал Общество трудящихся-эгалитариев именно затем, чтобы избавить осколки Общества времен года от влияния партии «Националь», т. е. буржуазных республиканцев. Но «гражданин председатель», т. е. в данном случае сам Кабе, воспользовавшись этой перепалкой, поспешил объявить, что поскольку кандидатура Розье вызывает разногласия, а час уже поздний, то рассмотрение этого вопроса откладывается²¹. На этом дело и кончилось.

В Центральном братском обществе дебатировался вопрос об эмиграции — тоже весьма характерный для икарійского сектантства. Известно, что накануне революции Кабе выдвинул лозунг о массовой эмиграции в Америку для основания там икарійских поселений. Были предприняты и практические шаги для осуществления этой затеи. Революция временно отодвинула этот вопрос на второй план. Кабе в своих статьях в «Попюлере» ссылаясь на эти проекты лишь как на доказательство миролюбивых намерений икарійцев, которые не только не собираются навязывать коммунистические порядки силой, но и хотят даже учредить образцовые коммуны, которые могут

¹⁶ Ibid. 7 mars. P. 2; 12 mars. P. 3.

¹⁷ Ibid. 27 avr. P. 4; 11—14 mai. P. 4.

¹⁸ Ibid. 12 mars. P. 3.

¹⁹ 10^e discours du citoyen Cabet. P. 13 // BN. Lb⁵³, 1343.

²⁰ О Гийоме Розье см.: Иоаннисян А. Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840—1841 гг. М., 1983. С. 76—78, 125—126 и др.

²¹ 7^e et 8^e discours du citoyen Cabet. P. 14—15.

явиться убедительным примером преимуществ коммунизма вдали от Франции. Но по мере роста в стране антикоммунистических настроений, по мере ослабления демократических сил и успехов буржуазной реакции Кабе стал вновь выдвигать проект эмиграции на первый план. На заседании Центрального братского общества 1 мая, после неудачных выборов в Национальное собрание, он открыто заявил об этом. Икарийцы, сказал он, приняли активное участие в революции, сделали со своей стороны все возможное, чтобы консолидировать республику, указали на средства, необходимые для осуществления принципов свободы, равенства, братства. Теперь, когда избрано Национальное собрание, нужно «думать лишь о нашей Икарии, о нашей эмиграции ... впредь мы будем заниматься только нашей эмиграцией». Против Кабе выступил присутствовавший на заседании Жюль Лешевалье. Бывший сенсимонист, перешедший затем в фурийский лагерь, он принадлежал к левому крылу «социетарной школы». Воздав должное Кабе, признав, что опыты в отдаленных странах в принципе допустимы, он, однако, решительно заявил: «Центр социального движения должен оставаться в Париже. Не будем, граждане, эмигрировать, будем бороться, будем проявлять себя, добьемся, чтобы нас поняли, и мы в конце концов преодолеем слепое сопротивление, которое нам противостоит». Но Кабе, вновь взявший слово, снова настаивал на эмиграции, притом эмиграции массовой, заявив даже: «Мы здесь больше не нужны»²².

Центральное братское общество было в марте—апреле наиболее многочисленным и популярным коммунистическим клубом; оно, безусловно, сыграло положительную роль и в политической жизни революционной Франции и в деле отстаивания и распространения коммунистических идеалов. Но сектантский характер икарийского коммунизма находил проявление и в этом клубе. По мере усиления реакции Центральное братское общество постепенно отошло от политической борьбы и сосредоточило свои усилия на осуществлении утопических планов создания коммунистических общин в Америке.

Чисто коммунистическим был и Клуб братских друзей (Club des amis fraternels), основанный в марте одним из видных представителей революционного коммунизма материалистического направления Брижем. В своих доре-

волюционных работах он пропагандировал план коммунистического переустройства общества на базе отдельных коммун, составных ячеек единого хозяйственного комплекса в масштабе всей страны. Бриж входил в состав редакции коммунистического журнала «Фратерните», точнее «второго» «Фратерните», издававшегося после ухода Лаотгера, с ноября 1841 г. по март 1843 г. Довольно скоро он стал играть в журнале главенствующую роль²³.

Говоря о Клубе братских друзей, Люка не может скрыть своей злобы. «Самые причудливые сумасшедшие, — пишет он, — самые необычайные мономаны сменялись ежеминутно на трибуне Клуба братских друзей, и часто их эксцентричность принималась всерьез слушателями, которые не имели больше разума, чем те, которые они слушали». Однажды некий гражданин Мюре говорил будто бы с трибуны клуба, что нужно организовать не труд, а безделье путем бесконечного увеличения числа машин; «нужно, чтобы человек, вместо того чтобы склонять свою голову к земле, вместо того чтобы использовать свои руки для различных работ, был бы окружен механическими посредниками, которые по мановению его руки творили бы чудеса». Он предлагал будто бы осуществить все это и многое другое с помощью «сжатого воздуха». Трудно, конечно, принимать за чистую монету все эти инсинуации Люка. Невозможно допустить, что кто бы то ни было выступал в те дни не за организацию труда, а за организацию безделья. Речь шла, очевидно, об обычном среди коммунистов того времени представлении о техническом прогрессе, который в будущем обществе облегчит труд и избавит людей от непосильной, тяжелой работы. Люка далее пишет: «Часто ораторы Клуба братских друзей обменивались весьма не братскими эпитетами. Сеиды отца Брижа утверждали, что отец Кабе, завидуя влиянию своего брата по коммунизму, часто посылал в клуб смутьянов, дабы возбудить там ссоры путем непредвиденных возражений»²⁴. Этим сведениям Люка можно верить. Еще до революции Кабе метал гром и молнии против Брижа, как и против всех других представителей революционного коммунизма. Соперничество между икарийцами и революционными коммунистами продолжалось и после революции в виде со-

²³ См.: Иоаннисян А. Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1842—1847 гг. М., 1986. С. 20—28.

²⁴ Lucas A. Op. cit. P. 22—24.

²² 10^e discours du citoyen Cabet. P. 10—15.

ба при Революционном комитете, т. е. Клубе клубов, созданном для подготовки выборов в Национальное собрание, о котором нам придется еще говорить. На заседании был зачитан доклад временных представителей клуба, в котором говорилось о необходимости назначить постоянных делегатов при Революционном комитете. Было принято постановление о назначении временных представителей — Леру, Легре и Гея — постоянными делегатами и о наделении их всеми необходимыми полномочиями. В этой связи в протоколе говорилось, что Революционный комитет «осуществил одно из наших пожеланий, которые мы выражаем уже давно: сосредоточить усилия всех клубов и корпораций Парижа. Наши делегаты будут снабжены кредо (profession de foi), в котором открыто изложены взгляды нашего клуба».

К протоколу приложено «Кредо клуба братских друзей», в котором говорится: «Клуб братских друзей исповедует практические принципы свободы, равенства, братства. Его члены являются эгалитарными социалистами. В целях достижения братского равенства всеми своими действиями они будут настойчиво добиваться осуществления следующих мероприятий: 1) единого для всех, бесплатного и обязательного национального воспитания; 2) бесплатного правосудия для всех граждан; 3) упразднения теперешних налогов и установления прогрессивного налога — соответственно чистому доходу каждого гражданина; 4) упразднения прав наследования по боковой линии и 50% налога на прямое наследование; 5) учреждения крупных промышленных и сельскохозяйственных предприятий, принадлежащих нации, в которых существование трудоспособных граждан было бы обеспечено их работой, а существование стариков и инвалидов гарантировано (далее слово неразборчиво.— А. И.)». Протокол подписан вице-председателем (имя неразборчиво), казначеем Шарлем Леру и секретарем Ж. Геом. «Кредо» подписано этими же лицами, а также вторым вице-председателем Легре. Таким образом, делегатами Клуба при Революционном комитете были его второй вице-председатель Легре, казначей Леру и секретарь Гей²⁵.

В этом же архивном фонде есть справка, из которой явствует, что Клуб братских друзей выдвинул следующих кандидатов в депутаты Национального собрания:

перничества между Центральным братским обществом и клубами, основанными коммунистами-революционерами.

В Национальном архиве в упомянутом нами фонде имеется важный документ, проливающий свет на политическую программу Клуба братских друзей. Это протокол заседания Клуба от 27 марта. На нем рассматривался вопрос об утверждении постоянных делегатов клу-

²⁵ Archives nationales. C. 941.

Флотта, Брижа, Фомберто-сына, Жюля Гея, Вильгарделя, Кабе и Юбера.

Вышеизложенное «Кредо» безоговорочно свидетельствует о коммунистическом характере Клуба братских друзей. Его члены провозглашались в нем «эгалитарными социалистами», а под этим названием в эпоху революции выступали многие коммунисты. Для осуществления в конечном итоге «братского равенства» клуб предусматривал ряд типичных «переходных мероприятий», которые в то время предлагали многие коммунистические идеологи. Выдвинутые клубом кандидаты в депутаты в Национальное собрание были исключительно коммунистами. Наконец, если председателем клуба был старый коммунист-революционер Бриж, то его секретарем являлся не кто иной, как Жюль Гей.

Жюль Гей был нам известен как руководитель французских оуэнистов, друг и сотрудник Дезами и Мея, принявший вместе с ними участие в издании в 1842 г. «Альманаха общности». Кроме того, мы знали, что в марте 1849 г. Гей предпринял попытку наладить издание газеты «Коммунист», единственный номер которой свидетельствует, что к тому времени он стоял уже на бабувистских позициях²⁶. Но мы ничего не знали о его деятельности в 1848 г., непосредственно после революции. Теперь нам точно известно, что он отнюдь не оставался в стороне от политической жизни в первые бурные месяцы революции. Уже в марте 1848 г. он был секретарем коммунистического Клуба братских друзей, одним из его делегатов при Клубе клубов, и его даже выдвинули кандидатом в депутаты Национального собрания²⁷.

Коммунистическим был также Клуб журнала «Фратерните» (*Club du journal la Fraternité*). Мы даем название этого клуба по сохранившемуся в архиве документу. Люка называет этот клуб Обществом Фратерните (*Société*

de la Fraternité). Он был основан в марте редакторами «Фратерните 1845 г.», опубликовавшими сразу после революции свой манифест, о котором говорилось в первой главе. Председателем этого клуба был Савари. Говоря об Обществе Фратерните, Люка заявляет: «Было бы большим заблуждением считать, что коммунизм, о котором нам уже давно прожужжали уши, является единой доктриной... Основатели клуба на улице Дё Буль принадлежали к секте коммунистов-материалистов»²⁸. Это не совсем так. Журнал «Фратерните 1845 г.» был действительно основан совместно коммунистами-материалистами и коммунистами-«спиритуалистами». Но вскоре верх одержали «спиритуалисты», которые во главе с Савари и руководили журналом вплоть до революции.

В Национальном архиве сохранились два документа Клуба журнала «Фратерните»²⁹. В первом из них содержится следующая информация: «Дни заседаний — среда и пятница. Члены, составляющие бюро: Савари — председатель, Вуанье-старший — первый вице-председатель, Малармэ — второй вице-председатель, Венсар (Пьер) — секретарь». Далее следует выдержка из протокола заседания 31 марта 1848 г. Чтобы понять его суть, следует сказать, что созданный к тому времени Клуб клубов, или, как его еще называли, Революционный комитет, требовал от всех присоединившихся к нему клубов признания принципов Декларации прав человека и гражданина, составленной Робеспьером в 1793 г., а также назначения делегатов, которые должны были быть направлены в департаменты как уполномоченные Клуба клубов. Выдержка эта гласила: «После сообщения, сделанного от имени Клуба революции (т. е. Революционного комитета. — А. И.), собрание, учитывая, что Декларация прав человека и гражданина содержит в зародыше все социальные принципы, которые наша последняя революция должна стремиться осуществить, единогласно объявляет, что оно присоединяется к этой декларации. По предложению председателя, единогласно одобренному собранием, кандидатами, представляемыми Клубу революции, утверждаются граждане Вуанье, Фонтан и Стевено». После подписей — председателя Савари, вице-председателя Малармэ и секретаря Пьера Венсара, указано, в какие департаменты должны быть направлены эти делегаты. Во

²⁶ См.: Иоаннисян А. Р. К истории французского утопического коммунизма первой половины XIX столетия. М., 1981. Очерк 3: Жюль Гей и пути развития французского утопического коммунизма в 30–40-х годах XIX века.

²⁷ Очевидно, этим политическая деятельность Гея не ограничивалась. В том же архивном фонде есть письмо от 4 апреля Клуба братского союза (*Club de l'union fraternelle*). Этот клуб, созданный в апреле, упоминает и Люка (*Lucas A. Op. cit. P. 51*). Письмо «О назначении делегатов при Клубе клубов» подписано: «вице-председатель Гей», причем это явно подпись Жюля Гея. Таким образом, Гей был не только секретарем Клуба братских друзей, но одновременно вице-председателем другого клуба, что в те дни было обычным явлением.

²⁸ *Lucas A. Op. cit. P. 146.*

²⁹ *Archives nationales. C. 941.*

втором документе говорится, что «республиканский клуб журнала „Фратерните“» на своем заседании 7 апреля единогласно выдвинул кандидатом в депутаты Национального собрания Савари.

Как видно из этих документов, руководящую роль в Клубе журнала «Фратерните» играли известные коммунисты-революционеры, причем Савари, Вуанье, Фонтан, Стевено входили накануне революции в состав редакционной коллегии журнала; Жюль Малармэ также был одним из основателей «Фратерните 1845 г.»; избранный после революции лейтенантом Национальной гвардии, он принял затем участие в июньском восстании. По своему мировоззрению Малармэ был коммунистом-материалистом. Быть может, имея в виду именно его, Люка писал, что основатели Общества Фратерните были коммунистами-материалистами. Во всяком случае, сам факт присутствия Малармэ в качестве второго вице-председателя в составе бюро Клуба журнала «Фратерните» свидетельствует, что в нем вновь сотрудничали коммунисты-«спиритуалисты» и коммунисты-материалисты, поскольку и те и другие принадлежали к революционному крылу коммунистического движения.

Уже сам состав клуба — наглядное свидетельство его коммунистического характера. В этом отношении весьма характерна оговорка, которую мы находим в сохранившейся выдержке из протокола клуба от 27 марта, что члены клуба одобряют Декларацию прав человека и гражданина Робеспьера, поскольку она содержит в зародыше социальные принципы, которые должна осуществить Февральская революция. Декларация Робеспьера провозглашала условный характер собственности, и поэтому, как увидим ниже, коммунисты и социалисты сделали из этого соответствующие выводы. Эта оговорка, сделанная Клубом журнала «Фратерните», является весьма знаменательной. Знаменательно и само название клуба, поскольку журнал «Фратерните 1845 г.» никогда не скрывал, что он «орган коммунизма», как гласил его подзаголовок.

По словам Люка, Общество Фратерните было преобразовано в апреле в Клуб Фратерните, председателем которого стал Малармэ, и, мол, это было сделано лишь для того, чтобы выдвинуть кандидатов в депутаты³⁰. Так ли это на самом деле, мы не знаем. Во всяком случае, имею-

³⁰ Lucas A. Op. cit. P. 149.

щиеся в нашем распоряжении архивные документы это не подтверждают. 7 апреля Савари был выдвинут кандидатом в депутаты тем же Клубом журнала «Фратерните», председателем которого он являлся.

Если верить Люка, то в марте существовал еще один Клуб Фратерните (Club de la Fraternité), основателем и председателем которого был Малармэ и в котором проповедовались его коммунистические доктрины³¹, таким образом, выходит, что в марте существовали параллельно два коммунистических клуба, носивших название Фратерните, — Клуб журнала Фратерните и Клуб Фратерните, причем в первом Малармэ был вице-председателем, а о втором — председателем. В архиве нет, однако, об этом никаких данных.

После революции Дезами также основал свой клуб, известный как Клуб гобеленов. Под этим названием он значится в некоторых списках клубов, опубликованных в прессе. Люка говорит о нем кратко лишь следующее: «Клуб гобеленов. Застава Гобеленов, основан в марте 1848 г. Председатель Т. Дезами». Клуб этот получил, следовательно, свое название от мануфактуры гобеленов, основанной в Париже еще в XVII в. В архиве имеются два документа «Демократического клуба гобеленов» от 30 марта и 18 апреля, связанных с назначением делегатов при Клубе клубов³². Но был ли это клуб Дезами? Упомянутые выше протоколы подписаны председателем, подпись которого неразборчива, но в любом случае это не подпись Дезами. Таким образом, о клубе Дезами, расположенном, кстати, далеко от центра Парижа, мы фактически ничего не знаем. Но сама личность Дезами вряд ли делает допустимой мысль, что он основал клуб, дабы пропагандировать иные общественно-политические воззрения, а не свои собственные.

В руках коммунистов находился и Клуб Горы (Club de la Montagne), заседавший на улице Фретийон (существовал еще другой Клуб Горы, совсем иного характера). Его председателем был Констан, вице-председателем Огюст-Пьер Легалуа (Legallois), тесно связанный с Константином еще до революции, публиковавший его книги и даже дважды сидевший за это в тюрьме. Секретарем клуба была жена Констан, в состав бюро входили Альфонс Эскирос, его жена, а также Гано (Ganeau) под псевдонимом

Мана́ (Manah). Люка и об этом клубе пишет с откровенной ненавистью. Этот клуб «сумасшедших социалистов» заседал, по его словам, в накуренном зале одного виноторговца; «войдя в этот демократический и социальный притон, нужно было смириться и слушать теории и напыщенные речи, направленные против общества, такие, против которых возражали бы каторжники Бреста». Люка уверяет, что сам слышал, как Констан в одном из выступлений заявил: «Мы вскипятим кровь аристократов в котле революции и сделаем кровавую колбасу, чтобы насытить голодных пролетариев»³³. Эту цитату, как и все другие, приводимые Люка, следует оставить на его совести, но то, что в клубе Констан проносили речи, направленные против буржуазного общества, в этом ему можно верить.

В архиве сохранились лишь собственноручная записка Констан от 13 апреля, удостоверявшая, что «гражданин Леклер является делегатом Клуба Горы», и список кандидатов в депутаты, выдвинутых этим клубом, среди которых мы находим имена Констан, Дезами и Эскироса.

Другим центром, вокруг которого объединялись коммунисты-революционеры, был основанный тоже в марте 1848 г. Клуб неподкупных (Club des incorruptibles). Его председателем был Делант, секретарем Фредерик Жерар³⁴. О них мы говорили в первой главе. Делант вместе с Дезами и Пийо призывал вечером 25 февраля на собрания в Прадо к свержению только что образованного Временного правительства; он выступил даже против Бланки, уговаривавшего собравшихся не делать этого. Фредерик Жерар был редактором и издателем единственного номера газеты «Эгалитарная демократия», в которой он провозглашал конечной целью революции установление коммунистического равенства. Но что еще более интересно, активным членом клуба был Пийо. Из архивных материалов мы узнаем, что 27 марта Клуб неподкупных назначил его своим делегатом при Клубе клубов. Этот же клуб выдвинул его кандидатом в депутаты Национального собрания вместе с Делантом, Юбером и Кабе³⁵. До настоящего времени Пийо, один из видных идеологов революционного коммунизма 40-х годов, исчезал из поля зрения историков и вновь появлялся на исторической

³¹ Ibid. P. 145–146.

³² Archives nationales. C. 941.

³³ Lucas A. Op. cit. P. 183–184.

³⁴ Ibid. P. 171.

³⁵ Archives nationales. C. 941.

арёне уже как член Парижской Коммуны. Разумеется, трудно предполагать, что в 1848 г. он стоял в стороне от революционных событий. Но не было никаких конкретных данных об участии Пийо в революции 1848 г. Теперь мы знаем, что Пийо не только принимал участие 25 февраля в собрании в Прадо, где защищал революционные позиции, но и был активным членом Клуба неподкупных, основанного Делантом.

Здесь считаем нужным сделать некоторое отступление, хотя это и нарушает хронологические рамки нашего повествования. Но думается, что оно необходимо не только для того, чтобы проследить дальнейшую деятельность Пийо в период революции, но и чтобы лучше уяснить взгляды как Пийо, так и Деланта, которые они пропагандировали в Клубе неподкупных.

Осенью 1848 г., после того как в августе Учредительное собрание приняло закон, разрешавший со строгими ограничениями и под полицейским надзором создание клубов, полностью ликвидированных после июньского восстания, Пийо предпринял попытку создать новый клуб. 16 октября состоялось первое заседание этого клуба, называемого в полицейских донесениях клубом Грос-тет, поскольку его заседание проходило в одном из зданий тупика Грос-тет. Получив донесение полиции, 18 октября прокуратура суда первой инстанции департамента Сены распорядилась немедленно его закрыть. Узнав, что в этот день состоялось второе заседание клуба, прокуратура приняла решение возбудить дело против Пийо, Деланта и других членов бюро клуба³⁶.

Из подробного полицейского отчета о первом заседании клуба Грос-тет мы узнаем следующее. В своей вступительной речи председатель клуба Пийо констатировал, что родина и республика находятся в опасности, выразив уверенность, что все же не удастся ликвидировать февральскую победу, как это было сделано с победой 1830 г., поскольку тогда существовали лишь либеральные республиканцы, теперь же на политической арене выступают республиканцы-социалисты. В этой связи он энергично призывал к тесному объединению социалистов. Далее он сказал: «Народ имеет неотъемлемое право рассматривать законы и требовать их изменения. и это право, если ему в нем отказывают, он должен обеспечить за собой с помощью ружей. Время петиций про-

шло; суверен (т. е. народ.— А. И.) не ходатайствует, он провозглашает». Переходя к порядку дня (1. Право на труд, со всеми вытекающими отсюда последствиями. 2. Право на помощь), Пийо заявил, что необходимы право на труд и организация труда. Что касается так называемого права на помощь, то это не что иное, как милостыня. Выступивший после Пийо Делант указал, что нужно говорить не о праве на труд, а об обязанности трудиться и о праве на жизнь. «С самых отдаленных времен имелись и сейчас тоже имеются только два класса людей — обворованный и вор. Последний не хочет выполнять свой долг и работать и нагло претендует возложить весь труд на первого, который добровольно соглашается на это и дает себя эксплуатировать. Народ держат в узде; им легко управляют с помощью катехизиса и жандармов. Милостыня является преступлением. Это свидетельствует социального зла, которое надлежит устранить». Председатель, т. е. Пийо, соглашаясь с идеями, высказанными Делантом, подчеркнул, что сейчас нужно непосредственно требовать организации труда. Снова взяв слово, Делант заявил, что как переходное мероприятие это, конечно, более практичное предложение. Лично он предпочитает прямо идти к цели. Единственная собственность человека — это его личные способности. Законы о собственности — это фикция. Разумеется, нет возможности достигнуть цели теперь же. Но необходимо, чтобы государство, красная республика, взяло бы в свои руки управление вместо собственников. Далее Делант объяснил происхождение собственности и нарисовал картину нравов и роскоши богатых, сравнивая нужду детей бедняков с жизнью животных у богатей. Он заявил, что все пороки проистекают от существующего сейчас старого прогнившего общества. Следующий оратор, цекто Бово, резко критикуя политику Учредительного собрания, сказал, что целью революции была реализация социалистических идей. В заключение Пийо зачитал стихи под названием «Право на труд», в которых говорилось, что земля принадлежит всем и, кто ее присваивает, совершает кражу.

Как видно из дальнейшей выдержки, приведенной в полицейском донесении, Делант выступил также в защиту осужденных в связи с июньским восстанием. «В обществе, — сказал он, — всегда есть два враждебных элемента. Речь идет о следующем: должен ли один из этих элементов соблюдать законы, установленные его врагом;

³⁶ Ibid. ВВ¹⁸. 1474^B, N 3, 4.

что касается повстанцев, то они сражались, чтобы бросить вызов законам, все еще держащим нас в оковах, которые, как мы полагали, мы разорвали в феврале».

Все эти высказывания Деланта и Пийо осенью 1848 г., когда после подавления июньского восстания реакция торжествовала победу, дают возможность составить представление о том, какие идеи революционного коммунизма пропагандировались в Клубе неподкупных в марте—апреле — в период революционного подъема.

Коммунистическим был и «Клуб будущего» (Club de l'Avenir) под председательством Альфонса Бодена (Baudin), которого не следует отождествлять с Виктором Боденом, известным депутатом-республиканцем, убитым на баррикадах в декабре 1851 г. в момент государственного переворота, совершенного Луи Бонапартом. Об этом клубе Люка пишет, что он был одним из наиболее посещаемых в Париже, так как там «обещали простофилям самое прекрасное социальное будущее». «Доктор А. Боден коммунист старой формации; на каждом заседании своего клуба он развивал в различных формах максимум, вне которой, по его мнению, существование общества невозможно: каждому по его потребностям, от каждого по его силам»³⁷.

В рапорте начальника отдела общей безопасности Паниса, представленном после событий 15 мая, Клуб будущего рассматривался как один из наиболее опасных: «Там исповедуют самые взбалмошные социалистические доктрины»³⁸.

О коммунистических взглядах Альфонса Бодена мы знаем из его выступления 9 апреля в Обществе прав человека и гражданина, где он добивался одобрения своей кандидатуры в депутаты. Подробный отчет об этом заседании был напечатан в газете «Коммуна Парижа»³⁹.

«Я хочу,— говорил он, излагая свое „кредо“,— полной республики со всеми вытекающими из этого последствиями и безоговорочного осуществления девиза, написанного на нашем знамени,— „Свобода, Равенство, Братство“... Равенство до сих пор было лишь пустым словом; мы хотим превратить его в реальную вещь. Все

люди... равны перед обществом. Общество обязано развивать способности людей, обеспечить удовлетворение всех их потребностей, а также предоставить им возможность работать, каждому согласно роду его деятельности. Трудиться сообразно природным наклонностям, разве это не удовольствие?» Братство может быть установлено только в условиях равенства. Все люди должны быть солидарными, и не только в пределах одной нации, а и всего человечества. «Нас упрекают в том, что мы мечтатели, что применение наших принципов невозможно. Разве желать счастья это утопия, разве необходимо, чтобы в обществе всегда были несчастные?» Прогресс является законом развития человечества. Иногда, правда, он приостанавливается. Но что же тогда происходит? Тогда одним скачком (т. е. революцией.— А. И.) люди не только нагоняют потерянное время, но даже еще более продвигаются вперед. На заданный ему вопрос, что он понимает под ассоциацией и нужно ли думать прежде всего о себе, а не о других нациях, Боден ответил: «Мы хотим всеобщей ассоциации, огромной ассоциации, охватывающей весь мир; я чту ассоциацию, я ею восхищаюсь, я ее принимаю, но лишь как одну из ступеней прогресса». Затем Боден высказался за эмансипацию женщин и за общественное образование с малолетнего возраста. Он против ликвидации семьи, но нельзя предоставлять семье право на воспитание детей.

В газете «Голос клубов» опубликован подробный отчет о заседании Клуба будущего 23 марта 1848 г.⁴⁰ В нем восхваляется «талант ораторов» и «твердость председателя», который руководил дебатами «с хладнокровием и силой воли, которую мы ставим в пример председателям других клубов». Заседание было посвящено, однако, не социальным темам, а вопросу об отсрочке выборов в Национальное собрание. Боден в своем выступлении сказал, что было бы глубоким заблуждением предполагать, что экономический кризис может быть преодолен путем поспешного созыва Национального собрания; выборы должны быть тщательно подготовлены; между тем Временное правительство ничего не делает, чтобы указать обездоленным правильный путь и защитить их от происков реакции. В принятой единогласно резолюции собрание потребовало отсрочки выборов Национального собрания.

³⁷ Lucas A. Op. cit. P. 46.

³⁸ Assemblée nationale constituante 1848—1849: Impressions. P., 1849. T. 13: Rapport de la commission d'enquête sur l'insurrection qui a éclaté dans la journée du 23 juin et sur les événements du 15 mai II. 94 // BN. Lc⁶⁷, 2.

³⁹ Commune de Paris. 1848. 11 avr. N 34. P. 4.

⁴⁰ Voix des clubs. 1848. 25 mars. N 14. P. 3.

Свой клуб основал и старый коммунист Корнель Омбер (Homberg). Он был бельгийцем по происхождению, но давно жил во Франции, где сперва работал портным, затем счетоводом. 20 марта в Клубе прогресса, председателем которого был Юбер, рассматривалась просьба Омбера — поддержать его ходатайство о предоставлении ему французского гражданства. Принимая во внимание, что он доказал свою преданность Французской республике и вполне достоин быть французским гражданином, собрание поддержало его просьбу⁴¹. Омбер вместе с Пийо был в 1840 г. одним из организаторов первого коммунистического банкета в Бельвиле, затем в 1841 г. он входил в состав редакционной коллегии журнала «Юманитер»; преданный суду вместе с другими «юманитариями», он был приговорен к тюремному заключению.

Организованный Омбером клуб назывался Клубом триумфа народа (Club du triomphe du Peuple). Сведения о нем мы имеем лишь из архивных материалов⁴². Из них узнаем следующее: делегатом при Клубе клубов Клуб триумфа народа назначил своего председателя Омбера. Кандидатами в депутаты Национального собрания он выдвинул Омбера, Лапоннере, Кофино, Наполеона Лебона, Юбера, Савари, Колле — все они были коммунистами-революционерами. В частности, Кофино, один из основателей «Юманитера» и «Фратерните 1845 г.», играл руководящую роль в тайном Обществе коммунистов-материалистов.

К числу коммунистических по всем данным следует отнести и Республиканский клуб свободных трудящихся (Club républicain des travailleurs libres). Выше мы привели воззвание этого клуба к рабочим, в котором столь красноречиво говорилось о роли клубов в политической жизни страны. В нем недвусмысленно провозглашалась необходимость «установить реальное господство равенства». Среди подписавших это обращение мы находим и имя одного из старых коммунистов, Кутюра, являвшегося в 1840—1841 гг. активным членом Общества коммунистов. Органом этого клуба должна была стать газета «Народ суверен», единственный номер которой, вышедший в свет 26 марта, упомянут нами в первой главе. Газета эта, стоявшая на классовых позициях, резко осуждала буржуазный строй и высказывалась за социа-

лизацию собственности. В ней было не только перепечатано воззвание клуба к рабочим, но и помещен отчет о его заседании 22 марта, посвященном вопросу о выборах в Национальное собрание⁴³. Выступивший на этом заседании председатель клуба Робер (Robert de Var) настаивал на выдвижении кандидатами в депутаты рабочих, так как именно пролетарий в силу своего положения способен решить проблемы будущего. «Он больше подходит для решения этой задачи, чем богатые, рабы своего социального положения; для последних невозможно вступить на путь совершенно новой революции, осуществленной пролетарием и для пролетария». Голосовать за богатых значит отдать свое оружие врагам. Из архивных документов мы узнаем, что Клуб свободных трудящихся выдвинул кандидатами в депутаты Национального собрания Юбера, Савари, Лапоннере, Кабе, Бланки, Пеккёра, Шарассена, Блеза, Беаса, Фомберто-сына и Флотта⁴⁴, т. е. — если не считать революционных демократов Блеза и Беаса — исключительно коммунистов, при этом наиболее видных.

Крусс, председательствовавший 25 февраля на собрании в Прадо до прихода Бланки и решительно выступавший за разгон Временного правительства, являлся одним из трех председателей Республиканского клуба трудящихся (Club républicain des travailleurs), делегатом которого он был при Клубе клубов⁴⁵. 22 марта он зачитал на заседании этого клуба написанное им обращение к Временному правительству; собрание приняло решение не только представить это обращение правительству, но и напечатать его и разослать всем другим клубам. В этом обращении говорилось: «Революция, свершенная народом в общих интересах, не должна оставить трудящихся в прежнем состоянии зависимости, вернее, крепостничества и ограничиться лишь некоторыми материальными улучшениями... Невозможно установить справедливую и прочную организацию на старых основах буржуазного общества... Очевидно, необходимо сверху донизу изменить старый порядок вещей, чтобы установить новый общественный строй». Подобная «совершенная организация освободит рабочих от нестерпимого гнета эксплуататоров... Необходимо, чтобы уже сейчас все рабочие были обеспечены продуктивной работой и не зависели от

⁴¹ Commune de Paris. 1848. 23 mars. N 15. P. 4.

⁴² Archives nationales. C. 941.

⁴³ Peuple souverain. 1848. 26 mars. N 1. P. 2.

⁴⁴ Archives nationales. C. 941.

⁴⁵ Ibid.

капризов хозяина. Для этого нужно... чтобы хозяева, весьма мало благожелательные в отношении рабочих, не могли бы их эксплуатировать вместе со своими заводами, когда им нужно извлечь из этого прибыль, и отделяться от них, когда прибыль уменьшается». Клуб предъявлял правительству требование — немедленно принять решение о том, чтобы все предприятия, не используемые их владельцами, перешли бы в руки государства, которое или само бы их использовало, или передавало бы под своим наблюдением ассоциациям рабочих⁴⁶. А таких предприятий, в условиях экономического кризиса и саботажа собственников, было не так уж мало. Это обращение дает довольно ясное представление об общественно-политической позиции Республиканского клуба трудящихся.

Аналогичное требование выдвигал Клуб республиканцев-социалистов (*Club des Républicains—Socialistes*), как о том свидетельствует афиша, сохранившаяся в Национальной библиотеке, с текстом петиции, представленной этим клубом 15 апреля Временному правительству⁴⁷. В петиции говорилось: «Принимая во внимание, что частная промышленность не имеет больше необходимых сил, чтобы выдержать теперешний коммерческий кризис... принимая во внимание, что социальный характер революции 1848 г. обязывает руководителей государства использовать любую возможность, чтобы превратить рабочего из наемного труженика в ассоциированного и положить в промышленности начало принципу ассоциации... мы выдвигаем следующее предложение: когда промышленное предприятие прекращает платежи или работу, государство должно иметь возможность его приобретать путем экспроприации. Государство превратится таким образом в промышленника-производителя и коммерсанта. Рабочие будут иметь свою долю в прибылях».

Если в этой петиции прямо не говорилось о конечной цели общественной перестройки, то в сохранившемся документе Клуба равенства (*Club de l'Égalité*) об этом заявлялось с полной откровенностью. Этот документ — изданная клубом речь его председателя Пезани, посвященная вопросу организации труда⁴⁸. В ней резко осуж-

далась свободная конкуренция и индивидуализм, осяцающие угнетение. Были рабы и крепостные. Теперь имеются пролетарии. Пролетарий — это человек, который трудится, но не обладает средствами производства, т. е. капиталами, землей, орудиями труда, машинами и т. п. «Проблема нашей эпохи — ликвидация пролетарства». Для этого государство должно осуществить индустриальную и аграрную реформу. Оно должно не только открыть крупные национальные мастерские для больших работ, но также предоставить орудия труда тем, кто в них нуждается и кто захочет организовать под контролем государства ассоциации. Право собственности — скорее временное пользование, чем вечное владение. В настоящее время его нельзя упразднить, как и наследование по прямой линии. «Когда наши общественные институты и нравы еще более проникнутся эгалитарными идеями... наши потомки решат, могут ли они без опасности его упразднить».

Сохранилась и афиша-воззвание Клуба лионской революции (*Club de la révolution lyonnaise*). Кстати, этот клуб находился не в Лионе, а в Париже, объединяя проживавших там лионцев, и вскоре стал называться Революционный и социалистический клуб департамента Роны (*Club révolutionnaire et socialiste de Rhone*). Авторы воззвания обращались ко всем работникам физического и умственного труда. «Мы все хотим жить работая. Следовательно, пусть не будет больше среди нас бездельников. Праздность — мать всех пороков... Бездельники погубили монархию; они хотели бы погубить нашу республику, но они не смогут это сделать, если мы не потерпим больше ни одного бездельника в лоне республиканского общества. Трудящиеся, вот наш первейший долг, и мы выполним его с усердием. Мы готовы все умереть, сражаясь против тех, кто хотел бы угнетать народ и сохранить привилегии, какого бы рода они ни были. Мы будем сражаться против них до тех пор, пока не победим и не принудим жить с нами, как с братьями, до тех пор, пока наконец не создадим истинное царство свободы, равенства, братства... Мы достигнем нашей цели, и вознаграждением за наши труды будет всеобщее благосостояние и счастье человечества»⁴⁹.

Подавляющее большинство парижских клубов поддерживали лозунг «демократической и социальной револю-

⁴⁶ Voix des Clubs. 1848. 24 mars. N 13. P. 2.

⁴⁷ Pétition a messieurs les membres du Gouvernement provisoire // BN. Lb⁵³, 1145.

⁴⁸ Club de l'Égalité: Essai sur l'organisation du travail. Discours prononcé par le citoyen Pezzani, président // BN. Lb⁵³, 953.

⁴⁹ Club de la révolution lyonnaise // BN. Lb⁵³, 1708.

ции» и являлись сторонниками «демократической и социальной республики». Они требовали коренных социальных реформ и установления не только политического, но и социального равенства. Это не значит, разумеется, что все эти клубы придерживались коммунистической платформы. Идеи фурьеризма, сенсимонизма, прудонизма и прочих «социальных школ» также имели своих многочисленных адептов. Даже название «социалистические», которые носили многие клубы, отнюдь не свидетельствует о их коммунистическом характере. Например, Клуб республиканцев-социалистов, о петиции которого мы упоминали выше, был фурьеристским и даже заседал в помещении редакции «Демократи насифик»⁵⁰.

Мы постарались выделить те клубы, которые бесспорно являлись коммунистическими и во главе которых стояли известные коммунисты. И Люка и Панис в своем рапорте характеризуют как коммунистические и многие другие клубы. Но мы не упоминаем о них, так как не имеем никаких прямых доказательств, подтверждающих эту характеристику.

Так, например, Панис, упоминая о Клубе Попенкур (Club Popincourt), заявляет, что это «центр коммунистической пропаганды»⁵¹. В архиве об этом клубе нет никаких документов. В газете «Голос клубов» напечатан отчет о его заседании 21 марта⁵², посвященном вопросу о выборах командиров в Национальной гвардии. Клуб высказался за то, чтобы все кандидаты на эти должности в обязательном порядке подписывали Декларацию прав человека, текст которой приложен к протоколу заседания. Но эта декларация не что иное, как текст декларации, предложенной Робеспьером в 1793 г.

Люка со своей стороны называет, например, коммунистическим Республиканский клуб Батиньола (Club republicain des Batignolles)⁵³. Но в опубликованных в «Коммуне Парижа» протоколах заседаний этого клуба от 16 и 31 марта⁵⁴ можно найти об этом лишь косвенные данные. Так, из протокола от 31 марта мы узнаем, что клуб

согласился с принципами, изложенными в направленном ему манифесте Клуба неподкупных. На том же заседании собрание одобрило программу, предлагаемую кандидатом в депутаты Национального собрания, в которой содержалось требование «упразднения социального и политического пролетарства». Всего этого, однако, недостаточно, чтобы безоговорочно согласиться с Люка. Он называет «красными и коммунистическими» и целый ряд других клубов, например Клуб трудящихся 11-го округа (Club des travailleurs du onzième arrondissement), Клуб социального труда (Club du travail social) и некоторые другие⁵⁵. Но мы не имеем в своем распоряжении никаких данных, подтверждающих это, а верить Люка на слово нельзя.

Конечно, среди двухсот клубов Парижа имелись, очевидно, и другие клубы коммунистической ориентации, особенно среди маленьких клубов рабочих кварталов и предместий столицы, а также клубы, в которых активное участие принимали коммунисты. Ведь были же клубы, которые, подобно Клубу республиканцев-социалистов 7 округа (Club des républicains socialistes du 7e arrondissement), в своих афишах извещали, что они допускают «свободное обсуждение всех социальных теорий»⁵⁶. Косвенным свидетельством этого является назначение многими клубами в качестве своих представителей в Клуб клубов коммунистов и выдвижение ими коммунистических кандидатов в Национальное собрание. Так, Клуб Марэ (Club du Marais) назначил делегатом Жавело, который характеризовался как «прекрасный образец пролетарского деятеля, пожертвовавшего своим достоинством и спокойствием ради республики и приговоренного свергнутым правительством к шестилетнему заключению»⁵⁷. А санюжик Жап Луи Жавело был одним из главных организаторов и участников тайного общества «коммунистов-материалистов». Клуб трудящихся социалистов Берси (Club des travailleurs socialistes de Bercy) назвал своим делегатом Розье. Мы не знаем, о ком шла речь, о Гийоме или Жюле Розье, но это неважно, так как оба они были коммунистами. Клуб эгалитариев (Club des égalitaires) выдвинул кандидатами в депутаты Кабе, Юбера и Савари. Клуб 3-го округа (Club du 3e arrondissement)

⁵⁰ См., напр.: Voix des clubs. 1848. 18 mars. N 7. P. 2. Амани, упоминая об этом клубе, ошибается, считая, что он находился под влиянием сенсимонистских идеалов (Amani P. H. Op. cit. P. 165).

⁵¹ Rapport de la commission d'enquête... P. 94.

⁵² Voix des Clubs. 1848. 23 mars. N 12. P. 2.

⁵³ Lucas A. Op. cit. P. 49.

⁵⁴ Commune de Paris. 1848. 13 mars. N 11. P. 3; 2 avr. N 25. P. 4.

⁵⁵ Lucas A. Op. cit. P. 245, 246, 247.

⁵⁶ Club des républicains socialistes du 7e arrondissement // BN. Lb⁵³, 1309.

⁵⁷ Archives nationales. C. 941.

назвал в числе лиц, отвечающих всем требованиям, чтобы быть апостолами революции, Дюфура, Лионна, Леграна. Дюфур был членом Общества трудящихся-эгалитарев, принимавшим участие в покушении Кениссе; Лионн и Легран были членами руководящего Комитета Общества коммунистов. Клуб Гравильеров (*Club des Gravilliers*) выдвинул кандидатами в депутаты Лапоннере и рабочего Майера (*Mayer, ouvrier*)⁵⁸. Этот Майер совершенно очевидно был не кем иным, как тем рабочим Майером, который в 1840 г. являлся членом Общества коммунистов и опубликовал брошюру «Унитарная система», а в 1841 г. издал единственный номер коммунистического журнала «Коммюотер».

Архивные материалы дают, таким образом, возможность выявить очень многих представителей коммунистического движения 40-х годов, о деятельности которых в период революции 1848 г. мы не имели до сих пор никаких сведений. Оказывается, не только Пийо, но и Гей, Омбер, Кофино, Жавело, Дюфур, Стевено, Лионн, Майер, как и многие другие, также принимали активное участие в революции, были связаны с различными клубами и даже выдвигались кандидатами в депутаты Национально-го собрания.

III

Из больших клубов чисто коммунистическим был только один — Центральное братское общество Кабе. Это не значит, однако, что коммунисты не принимали участие в других больших клубах, игравших наиболее видную роль в политической жизни страны. Это относится, в частности, к Центральному республиканскому обществу Бланки, к Клубу революции Барбеса и к Обществу прав человека и гражданина. Центральное республиканское общество, основанное Бланки, было первым клубом, созданным сразу же после Февральской революции. Конечно, неправильно считать первым заседанием этого клуба собрание в Прадо, состоявшееся 25 февраля. Центральное республиканское общество сформировалось лишь в последующие дни, хотя собрание в Прадо в известном смысле и заложило его основы⁵⁹.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ До настоящего времени единственно серьезным исследованием, посвященным Центральному республиканскому обществу,

Состав Центрального республиканского общества был очень разношерстным. На процессе в Бурже в 1849 г. сам Бланки говорил по этому поводу: «Не следует полагать, что все члены клуба были людьми крайних взглядов; конфискованные реестры доказывают, что почти половина из них были сторонниками так называемой честной и умеренной республики, или бывшей консервативной партии, или легитимистской партии». На другом заседании суда он утверждал: «Если сегодня раскрыли бы реестры клуба, то нашли бы среди его членов имена лиц, которые, как это общеизвестно, придерживались самых консервативных взглядов». Одна из свидетельниц на процессе тоже говорила: «Приходили богатые люди, можно даже сказать, аристократы, и каждый раз, когда г-н Бланки выступал, трибуны аплодировали, а на трибунах присутствовали отнюдь не только одни республиканцы». В своих мемуарах Гарнье-Пажес, упоминая о клубе Бланки, писал: «Там можно было видеть рядом с коммунистами и монтаньярами консерваторов и легитимистов, которые были из числа завсегдатаев этих собраний»⁶⁰. Здесь нужно, однако, сделать следующую оговорку. Были полноправные члены клуба, и только они могли выступать и принимать участие в голосовании. Были и аудиторы, простые слушатели, получавшие или разовые пропуска, или месячные карты на право присутствия на заседаниях клуба. Среди последних действительно было много консерваторов, в том числе даже легитимистов, ненавидевших республику и охотно аплодировавших ораторам, которые на заседаниях Центрального республиканского общества критиковали Временное правительство и его деятельность.

Но и состав членов клуба тоже был весьма неоднородным. В газете «Французский курьер» было опубликовано два списка членов Центрального республиканского общества — один от 28 февраля, другой от 10 марта⁶¹. Исходя из них, можно проанализировать состав клуба

остается монография Вассерман (*Wassermann S. Les clubs de Barbès et Blanqui en 1848. P., 1913*). Домманже в своей последней работе о деятельности Бланки в период революции 1848 г. также подробно говорит о его клубе, используя, однако, в основном мемуарную литературу и материалы, опубликованные в книге Вассерман (*Dommanget M. Auguste Blanqui et la révolution de 1848. P., 1972*).

⁶⁰ *Dommanget M. Op. cit. P. 36.—37.*

⁶¹ Оба эти списка в виде приложения опубликованы в монографии Вассерман.

Бланки. Не вдаваясь в подробности, скажем лишь следующую. В клуб входили в основном представители интеллигенции; среди его членов было очень мало рабочих, составлявших основную массу перечисленных нами выше коммунистических клубов. Были писатели и критики, вплоть до таких известных, как Бодлер, Сент-Бев, Леконт де Лиль, многочисленные журналисты и государственные служащие, экономисты и адвокаты, военные; наконец, члены различных тайных обществ. Среди них были и коммунисты, такие, как Дезами, Констан, Эскирос, Лакамбр, Флотт, Симар, Савари, отец и сын Фомберто и другие; были и фюреристы, включая Пелларена, Артура де Боннара, Эдуара Помпери, и представители других «социальных школ». Следует, однако, учитывать, что оба эти списка отражают лишь первоначальный состав Центрального республиканского общества. Вскоре, уже в конце марта, многие его члены перешли в Клуб революции, основанный Барбесом. Некоторые официально порвали с Центральным республиканским обществом после опубликования «документа Ташеро». Другие основали собственные клубы, которым и уделяли главное внимание. Многие имена, фигурировавшие в этих списках, не упоминаются ни в одном из отчетов о заседаниях клуба, опубликованных в прессе, поэтому нельзя даже утверждать, что, записавшись в Центральное республиканское общество в момент его организации, эти лица в дальнейшем принимали какое-либо активное участие в его деятельности и присутствовали на его заседаниях. Во всяком случае, к апрелю состав клуба Бланки существенно изменился, хотя и продолжал оставаться весьма разнородным.

Собрания Центрального республиканского общества носили столь же массовый характер, как и заседания Центрального братского общества Кабе. На них присутствовали сотни, а подчас и тысячи людей. Если иногда число присутствующих не превышало 500 человек, то в других случаях оно возрастало до 1000, 1200, а по некоторым оценкам, возможно преувеличенным, до трех тысяч. Заседания Центрального республиканского общества проходили очень бурно не только в отсутствие Бланки, но даже и в его присутствии.

Вот в сокращенном виде описание заседания Центрального республиканского общества 16 марта, в день демонстрации «медвежьих шапок» — демонстрации некоторых реакционно настроенных подразделений Национальной гвардии, сделанное П. В. Анненковым: «Я на-

правился в клуб Société républicaine central к Бланки, в Консерваторию... Я поместился в партере. Бланки еще не было, председательствовал какой-то старичок. Господин с бледным лицом, черными волосами, с фанатическим воодушевлением кричал: „Консерваторы, династики, роялисты, буржуа — сделали демонстрацию... нам надо было их спасти!.. Sauvons-les,— и он махал руками,— для их жеп, для их почтенных жеп, умирающих от страха“. Яростные аплодисменты и хохот. В разных местах раздаются свистки. Один человек свистит на самой сцене. Президент говорит: „Разрешаю публике произвести над свистком суд, самые близстоящие люди имеют право выгнать свисток“. Голоса: „Подле вас свистят“. Голоса на сцене: „Вот кто свистит“. Президент, обращаясь к группе и к человеку: „Если вы имеете возразить на мнение оратора, я вам даю слово“. Голоса: „à la tribune! à la tribune!“ Свисток убегает... Шум... Наконец, является Бланки, человек небольшого роста, с седыми короткими волосами, костистым лицом, похожим на череп, которое при свете шандалов кажется синим, и объявляет хрипловато-визгливым голосом, что на другой день (от 10 до 12) назначена демонстрация от всех ремесел и от всех клубов к Правительству для заявления ему готовности защищать его от всех инсургционных попыток враждебных партий и вместе с тем просить его: 1) не впускать военные силы в Париж, 2) отложить выборы в национальную гвардию до 5 мая, 3) отложить выборы в Национальное собрание до 31 мая. Раздается сильный голос при последнем параграфе: „Vous voulez la perte du pays“ (Вы хотите гибели отечеству). Все расходится в неопишемом волнении...»⁶²

Хотя в период революции 1848 г. Бланки нигде не говорил о своих общественных идеалах, но сомневаться в его коммунистических убеждениях, конечно, не приходится. В статьях и заметках, написанных в 50—60-х годах и вошедших в изданный после его смерти сборник «Социальная критика», он недвусмысленно провозглашал коммунизм идеальным общественным строем и видел в коммунизме будущее человеческого общества⁶³. Но личные воззрения Бланки отнюдь не дают права считать Центральное республиканское общество коммунистическим клубом. Единственным документом этого клуба, в кото-

⁶² Анненков П. В. Парижские письма. М., 1984. С. 300—301.

⁶³ См.: Бланки Л. Р. Избр. произведения. М., 1952. Раздел: Коммунизм — будущее общества. С. 197—242.

ром была определена его общественная ориентация, была следующая резолюция, принятая 29 марта: «Республика, подобно монархии, может укрыть под сенью своего знамени рабство. Спарта, Рим, Венеция были порочными и угнетающими народ олигархиями. В Соединенных Штатах существует институт рабства. Формула „Свобода, Равенство, Братство!“ могла бы стать такой же ложью, какой является в хартии истина, гласящая: „Все французы равны перед законом!“ Тирания капитала безжалостнее тирании меча и кадила. Целью Февральской революции было разрушить ее. Такова цель и Центрального республиканского общества, и каждый его член обязуется преследовать эту цель до тех пор, пока она не будет достигнута»⁶⁴. Эта резолюция свидетельствует, что Центральное республиканское общество также рассматривало Февральскую революцию как революцию социальную и стремилось к установлению не буржуазной, а «социальной» республики. Но под этой резолюцией могли подписаться отнюдь не одни коммунисты, а и сенсимонисты, фурьеристы и представители всех других «социальных школ».

Нам кажется, что истинный характер Центрального республиканского общества хорошо отражен в одном из двух протоколов этого клуба, сохранившихся в архиве⁶⁵. Фонд, в котором находится этот протокол, был недоступен Вассерман, и поэтому она не могла его использовать. Что касается Домманже, то он вообще в своих работах не использовал архивы.

Упомянутый выше протокол — это протокол заседания 14 мая 1848 г. Среди прочих вопросов на нем была рассмотрена «петиция в пользу сельского хозяйства», зачитанная представителем Клуба общественного спасения (*Club du salut public*). В прениях выступили три оратора, один из которых требовал социализации земли, другой — участия «сельских рабов», как и всех пролетариев, в прибылях производства, а третий — создания в сельских местностях фаланстеров. Выступивший затем Гюстав Робер (бывший редактор «Голоса клубов») указал, что три предыдущих оратора выразили точку зрения

трех школ — сенсимонизма, фурьеризма и коммунизма. Он отметил, что, если не принимать во внимание кое-какие детали, все они считают необходимым освободить трудящегося от тягостного угнетения, которому он подвержен в течение стольких веков, в то время как так называемые либеральные экономисты стремились увековечить порабощение одного класса общества. Оратор развил в этой связи наиболее радикальные положения теории социализма будущего. Они могут быть разюмированы в следующих словах: плоды земли принадлежат всем, все имеют обязанности как труженики; но провидение допускает, чтобы преобразование, которое даст возможность установить эти законы справедливости, было осуществлено в условиях порядка и мира, а не в крови гражданских войн (аплодисменты). Эскирос произнес очень красноречивую и пылкую речь. Он объявил буржуазии, что ее конец близок, что ее роковой час пробил и что пролетарии вскоре обрушатся на нее, как когда-то варвары обрушились на Римскую империю (восторженные крики „браво!“).

Итак, из протокола явствует, что в Центральном республиканском обществе пропагандировались теории сенсимонизма и фурьеризма, так и коммунизма, и высказывались представители различных «социальных школ». Более того (и это, несомненно, очень интересная деталь), выступали как представители «мирного» коммунизма (недаром Гюстав Робер был еще и членом клуба Кабе), считавшие возможным осуществить коммунистическое преобразование общества без пролития крови и гражданских войн, так и представители революционного коммунизма вроде Эскироса, предвещавшего в ближайшем будущем низвержение буржуазии пролетариатом.

Уже один этот протокол свидетельствует, что в Центральном республиканском обществе происходили дискуссии по проблемам социального будущего, в котором активное участие принимали и коммунисты. К сожалению, сохранились лишь два подлинных протокола клуба. А в газетных отчетах, какими бы подробными они ни были, основное внимание уделялось, естественно, обсуждавшимся текущим политическим проблемам. Поэтому они не дают адекватного представления о социальных идеях, излагавшихся на заседаниях Центрального республиканского общества. А что такие идеи там обсуждались, мы знаем и со слов современников. Так, например, П. В. Анненков писал о заседании клуба Бланки 3 апре-

⁶⁴ Там же. С. 142. В рукописях Бланки, где есть все черновики документов клуба, им написанных, этого текста нет. Возможно поэтому, что он был составлен не лично Бланки.

⁶⁵ Archives nationales. С. 941. Протокол от 9 мая 1848 г. был опубликован в докладе следственной комиссии. См.: Rapport de la commission d'enquête... P. 114—115.

Здесь следует коснуться также одного важного вопроса. Бутон в своем очерке о Бланки, рассказывая о его деятельности в период революции, утверждает следующее: «Он переносил в другие клубы, организованные под его влиянием, дискуссии в Центральном республиканском обществе»⁶⁷. И это, несомненно, было так. Бланки, безусловно, стремился распространить свое влияние и на некоторые другие клубы. Правда, количество таких клубов было невелико, и даже Домманже, пытавшийся преувеличить их число, вынужден признать: «Их совокупность не представляет, конечно, широкую зону влияния, но она все же заслуживает внимания»⁶⁸. Нас интересуют, однако, лишь коммунистические клубы. В этой связи не может, естественно, идти речи не только о Центральном братском обществе Кабе, но и о Клубе братских друзей Брижа, о Клубе будущего Бодена, о Клубе триумфа народа Омбера, поскольку ни Бриж, ни Боден, ни Омбер не входили даже в Центральное республиканское общество. В него отказались войти, после собрания 25 февраля в Прадо, также Делант и Пийо, вероятно, в связи с позицией, занятой Бланки на этом собрании. Они создали свой Клуб неподкупных, который, таким образом, никак не мог находиться под влиянием Бланки. Но сателлитами Центрального республиканского общества не были также ни Клуб гобеленов Дезами, ни Клуб журнала «Фратерните» Савари, ни Клуб Горы Констан, хотя их руководители были одновременно членами клуба Бланки. Дезами, Констан и Савари являлись видными и вполне самостоятельными деятелями дореволюционного коммунистического движения, авторами теоретических книг и статей, занимавшими и защищавшими свои особые позиции. Именно поэтому они и основали после революции собственные клубы, а Дезами и Констан еще предприняли попытку наладить издание своих печатных органов. Кроме того, у нас имеется безошибочный критерий, чтобы судить о том, были ли эти клубы сателлитами Центрального республиканского общества или нет. Выдвигая кандидатами в депутаты Национального собрания многочисленных коммунистических деятелей, ни один из них не выдвинул кандидатуру Бланки.

Единственное исключение составляет Республикапский клуб свободных трудящихся, который в числе про-

ля: «Тут же, кстати, в клубе говорилось о радикальном уничтожении собственности как первой причины всего зла на свете»⁶⁶. Это еще раз подтверждает, что хотя Центральное республиканское общество не было чисто коммунистическим клубом, но входившие в него коммунисты использовали его трибуну для пропаганды коммунистических идеалов.

⁶⁶ Анненков П. В. Указ. соч. С. 328.

⁶⁷ Bouton V. Profils révolutionnaires par un crayon rouge. P., 1848–1849. P. 136.

⁶⁸ Dommanget M. Op. cit. P. 45.

чих лиц назвал и Бланки. Мы знаем это не только из постановления самого клуба, сохранившегося в архивном фонде С. 941. Там же находится и общая сводка кандидатов с указанием клубов, которые их выдвинули. Она тоже свидетельствует, что кандидатура Бланки была выдвинута только Республиканским клубом свободных трудящихся. Это дает основание полагать, что этот клуб, возглавлявшийся профессором философии Робером (которого не следует отождествлять с Гюставом Робером), был более близок к Бланки, чем другие коммунистические клубы. Видимо, Центральное республиканское общество было наиболее тесно связано с Народным клубом Сорбонны (*Club populaire de la Sorbonne*). Люка и этот клуб называет «красным и коммунистическим»⁶⁹. Ничего конкретно о нем мы не знаем, но тот факт, что одним из его трех председателей был Лакамбр — правая рука Бланки, вице-председатель Центрального республиканского общества, делает вероятным это предположение.

Другим крупным клубом, игравшим в те дни видную роль в политической жизни Парижа, был Клуб революции Барбеса. Нам еще придется говорить о личности Армана Барбеса. Здесь мы хотим остановиться лишь на его общественно-политических воззрениях. По этому поводу Бутон, хорошо его знавший, пишет следующее: «Барбес — социалист. Его подвергли судебному преследованию в 1837 г. за циркуляр в защиту безработных пролетариев... После февраля я слышал, как в Клубе революции он признался в своих коммунистических убеждениях: во время дискуссии по поводу одного из декретов Временного правительства о налогах, когда он руководил дебатами в целях обоснования самых смелых социальных идей, вдруг раздался голос, выражавший изумление характером дискуссии и упрекавший за это Барбеса. „Разве вы не знаете, — спросил он, — что я являюсь коммунистом?“ Но Барбес не человек теории; он предоставляет своему окружению ведение пропаганды, которую он поддерживает своим покровительством. Сам же он является прежде всего образцом революционера, который безоговорочно рискует своей головой, который, будучи побежденным, никогда не теряет надежды на будущее, не стремится избежать наказания и, проходя мимо статуи Равенства, восклицает: „Я приветствую тебя!“»⁷⁰.

Все современники, как друзья, так и враги, верили в коммунистические или социалистические убеждения Барбеса, хотя его общественный идеал, весьма вероятно, носил лишь самый общий, абстрактный характер. В четырехстраничной брошюре, опубликованной им в 1848 г. под названием «Несколько слов тем, кто владеет, в защиту безработных пролетариев», он клеймил существующий общественный строй как несправедливый и считал необходимым его изменить, высказываясь в то же время за всеобщую солидарность⁷¹. Но фактом остается то, что в период Июльской монархии он входил в руководящий состав тайных обществ, исповедовавших коммунистические принципы, а после революции был утвержденным поборником «социальной» республики. Пример Барбеса еще раз убеждает в том, насколько историческая жизнь сложнее любых схем и насколько условны стандартные ярлыки. Барбесу обычно навешивают ярлык: «мелкобуржуазный демократ». Но мелкобуржуазными демократами называют (и справедливо) многочисленных других деятелей эпохи революции 1848 г., включая Ледрю-Роллена. Однако в исторической действительности того времени между откровенным и ярким антикоммунистом Ледрю-Роллемом и Барбесом дистанция огромного размера, гораздо большая, чем между Барбесом и Бланки.

Основы Клуба революции были заложены вечером 17 марта, после состоявшейся утром народной демонстрации, когда Барбес вместе с рядом других лиц, включая таких известных социалистов, как Торе и Мартен Бернар, выпустил воззвание, в котором в связи с предстоящими выборами в Национальное собрание говорилось о необходимости избрания депутатов, «решившихся добиться торжества дела равенства». «Мы имеем пока лишь название „Республика“, нам же необходима ее суть. Политическая реформа — лишь орудие реформы социальной. Республика должна удовлетворить пожелания трудящихся и упразднить пролетариат». Воззвание призывало всех «истинных республиканцев» собраться на следующий день. На этом собрании, состоявшемся 18 марта, и было решено создать «центральный комитет» для подготовки к выборам и в то же время организовать новый клуб⁷².

⁷¹ *Wassermann S. Op. cit. P. 6–7.*

⁷² *Ibid. P. 78–79.*

⁶⁹ *Lucas A. Op. cit. P. 246.*

⁷⁰ *Bouton V. Op. cit. P. 126.*

К Клубу революции, возглавленному Барбесом, сразу же примкнули многочисленные члены Центрального республиканского общества во главе с Торе, а также целый ряд других лиц. Среди них были и Мартен Бернар, и Прудон, и Пьер Леру и будущий участник Парижской Коммуны Делеклюз. Среди них было много республиканцев-демократов, но имелись и такие, которые не скрывали своих социалистических и даже коммунистических убеждений. Клуб революции также привлекал массовую аудиторию. На его заседаниях, по свидетельству газеты Торе «Истинная республика», присутствовало подчас от трех до четырех тысяч человек.

На состоявшемся 21 марта первом заседании Клуба революции с программной речью выступил один из его вице-председателей, Марк Дюффрес, который так охарактеризовал задачи нового клуба: «Он постарается открыть двери Учредительного собрания лицам, выражающим народные интересы и потребности, защищающим права наиболее многочисленного и наиболее бедного класса, законные пожелания 26 миллионов обездоленных; он примет в свое лоно и предоставит революционную трибуну республиканцам всех социалистических школ»⁷³.

Действительно, по свидетельству Люка, в Клубе революции говорились вещи, в которых было достаточно «революционного задора и социалистического привкуса». 30 марта «гражданин Горие», обращаясь к буржуа, кричал: «Разве вы забыли, что бедные более многочисленны и что они могут заставить, чтобы с ними поступали по справедливости!» 17 апреля «гражданин Лефевр», напомнив аудитории, что в период дикости властвовал наиболее сильный, заявил, что если в эпоху цивилизации народу не предоставят право на труд, то он вынужден будет, ссылаясь на право сильнейшего, взяться за оружие. При этом он саркастически добавлял: «Пусть богатые ничего не боятся; когда у нас будет истинная республика, народ предоставит своим противникам право на труд». А еще до этого, 2 апреля, «гражданин Жюль Декорд» указал, что «социализм не гарантирует максимального счастья. Истинное благо, заявил он, это коммунизм»⁷⁴.

9 апреля после продолжительного обсуждения Клуб революции под председательством Барбеса принял следующую резолюцию. Клуб призывает Временное прави-

тельство взять в свои руки Французский банк, все страховые компании, все железные дороги, все рудники и солеварни, все каналы⁷⁵. Не стоит говорить, что это требование национализации банковского кредита, средств сообщения и рудников было навеяно социалистическими теориями. Оно шло значительно дальше предложенных, выдвигавшихся Центральным республиканским обществом.

Барбес не только возглавлял Клуб революции. Он вместе с Вилленом (Villain), Наполеоном Лебоном (Lebon), Шипроном (Chiron) и Юбером входил, во всяком случае на первых порах, в Центральный комитет Общества прав человека и гражданина.

Об организации этого нового клуба газета «Коммуна Парижа» сообщала следующее: «Общество прав человека и гражданина, распавшееся после восстания в апреле 1834 г., только что вновь восстановлено. Состоящее в основном из бывших членов этого общества... оно обращается с призывом ко всем искренним друзьям республики. Для него это великое слово „Республика“ выражает не только особый образ правления, но также новую организацию общества, новое распределение труда и богатств, полную революцию в нравах, новую форму цивилизации, наконец, полную и безоговорочную реализацию великодушного девиза нашего правительства „Свобода, Равенство, Братство“... Эта ассоциация рассчитывает на поддержку тех, кто, будучи до настоящего времени обездоленными в своих политических и социальных правах, хотят, чтобы победа народа принесла свои плоды, она призывает их примкнуть к ней. Ее чисто военная организация, сильная своим единством, предоставляющая всю ассоциацию в распоряжение ее руководителей, имеющих возможность за несколько часов обеспечить ее полную мобилизацию, может дать представление о ее мощи». Общество прав человека и гражданина было создано в самом начале марта, так как газета тут же сообщила, что на первых заседаниях, всецело посвященных организационным вопросам, оформлялся прием в общество лиц, выразивших желание вступить в него, и что число его членов превысило уже 1000 человек; настоящие же дискуссии начались 7 марта⁷⁶. По сведениям газеты «По-

⁷³ Lucas A. Op. cit. P. 227.

⁷⁴ Ibid. P. 229.

⁷⁵ Commune de Paris. 1848. 11 avr. N 34. P. 3.

⁷⁶ Ibid. 14 mars. N 6. P. 4.

полюс», к середине марта Общество прав человека и гражданина насчитывало до 2500 членов⁷⁷.

Люка сообщает, что «центральный клуб» Общества прав человека и гражданина, заседавший в одном из залов Музея искусств и ремесел, имел свои филиалы во всех двенадцати округах Парижа; он приводит их адреса и имена их руководителей. Эти филиалы, кроме прочего, выполняли роль вербовочных пунктов. «После каждой речи обычных ораторов, не забывавших обещать своей аудитории уничтожение в ближайшем будущем богатых, собственников, гнусных эксплуататоров бедного народа, все находившиеся в зале лица, не имеющие никакой собственности и даже надежды что-либо приобрести, спешили просить бюро оказать им честь и принять их в ряды будущих защитников новой республики. Бюро каждого клуба требовало от всех завербованных, чтобы они имели ружье и известное количество патронов. Эти завербованные должны были подписью в матрикульной книге удостоверить свое полное и безоговорочное признание Декларации прав, обещание подчиняться регламенту Общества и беспрекословно выполнять приказы центрального комитета. В момент своего вступления в Общество каждый получал маленькую медаль... Секционеры должны были в день битвы носить эту медаль, прикрепленную к петлице красной лентой»⁷⁸.

Итак, Общество прав человека и гражданина отличало от прочих клубов следующее. Во-первых, оно имело свои филиалы во всех округах Парижа и, во-вторых, оно являлось военизированной организацией. По первому же призыву центрального комитета его члены должны были выйти на улицу для участия в боях. Фактически Общество прав человека и гражданина было организовано по образцу прежних тайных обществ, хотя и действовало пока что открыто. Влияние этого Общества было тем более значительным, что к нему примкнули и некоторые парижские клубы, например Клуб демократического прогресса (*Club du Progrès démocratique*), возглавляемый Фонтеном, а также Клуб прогресса (*Club du progrès*), во главе которого стоял не кто иной, как один из пяти членов центрального комитета Общества прав человека и гражданина, Юбер.

Каково же было политическое лицо этого Общества? У полицейских властей его ориентация не вызывала никакого сомнения. В рапорте Паниса безоговорочно утверждалось следующее: «Оно организовано больше для действий, чем для дискуссий, все его члены вооружены... Этот клуб проповедует самые опасные социалистические и коммунистические доктрины»⁷⁹. Но так ли это было на самом деле?

Общество прав человека и гражданина опубликовало в апреле афишу, в которой излагало свои принципы⁸⁰. В ней говорилось: «Общество имеет цель: 1) защищать права народа, восстановленные Февральской революцией; 2) извлечь из этой революции все ее социальные следствия. В качестве отправной точки оно исходит из Декларации прав человека, сформулированной в 1793 г. Робеспьером. Из этого следует, что в политическом отношении оно понимает республику как единую и неделимую и права суверенного народа как неотчуждаемые. С точки зрения социальной оно считает, что старая общественная организация сокрушена, а та, что призвана ее заменить, должна покоиться на Равенстве, Солидарности и Братстве как основных принципах общественного договора». «В начинающейся социальной революции» Общество призывало бывших париев сохранять спокойствие, так как на их стороне сила, а обращаясь к привилегированным, оно провозглашало: «Старая общественная организация больше не существует, господство привилегии и эксплуатации окончено: если, с точки зрения старой общественной организации, ваши привилегии были приобретены законным путем, то не кичитесь этим, так как законы были делом ваших рук... Примиритесь же, так как вы нуждаетесь в прощении со стороны тех, которыми вы слишком долгое время жертвовали. Если же теперь, несмотря на это обещание прощения, вы будете продолжать себя изолировать, дабы защищать старую общественную организацию, вы в день борьбы встретите в авангарде наши организованные секции, а ваши братья будут говорить вам уже не о прощении, а о правосудии».

Эта декларация свидетельствует, что Общество прав человека и гражданина решительно выступало за «социальную» республику, за преобразование не только политического, но и общественного строя. Оно отнюдь не при-

⁷⁷ *Populaire*. 1848. 16 mars. P. 2.

⁷⁸ *Lucas A. Op. cit.* P. 113.

⁷⁹ *Rapport de la commission d'enquête...* P. 93.

⁸⁰ *Les Murailles révolutionnaires*. P. 261.

звало к примирению классов, наоборот, оно обращалось к привилегированным с ультиматумом: или перестать защищать старый общественный строй и заслужить прощение, или, в противном случае, опасаться правосудия. Секции Общества должны были быть в авангарде «в день битвы» против привилегированных, если в этом появится необходимость.

В «Коммуне Парижа» регулярно публиковались отчеты о заседаниях Общества прав человека и гражданина. Они также убеждают нас, что это Общество стояло на революционных позициях и отнюдь не проповедовало классовый мир. В этом отношении характерен следующий эпизод. На заседании 21 марта пекий «гражданин Забо» заявил, что все люди равны, что нельзя делать исключений в пользу того или иного класса, что в настоящее время есть только один класс трудящихся, так как трудящимися являются и рабочий и буржуа. Это заявление вызвало резкие возражения. Один из ораторов, Мейсонье, указывал, что, несмотря на все эти прекрасные, но пустые слова, все же существуют резко отличающиеся друг от друга классы, что «уже слишком долго на авансцене находится буржуазная аристократия и что ее необходимо низвергнуть». Председатель Вилен, взяв в свою очередь слово, заявил, что уже много раз после революции он слышал, как повторяли эту вульгарную фразу: «Обнимемся и покончим с этим», но что народ не хочет, чтобы это было так; ему необходима республика, со всеми ее социальными следствиями. Когда Забо попытался вновь выступить, ропот всего зала вынудил его покинуть трибуну⁸¹.

На заседании 28 марта было заслушано «кредо» кандидата в депутаты Ноттеля. Оно вызвало многочисленные вопросы. Поскольку Ноттель заявил, что он не принадлежит ни к одной социалистической школе, ни к коммунистам, ни к фаланстерианцам, то от него потребовали разъяснить, как же он понимает социальный вопрос. Когда Ноттель сказал, что он хочет счастья всех, но для этого требуется время, а сейчас речь может идти лишь о прогрессивном налоге, то это никого не удовлетворило. Выступавшие отмечали, что его «кредо» не имеет солидной базы и не намечает путей к достижению всеобщего счастья. Лебон, в частности, заявил, что следует знать, по какому пути надо идти, и задал вопрос: «Какое

средство, какую реформу предлагает кандидат, чтобы установить равенство, как мы его понимаем?» Когда Ноттель вновь стал говорить о прогрессивном налоге и о необходимости увеличить производство, Лебен сказал, что, конечно, хорошо ущемить паразитов, по этого недостаточно, а увеличение производства как таковое является догмой старой политической экономии⁸².

На заседании 30 марта аналогичная история повторилась в связи с выступлением другого кандидата в депутаты Кошье-Лемера. Когда тот заявил, что нельзя трогать собственность, то председательствующий Вилен спросил его: «Какие меры он предлагает немедленно принять в пользу пролетариата?» Ведь есть люди, которые страдают, которые голодны, в связи с чем нужно принять самые быстрые и самые энергичные меры. Заявление Кошье-Лемера, что подобные слова равносильны призыву к гражданской войне, вызвало всеобщее возмущение, и он был лишен слова⁸³.

На заседании 3 апреля с подробным изложением своего «кредо» выступил выдвинутый кандидатом в депутаты член центрального комитета Общества Наполеон Лебон. «Организация общественного строя, — заявил он, — может быть резюмирована одной идеей, одним словом — „ассоциация“». Но и сама ассоциация подлежит прогрессивному развитию, и этот прогресс состоит в том, чтобы делать ее все более тесной и в то же время более общей, пока она не охватит все... Перед обществом все люди равны, все различия должны исчезнуть; свобода человека обеспечивается тогда, когда создаются условия для полного и исчерпывающего развития всех его физических и моральных способностей; общество должно обеспечить свободное проявление способностей каждого и удовлетворение всех его потребностей... После революции все провозглашают братство, некоторые по великодушию, другие из страха; одни готовы всегда простить, забыть, другие целовать, как Иуда. Но знайте хорошо, граждане, братство может быть установлено только в условиях абсолютного равенства, я повторяю, абсолютного равенства, и я думаю, что эта формула вполне ясно выражает мою мысль». Лебону также был задан ряд вопросов. Отвечая на вопрос, что он понимает под социальным равенством, означает ли это равенство состояний, Лебон вновь повторил, что все

⁸¹ Commune de Paris. 1848. 23 mars. N 15. P. 3.

⁸² Ibid. 30 mars. P. 3.

⁸³ Ibid. 1 avr. P. 3.

люди должны быть равны перед обществом и работать на него сообразно своей профессии, а общество должно развивать способности каждого; оно должно быть организовано в форме всеобщей ассоциации. Говоря о переходных мероприятиях, Лебон высказался за конфискацию собственности королевской семьи и всех сообщников Луи-Филиппа, за создание на этих государственных доменах сельскохозяйственных и промышленных предприятий. Но, поскольку это требует времени, необходимо для удовлетворения текущих нужд брать там, где есть, и неважно где. На замечание одного из присутствующих, что это означает гражданскую войну, Лебон ответил: «Гражданская война! Но она ведь существует в течение веков; это такое положение вещей, когда трудящийся не имеет другого убежища, кроме госпиталя, другой могилы, кроме общей ямы; гражданская война — это такая общественная организация, когда богатый выступает в роли убийцы бедняка». Конечно, никто не должен брать лично для себя, но общество на законном основании должно брать для всех там, где слишком много. В заключение Лебон указал, что, для того чтобы не дать погибнуть обществу, часто необходимо применять чрезвычайные средства. Выступление Лебона было встречено единодушными аплодисментами⁸⁴.

На заседании 9 апреля аплодисментами одобрили коммунистическое «кредо» Альфонса Бодена, которое мы уже изложили выше. Кстати, еще до этого Боден заявил о готовности возглавляемого им коммунистического Клуба будущего примкнуть к Обществу прав человека и гражданина, чтобы вместе бороться за «грандиозные социальные реформы»⁸⁵.

К этому следует добавить, что на заседаниях Общества прав человека и гражданина вносились самые радикальные предложения для решения текущих экономических и финансовых проблем. Так, на заседании 2 апреля «гражданин Форест» предложил наложить на богатых принудительную контрибуцию; богачи, отказывающиеся ее выплатить, должны быть сосланы, а половина их имущества конфискована в пользу государства. «Гражданин Малаке» также потребовал ввести принудительный налог на собственность и передать в государственную казну часть того, чем владеют капиталисты. А «гражданин

Денье» поднял вопрос о том, чтобы жильцы платили за жилье не владельцам домов, а государству⁸⁶. Такого рода предложения выдвигались почти на всех заседаниях.

Все вышеизложенное свидетельствует, что Общество прав человека и гражданина стояло на классовых позициях, считало себя защитником интересов пролетариев, выступало за радикальное общественное переустройство. При этом значительным влиянием пользовались в его среде коммунистические доктрины. Мы мало что знаем о деятельности всех его двенадцати окружных филиалов, в которых, по словам Люка, велась пропаганда против существующего общественного строя. Но что и в них активную роль играли коммунисты, видно из двух отчетов о заседаниях Клуба третьего округа, напечатанных в «Коммуне Парижа»⁸⁷. 13 апреля его члены заслушали «кредо» Жюль Розье и выдвинули его кандидатуру в депутаты Национального собрания. Два дня спустя было одобрено предложение Розье изучить и рассмотреть вопрос о форме республиканского правления. А Жюль Розье был не только старым коммунистом: в начале 40-х годов он был и членом подпольного руководящего комитета Общества коммунистов. Мы несколько подробнее остановились на Обществе прав человека и гражданина, так как это был именно тот клуб, в деятельности которого принял активное участие К. Маркс.

К. Маркс прибыл в Париж из Брюсселя 5 марта и прожил там месяц. Естественно, он не мог стоять в стороне от бурной политической жизни революционной столицы Франции. Характерно, однако, что К. Маркс полностью игнорировал Бланки и его Центральное республиканское общество, но сразу же установил связи с Обществом прав человека и гражданина. Он не только посещал его заседания, но и неоднократно на них выступал. Люка, перечисляя имена восьми постоянных ораторов этого Общества, упоминает среди них и имя Маркса. Он приводит даже следующую выдержку из одного его выступления, за точность которой в изложении Люка поручиться никак нельзя: «Я революционер; я хочу следовать по стопам великого Робеспьера! Вот что сказал бы этот добродетельный гражданин, если бы он был еще жив: „Когда перегруженный корабль застигнут в море сильной бурей, то выбрасывают за борт часть экипажа, чтобы спасти ос-

⁸⁴ Ibid. 6 avr. N 29. P. 3—4.

⁸⁵ Ibid. 23 mars. N 15. P. 4.

⁸⁶ Ibid. 3 avr. N 30. P. 3.

⁸⁷ Ibid. 16 avr. N 40. P. 3.

тальных“». По мнению Люка, под лишними людьми подразумевались богатые и собственники⁸⁸. Из отчета о заседании Общества 16 марта, опубликованного в «Коммуне Парижа», мы знаем, что К. Маркс выступал на этом заседании дважды. В первый раз он предложил назначить делегатов для получения сведений в мэриях о том, все ли граждане зарегистрированы в контрольных списках (в связи с предстоящими выборами). Выступая вторично, он предложил, чтобы полицейские непосредственно подчинялись мэриям округов Парижа⁸⁹. Еще до этого он выступал на заседаниях Общества против планов Гервега о создании немецкого легиона для вторжения в Германию и по вопросу о национальной гвардии⁹⁰. Весьма вероятно, что были и другие выступления Маркса, о которых мы не имеем сведений.

Почему Маркс предпочел клубу Бланки Общество прав человека и гражданина? Домманже дает этому поистине смехотворное объяснение. Враги Бланки пытались полностью его изолировать, подвергнуть ostracismu как внутри страны, так и на международной арене. Поэтому он «не находил поддержки среди иностранных коммунистических и социалистических лидеров, проживавших в Париже», которые с охотой общались с его противниками и конкурентами⁹¹. К этим «лидерам» Домманже относит не только Маркса, но и Энгельса, Бакунина и Оуэна. Дело объясняется, однако, значительно проще. Центральное республиканское общество отнюдь не играло в марте 1848 г. той главенствующей и руководящей роли, которую теперь ретроспективно приписывают ему многие историки. Что касается Общества прав человека и гражданина, то оно было привлекательным для Маркса во многих отношениях. Оно было прямым наследником тайных обществ эпохи Июльской монархии; оно стояло на последовательно революционных и классовых позициях, отвергая столь распространенные в то время призывы к всеобщему примирению и всепрощению; оно открыто стремилось к «социальной революции», к упразднению буржуазного общества и установлению нового

общественного строя, которое многие его члены и даже руководители отождествляли с коммунизмом. Конечно, имели значение и личные связи Маркса, установленные им еще в годы его пребывания в Париже в период Июльской монархии. Как бы то ни было, остается неоспоримым фактом, что именно Общество прав человека и гражданина являлось тем клубом, который посещал и в работе которого участвовал Маркс, находясь в революционном Париже.

IV

В течение всей первой половины марта в клубах все более нарастало недовольство политикой Временного правительства.

Раньше всего и, быть может, в наиболее резкой форме оно проявлялось в Центральном братском обществе Кабе. В жизни каждого человека бывают периоды кратковременного подъема, когда он, в силу обстоятельств, на время возвышается до, казалось бы, недостижимого для него уровня. Такова была и судьба Кабе. Февральская революция как бы преобразила его. Занятый до этого исключительно мирной пропагандой икарийского коммунизма, он на время превратился в активного и энергичного политического деятеля.

В первой главе мы отмечали, что еще 29 февраля в обращении к Временному правительству, напечатанному в «Попюлере» и расклеенному на стенах Парижа, Кабе обрушивался на него с резкой критикой. Это критическое отношение Кабе к правительству все более усиливалось в течение первой половины марта. 12 марта вышла в свет его брошюра «Добро и зло, опасность и спасение после Февральской революции 1848 г.»⁹², которая подытоживала его первые выступления в Центральном братском обществе. Кабе весьма отрицательно отзывался о Временном правительстве. «Во Временном правительстве господствует партия „Националя“, слившаяся с „Сижль“ и „Конститусионель“, т. е. с партией Тьера и Барро... в то время как удалили Луи Блана, отправив его председательствовать на заседаниях Комиссии по организации труда» в Люксембургском дворце (48—49).

⁸⁸ Lucas A. Op. cit. P. 114.

⁸⁹ Commune de Paris. 1848. 17 mars. N 9. P. 4.

⁹⁰ Dommanget M. Op. cit. P. 116. Домманже ссылается, в частности на статью С. Бернштейна (Bernstein S. Marx à Paris en 1848 // Science and Society. 1962. Vol. 111. P. 939), который использовал, однако, лишь известные уже нам материалы.

⁹¹ Dommanget M. Op. cit. P. 118.

⁹² Cabet E. Bien et mal, danger et salut après la révolution de février 1848. P., 1848 // BN. Lb⁵³, 494.

«Правительство провозглашает революцию, суверенитет народа, демократию, равенство, даже республику, но ступило ли оно решительно и неуклонно на путь осуществления этих принципов? Превращает ли оно их в действительность, в истину? Реализует ли оно все вытекающие из них следствия? Выступает ли оно открыто и смело как правительство революционное, республиканское, демократическое, народное, преданное равенству и братству; не является ли оно скорее буржуазным, чем народным?» (53). «Оно не решается заменить государственных служащих, префектов, мэров, муниципалитеты, даже полицейских чинов». Под предлогом, что не хватает оружия, народ не вооружают, в то время как буржуазия вооружена (53—54). Национальная гвардия остается буржуазной гвардией. Создают наемную мобильную гвардию, являющуюся своего рода жандармерией. «Необходимо сделать выбор между аристократией, иначе говоря, буржуазией и демократией, между регентством и революцией, между монархией и республикой. Нужно отложить выборы в национальной гвардии. Нужно немедленно применить все средства, чтобы включить в состав национальной гвардии всех граждан... Нужно удалить из Парижа все вооруженные силы, кроме национальной гвардии. Нужно отложить также выборы в Учредительное собрание и принять все необходимые меры, чтобы они были подлинными» (58—59).

На состоявшемся 13 марта шестом заседании Центрального братского общества Кабе выступил с речью, в которой указывал на необходимость критиковать ошибки Временного правительства. В Париж хотят ввести войска. «Еще нет подлинной национальной гвардии; вместо того чтобы поощрять граждан записываться в национальную гвардию, их обескураживают». Теперешняя национальная гвардия — «это, если так можно выразиться, продолжение прежней аристократической и буржуазной национальной гвардии». Поэтому необходимо отложить выборы ее командного состава. Нужно устроить массовую манифестацию и представить соответствующую петицию Временному правительству. «Потребовались две революции, потребовался июль 1830 г. и февраль 1848 г., чтобы восстановить вас в ваших правах; постараемся, чтобы не потребовалось еще третьей революции...» Против предложения Кабе выступили два оратора, некие Поррен и Болар, считавшие, что массовая демонстрация рабочих лишь напугает всех, что она подорвет кредит;

необходимо, указывали они, чтобы все вопросы решило Национальное собрание. В защиту предложения выступил рабочий Бюар. В блестящей ответной речи (а он, несомненно, был прекрасным оратором) Кабе язвительно высмеял все выдвинутые против него аргументы. «Нам говорят, что любой ценой нужно восстановить доверие и кредит. Нельзя так ставить вопрос. Скажем прежде всего, что любой ценой нужно обеспечить трудящемуся его права... Когда мы просим оружия, нам говорят: „Зачем вам думать об оружии, у вас будет Национальное собрание, которое вам его даст...“ Призывают солдат, и когда возникает беспокойство, обвиняют власть в том, что она опирается на солдатские штыки, нам говорят: „Не бойтесь, спите спокойно, через месяц будет уже заседать Национальное собрание... через месяц соберется Национальное собрание и даст вам все, в чем вы нуждаетесь... Ждите Национальное собрание“. — Это ложь, это обман, это приманка. У вас не будет Национального собрания, или, во всяком случае, у вас не будет истинного национального представительства... Имейте доверие, но не слепое доверие. Если нас ведут к пропасти, то не дадим сбросить нас в нее... Если вы не будете бдительны, если вы не будете защищать свои права, то вскоре у вас не будет республики, не будет революции... Если вы хотите, чтобы ваша кровь не была пролита зря, нужно с самого начала действовать как граждане, не дать себя посадить на цепь, требовать свои права»⁹³.

Об отсрочке выборов в Национальное собрание Кабе говорил и на последующих двух заседаниях Центрального братского общества. Судьба республики зависит от первого состава Национального собрания. У революции и республики есть враги, богатые и могущественные противники. В этом наглядно можно убедиться даже в Париже. Еще хуже обстоит дело в провинции. «В самых отдаленных сельских местностях господствуют пагубные влияния». Чтобы побороть их, необходимо время⁹⁴. Если бы Временное правительство с первых же дней вступило на революционный путь, то в условиях революционного энтузиазма можно было бы сразу провести выборы. Но теперь сложилась другая обстановка. В предстоящих выборах столкнутся две партии: «...с одной стороны, аристократия, иначе говоря, буржуазия, с дру-

⁹³ 2^e discours du citoyen Cabet. P. 8—16.

⁹⁴ 3^e discours du citoyen Cabet. P. 9—10.

гой — народ, трудящиеся, пролетарии». Для рабочего, трудящегося, пролетария участие в выборах связано с большими трудностями, в то время как богатым все доступно. «Из этого следует, что, если организовать выборы слишком быстро, все шансы на успех будут иметь богатые, а все шансы на поражение — пролетарии, и у нас будет негодное Национальное собрание». Надо дать народу время, чтобы он мог научиться различать друзей и врагов. Только в этом случае возможны истинные выборы. «Поэтому отсрочка выборов — это для нас вопрос жизни и смерти»⁹⁵.

Эти мысли Кабе полностью совпадали с идеями Бланки. Еще 6 марта Центральное республиканское общество приняло следующую петицию, адресованную Национальному собранию. «Граждане, немедленные выборы в Национальное собрание были бы опасностью для Республики. В течение пятидесяти лет во Франции одна лишь контрреволюция поднимает свой голос... Внимание народа, в особенности в деревнях, привлекают только значительные представители побежденных партий; люди же, преданные демократическому делу, остаются почти неизвестными народу. Свобода выборов была бы фиктивной; силлившиеся против народа враждебные ему силы неизбежно извратили бы его волю». Если избранное успешно Национальное собрание окажется контрреволюционным, то в будущем возможны кровавые события. Петиция требовала отсрочки выборов и посылки в департаменты граждан, уполномоченных просветить сельское население»⁹⁶.

14 марта Центральное республиканское общество приняло новую петицию, призывавшую к отсрочке выборов как в Учредительное собрание, так и в национальной гвардии: «В городах класс трудящихся, приученный к яру долгими годами угнетения и нищеты, или вовсе не принял бы участия в выборах, или пошел бы голосовать, как слепой, на поводу у своих хозяев. В сельских местностях все влияние сосредоточено в руках духовенства и аристократии... Народ не знает правды; надо, чтобы он ее узнал. Это дело не одного дня и не одного месяца. Если в течение пятидесяти лет слово принадлежит одной лишь контрреволюции, то неужели нельзя хотя бы на год предоставить слово свободе, которая готова разделить

трибуну со своим противником, не препятствовать его выступлениям? Надо, чтобы свет проник всюду, в самые маленькие бедные деревушки, надо, чтобы согнутые рабством трудящиеся разогнули спины и поднялись из того состояния прострации и отупения, в котором держат их под своей пятой господствующие касты»⁹⁷.

Добавим, что еще на заседаниях 11 и 12 марта Центральное республиканское общество приняло адрес, в котором упрекало Временное правительство за «достойный сожалеания отбор комиссаров, отправленных в департаменты, сохранение магистратуры и чиновников Луи-Филиппа, систематическое устранение старых патриотов, разоружение бойцов баррикад, призыв в Париж наемных войск, восстановление под другим наименованием муниципальной гвардии, поспешный созыв собраний избирателей»⁹⁸.

Таким образом, Центральное братское общество Кабе и Центральное республиканское общество Бланки выдвигали фактически аналогичные политические требования. Если, однако, требование об отсрочке выборов первым выдвинул Бланки, то столь же бесспорно, что идея об организации массовой манифестации для оказания давления на Временное правительство принадлежала Кабе. Бланки, однако, поспешил поддержать это предложение, к которому положительно отнеслись многие клубы.

14 марта встретились представители 15 клубов. На следующий день 12 из них подписали следующее обращение к Временному правительству, расклеенное в виде афиши на улицах Парижа. «Нижеподписавшиеся делегаты клубов, представляющие все парижское население, просят сообщить им время, когда в течение сегодняшнего дня Временное правительство могло бы их принять и выслушать по делу весьма большой важности»⁹⁹. Это обращение подписали в числе прочих Кабе, Бланки, Виллен (председатель Общества прав человека и гражданина) и Дезами. По всем имеющимся данным, делегаты

⁹⁷ Там же. С. 135—137.

⁹⁸ Commune de Paris. 1848. 14 mars. N 6, P. 4. В «Коммуне Парижа» этот адрес опубликован в отчете о заседании Общества прав человека и гражданина от 12 марта, на котором он был зачитан двумя представителями Центрального республиканского общества. Вассерман (*Wassermann S. Op. cit. P. 65*) приводит этот адрес в изложении Гарнье-Пажеса. Между этими двумя текстами имеются разночтения. Нам представляется более точным текст «Коммуны Парижа».

⁹⁹ Les Murailles révolutionnaires. P. 297.

⁹⁵ 4e discours du citoyen Cabet. P. 7—11.

⁹⁶ Бланки Л. О. Избр. произведения. С. 133—134.

клубов хотели предпринять последнюю попытку добиться от Временного правительства удовлетворения своих требований, не прибегая к народной демонстрации. Но поскольку Временное правительство никак не откликнулось на это обращение, то было решено провести 17 марта массовую демонстрацию. Для ее организации были привлечены и 15 делегатов от рабочих корпораций.

16 марта в Париже состоялась контрреволюционная демонстрация «медвежьих шапок», привилегированных отрядов национальной гвардии. И хотя она придавала народной манифестации 17 марта еще большую актуальность, но манифестация эта отнюдь не была ответом на выступление контрреволюционных сил, как в то время думали многие и как до сих пор полагают некоторые историки. Бланки был вполне прав, когда по этому поводу писал: «Интриганы хотели извратить смысл этой большой манифестации, видя в ней лишь ответ на выходку национальной гвардии. Это ложь. Народное выступление было намечено до 16 марта, и его организаторы даже ничего не знали о заговоре „медвежьих шапок“»¹⁰⁰.

Народная манифестация была назначена на 10 часов утра, причем сборным пунктом была площадь Согласия, называвшаяся тогда площадью Революции. В 9 часов в Пале-Рояле собрались организаторы манифестации — 30 представителей клубов и рабочих корпораций. Они должны были утвердить текст адреса Временному правительству. Один проект был представлен Кабе, другой — Бланки. Оба они требовали удаления войск из Парижа и отсрочки выборов в национальной гвардии и в Национальное собрание. Но в то время как в проекте Кабе содержалось конкретное требование об отсрочке выборов в Национальное собрание до 31 мая, в проекте Бланки не было никакой даты. Это и понятно, так как он полагал, что отсрочка выборов на два месяца совершенно бесполезна и ничего не изменит по существу. Мы знаем, что он считал необходимым длительный период (не менее года) для подготовки к выборам и революционного просвещения всего населения страны. Однако был принят и подписан делегатами для представления правительству проект Кабе.

Мощная народная манифестация, в которой участвовало от 150 тыс. до 206 тыс. человек, направилась к

Ратуше, где заседало Временное правительство. Хотя Бланки и вошел в состав делегации, избранной для представления адреса правительству, но он держал себя совершенно пассивно и не принял никакого участия в беседе с членами правительства. Позднее в своих рукописях он объяснял это так: «Мое мнение не возобладало. С этого момента демонстрация стала для меня бессмысленной, и я никогда не вмешивался бы в это дело, если бы мог предвидеть этот провал... Я последовал за депутацией в Ратушу и выслушал адрес, речи, но с полным безразличием. Отказ или согласие — мне было все равно; цель не была достигнута; мои соучастники даже не поняли этого. Вот чем объясняется моя позиция 17 марта, которую по обыкновению интерпретировали как связанную с какими-то темными задними мыслями. Это было молчание смирения и уныния». На процессе в Бурже он также заявил: «Прежде чем созывать народ на выборные собрания, нужно было просветить и воспитать его политически; именно поэтому я хотел бессрочной отсрочки выборов. Утром 17 марта было решено, что потребуют отсрочки лишь до 31 мая; с этого момента вопрос о выборах не представлял для меня больше никакого интереса; именно поэтому я и не взял слова 17 марта»¹⁰¹.

Грандиозная народная манифестация, хотя и носившая исключительно мирный характер, повергла Временное правительство, особенно его правое крыло, в полное смятение. Прав был Бланки, когда писал по этому поводу следующее: «День 17 марта внушил ужас большинству Временного правительства; ему казалось, что оно только чудом избежало огромной опасности. Абсурдные доклады, а быть может, и сознание своих ошибок внушали ему убеждение в существовании проектов его низвержения, применения вооруженного насилия»¹⁰².

Временное правительство вынуждено было маневрировать, пойти на некоторые, хотя бы и незначительные, уступки. Выборы в национальной гвардии были отложены до 5 апреля, а выборы в Национальное собрание — до 23 апреля, т. е. всего на две недели. Хотя это была чисто формальная уступка, но все же нельзя не признать, что Временное правительство пошло на нее только под влиянием народной манифестации 17 марта. Среди уступок, сделанных Временным правительством в эти

¹⁰⁰ Réponse du citoyen Auguste Blanqui, P. 2.

¹⁰¹ Dommanget M. Op. cit. P 65–66.

¹⁰² Réponse du citoyen Auguste Blanqui, P. 2.

дни, было и согласие на посылку в департаменты делегатов клубов для ведения там пропагандистской работы в связи с предстоящими выборами.

V

Еще 10 марта Клуб демократического прогресса, возглавлявшийся Фонтеном, — один из клубов, примыкавших к Обществу прав человека и гражданина, — принял следующее обращение¹⁰³. Народ только что вновь завоевал свои права, но большинство граждан находится в неведении относительно своих политических прав и обязанностей. Политически воспитать их — основная задача народных обществ. Они должны, в частности, распространять доктрины эмансипации «в мастерских, в хижинах, в самых мрачных и изолированных пристанищах, где страдает пролетарий». Между тем парижские клубы разобщены. Поэтому Клуб демократического прогресса на заседании 10 марта решил выдвинуть предложение организовать центральный клуб, в который вошли бы делегаты всех клубов и который должен был называться Центральным комитетом, причем часть его членов должна войти в постоянное бюро. Центральный комитет должен получать протоколы всех клубов и, в свою очередь, рассылать им резюме этих протоколов, знакомить в тот же день клубы с выдвигаемыми вопросами, с тем чтобы они могли обсуждать их одновременно.

Народная демонстрация 17 марта, организованная совместно многими клубами, еще более укрепила убеждение в целесообразности и необходимости их объединения, особенно в связи с предстоящими выборами в Национальное собрание. 18 марта, как мы знаем, состоялось собрание, принявшее решение о создании как нового клуба — Клуба революции, так и центрального органа, объединяющего все клубы. Уже на первом заседании Клуба революции 21 марта Марк Дюфрен в своей программной речи вновь указал на необходимость незамедлительного создания «центрального клуба всех клубов». На том же заседании было решено назначить трех делегатов для участия в совещании представителей клубов. Одним из них Лонжпье, сыгравший видную роль как в организа-

ции Клуба клубов, так и в его деятельности. В 1850 г. Лонжпье вместе с секретарем-казначеем Ложье опубликовал книгу, содержащую обширную информацию об организации и деятельности Клуба клубов¹⁰⁴.

Заседание представителей клубов для создания центральной организации было назначено на 26 марта, на 7 часов вечера. Но, узнав об этом намерении, Бланки постарался перехватить инициативу. Он вместе с рядом других лиц, включая Дезами, Виленна, Бодена, опубликовал обращение, призывавшее Клубы выделить по три делегата на собрание, которое должно было состояться 26 марта в 11 часов утра. Приводя оба обращения — Клуба революции и Бланки, «Голос клубов» резонно писал: «Необходимость создать центральный клуб, в который должны послать делегатов все народные общества Парижа, осознана всеми. Это, как все понимают, дело существенно важное для торжества революции. Но мы не знали, что инициативу его создания пытаются взять в свои руки две стороны»¹⁰⁵.

26 марта в собрании, созданном по инициативе Клуба революции, приняли участие представители 71 клуба. На нем по предложению Лонжпье было решено создать центральную организацию под названием «Революционный комитет по выборам в Национальное учредительное собрание, или Клуб клубов». Последнее название оказалось более удачным и характерным, и эта организация в документах и прессе обычно именовалась именно так.

В собрании, организованном Бланки того же 26 марта, приняло участие всего 20 клубов. Среди них были не только некоторые коммунистические клубы, вроде клубов братских друзей, будущего, журнала «Фратерните», но и Общество прав человека и гражданина. Однако это собрание было единственным и последним. Назначенное на следующий день новое заседание, по всем имеющимся данным, так и не состоялось. Более того, в последующие дни почти все клубы, участвовавшие в собрании 26 марта, присоединились к Клубу клубов. Инициатива Бланки потерпела, таким образом, полное фиаско.

В обращении, опубликованном 24 марта в «Коммуне Парижа» и написанном, очевидно, самим Бланки, содержались прекрасные, хотя и не новые, слова: «Республика

¹⁰³ Commune de Paris. 1848. 17 mars. N 9. P. 3—4. Это обращение было напечатано и в «Голосе клубов». См.: Voix des Clubs. 1848. 18 mars. N 7. P. 3.

¹⁰⁴ Comité révolutionnaire, Club des clubs et la commission, par Longepied, fondateur président et Laugier, secrétaire trésorier. P., 1850 // BN. Lb⁵², 36.

¹⁰⁵ Voix des Clubs. 1848. 26 mars. N 15. P. 2.

будет ложью, если она станет только сменой одной прavitельственной формы другой. Недостаточно изменить слова, надо изменить вещи. Республика — это освобождение рабочих, это конец господству эксплуатации, то наступление нового порядка, который освободит труд от тирании капитала»¹⁰⁶. Обращение призывало «народные общества, разделяющие эти принципы» прислать делегатов на предстоящее собрание. Именно поэтому 20 клубов, включая даже Общество прав человека и гражданина, и прислали на него своих представителей. Почему же попытка Бланки объединить клубы оказалась столь неудачной? В литературе иногда ссылаются в связи с этим на «документ Ташеро». Но это объяснение неправомерное. Этот документ был опубликован лишь пять дней спустя, а между тем клубы, откликнувшиеся на призыв Бланки, не собрались даже вторично, хотя подобное собрание и было как будто намечено на 27 марта. Причину следует искать в ином. Стихийное стремление демократических клубов к объединению было тесно связано с предстоящими выборами в Национальное собрание, в которых они хотели принять деятельное участие. Между тем позиция Бланки в этом вопросе была более чем двусмысленной. Мы знаем, что он хотел отсрочить выборы на неопределенный срок, не менее чем на год, считая, что в противном случае их исход будет заранее предрешен. В принципе Бланки был безусловно прав. Требовался длительный период революционной диктатуры, чтобы приобщить весь народ, и особенно крестьянство, к революции, освободить его от пагубного влияния крупных собственников, чиновников, церкви. Но, когда это оказалось невозможным, когда выборы все же были назначены на 23 апреля, занять по существу пассивную позицию, как это сделал Бланки, было явно неправильной тактикой. Клубы, откликнувшиеся на его призыв, сразу же, несомненно, убедились, что он хотел их объединить не для активной избирательной кампании, (хотя официально речь шла о создании Центрального избирательного комитета), а лишь для того, чтобы противопоставить их Клубу клубов и подчинить их своему влиянию.

Как бы то ни было, почти все они установили контакт с Клубом клубов, который с каждым днем набирал силу. На собрании, состоявшемся 28 марта, присутствовали представители ста клубов, а вскоре число примкнув-

ших к Клубу клубов организаций составило две сотни, так как к нему присоединились не только клубы (примерно две трети всех клубов), но и представители рабочих корпораций и отдельных подразделений национальной гвардии и даже армейских частей.

Уже на собрании 28 марта было решено распространить деятельность Клуба клубов на всю Францию и послать в департаменты делегатов для республиканской пропаганды. Была избрана комиссия во главе с Донжпье, которой было поручено «договориться со всеми клубами Парижа о выдвижении и отборе эмиссаров, отправляемых в департаменты»¹⁰⁷. Но, поскольку для этого требовались деньги, было решено обратиться к правительству с требованием о финансировании этого мероприятия. О том, как ставился этот вопрос, свидетельствует заявление одного из делегатов, что их не должна смущать проблема денег. «Временное правительство должно нам эти деньги. Мы их потребуем, и правительство их даст». Избранная собранием комиссия представила министру внутренних дел Ледрю-Роллену соответствующую петицию, которая, по справедливому замечанию Аманна, была похожа скорее на ультиматум¹⁰⁸. Как мы уже говорили, это были дни, когда Временное правительство, напуганное народной манифестацией 17 марта, вынуждено было маневрировать и идти на определенные уступки. Кроме того, следует учитывать и позицию самого Ледрю-Роллена. Мелкобуржуазный демократ, принадлежавший к левому крылу правительства, он в своих циркулярах правительственным комиссарам в департаментах предлагал действовать решительно и опираться на проверенных республиканцев, а в случае необходимости даже распускать муниципальные советы. Эти указания Ледрю-Роллена были встречены в штыки всеми реакционными элементами и буржуазными политиками и даже публично дезавуированы другими членами Временного правительства. Поэтому Ледрю-Роллен был в какой-то мере лично заинтересован в отправке в департаменты неофициальных республиканских агитаторов — во всяком случае не имел никаких оснований противиться этому. Он уговорил коллег удовлетворить пожелание клубов, которые, кстати сказать, в своей петиции открыто заяв-

¹⁰⁶ Бланки Л. О. Избр. произведения. С. 138.

¹⁰⁷ Comité révolutionnaire, Club des clubs... P. 57.

¹⁰⁸ Amann P. H. Op. cit. P. 126.

ляли, что они все равно будут действовать, невзирая на отсутствие денег.

2 апреля было избрано бюро Клуба клубов, которое должно было руководить всей его деятельностью. В него вошли Луи Делланк, Ложье, Лонжпье, Адриен Делер, Наполеон Лебон, Жозеф Собрис, Луи Каэнь и Ипполит Гедон. Кроме Делланка, все они были известными революционерами и активными клубными деятелями. Лонжпье, Ложье, Собрис и Каэнь были членами Клуба революции, Наполеон Лебон был одним из руководителей Общества прав человека и гражданина. Лебон в течение 23 лет, еще с эпохи Реставрации, принимал участие в революционном движении. Лонжпье был участником республиканского восстания 1832 г. Собрис и Каэнь были связаны в эпоху Июльской монархии с подпольными республиканскими организациями. Гедон был также ветераном тайных обществ. Председателем же бюро Клуба клубов, т. е. его официальным руководителем, был избран Алоиз Юбер.

VI

Молодого рабочего Луи Юбера, известного под именем Алоиз, еще в юношеском возрасте дважды арестовывали за участие в революционной деятельности. За участие в заговоре с целью покушения на короля он был приговорен к пожизненному тюремному заключению. 13 лет он провел в разных тюрьмах в Болье, Дулансе, Мон-Сен-Мишеле, Туре. Его держали в одиночных камерах, в том числе в печально знаменитых подземных камерах Мон-Сен-Мишеля. Тюремное заключение в самых невыносимых условиях подорвало его здоровье, превратило в калеку. В 1845 г. Кабе так описывал его состояние: «Большой чахоткой, Юбер не может сделать движения, не харкая кровью; хотя ему всего 30 лет и он крепкого сложения, его ноги настолько исхудали, его позвоночник настолько поврежден, он настолько физически истощен, что он не может встать с постели; боли не дают ему возможности лежать ни на спине, ни на боку, и он вынужден постоянно сидеть в своей постели, поддерживаемый веревкой и ремнями, опираясь руками на палку в форме креста, не зная ни сна, ни отдыха, ни покоя. Это страшно видеть, об этом страшно говорить»¹⁰⁹. По свидетель-

ству Бутона, когда Юбер впервые в 19 лет попал в тюрьму, он был просто революционером, но в тюрьме преисполнился коммунистическими убеждениями. Об этом свидетельствует опубликованная им в 1845 г. брошюра «Порабощение богача, написанное пролетарием Алоизом Юбером, политическим заключенным», которая в силу этого последнего обстоятельства произвела сильное впечатление в демократических и коммунистических кругах.

Лишь Февральская революция вырвала его из тюрьмы. В начале марта Юбер прибыл в Париж. 4 марта «Попюлер» сообщал: «Хотя он едва стоял на ногах, Юбер все же хотел, чтобы его отвезли в редакцию „Попюлера“, но мы предупредили его желание и были счастливы обнять в его лице одного из самых благородных мучеников свободы»¹¹⁰. Несмотря на тяжелое физическое состояние, Юбер сразу же включился в политическую борьбу. Он возглавил Клуб прогресса и стал одним из пяти руководителей Общества прав человека и гражданина.

Каковы же были общественно-политические взгляды Юбера? Отрекся ли он в эпоху революции от своих коммунистических убеждений? Ответ на этот вопрос дает его брошюра, опубликованная несколько позже, в октябре 1848 г., под названием «Несколько слов изгнанника»¹¹¹. Предисловие, помеченное 20 октября 1848 г., обращено к Барбесу, которого он называет «мой дорогой Арман» и которому он посвятил свою брошюру. «Я говорю тебе,— писал он,— о Франции, о ее несчастьях, о ее разочарованиях, но также о ее надеждах. Я говорю тебе о нашей святой доктрине демократического равенства и всеобщего братства. Я говорю тебе о социализме, о достигнутых им успехах и об успехах, которые он должен еще достичь... Да здравствует демократическая и социальная республика!» (V—VII). Его брошюра действительно посвящена проблеме нового социального строя как конечной цели революции. «Куда ни кинь взор, везде увидишь кровь и слезы... человеческое общество все еще состоит из угнетателей и угнетенных, из убийц и их жертв» (9). Система индивидуализма—это система ненависти и взаимной борьбы, режим угнетения и страданий; при этой системе общество не гарантирует существование ни одному из своих членов (15—17). «Социа-

¹¹⁰ Populaire. 1848. 4 mars. P. 2.

¹¹¹ Quelques paroles d'un proscrit par A. Huber, detenu politique sous la royauté, proscrit sous la République. P., 1848 // BN. Lb⁵⁴, 2193.

¹⁰⁹ См. подробно: *Иоаннисян А. Р.* Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1842—1847 гг. С. 147—152.

лизм, осуществленный в демократическом духе,— вот истинное, единственное средство спасения» (18). «Когда народ во имя республики разбил трон и изгнал короля, он преследовал две цели: политическую и социальную... Первая цель достигнута, но вторая нет; человек имеет политическую свободу, но не имеет свободы социальной. Есть граждане, но нет братьев. Каждый действует для себя, каждый действует против всех; в то время как те, кто не трудится, кто ничего не производит, пользуются всем, человек, работающий в поте лица, не имеет самого необходимого и удостоивается лишь презрения. Отсюда непрерывная борьба между богатыми и бедными, между хозяином и рабочим, между капиталистом и производителем. Отсюда социальное рабство» (23—24). «К чему рабочему быть избирателем, быть избираемым, быть присяжным или национальным гвардейцем? К чему ему все эти звания, если у него нет работы и хлеба, или, чтобы их иметь, он вынужден отказываться от своей свободы, подчиняться властолюбивым и деспотическим капризам хозяина? К чему ему чисто политические права? Ему нужно больше: ему нужны социальные права, ему нужно право на труд, гарантия средств существования в условиях режима равенства. Однако равенство это не раздел имущества, а упразднение раздробленности, это не антагонизм социальных сил, а их согласие; это не нивелирование интересов всех, а их ассоциация; это не эксплуатация человека человеком, а вознаграждение каждого по его потребностям... с тем, чтобы — согласно истинной формуле социализма — каждый гражданин развивался бы в соответствии со своими способностями, работал по своим возможностям и получал по своим потребностям» (24—25). Разум един для всех людей, почему же право владения должно быть раздельным? «Следовательно, должна быть одна собственность, собственность коллективная» (30—31).

Осенью 1848 г. Юбер опубликовал также воззвание в связи с президентскими выборами¹¹². Во Франции, указывал он, фактически ничего не изменилось. «Ничего еще не изменилось, кроме внешней формы... Как и при монархии один класс населения, самый многочисленный, самый полезный, все еще безжалостно и беспощадно предоставлен на съедение другому классу». «Республика

еще не завоевана, ее еще нужно завоевать». Говоря о своих друзьях, демократах-социалистах, он указывал: «Как и они, я исповедую социализм, и я исповедую его уже в течение 16 лет, ни на один миг не жертвуя своими принципами. Все это время, несмотря на 13 лет тюремного заключения, я сохранял свою веру и не скрывал своих убеждений; даже в той камере, где в течение семи лет я был один, всегда один, без какой-либо надежды, я писал в защиту социализма. Когда позже агенты короля... предложили мне свободу при условии, что я пожертвую своей совестью и откажусь от своих доктрин, я, несмотря на то что был осужден на пожизненное заключение, ответил на это предложение публикацией брошюр и других сочинений социального характера, которые и тогда находили, и теперь еще находят чересчур передовыми. Все сказанное достаточно свидетельствует, что моя единственная цель, цель всех моих усилий — это победа социализма».

Итак, совершенно бесспорно, что и в период революции 1848 г. Юбер сохранял свои коммунистические убеждения. Теперь, как это делали многие, он называл себя социалистом, а свой общественный идеал — социализмом. Но по существу его общественный идеал продолжал оставаться коммунистическим, так как он предусматривал труд по способностям, а вознаграждение по потребностям. Именно этот убежденный коммунист-революционер и возглавил Клуб клубов.

Клуб клубов, хотя и стремился объединить возможно большее число организаций для активного участия в избирательной кампании, имел, однако, свою совершенно определенную политическую платформу, выступая за «демократическую и социальную республику». Он не хотел допустить в свою среду те клубы, которые ее не разделяли. Поэтому еще 28 марта было решено, что все примкнувшие к нему клубы в обязательном порядке примут принципы, изложенные в Декларации прав человека и гражданина, составленной Робеспьером в 1793 г. Декларация эта содержала все основные демократические требования. В то же время собственность рассматривалась в ней не как священное и неотъемлемое право, а как установление, подчиненное высшим общественным интересам. VI, VII, VIII параграфы гласили следующее: «Собственность есть право каждого гражданина пользоваться и распоряжаться тою долею имущества, которая гарантирована ему законом. Право собственности, как и

¹¹² Au peuple: Lettre sur la présidence par le citoyen A. Huber // BN. Lb⁵⁴, 1659.

другие права, ограничено обязанностью уважать права других. Оно не может наносить ущерб безопасности, свободе, существованию, собственности других людей¹¹³.

Среди конфискованных у Клуба клубов бумаг есть недатированный протокол заседания его бюро¹¹⁴, свидетельствующий о том, какую дискуссию в самом его руководстве вызвали эти статьи Декларации прав Робеспьера. Видимо, эти статьи встречали возражение со стороны представителей отдельных клубов, опасавшихся, что они могут быть истолкованы как признание частной собственности. Во всяком случае, Юбер выступил с заявлением, что, конечно, статья VI «может быть интерпретирована по-разному», но что «вполне можно придать ей самый широкий смысл»; он не сомневается, «что статьям VI—VII Декларации прав будет дана интерпретация, самая благоприятная для прогресса и благосостояния общества». «Гражданин Озе (видимо, представитель одного из клубов.— А. И.) сказал, что в порядке дня необходимо поставить вопрос о политической и социальной революции, что не следует допускать, чтобы статьям VI и VII Декларации прав человека было дано неуместное толкование... Затем он говорил о дурном использовании собственности, о необходимости для нового социального строя использовать общественное богатство». Вот в каком социалистическом духе намерен был Клуб клубов интерпретировать Декларацию прав Робеспьера.

В том же архивном фонде имеются многочисленные резолюции различных клубов о принятии ими принципов Декларации прав Робеспьера. Но некоторые из них свидетельствуют о той борьбе, которая развернулась в некоторых клубах в связи с этой Декларацией, особенно в связи с ее параграфами VI—VIII. Так, Патриотический клуб 7-го округа (Club patriotique du 7^e arrondissement) выразил согласие с принципами Декларации прав в редакции Робеспьера, «за исключением того, что касается статьи, которая, по мнению клуба, является серьезным посягательством на собственность». Клуб союза Сен-Дени (Club de l'union de Saint-Denis), обсудив Декларацию, принял решение «изложить в новой редакции статьи VI—VIII». Какова была эта новая редакция, мы, к сожалению, не знаем. А в умеренном Клубе прозорливых (Club des Prévoyants) дело дошло до раскола.

После бурных дебатов Декларация прав Робеспьера была отклонена большинством голосов, после чего свыше двухсот человек вернули свои членские карточки и образовали новый Клуб демократической цивилизации (Club de la civilisation démocratique), который и одобрил эту Декларацию.

В то же время левые клубы, принимая Декларацию прав Робеспьера, всячески подчеркивали, что они рассматривают ее не как конечную цель, а лишь как исходную предпосылку для дальнейшего переустройства общества. Так, Клуб демократического прогресса (Club du Progrès démocratique) в письме Юберу сообщал, что принял Декларацию прав Робеспьера, «рассматривая эту декларацию как отправную точку новой эры... но не как предел прогресса человечества». Мы видели уже, что аналогичную позицию занимал Клуб журнала «Фратерните». В этом отношении характерно и письмо, направленное Клубу клубов Народным обществом Лиможа (Société populaire de Limoge). В нем говорилось, что это общество, единогласно одоббив Декларацию прав Робеспьера, в то же время заявило, «что оно принимает эту Декларацию, рассматривая ее лишь как наследие прошлых поколений... рассматривая ее лишь как наивысшее достижение социальной науки в эпоху, когда гражданин Робеспьер ее составил; одним словом, что общество, одоббив эту Декларацию, отнюдь не отрекается от прогресса социальной науки, достигнутого за последние 55 лет, и от того прогресса, которого она достигнет в будущем».

Во всех клубах, принявших Декларацию прав Робеспьера и тем самым примкнувших к Клубу клубов, после всестороннего обсуждения выдвигались кандидатуры делегатов для отправки в департаменты. Решения отдельных клубов по этому вопросу мы также находим в упомянутом выше архивном фонде. Мы уже называли имена некоторых из делегатов, которые были выдвинуты различными клубами — всего было выдвинуто около 500 делегатов, и среди них много коммунистов. В конце концов своих представителей выделило даже Центральное республиканское общество. Для делегатов была разработана подробная инструкция¹¹⁵. Делегатам давались широкие полномочия, но они не должны были выступать в роли официальных лиц. Они должны были вступать

¹¹³ Робеспьер М. Избр. произведения. М., 1965. Т. 2. С. 324.

¹¹⁴ Archives nationales. C. 941.

¹¹⁵ Один ее печатный экземпляр имеется в архиве: Archives nationales. C. 940.

в контакт с представителями всех слоев населения, в том числе с местными жителями, мировыми судьями, нотариусами. Они должны были разоблачать роялистов, объясняя, что те «обогатились за счет трудящихся, стремясь сохранить свои привилегии», а также финансистов, «всегда похищавших у земледельца, крестьянина, рабочего большую часть дохода и их труда». Делегатам вменялось в обязанность «учреждать клубы, организовывать их, объединять республиканцев, разъяснять каждому избирателю его права, внушать им республиканские идеи». Как видим, основной задачей делегатов являлась республиканско-демократическая пропаганда, создание демократических клубов, поддержка прогрессивных кандидатов в депутаты. Социальные проблемы непосредственно не ставились. Но они все же выдвигались под флагом борьбы с роялистами и с «финансистами», обиравшими трудящихся, как крестьян, так и рабочих.

Среди конфискованных бумаг Клуба клубов имеются подробные отчеты делегатов, посланных в департаменты. Они занимают три единицы хранения Национального архива¹¹⁶. Этот ценнейший фонд до настоящего времени очень мало изучен. До недавнего времени он не был доступен исследователям. Когда же он был передан в Национальный архив, им почти никто не занимался. Аманн им вообще не интересовался, так как считал своей задачей изучение «клубного движения» только в Париже. Мы также, разумеется, не имели ни времени, ни возможности подробно изучить этот фонд, а лишь бегло и выборочно ознакомились с ним. Но даже и этого было достаточно, чтобы составить себе общее представление об огромной и самоотверженной работе, проделанной делегатами Клуба клубов за очень ограниченный срок, по существу — за каких-нибудь три недели. Посланная ими в Париж информация не только дает конкретное представление о политическом положении в отдельных департаментах, о различных политических течениях, о рабочих организациях и местных клубах, о кандидатах в депутаты Национального собрания, но и свидетельствует об активной деятельности делегатов, стремившихся учреждать демократические клубы, сплачивать прогрессивные силы, бороться с пройсками местной реакции, пробуждать политическую активность рабочих. Делегаты проводили свою работу не только в департаментских

центрах, но и в других населенных пунктах, переезжая с места на место, совершая турне по всему департаменту.

Работа делегатов проходила подчас в самых тяжелых условиях. Всюду они отмечали страх перед коммунизмом и ненависть к коммунистам, причем под «коммунистами» местные обыватели, особенно в маленьких городах и сельских районах, понимали всех представителей новых социальных идей. В некоторых местах серьезно полагали, что Париж находится в руках коммунистов и что любые парижские делегаты — это коммунистические агенты. Приведем лишь несколько случайных примеров. В апреле Дюваль, делегат в департаменте Сен-Маритим, сообщал из Онфлёра: когда он попытался на созванном им собрании объяснить, что такое организация труда и ассоциация, его объявили коммунистом, и дело приняло такой оборот, что он вынужден был удалиться. Делегат Радио писал, что в Руане «коммунизм внушает ужас». Паж (старый коммунист, один из редакторов «Юманитера»), посланный в департамент Сен-Энферьер, 15 апреля сообщал: «Всех демократов, самых преданных, самых умных, устраняют, как только подозревают, что они коммунисты, хотя они и не провозглашают себя таковыми». Другой делегат писал из Руана, что когда в одном из клубов оратор начал говорить о фаланстере, то бюро, которое сочло, что речь идет о коммунизме, лишило его слова. В Монтабене делегат Жакен был объявлен «агентом коммунистов», и разъяренная толпа хотела даже с ним расправиться. Делегат Мулен 20 апреля сообщал из Тура, что ему еле удалось успокоить умы, поскольку местные заправила постоянно внушают, что намерением Клуба клубов является грабеж, раздел земель, коммунизм и т. п., что это чуть было не привело к столкновению между вооруженными крестьянами и рабочими. Делегат Пьер Пе, прибыв в Витрэ, попытался организовать Клуб рабочих и изложить там принципы Декларации прав Робеспьера, и хотя он сознательно ничего не говорил о социалистических теориях (считая, что при существующей обстановке это было бы ошибкой), о нем все же распространили слухи, что он проповедует свободу любви и сенсимонизм вместе с коммунизмом. «Тогда женщины и поощряемые ими мальчишки устроили мне шумный кошачий концерт, так что дом, в котором я находился, пришлось плотно закрыть. В пятницу и субботу те же неистовства; когда я вышел, в меня по-

¹¹⁶ Archives nationales. C. 938, 939, 940.

летели камни и нечистоты» (письма от 7 и 14 апреля). Делегат Кормантен 7 апреля писал из департамента Луаре, где была выставлена кандидатура Консидерана: «Нотариусы, адвокаты, собственники внушают всем, что фаланстерианцы являются коммунистами, а коммунисты — это люди, зарящиеся на чужое добро». 4 апреля делегат Жерар, посланный в департамент От Марн, сообщал, что ему всюду приходилось опровергать «слухи относительно коммунистов», а в некоторых местностях даже заверять, что Временное правительство не было коммунистическим. Декларация прав Робеспьера была плохо принята и превратно интерпретирована, так что ему пришлось выдержать «ужасную борьбу», и есть даже лица, которые сговариваются о том, чтобы его выпроводить из департамента. 4 и 13 апреля Бавар, один из делегатов, посланный в департамент Пюи де Дом, писал: «Социальные реформы отождествляются здесь с коммунистическими установлениями... Нам приходится постоянно бороться, и даже больше, чем когда-либо, против скрытых происков буржуазии, обвиняющей нас в коммунизме и объявляющей нас агентами двухсоттысячной армии анархистов, управляющей Парижем». Делегат в департаменте Ба Рейн 19 апреля сообщал, что там очень боятся коммунистических принципов, которые находят признание среди рабочих. Ненависть к коммунизму принимает самые неразумные формы и распространяется на любую социальную идею. Повторяем, что все приведенные выше примеры взяты нами выборочно. Совершенно очевидно, что систематический просмотр донесений делегатов Клуба клубов в департаментах дал бы еще более впечатляющую картину. Но даже эти примеры показывают, в какой невероятно трудной обстановке приходилось действовать этим делегатам. Однако они с честью выполняли свое задание, иногда даже под угрозой физической расправы. Они боролись против буржуазной реакции, разоблачали ее измышления, вели агитацию среди широких масс, стремились опираться на рабочих, организуя клубы рабочих, и, несмотря на звериную ненависть обывателей к коммунизму, пропагандировали передовые общественно-политические идеи, не только общедемократические принципы, изложенные в Декларации прав Робеспьера, но подчас и идеи организации труда, ассоциации и т. п. Конечно, за две-три недели, особенно в условиях царившей в провинции атмосферы, трудно было сделать многое. Но самоотверженную дея-

тельность делегатов Клуба клубов, среди которых были испытанные коммунисты-подпольщики, нельзя недооценивать. Конечно, изменить общие результаты выборов они не могли, но, быть может, без их активного участия в избирательной кампании эти результаты были бы еще хуже. Во всяком случае, единственное на сегодняшний день региональное исследование, написанное с использованием упомянутого выше фонда, показывает, какую решающую роль сыграл делегат Клуба клубов в Лиможе в деле мобилизации рабочих этого города¹¹⁷.

Мы не останавливаемся здесь на других сторонах деятельности Клуба клубов, который посылал, например, своих представителей в армейские части, в национальную и мобильную гвардию — с целью их «революционизировать». Архив содержит многочисленные отчеты и этих делегатов¹¹⁸, которые также еще подлежат изучению.

Не осуждения за мнимые попытки изолировать Бланки (который фактически сам себя изолировал), а глубокого уважения заслуживает энергичная деятельность Клуба клубов во главе с Алоизом Юбером.

Особенно тяжелое впечатление производят в этой связи инсинуации Домманже и других «бланкистских» историков, что Клуб клубов находился будто бы на содержании правительства. Члены бюро Клуба клубов не получали никакого жалованья, никакого вознаграждения. В каких условиях находился в то время сам Юбер, мы знаем из свидетельства старого подпольщика-коммуниста Стевено: «Юбер жил тогда в настоящей конуре и чрезвычайно скромно, так как он был очень беден»¹¹⁹. Министерством внутренних дел выплачивались лишь (по специальным ведомостям) командировочные (по 5 фр. в день) делегатам, отправляемым в департаменты. Среди этих делегатов были, кстати сказать, и представители Центрального республиканского общества. Так и хочется спросить этих историков, значит ли это, что Центральное республиканское общество тоже находилось на содержании правительства? Кроме того, не следует забывать, что сам Бланки незадолго до этого требовал от Временного правительства посылки делегатов для

¹¹⁷ *Merrimen J. Radicalization and Repression: the Experience of the Limousin 1848—1851.* N. Y., 1972. P. 61—65; *Amann P. H.* Op. cit. P. 125.

¹¹⁸ Archives nationales. C. 940.

¹¹⁹ Procès des accusés du 13 juin 1849, précédé du procès du citoyen Huber. P., 1849. P. 34.

пропаганды в департаментах. Ведь в своей первой петиции об отсрочке выборов он писал: «Мы требуем... послать в департаменты граждан, уполномоченных просветить сельское население»¹²⁰.

Буржуазная реакция не скрывала свою неприязнь к Клубу клубов. Отвечая на утверждения газеты «Сизэбль» о том, что Клуб клубов состоит из заговорщиков, подготавливающих для осуществления своих утопий установление диктатуры, последний заявлял, что члены революционных клубов «прибегнут к силе, к могуществу народа только в том случае, если партии, выступающие сейчас против стремлений народа, осмелятся открыто покушаться на его суверенитет»¹²¹.

VII

В связи с предстоявшими выборами кандидаты в депутаты публиковали свои «кредо» (*profession de foi*), в которых излагали свои политические программы. Среди них были и кандидаты-коммунисты. Кандидатуры некоторых из них были выдвинуты различными клубами, другие сами добивались выдвижения своей кандидатуры. Но для нас это не имеет значения, поскольку важно и интересно другое: какие программы они предлагали. Разумеется, до нас не дошли многие «кредо», хотя бы потому, что они не были напечатаны и нигде не сохранились. Постараемся же проанализировать те программы коммунистических деятелей, которые мы имеем в своем распоряжении.

Начнем прежде всего с Дезами. Его кандидатура была выдвинута Клубом Горы Констана. Что касается Центрального республиканского общества, то оно сперва, 3 апреля, выдвинуло его кандидатуру, но затем не включило его имя в окончательный список предлагаемых им кандидатов. Как бы то ни было, Дезами опубликовал в виде брошюры свое предвыборное обращение, озаглавленное «Рабочим Парижа», о котором мы уже упоминали в первой главе¹²². Обращаясь к рабочим, он писал: «Разрешите одному из ваших добиваться чести представлять вас в Национальном учредительном собрании.

¹²⁰ *Бланки Л. О.* Избр. произведения. С. 134.

¹²¹ *Comité révolutionnaire, Club des clubs...* P. 121.

¹²² *Candidature à l'Assemblée nationale. Aux ouvriers de Paris. Alexandre-Theodore Dézamy, homme de lettres // BN. Lb⁶⁴, 965.*

Я повторяю — одному из ваших, потому что в течение 17 лет не было ни одного произнесенного мною слова, ни одной строчки, принадлежавшей моему перу, ни одного моего политического действия, которые не свидетельствовали бы о моей полной преданности делу пролетариата. Как и вы, я подвергался двойной тирании монополии и капитала. В то время как вы путем чрезмерного и плохо оплачиваемого труда обогащали эгоистов эксплуататоров, мы, трудящиеся пролетарии умственного труда, также в поте лица зарабатывали себе кусок хлеба, которого у нас иногда и вовсе не было».

Далее Дезами переходил к описанию своей революционной деятельности. «Уже в течение 17 лет я, насколько это было в моих силах, вел борьбу против любой формы монархии и против эксплуатации. После 12 мая 1839 г. я руководил с помощью своего пера тайным Обществом времен года... Своими пламенными директивами (*ordres du jour*) я содействовал оживлению в сердцах ненависти к аристократии любого рода и любви к свободе; я пытался показать республиканцам ту обетованную землю равенства и братства, на которую мы наконец сегодня ступаем». Мы знали о связях Дезами с тайными обществами, в частности с Обществом трудящихся-эгалитариев, возникшим на базе возрожденного после восстания 1839 г. общества «Новые времена года». Но, как видим, эти связи были гораздо более непосредственные, чем мы до сих пор себе представляли.

Указав, что он принял самое активное участие в манифестациях в защиту осужденного на смертную казнь Барбеса, которые спасли ему жизнь, Дезами описывал далее свое участие в Февральской революции, о чем мы подробно говорили в первой главе. Затем, обращаясь к трудящимся, он писал: «Все это, разумеется, недостаточно, чтобы заслужить ваши голоса. Я особенно добиваюсь их как демократический и социалистический писатель». Он перечислял три свои книги: «Кодекс социальной организации» (т. е. «Кодекс общности»), «Иезуитизм, побежденный социализмом», «Организация свободы и всеобщего благосостояния», за которые подвергался преследованиям. «Я поплатился свободой и последними деньгами за преступление, состоявшее в том, что я горячо защищал дело пролетариев».

Вслед за тем Дезами излагал политическую программу, за которую он намерен был бороться как депутат Национального собрания. «Если вы окажете честь от-

крыть мне двери национального представительства, я буду постоянно добиваться полной эмансипации и немедленного благосостояния для всех трудящихся». Если конечная цель общественного переустройства — полная эмансипация трудящихся, то необходимо немедленно меры для обеспечения их благосостояния. К числу этих мер Дезами относил создание банка труда, национальных складов, касс взаимного обеспечения в случае болезней, инвалидности, сиротства; все это можно осуществить немедленно, и все эти мероприятия делают возможным дальнейшее социальное усовершенствование. Кроме того, Дезами предлагал установить прогрессивный налог на недвижимое имущество, а также на доходы ренты и капиталистов; на все дарственные и на наследство; наследство по косвенной линии должно облагаться налогом от 50% до 100%, причем в дальнейшем эти наследства должны переходить в руки государства. Программа Дезами предусматривала сокращение больших окладов, упразднение всех sinecur и ста тысяч бесполезных и антиреспубликанских должностей, немедленное упразднение всех налогов на продовольствие и предметы первой необходимости. Он высказывался за бесплатное и обязательное образование и за отделение церкви от государства.

Ссылаясь на «Кодекс общности», называя себя «социалистическим писателем», Дезами не скрывал своих коммунистических убеждений. Выдвигая как конечную цель полную эмансипацию трудящихся, он тем самым ставил вопрос о радикальной реорганизации общественного строя, с тем чтобы достичь «обетованной земли равенства и братства», за которую он, по его словам, боролся задолго до революции. Но одновременно он требовал немедленного осуществления целого ряда социально-экономических мероприятий, которые должны были, с одной стороны, безотлагательно улучшить положение трудящихся, а с другой — подготовить необходимые условия для постепенного достижения конечной цели общественного переустройства. Таким образом, «кредо» Дезами излагало стройную программу общественных преобразований, конечной целью которой являлось создание нового, коммунистического общественного строя. Нельзя не отметить, что Дезами обращался непосредственно к «рабочим Парижа» и подчеркивал, что всю жизнь боролся за дело пролетариата.

От «кредо» Дезами перейдем непосредственно к «кредо» секретаря Центрального республиканского общества Флотта. Расклеенное в виде афиши, оно в 1851 г. было напечатано в сборнике «Красные афиши»¹²³. Но анонимный издатель сборника¹²⁴ заявлял при этом следующее: «Мы имеем оригинал этого плаката, написанный рукой Бланки, о стиле которого свидетельствует каждая его фраза». Таким образом, текст «кредо» Флотта был написан не им самим, а Бланки, который от своего имени не опубликовал в связи с выборами никакой программы. «Кредо» это довольно краткое. Оно адресовано «гражданам и братьям». «„Вы знаете мое знамя, говорилось в нем, это знамя равенства и братства... Для меня братство не пустая формула... Необходимо, чтобы сегодня оно стало действительностью... Трудящиеся — рабы голода. Необходимо их освободить путем обеспечения их благосостояния, и освободить без промедления. Я боролся и буду бороться, пока существование народа не будет обеспечено. Друзья, я страдал и страдаю вместе с вами, как и вы. Доверьте мне ваше дело и вы услышите, как я буду кричать со все возрастающей энергией: „Интрига, назад! место Народу!“». «Кредо», опубликованное от имени Флотта, не носило, как видим, конкретного характера, а состояло из общих громких фраз, хотя и в нем ставился вопрос об освобождении трудящихся и необходимости претворения в жизнь лозунга братства.

Свое «кредо» изложил в афише, адресованной избирателям департамента Аллье, и Эжен Фомберто¹²⁵. Эжен Фомберто, или Фомберто-сын, как его называли, не только был членом Центрального республиканского общества, но и человеком, близким к Бланки. Поэтому его «кредо» также представляет значительный интерес. Фомберто следующим образом формулировал свои принципы. «Свобода, Равенство, Братство! Таков мой девиз. Я стремлюсь к самому полному и непосредственному осуществлению этих принципов. До сегодняшнего дня не было свободы; ее не может быть до тех пор, пока народ

голоден. До сегодняшнего дня не было равенства, его не может быть, пока богатый выставляет напоказ свое богатство рядом с нуждой. Не было братства и не будет, пока люди не будут равны и свободны». Указав, таким образом, на конечную цель общественного переустройства, Фомберто излагал далее в пяти пунктах непосредственные требования: свободу печати, собраний, ассоциаций, всеобщее и прямое избирательное право, отмену всех косвенных налогов и уменьшения налогов на мелкую собственность, установление прогрессивного налога на капитал. Он высказывался также за всеобщее обязательное бесплатное национальное образование. Все это вполне гармонировало с обычными требованиями других коммунистических кандидатов. Но в программе Фомберто есть пункт, звучащий несколько странно для представителя революционного коммунизма: «Я хочу немедленной организации как труда в городах, так и труда в сельских местностях. Пусть капиталист объединится с трудящимся; пусть один предоставит свои руки, другой — свое золото; они взаимно дополняют друг друга, и барьеры, которые в течение столь длительного времени их разделяют, падут в условиях их братского союза». Такие представления настолько далеки от воззрений коммунистов-революционеров, что можно лишь недоумевать, каким образом они нашли свое отражение в «кредо» Эжена Фомберто, выставившего свою кандидатуру в депутаты не только с ведома, но и при поддержке Бланки.

До нас дошло и «кредо» такого видного представителя революционного коммунизма, как Савари. В «кредо», помеченном 9 апреля¹²⁶, Савари писал: «Республика, так, как я ее себе представляю, это не просто отсутствие короля в политической системе... Республика — это конец всех привилегий, всех социальных несправедливостей, всякого порабощения, всякой эксплуатации. Республика — это восстановление человека во всех его правах, восстановление его достоинства, его нравственного облика, его свободы. Человек как моральное существо имеет право на образование, на этот хлеб души, на интеллектуальное развитие, чего до настоящего времени он был лишен; как физическое существо человек имеет право на благосостояние, на все вещи, созданные трудом для удовлетворения потребностей всех. Без это-

¹²³ Les affiches rouge: Reproduction exacte et histoire critique de toutes les affiches ultra républicaines placardées sur les murs de Paris depuis le 24 février 1848. P., 1851. P. 116—117 // BN. Lb⁵², 43.

¹²⁴ В Каталоге Национальной библиотеки издателями этого сборника названы В. Бутон и Бенар.

¹²⁵ Les Murailles révolutionnaires. P. 819—820.

¹²⁶ Les affiches rouges. P. 215—216.

го... нет истинной Республики». Далее Савари выдвигал следующие непосредственные требования: суверенитет народа в условиях демократической республики, обязательное и бесплатное образование, обеспечение всем права на существование, независимость трудящихся, солидарно объединенных в организованном труде, прогрессивное осуществление всех социальных реформ. «Вот политика, — писал он в заключение, — которую я буду поддерживать... вот Республика, которой я служу уже 18 лет верой и правдой, словом и пером. Именно эта Республика, которая, бесповоротно завершив эпоху кровавых революций, обеспечит господство народа, постоянный прогресс и последовательное осуществление всех философских надежд; именно она превратит наш девиз „Свобода, равенство, братство“ в социальную реальность». Не стоит, очевидно, доказывать откровенно коммунистический характер этой программы Савари.

Среди старых коммунистов-революционеров, пытавшихся выдвинуть свою кандидатуру в депутаты, был и Гийом Розье, о котором мы уже дважды упоминали. Сперва он пытался безуспешно добиться, чтобы его кандидатура была поддержана Центральным братским обществом Кабе. Затем он зачитал свое «кредо» в Клубе революции, после чего передал этот текст Бутону. Поскольку Розье вскоре погиб на баррикадах во время июньского восстания, Бутон счел нужным опубликовать полный текст его «кредо»¹²⁷. Вначале Гийом Розье подробно останавливался на своей революционной деятельности: «В мае 1839 г., — писал он, — я имел честь сражаться бок о бок с гражданином Барбесом, этим знаменитым мучеником за дело республики». Он же был одним из организаторов манифестаций в защиту Барбеса, которому грозила смертная казнь. Он описывал также свое активное участие во всеобщей стачке в Париже в сентябре 1840 г.¹²⁸ и свое непосредственное участие в Февральской революции. Затем Розье излагал свою политическую программу. В древности существовали рабы, которых клеймили раскаленным железом и продавали на рынке, как скот. На смену рабам пришли крестьяне, а затем появились пролетарии. «Февральская революция упразднив королевскую власть, нанесла удар монополии и капиталу; это революция должна привести к освобо-

ждению пролетариев». Если его изберут депутатом, то он будет бороться за завоевание равенства в социальном положении. «Пролетарии, это один из ваших станет во имя человеческой справедливости, во имя священных принципов свободы, равенства, братства беспрестанно добиваться нашего места под солнцем; он будет добиваться, чтобы и мы были допущены на праздник жизни и чтобы нам возвратили то, что, пользуясь нашей слабостью и нашим невежеством, украли подлые похитители... Я буду говорить законодателям: „Верните, верните народу всю роскошь и все эти дворцы; но прежде всего верните им эти мануфактуры и эти поля, которые он повседневно оплодотворяет своим трудом и своим потом“... В ожидании того момента, когда мы обеспечим себе все то, что вытекает из бессмертных принципов, провозглашенных революцией, я буду требовать самой широкой и самой демократической организации труда». Как видим, Розье выдвигал программу национализации всех промышленных предприятий и всей земли как необходимую предпосылку освобождения пролетариата. Но до установления нового общественного строя он ратовал за демократическую организацию труда, не разъясняя, однако, что конкретно он подразумевал под этим.

Из дореволюционных теоретиков коммунизма свою программу опубликовал и Лаотьер. Мы не имеем никаких сведений, выдвигал ли кто-либо его кандидатуру в депутаты или он попытался это сделать сам. Его обращение к избирателям департамента Луар э Шер, напечатанное в Вандоме и помеченное 25 марта 1848 г., сохранилось лишь в Национальном архиве¹²⁹. Лаотьер никогда не был коммунистом-революционером, и это не могло не сказаться на его политической позиции в период революции 1848 г. Его «кредо» носит весьма умеренный характер. «Если мы этого хотим, — заявляет он, — Свобода, Равенство, Братство будут царить на земле». Но он тут же оговаривается, что свобода не распушенность, а равенство — не грубое нивелирование. Он провозглашает труд долгом человека. «Великая хартия, которая должна быть создана, это хартия трудящихся». Необходимо отказаться от эгоистического принципа «каждый за себя»; благо утвердится в мире только в результате братства. Лишь в таких общих, неопределенных выражениях говорит он об этих «настоящих прин-

¹²⁷ Bouton V. Op. cit. P. 163—164.

¹²⁸ Подробно об этом см.: Иоаннисян А. Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840—1841 гг. С. 125.

¹²⁹ Archives nationales. C. 941.

дипах», которые, по его словам, он защищал и пропагандировал многие годы, даже на судебных заседаниях. Конкретно он заявлял лишь о своей готовности бороться за демократическую республику.

Следует остановиться также на программе Торе, редактора газеты «Истинная республика»¹³⁰. Торе, как мы говорили выше, не будучи до 1848 г. коммунистом, выступал в период революции как социалист, всецело разделявший, однако, коммунистический принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Все эти идеи пашли свое отражение в его обращении «к народу Парижа». «Великая социальная революция началась... Явная характерная черта революции 1848 г.— социализм... Путем организации труда, путем окончательной эмансипации сельского хозяйства и промышленности, путем увеличения продукции и справедливости в распределении, трудящиеся, пользуясь плодотворностью природы, должны все вместе обеспечить себе достаток и свободу. Долой нужду и рабство!.. Сегодня огромное большинство людей работает не в соответствии со своими способностями и сверх своих сил, потребляя меньше своих потребностей, в то время как незначительное меньшинство потребляет сверх своих потребностей и производит, если только вообще оно производит, не по своим способностям и меньше своих сил. Если, наоборот, предположить существование такой социальной среды, в которой каждый, работая сообразно своим способностям и в меру своих сил, потреблял бы сообразно своим законным потребностям, то разве этим не были бы обеспечены свобода, равенство, братство? В этом смысле республиканского будущего. Революция, следовательно, должна рассматривать орудия труда как средство, дающее возможность всем людям использовать свои природные способности. Государство имеет, следовательно, право и обязанность мирно социализировать землю и кредит, чтобы обеспечить благосостояние всех граждан... После провозглашения суверенитета народа и демократической формы правления, общественного образования и свободы мысли миссией Учредительного собрания должно быть установление единой и неделимой социальной республики». Торе, таким образом, тоже открыто выступал за коренное изменение общественного строя, за

«социальную республику», в которой средства производства находились бы в руках государства, дабы каждый, работая в меру своих сил и способностей, удовлетворял бы все свои разумные потребности.

В нашу задачу не входит рассмотрение предвыборных манифестов представителей других «социальных школ». Но одно исключение мы все же сделаем. Речь идет о Жюле Лешевалье, принадлежавшем к левому крылу фурьеристской школы. Он поддерживал самые дружественные отношения с коммунистами. Мы знаем, что он посещал заседания Центрального братского общества и даже выступал на них. Он основал Центральный клуб организации труда (Club central de l'Organisation du travail) и был выдвинут кандидатом в депутаты как этим клубом, так и Клубом республиканцев-социалистов. В этой связи 17 апреля он опубликовал обращение к избирателям департамента Сены, к которому была приложена написанная им Декларация Центрального клуба организации труда¹³¹. В обращении к избирателям Лешевалье заявлял: «Революция 1848 г.— это революция социальная». Он один из людей, которые посвятили свою жизнь подготовке этой социальной революции. Сперва он устно и письменно пропагандировал «две великие теории социализма» — доктрины Сен-Симона и Фурье. Но уже в 1834 г. он пришел к убеждению, что социализм не должен больше носить характер «школы» и «секта», а что необходимо создать единую большую «социальную партию». Его «кредо» — это принципы, изложенные им в Декларации Центрального клуба организации труда. В конце обращения Лешевалье писал: «Граждане, так как теперь всюду кричат: „Долой социальную революцию!“, слово „коммунизм“ — лишь лживый пароль реакции. Скажем, в свою очередь: „Долой эгоистов и спекулянтов! Долой эксплуатацию человека человеком!“».

В «Декларации» также утверждалось: «Революция 1848 г. не только политическая революция; это революция социальная». В этой связи в ней содержалась суровая критика формальной буржуазной демократии. «Что такое политическая свобода?.. пустое слово, скрывающее весьма суровую действительность: деспотизм и эксплуатацию. Что такое политическое равенство, если оно не приводит к упразднению в человеческом обществе деле-

¹³⁰ Les Murailles révolutionnaires. P. 926—927; Archives nationales. C. 941.

¹³¹ Archives nationales. C. 941.

пия на два класса, богатых и бедных, капиталистов и трудящихся, снабженных всем и обездоленных, добровольных бездельников, не имеющих надобности работать, чтобы жить, и бездельников, вопреки их воли не имеющих права хотя бы на плохую жизнь, даже не отказываясь много работать; что же такое политическое равенство среди всего этого социального и гражданского неравенства? Не что иное, как иллюзия». Братство также является лживым понятием, если оно поддерживает в обществе и государстве «анархический конфликт всех интересов и всех действий, этот братоубийственный антагонизм, ложно названный свободной конкуренцией». Необходимо, чтобы свобода, равенство, братство наполнились реальным содержанием и были бы положены в основу общественного строя.

Мы не станем излагать конкретные предложения, содержащиеся в «Декларации», для замены строя, основанного на свободной конкуренции, «режимом ассоциации». Несмотря на все свои повторные заявления о необходимости объединения всех «социальных школ». Лешевалье в конечном итоге все же оставался фурьеристом, и программа Центрального клуба организации труда носит явный отпечаток фурьеристских идей. Но резкая критика буржуазного общества и буржуазной демократии наглядно свидетельствует, что не одни только коммунисты выступили на выборах с политической платформой, предусматривавшей ликвидацию буржуазного строя. Лозунг «социальной революции» поддерживали представители и других «социальных школ», причем их передовые представители, вроде того же Лешевалье, своей общественной критикой объективно содействовали борьбе коммунистов за социальное равенство.

Абгар Рубенович Иоаннисян

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 года во ФРАНЦИИ и КОММУНИЗМ

М.: НАУКА. 1989

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2010. Книга подготовлена в виде сканов (5 pdf файлов) и выложена по главам в нашей библиотеке и сообществе: <http://www.diary.ru/-vive-liberta/p113481602.htm>

Предисловие

Глава I. Участие коммунистов в Февральской революции. Вечер 25 февраля. Афиши и прокламации. Газеты Дезами, Эскироса, Констана и Торе. «Красная» пресса в марте—апреле 1848 г.

Глава II. Проекты «организации труда». Пропаганда коммунизма икарийской школой. Вильгардель, Маса, Гарен де Витри. «Индивидуализм и коммунизм». Оуэнистские проекты. Антикоммунистические брошюры

Глава III. Парижские клубы. Коммунистические клубы: Центральное братское общество, Клуб братских друзей, Клуб журнала «Фратерните», Клуб Горы, Клуб неподкупных, Клуб будущего и другие. Центральное республиканское общество. Клуб революции. Общество прав человека и гражданина. Манифестация 17 марта. Клуб клубов и агитация в департаментах. Программы коммунистических кандидатов в депутаты

Глава IV. «Документ Ташеро». Антикоммунистическая кампания и преследования коммунистов. Демонстрация 16 апреля и ее последствия. Выборы в Национальное собрание и обострение политического кризиса. События 15 мая

Глава V. Накануне решающей битвы. Клубы. Собрания под открытым небом. «Красная» печать. Коммунистическая агитация

Глава четвертая

«Документ Ташеро». Антикоммунистическая кампания и преследования коммунистов. Демонстрация 16 апреля и ее последствия. Выборы в Национальное собрание и обострение политического кризиса. События 15 мая

I

Народная манифестация 17 марта, повергшая в смятение Временное правительство, заставила его какое-то время маневрировать, идти на некоторые уступки. Но все это имело целью лишь выиграть время. «Люди из Насионаля» считали теперь необходимым нанести удар по угрожавшему им революционному движению. Конечно, Временное правительство критиковали многие. Критика Кабе была не менее суровой, чем критика Бланки и Центрального республиканского общества. Временное правительство критиковали во многих клубах. В «красной» прессе политика Временного правительства и отдельных его членов также вызывала резкое недовольство. Вспомним хотя бы язвительную статью, опубликованную 10 марта в газете Горжа «Социальная революция». Наконец, сама манифестация 17 марта была организована по инициативе Центрального братского общества Кабе. Но все это не внушало Временному правительству особого страха. Оно прекрасно понимало, что не «мирный» Кабе, ни даже отдельные коммунисты-революционеры, выступающие в клубах и прессе, — сами по себе не представляли для него непосредственной опасности. Оно опасалось, прежде всего, человека, способного организовать серьезный заговор в целях установления революционной диктатуры. А таким человеком мог быть только Бланки. Его прошлое, его деятельность в тайных обществах, предпринятая руководимым им Обществом времен года попытка захватить власть в 1839 г., его широкие связи с бывшими подпольщиками, его несомненный авторитет среди революционеров — все это делало эти опасения весьма реальными.

В сущности, Бланки боялись с самых первых дней революции, с момента его возвращения в Париж. Отсюда и маневр, предпринятый Ламартином, когда 25 февраля

Бланки посетил Ратушу: посулами включить его в состав Временного правительства он побудил Бланки сорвать вечером того же дня попытку коммунистов-революционеров низвергнуть правительство и установить революционную диктатуру. После событий 17 марта страх перед Бланки еще более возрос. «Другие влияния, — справедливо писал он, — которые больше моего содействовали организации этого большого движения (речь идет о Кабе и его Центральном братском обществе. — А. И.), стусевывались в предубежденных глазах, видевших только одну опасность. Я был в тот момент врагом, которого необходимо было во что бы то ни стало сломить... Именно мне следовало нанести первый удар...»¹

Сперва были предприняты маневры с тем, чтобы повторить 25 февраля. Уже 19 марта Ксавье Дюррье, член Центрального республиканского общества и редактор «Французского курьера», бывшего в то время его полуофициальным органом, сообщил Бланки: «Г-н Ламартин хочет прийти с вами к соглашению. Он признает, что состав Временного правительства следует изменить. Он склонен выставить вон клику „Националя“ и присоединить к себе вас и ваших друзей. Он сделает то, что вы хотите и пойдет столь же далеко, как и вы. Я уполномочен обратиться от его имени со словами примирения к Ледрю-Роллену»². Бланки сперва отказался, но затем согласился на свидание с Ламартином. Однако 22 марта, когда оно должно было состояться, явился Дюррье и сказал, что Ламартин передумал. Именно 22 марта в распоряжение Временного правительства поступил документ, вызвавший среди поочередно читавших его членов правительства радостное изумление. 31 марта он был напечатан в «Ретроспективном обозрении», издававшемся близким к правительству человеком, бывшим другом Армана Карреля, Ташеро. Он вошел в историю под названием «документа Ташеро».

«Документ Ташеро», представлявший собой запись показаний, данных 22, 23, 24 октября 1839 г. министру внутренних дел, произвел эффект разорвавшейся бомбы. Дело в том, что хотя эти показания были анонимными, но из их содержания было ясно, что они могли быть даны только Бланки. Впопыхах никто не заметил главного, что если даже эти показания были подлинными, они

отнюдь не свидетельствовали о измене или предательстве Бланки. Первый, кто вполне справедливо указал на это, был Жорж Вейль. В своей известной работе «История республиканской партии во Франции», впервые изданной в 1900 г., он, хотя и склонный признать «документ Ташеро» подлинным, писал в то же время следующее: «Весьма вероятно, однако, что Бланки уступил минутной слабости, не заслуживая этим названия изменника. Его признания, как заметил Прудон, сделанные, когда все уже было кончено, не могут быть названы предательством»³. Действительно, решающую роль играют здесь даты. Если бы Бланки был арестован сразу после восстания 12 мая 1839 г. и дал бы свои показания 22, 23 и 24 мая, то он, разумеется, был бы предателем, так как облегчил бы властям арест и преследование лиц, входивших в Общество времен года. Но Бланки был арестован лишь пять месяцев спустя; и если даже он и дал эти показания 22, 23 и 24 октября, то его никак нельзя назвать предателем. Обширный архивный фонд, относящийся к восстанию 1839 г. и хранящийся ныне в Национальном архиве среди дел, рассматривавшихся Судом пэров, свидетельствует, что к тому времени Общество времен года было разгромлено, все участники восстания арестованы, сотни людей дали показания, все детали, связанные с деятельностью этого тайного общества и подготовкой восстания, были известны. Более того, в конце июня состоялся суд над главными обвиняемыми, причем Барбес был приговорен к смертной казни, и лишь мощные демонстрации студентов и рабочих, в организации которых принял активное участие Дезами, и давление общественного мнения (весьма положительную роль в этом сыграл Виктор Гюго) побудили Луи-Филиппа заменить смертную казнь пожизненным заключением. Таким образом, показания Бланки имели чисто исторически ретроспективный характер, ничего не разоблачали и никого не предавали. Основным аргументом сторонников Бланки, утверждавших, что «документ Ташеро» — фальшивка, был как раз тот, что в нем нет ничего такого, чего бы не знали полиция и власти. Но этот факт легко можно интерпретировать иначе: как свидетельство того, что если даже документ был подлинным, Бланки не сообщал в своих показаниях ничего такого,

¹ Réponse du citoyen Auguste Blanqui. P. 2 // Bibliothèque Nationale. Lb⁵³, 1132 (далее: BN).

² Ibid.

³ Вейль Ж. История республиканской партии во Франции с 1814 по 1870 г. М., 1906. С. 224.

что могло бы повредить кому бы то ни было, и никого не выдавал.

Но Временное правительство рассчитало правильно. Ни враги Бланки, ни его друзья не обратили внимание на даты. Сам факт показаний, данных властям таким непреклонным революционером, каким считали Бланки, казался чудовищным и компрометировал его; а это и было целью публикации «документа Ташеро». Прав был поэтому Бутон, когда писал, что независимо от того, был этот документ подлинным или фальшивым, его использование Временным правительством было подлым приемом в борьбе против Бланки⁴.

Подавляющее большинство Центрального республиканского общества сразу же солидаризировалось с Бланки. В издававшейся Бутоном газете «Часовой клубов» было опубликовано подробное изложение заседания Центрального республиканского общества 3 апреля⁵, которое дает наглядное представление о его позиции. Заседание открыл Бланки, очень спокойный и с улыбкой на лице. Он обратился с просьбой к собравшимся передать обязанности председателя другому члену бюро до опубликования им ответа на выдвинутую против него «гнусную клевету». Со всех сторон раздавались крики: «Нет, нет, оставайтесь нашим председателем!» — и бурные аплодисменты. Лишь после повторного обращения Бланки собрание одобрило его предложение. Председательское место занял Лакамбр. Указав, что все враги республики концентрируют свои усилия против одного человека, Бланки, он далее коснулся враждебной позиции прессы и различных инсинуаций. В качестве примера он привел отчет о предыдущем заседании Центрального республиканского общества 1 апреля, опубликованный в «Коммуне Парижа», в котором выражалось изумление, что Бланки не выступил с конкретными разъяснениями по поводу «документа Ташеро». Лакамбр зачитал написанное им письмо — протест в редакцию этой газеты по поводу недоброжелательного тона отчета, где всячески восхвалял Бланки, «благородная жизнь» которого была посвящена делу освобождения трудящихся. Лакамбр попросил собрание одобрить текст этого письма. Лишь несколько человек выступили против этого предложения, считая, что нужно подождать, пока Блан-

ки представит свое «опровержение». Но подавляющее большинство собрания стоя приветствовало предложение Лакамбра. Дезами также выступил с протестом против «клеветы» на Бланки. Он заявил, что не было ни одного члена Общества времен года, который не знал бы фактов, изложенных в сфабрикованном против Бланки документе. Лакамбр заявил, что Бланки должен не оправдываться, а обвинять.

В защиту Бланки выступили не только члены Центрального республиканского общества и его ближайшие соратники. Его поддержали и многие другие демократические деятели. Среди них особо следует отметить Кабе. В статье «Мои отношения с Бланки», опубликованной в «Популере»⁶, Кабе пишет следующее по поводу «документа Ташеро»: «Должен сознаться, что обвинение показалось мне неправдоподобным, особенно если принять во внимание бедность, крайнюю слабость и длительные муки этого несчастного патриота; так как каждый обвиняемый должен рассматриваться как невиновный, пока его вина не доказана, я считал его невиновным». Когда на следующий день Бланки пришел к нему и попросил пойти с ним к Ташеро, чтобы затребовать текст опубликованного Ташеро документа, то Кабе дал согласие. Они отправились к Ташеро, который, однако, заявил, что он уже вернул этот текст в министерство внутренних дел.

В течение двух недель Бланки готовил свой ответ на «документ Ташеро», который был опубликован лишь 14 апреля⁷. Ответ этот состоял из двух частей. На вторую часть мы уже повторно ссылались. В ней говорилось о взаимоотношениях Бланки с Временным правительством и разоблачались его маневры и интриги. Однако первая часть, посвященная непосредственно опровержению «документа Ташеро», была гораздо слабее. Действительно, опровергнуть этот документ по существу, было делом крайне трудным⁸. Бланки заявлял, что у него не было никаких причин давать показания, поскольку смертная казнь ему не угрожала, тот факт, что он остался бедным, свидетельствует, что он не мог сделать это и ради золо-

⁶ Populaire. 1848. 20 avr. P. 2.

⁷ Réponse du citoyen Auguste Blanqui.

⁸ Уже в наши дни Домманже написал специальную книгу, так и не сумев ничего доказать с очевидной бесспорностью. См.: *Dommanget M. Un drame politique en 1848: Blanqui et le document Tashereau.* P., 1948.

⁴ *Bouton V. Attentat de la police républicaine contre la souveraineté du peuple.* P., Mai 1848. P. 7—8.

⁵ *Sentinelle des clubs.* 1848. 5 avr. N 2. P. 1.

та. Но тут же он упоминал о своей больной жене (которую очень любил), умершей год спустя, не понимая, что тем самым он невольно признавался, что у него была весьма веская причина стремиться поскорее выйти из тюрьмы. Он отмечал некоторые мелкие неточности, сохранившиеся в документе, в частности о количестве участников восстания 12 мая 1839 г. и количестве имевшихся в их распоряжении патронов. Но в основном он подчеркивал два момента: во-первых, что документ не содержит ничего нового, что в нем нет никаких «разоблачений», что он лишь поверхностный обзор событий предшествующих четырех лет; во-вторых, что на документе нет его подписи, и хотя он изложен от имени первого лица, в одном месте о нем, Бланки, говорится в третьем лице. Этот последний аргумент, кстати, был выдвинут уже Лакамбром на заседании Центрального республиканского общества 3 апреля.

В связи с этим мы вынуждены, однако, сказать следующее. Кто работал в Национальном архиве, хорошо знает, что в противоположность протоколам официальных допросов подобные «конфиденциальные показания» всегда были анонимными, никогда не имели подписи, а тот, кто их записывал, писал от первого лица наиболее важные показания, подчас сам резюмируя остальное. Таким образом, если Бланки действительно давал эти показания, то чиновник мог смело резюмировать часть из них в следующей фразе: «Вот таков был план бегства Бланки», излагая далее краткую суть этого плана. Стало быть, этот аргумент не является убедительным. Форма изложения «документа Ташеро» скорее свидетельствует о его подлинности. Убеждение, что «документ Ташеро» — фальшивка, было связано лишь с личностью самого Бланки, пользовавшегося славой неслышаемого революционера. Именно из этого исходили не только его непосредственные соратники, но и такие люди, как Кабе, который прямо заявлял, что не верит в выдвинутые против Бланки обвинения, принимая во внимание «длинные муки этого несчастного патриота».

В конце «Ответа» Бланки была помещена «Декларация», подписанная многими бывшими членами Общества семейств и Общества времен года. В ней отмечалось, что в документе, опубликованном «Ретроспективным обзорением», содержатся лишь факты, давно им всем известные; что эти факты могли быть почерпнуты из досье различных процессов и из исторических работ, а также

сообщены полиции ее агентами, такими, как де ла Оудд, Шеню, Дютертр и др. Подписавшие протестовали против использования документа неизвестного происхождения для дискредитации гражданина, который в течение 17 лет вел непрерывную борьбу, «чи длительные стра-

дания, чья безропотность, чья стойкость в темницах, моральная чистота, скромная и строгая жизнь являются постоянным отрицанием подлых обвинений бесстыжих политических врагов». И здесь, как видим, упор делался на личность самого Бланки. «Декларация» была подписана наряду с другими и такими коммунистами-революционерами, как Симар, Жавело, Флотт, Фомберто, Кюлло, Савари, Готье, Дюфур, Дезами.

Но совершенно несомненно и то, что многие, в том числе и среди революционеров, поверили в подлинность «документа Ташеро». П. В. Анненков по этому поводу писал: «Третья история, занявшая все умы, это публикация в „Revue retrospective“ г. Ташеро... документа, обличающего в Бланки доносчика и мерзавца. Вчера, 3 апреля, в клубе его подписывалось друзьями его письмо, протестация против обвинений, как там названо, клеветнических, Пра(вительств)ва, желающего погубить известного патриота, но Бланки уже потерялся в общественном мнении, ибо документ несомненен»⁹. Так судил не только П. В. Анненков, так судили и многие другие. Даже часть членов Центрального республиканского общества демонстративно порвала с клубом Бланки. Но самым важным было то, что уже 2 апреля в Клубе революции такой выдающийся деятель, как Барбес, чье имя было столь же широко известно, как и имя Бланки, и который пользовался столь же большим авторитетом в революционных кругах, публично заявил о своем убеждении в подлинности «документа Ташеро».

На этом вопросе следует особо остановиться. Чем объяснялась эта позиция Барбеса? Некоторые склонны приписать это идейным разногласиям между «мелкобуржуазным демократом» Барбесом и «пролетарским революционером» Бланки. Другие видят в этом результат постоянной «зависти» Барбеса к своему более выдающемуся современнику. Обе эти точки зрения, однако, совершенно неправомысленны. Вульгарно-социологическое противопоставление «мелкобуржуазного» идеолога Барбеса «пролетарскому» идеологу Бланки ничего не объясняет по существу. Не говоря уже о том, что в течение долгих лет Бланки и Барбес были единомышленниками, совместно руководствуясь единой программой, возглавляли Общество времен года, совместно подготовили восстание 12 мая 1839 г., какие-либо идейные разногласия, если

даже они и были, здесь ни при чем. Ведь в защиту Бланки выступили отнюдь не одни коммунисты-революционеры. Не говоря уже о Кабе, которого вряд ли кто-либо решится причислить к «бланкистам». Бланки в связи с «документом Ташеро» поддерживали и многие подлинно мелкобуржуазные демократы, вроде Дельво, секретаря Ледрю-Роллена, резко осуждавшего опубликование «документа Ташеро» и кампанию против Бланки¹⁰. Достаточно сказать, что с первых же дней в числе безоговорочных защитников Бланки был Распайль, общественно-политические воззрения которого отнюдь не были более передовыми, чем у Барбеса. Столь же несерьезна версия о «зависти» последнего к Бланки. Если верить Домманже, то вся деятельность Барбеса в период революции 1848 г. обуславливалась только этой «завистью». По мнению Домманже, даже передовые политические предложения, выдвигавшиеся Барбесом (получившие, как увидим ниже, самую высокую оценку К. Маркса и Ф. Энгельса), объяснялись исключительно его стремлением во что бы то ни стало «перещеголять» Бланки. Разумеется, все это не имеет ничего общего с наукой.

Арман Барбес был не мелким интриганом, каким его пытались изображать бланкисты, а выдающейся и светлой личностью. Его называли «Баяром демократии», и он действительно был подлинным рыцарем революции. Даже враги признавали его неоспоримые личные достоинства — его беззаветную храбрость, честность, благородство. Бутон, всецело стоявший на стороне Бланки, исключенный из Клуба революции и поэтому озлобленный против сторонников Барбеса, все же открыто признавал, что тот был честным человеком¹¹. В своем очерке о нем он отмечает «его самоотверженную жизнь, его симпатичную натуру, его золотое сердце». Барбес, простой и скромный человек, человек доверчивый, никогда не веривший в лицемерие окружавших его людей, революционер, всегда готовый без какой-либо задней мысли riskовать своей головой¹². На всю Францию звучали гордые слова Барбеса, сказанные им, когда он был приговорен к смертной казни и отказался подать проше-

¹⁰ Delvau A. Histoire de la révolution de février. P., 1850. T. 1. P. 447—448.

¹¹ Bouton V. Attentat de la police républicaine contre la souveraineté du peuple. P., 1848. P. 7—8 // BN. Lb⁵⁴, 148.

¹² Bouton V. Profils révolutionnaires par un crayon rouge. P., 1848—1849. P. 2.

⁹ Анненков П. В. Парижские письма. М., 1983. С. 328.

ние о помиловании: «Живым, кем я был? Простым солдатом, способным выстрелить из ружья, подобно тысяче других. Мертвый, я становлюсь силой». Недопустимо поэтому, защищая Бланки, чернить Барбеса, как это к сожалению, делают многие историки. Необходимо, сохраняя объективность, выяснить, почему этот человек, скорее доверчивый, чем подозрительный, был твердо убежден в подлинности «документа Ташеро» и не скрывал своего глубокого презрения к Бланки.

Конечно, отношения между Барбесом и Бланки испортились еще задолго до опубликования этого документа. Во время восстания 1839 г. Барбес мужественно дрался до конца и лишь раненный попал в руки властей; Бланки же поспешил скрыться и успешно скрывался в течение пяти месяцев. В печально знаменитой тюрьме Мон-Сен-Мишель Барбес был брошен в страшные подземные камеры, где томился и Юбер; Бланки же, туда доставленный, был помещен в надземных этажах, т. е. содержался там в привилегированных условиях. Все это вызывало у Барбеса горечь, тем более, что именно он был против восстания в мае 1839 г., считая его преждевременным. Но чтобы понять, почему Барбес поверил в подлинность «документа Ташеро», следует обратиться к протоколам процесса в Бурже, состоявшегося в марте—апреле 1849 г., на котором судили участников событий 15 мая 1848 г.

На заседании 2 апреля Барбес, ссылаясь на повторные заявления Бланки о клевете на него, обратился к суду с просьбой спросить «этого субъекта», почему он был помилован в 1844 г. и можно ли объяснить это как-нибудь иначе, чем тем, что именно он был автором приписываемого ему документа. Бланки возразил, что он был амнистирован потому, что врач сообщил властям, что если он останется в тюрьме, то проживет не более восьми дней. Барбес заявил, что забота о нем была по меньшей мере странной, так как многие политические заключенные (конкретно он назвал Пакена и Жанна) умерли в тюрьме. Ему же предоставили свободу и содержали в прекрасных условиях за счет государства. Это может быть объяснено только тем, что он сообщил некоторые факты, о которых никто другой не мог знать, и известные только им обоим¹³.

¹³ Procès des accusés du 15 mai devant la Haute Cour de Bourges. P., 1849. P. 140—141.

Мы не привели полный текст стенограммы, так как он носит чересчур компрометирующий для Бланки характер. Но и из этого краткого изложения видно, что имелись две основные причины, заставившие Барбеса поверить в подлинность «документа Ташеро». Прежде всего — амнистия Бланки в 1844 г.; далее — наличие в этом документе фактов, известных лишь только им. Об этом, кстати, Барбес говорил еще год назад, выступая в Клубе революции.

Амнистия Бланки в 1844 г. была действительно весьма странной. Его объяснение, что он был амнистирован в связи с состоянием здоровья, являлось более чем наивным. Революционеры умирали в тюрьмах; даже при самой тяжелой болезни их в лучшем случае госпитализировали, но никогда не амнистировали. Вспомним хотя бы того же Юбера. Большой чахоткой, харкающий кровью, с искривленным позвоночником и больными конечностями, он был лишь временно помещен в Туре в госпиталь, но отнюдь не помилован. Что касается заявления Барбеса, что в «документе Ташеро» есть сведения, известные только им обоим, то Бланки ни тогда, ни в дальнейшем не сумел дать на это никакого ответа. Как видим, Барбес имел веские основания верить в подлинность этого документа.

Бланки в связи с опубликованием «документа Ташеро» совершил также серьезную тактическую ошибку, которая обошлась ему довольно дорого. Для рассмотрения этого дела была создана комиссия, в которую вошли представители различных клубов. По этому поводу Кабе писал: «Меня назначили членом комиссии по расследованию в связи с обвинениями против Бланки, состоявшую из 30—40 граждан; и так как эта комиссия была только комиссией расследования, так как она считалась беспристрастной и даже братски расположенной к обвиняемому, я согласился принять в ней участие, исходя из чувства справедливости и долга, который предписывает братство»¹⁴. Бланки, однако, категорически отказался предстать перед комиссией. На процессе в Бурже он заявил, что поступил так потому, что она состояла из его врагов, что, мягко выражаясь, не соответствовало действительности и противоречило его первоначальному заявлению, что она состояла только из его друзей и поэтому не была достаточно компетентной в глазах общественно-

¹⁴ Populaire. 1848. 20 avr. P. 2.

сти. Этот отказ был многими воспринят как нежелание Бланки, чтобы вопрос о «документе Ташеро» был рассмотрен по существу, как боязнь вопросов, которые могли быть ему заданы.

Но, несмотря на все это, отнюдь нельзя исключить возможность, что «документ Ташеро» был фальшивкой. Однако фальшивка эта, во всяком случае, не была сфабрикована после Февральской революции. Мы точно знаем, что этот документ относится еще к периоду Июльской монархии. Дело в том, что Ташеро после опубликования «Ответа» Бланки возбудил дело о предании его суду за клевету в его адрес. Было начато следствие, которое завершилось только 18 июля 1848 г., т. е. когда Бланки уже сидел в тюрьме. Следствие установило, что документ, опубликованный Ташеро, был копией, снятой в свое время «бывшим секретарем канцелярии председателя бывшей Палаты пэров» Лаландом, почерк которого был опознан целым рядом лиц. Сам Лаланд признал это, указав, что он сделал эту копию по приказу бывшего канцлера Пакье. Пакье со своей стороны заявил, что, возможно, именно он дал такое распоряжение, хотя не помнит, был ли документ, с которого была снята копия, оригиналом или тоже копией. Следует также добавить, что в 1910 г. было найдено письмо Бутона матери Бланки от 15 марта 1857 г., в котором он просил известить «Огюста», что один бывший префект сообщил ему, что документ, опубликованный Ташеро, был составлен в канцелярии полицейской префектуры для процесса «по делу 12 мая на основании заметок, которые ежедневно делал агент Ламьесан, приставленный к Бланки и Барбесу и участвовавший вместе с ними в тайных обществах». Бутон выражал готовность выступить на суде свидетелем и назвать имя префекта, рассказавшего ему об этом¹⁵.

Не вдаваясь в излишние подробности, скажем лишь, что приведенные выше сведения, при всех возможных их толкованиях, с несомненностью свидетельствуют об одном: документ, опубликованный Ташеро, был копией с какого-то документа, составленного еще в период Июльской монархии в связи с событиями 12 мая 1839 г. Быть может, при этом были использованы сведения, полученные от Ламьесана. Правда, этому противоречат два обстоятельства: во-первых, Ламьесан не был после Фев-

ральской революции разоблачен как полицейский агент, во-вторых, в «документе Ташеро» имеется его весьма нежелательная характеристика, которую он вряд ли мог дать сам себе.

Что касается амнистии Бланки в 1844 г., то возможно и такое предположение. Бланки был арестован чересчур поздно, чтобы можно было расправиться с ним радикально, т. е. лишить его жизни. Дело о восстании 1839 г. было уже фактически закрыто, и даже Барбес избежал смертной казни. Тогда власти, быть может, решили избрать другой путь, а именно: дискредитировать Бланки, посеять к нему недоверие среди его сотоварищей, среди членов тайных обществ. Отсюда — его привилегированное положение во время тюремного заключения в Мон-Сен-Мишеле и его столь странная амнистия в 1844 г. Конечно, это только предположение, не подкрепленное никакими фактами, но это единственно возможное предположение, если считать «документ Ташеро» фальшивкой.

Достигло ли Временное правительство своей цели? Нам представляется, что на этот вопрос невозможно дать однозначный ответ. Нельзя отрицать, что опубликование «документа Ташеро» нанесло тяжелый удар Бланки и внесло раскол в ряды революционеров. С Бланки открыто порвали Барбес и его сторонники; отреклась от него даже часть членов его собственного клуба, покинувшая Центральное республиканское общество, во главе с таким влиятельным деятелем, как Ксавье Дюррье, газета которого «Французский курьер» перестала с тех пор быть органом этого общества. Но в то же время нельзя упускать из виду и другую сторону медали. Публикуя «документ Ташеро», Временное правительство как бы официально расписалось в том, что оно рассматривает Бланки как своего врага № 1. А это создало ему широкую рекламу и лишь укрепило его авторитет среди противников правительства и сторонников «социальной революции». Его считали теперь жертвой злобной клеветы, бесстрашным борцом против ретроградной политики Временного правительства и происков реакции.

II

Было бы ошибочно полагать, что «документ Ташеро» предназначался только и исключительно для дискредитации Бланки. Он был направлен против всего коммуни-

¹⁵ Оба документа опубликованы. См.: *Зевакс А.* Огюст Бланки. Пг., 1922. С. 49—51.

стического движения, внушавшего все больший страх Временному правительству, и даже против всех «красных» в целом, чтобы путем дискредитации одного из их главных представителей внести раскол и замешательство в их ряды. И Бланки был, разумеется, прав, когда в своем «Ответе» писал: «Перчатка брошена! Начинается борьба не на жизнь, а на смерть! Республиканы, старые солдаты старинного дела, оставшиеся верными своим принципам, вы, которые не продали свою совесть новым хозяевам за почести, деньги или места, будьте начеку! Пусть мой пример будет вам предупреждением! Сегодня — я, завтра — вы. Горе тем, которые стесняются! Нам всем будут наносить удары — в голову, в сердце, спереди, сзади, неважно куда, но нам будут их наносить»¹⁶.

«Документ Ташеро» был опубликован в разгар все усиливавшейся антикоммунистической истерии. В сущности, эта кампания началась с первых же дней революции, поскольку антикоммунизм во Франции существовал и накануне Февраля¹⁷. Но по мере развертывания революционных событий, по мере роста активности рабочих масс Парижа, по мере усиления движения за «социальную» республику, антикоммунистические настроения, всячески поощряемые политической реакцией, все более возрастали не только среди буржуазных слоев, но и среди мелкобуржуазных обывателей и крестьянства. Мы уже видели, какой поток антикоммунистической литературы — брошюр, памфлетов, листовок — обрушился в марте — апреле на Францию. Но дело этим не ограничилось.

Большой заслугой газеты «Попюлер» являлось то, что она почти в каждом номере сообщала о многочисленных конкретных фактах проявления антикоммунизма и разоблачала их. Приведем лишь некоторые примеры, чтобы лучше уяснить атмосферу, в которой разворачивались в то время политические события.

Уже 25 и 26 февраля на улицах Парижа срывали афиши-обращения Кабе к икарыйским коммунистам, и в этом участвовали не только национальные гвардейцы, но даже учащиеся Политехнической школы и студенты других учебных заведений. В Реймсе комиссар Временного правительства запретил публичное распространение «Попюлера». Уже на восьмой день революции один из членов Временного правительства (очевидно, Ледрю-Роллен)

в присутствии представителей из департаментов заявил: «Безусловно, нельзя было уступить власть коммунистам, которые добиваются упразднения собственности, брака и семьи». Ссылаясь на все эти факты, Кабе писал 7 марта в «Попюлере»: «Таким образом, при первом же известии о прошедшей революции коммунисты стали внушать страх; всюду, где имели место какие-либо эксцессы, насилие, поджоги, разрушение машин — все это вменялось в вину коммунистам»¹⁸.

Уже в первые дни революции в самых различных местах, в том числе на гауптвахтах и в тавернах, раздавались угрозы в адрес коммунистов, а один анонимный памфлет распространял ложный слух о том, что Ледрю-Роллен, вызвав к себе Кабе, пригрозил, что его арестуют и расстреляют в течение 24 часов, если он не прекратит своей пропаганды¹⁹. Многочисленные факты антикоммунистических выпадов приводили и читатели «Попюлера» в письмах в газету. Так, один из них сообщал, что, зайдя к соседу, он предупредил его, что идет в клуб. Находящийся у соседа некий гренадер поинтересовался, в какой именно. Когда тот ответил, что идет в Центральное братское общество, то последний разразился бранью, заявив, что там собираются лишь подонки, что Кабе — глава грабителей, которые хотят поделить все деньги и все имущество, и что необходимо расправиться со всем этим сбродом. Некий Годар выпустил даже специальную афишу, в которой метал громы и молнии против коммунизма, «который под видом стремления к общему благу маскирует свои истинные цели, состоящие в ниспровержении порядка и всего общественного устройства; более того, это несчастье и нищета для всех». Это химеры, практически неосуществимые, от которых должны отмежеваться трудящиеся, если они хотят находиться под защитой правительства республики²⁰.

Не прекращались выпады против коммунизма с церковных амвонов. Так, 12 марта вечером в церкви Сен-Жерве в Париже викарий этой церкви прочел целую проповедь против коммунизма, утверждая, что Кабе и его последователи допускают моральную распущенность, воспитывают своих детей обща, без какого-либо понятия о семейных узах и обязанностях и что они уже осуществляют свою систему на острове Икарии, под кото-

¹⁶ Réponse du citoyen Auguste Blanqui. P. 2.

¹⁷ См.: Иоаннисян А. Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1842—1847 гг. М., 1986. С. 214—221.

¹⁸ Populaire. 1848. 7 mars. P. 1.

¹⁹ Ibid. 16 mars. P. 4.

²⁰ Ibid. 19 mars. P. 4.

рой он подразумевал не что иное, как собрания Центрального братского общества. А в провинции слово «коммунизм» внушало такой страх, что когда в клубе города Перигё раздавался возглас «Да здравствуют коммунисты!», то это вызвало всеобщее негодование, а председательствующий счел, что это или плохая шутка, или провокация²¹.

Все чаще раздавались угрозы в адрес коммунистов. 16 марта около моста Пон-Неф какой-то неряшливо одетый субъект громко вопил: «Кабе бесчестный человек и вор; нужно его убить, так как он хочет нас всех оборотить и обмануть!» Хозяин одного трактира, расположенного недалеко от Хлебного рынка, громко рассуждал об опасной секте коммунистов. Когда посетители возразили ему, что коммунистов нечего опасаться, он заявил, что он внимательно следит за ними, что у него еще осталось четыре пакета патронов и что он намерен убить Кабе и других коммунистических вожakov. В то же время участились случаи, особенно в провинции, когда коммунистов разоружали. В Перигё один рабочий-коммунист, уехав на несколько дней по делам, вернувшись, обнаружил, что национальные гвардейцы передали его ружье командующему местной национальной гвардией, который отказался его вернуть, несмотря на письменное требование капитана того отряда, в котором состоял этот рабочий. В Париже, на одном из караульных постов национальной гвардии, капитан говорил гвардейцам, что поскольку, как утверждают, коммунистов много, то они могут быть и среди них; в таком случае нужно немедленно предупредить, чтобы можно было их изолировать²².

В том же Перигё, где действительно имелась группа активных коммунистов, положение с каждым днем все более обострялось. Оттуда даже были выдворены два комиссара Временного правительства, которых обвиняли в сношениях с коммунистами, причем собирали подписи под протестом в связи с их присылкой. «Консерваторы,— говорилось в сообщении из города,— используют это обстоятельство; обманывая рабочих и крестьян, они заставляют их подписывать этот протест, заявляя: Если вы не хотите, чтобы коммунисты захватили и поделили ваше имущество, то подписывайте, подписывайте! Коммунистов изображают как грабителей и поджигателей, которые хо-

тят все предать огню и жаждут крови. Отсюда страх и паника; отсюда крики: „Коммунистов в воду!“»²³.

27 марта в Париже от 400 до 500 рабочих-басонщиков отправились в мэрию, чтобы изложить свои жалобы в связи с безработицей и нуждой и просить, чтобы не упразднили золотые и серебряные эполеты, изготовление которых обеспечивало их работой. Что им сказали в мэрии, неизвестно, но, выйдя из Ратуши, они стали кричать на площади, что у них нет работы из-за коммунистов, что они причина их нужды. Раздавались возгласы: «Долой коммунистов! Долой Кабе, пойдем повесим его!» Накануне, в воскресенье, в той же церкви Сен-Жерве другой кюре также посвятил свою проповедь нападкам и клеветам на коммунизм. «Сперва он заявил, что невозможно установить равенство и что единственно, что нужно,— это благотворительность и подавание. Потом он стал утверждать, что коммунисты добиваются раздела всех земель, всех домов, всех денег». Если такое говорилось в Париже, то следует ли удивляться, что в Пуасси распространялись слухи, что коммунисты хотят захватить ряд кантонов департамента Сены и Уазы, чтобы предать все разграблению, что уже видели их, производящих обмен земель, с тем чтобы их поделить²⁴. Из Ренна также сообщали: «Коммунизм внушает привилегированным классам страх, который даже трудно представить; 27 марта распространился слух, что 1800 коммунистов намерены организовать всеобщий грабеж»²⁵.

Систематические атаки на коммунизм продолжала вся буржуазная пресса. Характерный тому пример следующее высказывание газеты «Республика»: «Социалисты... всюду вмешиваются, всюду проникают. Это настоящее масляное пятно, растекающееся из Парижа до самых отдаленных провинций, или, если хотите, это чума, которая подточит общество, если ее во время не остановить. Социалисты не ограничиваются тем, что наводняют нас своими теориями, они захватывают бюро клубов. Они разгагольствуют в кордегардиях, на своих собраниях и даже, как они сами охотно это признают, в лоне семейств. Если так будет продолжаться, вы увидите, как они взберутся по лестницам Ратуши, захватят правительство и обнародуют декреты, которые повергнут в оцененение Францию и всю

²¹ Ibid. 23 mars. P. 3.

²² Ibid.

²³ Ibid. 26 mars. P. 2.

²⁴ Ibid. 30 mars. P. 3, 4.

²⁵ Ibid. 2 avr. P. 2.

Европу»²⁶. Антикоммунистические выступления имели место и в различных правых клубах. Так, 31 марта председатель Клуба свободных людей (Club des Hommes libres) Лефевр, открывая заседание, произнес длинную речь против коммунизма и коммунистов, заявив, что их доктрины являются подрывными, что они ведут к разрушению общества, что осуществление подобных теорий имело бы роковые последствия, что необходимо всеми силами им противодействовать²⁷.

Продолжали распространяться самые невероятные слухи. 29 марта в Сент-Антуанском предместье из лавки в лавку, из мастерской в мастерскую ползли слухи, что Кабе и Распайль хотят свергнуть правительство. 30 марта на площади Лувра, среди собравшихся там людей, один хорошо одетый буржуа утверждал, что Кабе скрывает свою игру, что он хочет сыграть роль Робеспьера, чтобы уничтожить собственность силой. Он говорил также, что Бланки требует отсрочки выборов, чтобы иметь время разрушить столицу²⁸. Все более усиливались антикоммунистические настроения в национальной гвардии: в некоторых ее отрядах требовали от вступающих присяги не только на верность республике, но и в том, что они не допустят установления коммунизма²⁹. В шестом легионе, например, решено было задавать кандидатам семь вопросов. Шестой из них гласил: «Если коммунисты, перейдя от доктрины к делу, выйдут на улицу, чтобы добиться торжества своей системы, будете ли вы видеть в этом выступлении легальное выражение народного мнения? Что вы будете делать в случае такого выступления?» Провокационный характер подобного вопроса вряд ли требует особых пояснений. А вот что происходило на собраниях национальной гвардии, посвященных выборам командиров. Один икареец был выдвинут на должность капитана. Но когда это выдвижение уже состоялось, ему неожиданно был задан вопрос, не является ли он коммунистом. Когда он ответил утвердительно, поднялся невероятный шум. Хотя он заверял, что был приверженцем «мирного» икареецкого коммунизма, шум не прекращался, и он вынужден был снять свою кандидатуру. А один свидетель утверждал даже, что в Тулузе в его присутствии отряд

национальной гвардии поклялся истребить всех коммунистов города³⁰.

В своих предвыборных воззваниях буржуазные кандидаты в депутаты Национального собрания также вели огонь по коммунизму. Так, некий Тюрк закричал: «Не посылайте коммунистов в Учредительное собрание... Плохо понимая принципы братства и равенства, будучи представителями сторонников аграрного закона, они, считая себя хозяевами нашего будущего, являются на самом деле людьми прошлого... не способствуйте им в достижении высокого положения, чтобы они могли нападать на собственность, эту великую и священную основу общества и семьи»³¹. А другой кандидат Корнемен призывал: «Отвергнем коммунистов. Это дикие мечтатели, перед которыми открыты только две дороги: одна ведет в Брест, другая — Шарантон», т. е. или на каторгу, или в сумасшедший дом³².

В многочисленных письмах из провинции местные икарыйцы извещали «Попюлер» о все усиливавшихся антикоммунистических настроениях. Из департамента Вар писали: «Богатеи и священники объединяются, чтобы клеветать на коммунистов и преследовать их; кандидаты в Учредительное собрание распространяют самую ужасную клевету в адрес коммунистов». Из Монпелье сообщали: «Мы жертвы самой разнообразной клеветы... Не брезгают ничем, чтобы порицать коммунизм и заставить его ненавидеть». То же было в Гавре. «Здесь коммунистов преследуют. Некто Сель, изображающий себя близким другом Ледрю-Роллена, клеветает на коммунизм во всех клубах». В Руане икарыйцы основали клуб под названием «Центральный демократический комитет», в который вошли также буржуазные и мелкобуржуазные республиканцы, сторонники «Националя» и «Реформы». Вскоре, однако, они в ультимативной форме потребовали удаления коммунистов, и те вынуждены были покинуть ими же созданный клуб³³.

Против коммунизма единым фронтом выступали и легитимисты, и орлеанисты, и буржуазные республиканцы, и многие мелкобуржуазные демократы. «Попюлер» приводил даже такие интересные факты. Легитимист ви-конт Ларошфуко не только в опубликованной им брошю-

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid. P. 3.

²⁸ Ibid. P. 3, 4.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid. 6 avr. P. 3, 4.

³¹ Ibid. P. 4.

³² Ibid. 9 avr. P. 4.

³³ Ibid. 13 avr. P. 3, 4.

ре обрушивался на «подрывные доктрины», угрожающие всей Европе, но и, переодевшись в костюм рабочего, на площади Ратуши, среди собравшихся там групп, поносил коммунизм и коммунистов. Другой легитимист, также переодетый, возбуждал народ против коммунизма на улице Сен-Жак, т. е. в Сент-Антуанском предместье³⁴. Одилон Барро, выступая на предвыборных собраниях, не жалел самых сильных эпитетов в адрес коммунизма и коммунистов, которые, по его словам, все без исключения являются опасными людьми, пьяницами и бездельниками. К сожалению, и самая левая демократическая печать лила воду на антикоммунистическую мельницу. 6 апреля даже орган Распаяля «Друг народа» (L'Ami du peuple) опубликовал статью, в которой осуждались люди, желающие нечто большего, чем республика, стремящиеся создать правительство, которое бы взялось осуществить их утопии; все это может привести к гражданской войне. Если подобные бредни можно сегодня еще терпеть, то после созыва Национального собрания они должны рассматриваться как преступление. «Попюлер» справедливо указывал на антикоммунистический характер этой статьи³⁵.

В своих передовицах Кабе так резюмировал антикоммунистическую кампанию, все усиливавшуюся и в Париже и в департаментах: «Всюду кричат: долой коммунистов!.. Против нас нагромождают больше клеветы, больше оскорблений, больше угроз, чем их нагромождали в течение 30 лет Реставрации и Июльской монархии»³⁶. «Вы взываете к республике и демократии, вы пишете на ваших знаменах, на ваших декретах и на ваших зданиях „Свобода, Равенство, Братство“ и вы отлучаете коммунистов, вы обращаетесь с ними, как с париями и отверженными. Вы обращаетесь с ними, как с отлученными, как с осужденными на изгнание, поскольку сейчас всюду — в департаментах и в Париже, хотя не допустить коммунистов в командный состав Национальной гвардии и в Национальное собрание... их исключили бы, если бы могли, из всех предвыборных собраний, отрешили бы от всех должностей; им запретили бы, если только осмелились, пользоваться словом и пером, лишили бы трибуны и оружия. Повсюду задают вопрос, являетесь ли вы коммунистом? И если тот, к кому был обращен этот вопрос,

отвечает утвердительно, его голос тотчас же заглушается неистовыми криками, ему не дают говорить, его осыпают оскорблениями или удаляют с трибуны и даже из зала, а иногда угрожают физической расправой... И это аристократия, иначе говоря, буржуазная аристократия, которая устраивает эти заговоры и клеветает, злоупотребляя доверчивостью народа, которого она с коварной ловкостью превращает в свое орудие»³⁷. Кабе выражал особое беспокойство в связи с попытками буржуазной реакции (не всегда безуспешными) вести антикоммунистическую агитацию среди рабочих. «Несчастные рабочие, вас обманывают, злоупотребляя вашим чистосердечием, когда хотят заставить вас поверить, что коммунисты — ваши враги, в то время как из всех людей это те, кто вас наиболее искренне любит, кто является вашими настоящими братьями, кто наиболее горячо желает вашего счастья... Посмотрите же, кто настраивает вас против ваших товарищей? Разве это, как правило, не аристократы и не привилегированные?»³⁸

Мы привели лишь несколько более или менее разрозненных примеров, относящихся ко второй половине марта и первой половине апреля и почерпнутых только из одной газеты — «Попюлер». Но думается, что и этого достаточно для того, чтобы охарактеризовать ту атмосферу антикоммунизма, которая царилла во Франции. Отметим лишь одно немаловажное обстоятельство, на которое обратила внимание газета «Голос клубов», писавшая еще 13 марта: «Ряд газет, имеющих общеизвестные связи с разными членами правительства, весьма грубо нападают на социализм вообще и на коммунизм в частности»³⁹. Действительно, антикоммунистическую кампанию явно инспирировали некоторые члены Временного правительства. В условиях этой поощряемой сверху антикоммунистической истерии и развивались последующие события.

III

Если на первых порах народная манифестация 17 марта внушила сторонникам «социальной» республики большие надежды, то не прошло и нескольких дней как наступило горькое разочарование. Выборы в Национальное

³⁴ Ibid. 23 mars. P. 4.

³⁵ Ibid. 13 avr. P. 2, 4.

³⁶ Ibid. 6 avr. P. 1.

³⁷ Ibid. 9 avr. P. 1.

³⁸ Ibid. 13 avr. P. 1.

³⁹ Voix des Clubs. 1848. 13 mars. N 2. P. 2.

собрание были отложены не до 31 мая, а всего на две недели. Другие неопределенные обещания и формальные уступки Временного правительства все более выявляли свою суть как маневры, рассчитанные лишь на то, чтобы выиграть время. Вопреки данным обещаниям в Париж были введены воинские части. В то же время все более оживлялась политическая реакция. Неудивительно, что уже с конца марта возобновляется критика Временного правительства со стороны «красных» клубов и «красной» печати. Самую активную роль в этой политической борьбе играли коммунисты.

В первых рядах опять-таки был Кабе. Если вечером 17 марта на заседании Центрального братского общества Кабе охарактеризовал состоявшуюся утром манифестацию как крупную победу народа, осознавшего, что его сила в единстве⁴⁰, если в подобном духе был составлен подробный отчет, опубликованный в «Попюлере» 19 марта⁴¹, то уже 23 марта Кабе помещает в «Попюлере» обращение к Временному правительству, содержащее резкую критику в его адрес⁴². Манифестация 17 марта не ставила цель — свергнуть правительство; она лишь стремилась указать ему правильный путь. «Но вы продолжаете подвергать все опасности... мы с прискорбием констатируем ваши заблуждения, вашу политическую неопытность, вашу нерешительность». «Вместо того чтобы чисто-сердечно и храбро стать во главе революции, ею руководить, вы как правительство в целом самоустраниваетесь, ограничиваясь деятельностью отдельных министров, рассеянных по министерским дворцам, окруженных куртизанами и просителями. Это громадная, колоссальная, чудовищная ошибка, из которой проистекают все другие. Вы почти ничего не делаете, кроме того, что произносите речи». Оживляется контрреволюция. «Быстро растет пужда, и ее используют как аргумент против республики».

В следующем номере «Попюлера» Кабе публикует еще более резкое по тону обращение к Временному правительству⁴³. Правительство подвергает опасности революцию и республику. 24 февраля оно взяло на себя обязательство довести революцию до конца и провозгласило демократию и суверенитет народа. «Если бы вы были твердыми, решительными, смелыми, настоящими револю-

ционерами и демократами, вы полностью положились бы на героический и великодушный народ... Вы бы, как говорится, ковали железо, пока оно было горячо». Однако «вместо того чтобы всюду проявлять благотворную активность, вы оставались как бы неподвижными; вы ничего не сделали или почти ничего не сделали, а вернее, вы допустили, чтобы со всех сторон вокруг вас возродилось зло». Очнувшись от первого испуга, контрреволюция воспряла духом и выступает уже без прикрытия; она использует тяжелое экономическое положение, чтобы возбудить ненависть к республике. «Но разве не вы являетесь истинной причиной всех этих бед? Разве не в ваших руках вся национальная власть? Кто принудил вас взять в свои руки руль правления? Разве вы не взяли на себя обязательство спасти государственный корабль?» Сейчас торопятся провести выборы в Национальное собрание. «Но необходимыми не просто выборы, необходимы хорошие выборы. Необходимо не просто Национальное собрание, необходимо хорошее, настоящее Национальное собрание, так как плохие выборы, плохое Национальное собрание лишь усугубили бы зло, вместо того чтобы его упразднить». Если выборы будут фальсифицированы, а так называемое Национальное собрание будет контрреволюционным, это будет означать конец республики: «...демократия исчезнет, чтобы уступить место буржуазной аристократии, и ваши прекрасные прокламации окажутся лишь ложью».

30 марта Кабе публикует третье обращение к Временному правительству. Повторяя, что было необходимо сразу же после революции, опираясь на народ, двигаться смело вперед, он писал: «Необходимо было на всех парусах двинуться по пути социальных реформ». Нужно было сразу же подумать о материальных и моральных интересах народа, принять меры, чтобы немедленно улучшить его жизненные условия и одновременно заняться его образованием. Ничего этого не было, однако, сделано⁴⁴.

Эти же идеи Кабе излагал и в Центральном братском обществе. На заседании 24 марта он прямо упрекал Временное правительство в том, что оно не ступило с первых же дней «на открыто революционный путь», что оно не захотело чисто-сердечно и без колебаний опереться на народ и осуществить демократию. К несчастью, это не

⁴⁰ 3^e discours du citoyen Cabet. P. 9–10.

⁴¹ Populaire. 1848. 19 mars. P. 1–2.

⁴² Ibid. 23 mars. P. 1–2.

⁴³ Ibid. 26 mars. P. 1–2.

⁴⁴ Ibid. 30 mars. P. 1.

было сделано, было потеряно драгоценное время, и в результате враги республики вновь подняли голову⁴⁵.

Если Кабе вел и в «Попюлере» и в Центральном братском обществе глобальную атаку на Временное правительство, то в других клубах и в демократической печати резко критиковались его отдельные конкретные мероприятия.

Большое возмущение вызвало то обстоятельство, что Временное правительство нарушило обещание, данное, как всем казалось, 17 марта, не вводить в Париж войска. В этом отношении характерна сцена, происшедшая 22 марта на заседании Республиканского клуба трудящихся. «При известии о вступлении полков в Париж вопреки обязательству, взятому на себя Временным правительством, в результате выступления, предпринятого 17 числа этого месяца 300 тысячами гражданами... все собрание единодушно встает и выражает протест против этого покушения на общественную безопасность»⁴⁶. Аналогичные протесты выражали и другие клубы.

Все большее недовольство вызывала и деятельность административных органов. Некоторые мэры чинили всяческие препятствия записи рядовых граждан в национальную гвардию и в избирательные списки. Большинство комиссаров, назначенных Временным правительством, отнюдь не содействовали проведению демократических выборов. Возмущало и то, что юстиция тоже оставалась в руках прежних судебных чинов, назначенных еще при монархии. В открытом письме, адресованном министру юстиции Кремье и опубликованном в «Голосе клубов»⁴⁷, Виктор Бутон задавал ему вопрос: «Вы являетесь министром юстиции, но какой юстиции? Революционной юстиции? Кто ее представляет, полиция? Республиканской юстиции? Какова же ее организация? Представляет она нечто новое? Или же это то же орудие управления, организованное свергнутой властью, чтобы подавлять все демократические силы? Да, это именно так. Остаются в силе все старые законы; продолжает считаться преступлением и возбуждение ненависти между отдельными классами общества, обвинение, столь охотно использовавшееся властями Июльской монархии. Если завтра кто-либо будет привлечен к ответственности за политический проступок, перед ним будет тот же проку-

рор, то же жюри, тот же закон, тот же судья, тот же жандарм».

Начавшая выходить 10 апреля новая «красная» газета «Отец Дюшен» в своем первом номере писала: «Большая вина Временного правительства состоит в том, что оно не нанесло беспощадного удара по персоналу государственного аппарата, судебскому, военному, административному». Говорят, что государственные служащие признали республику. Но ведь это сплошная ложь; «если они с нами братуются, если они шагают рядом с нами, то это только для того, чтобы легче нас предать при первом удобном случае; если они нас обнимают, то только для того, чтобы крепче нас задушить»⁴⁸.

Особое недовольство вызывала финансовая политика Временного правительства. Сразу же после манифестации 17 марта стало известно, что накануне правительство приняло декрет об увеличении на 45% четырех прямых налогов. Прогрессивные клубы немедленно поняли, какую опасность представляет это дополнительное обложение для судеб революции и для республики, поскольку оно не могло не содействовать росту антиреспубликанских настроений среди широких масс крестьянства. 23 марта этот вопрос обсуждался в Центральном республиканском обществе. Почти все выступавшие ораторы осуждали этот дополнительный налог, считая его «гибельным». Собрание потребовало отменить этот декрет. 4 апреля Клуб революции Барбеса принял обращение к правительству, в котором выражал в этой связи свое беспокойство «вместе со всем трудящимся народом». «Действительно,— говорилось в обращении,— этот налог особенно задевает интересы... мелких сельских собственников и сельских трудящихся... Этот дополнительный налог вызвал в большинстве департаментов такое сопротивление, что многочисленные земледельцы и мелкие собственники заявили, что они отказываются его платить. Кроме того, этот налог противоречит социальному равенству, которым должна руководствоваться республика, а также республиканской налоговой политике, которая должна возлагать на привилегированных все налоговое бремя, избавляя от него трудящийся народ». Клуб потребовал освободить всех малоимущих налогоплательщиков от этого дополнительного сбора⁴⁹.

⁴⁵ Père Duchêne: Gazette de la Révolution. 1848. 10 avr. N 1. P. 1—2 // BN. Lc³, 1772.

⁴⁹ Wassermann S. Les Cubs de Barbès et de Blanqui en 1848. P., 1913. P. 98—100.

⁴⁵ 4e discours du citoyen Cabet. P. 7—8.

⁴⁶ Voix des Clubs. 1848. 24 mars. N 15. P. 1—2.

⁴⁷ Ibid.

Выражая общее мнение, «Голос клубов» 22 марта в передовой статье, обращаясь к Временному правительству, писал: «Меры, которые вы приняли, особенно предложенные министерством финансов, являются неправильными, неполными, иллюзорными, опасными... Вы имели право заставить платить праздных капиталистов... обложить наиболее богатых налогом в одну десятую доходов. Вы этого не осмелились сделать. Но вы увеличили на 45 сантимов на каждые 100 взносы мелкого земледельца, который в настоящее время может с трудом выплачивать даже нормальный налог»⁵⁰.

7 апреля «Часовой клубов» констатировал: «Дополнительный налог в 45 сантимов вызвал единодушное осуждение. Его считают антинародным, так как он наносит ущерб мелким сельским собственникам, которых он защищает против республики». В этом же номере была опубликована статья вице-председателя Центрального республиканского общества Лакамбра. «И вы хотите, чтобы провинция любила республику? И вы хотите, чтобы она ее не ненавидела, не боролась бы против нее всеми силами... Декретируют, я содрагаюсь, думая об этом, налог в 45 сантимов на земельную собственность... И в то время как вы так обременяете производителей, ратные, биржевые воры, ажиотеры, государственные кредиторы, держатели различных акций, владельцы общественного богатства, грабители народа — все они остаются, как и раньше, освобожденными от всяких налогов, всякой работы, всякого производства»⁵¹.

«Красные» клубы и возглавлявшие их демократические деятели чувствовали себя обманутыми. Они видели, что народная манифестация 17 марта, на которую они возлагали такие надежды, не дала никаких конкретных результатов. Политические мероприятия правительства, направленные против интересов народных масс и не затрагивавшие привилегий буржуазии, вызывали все большую критику. И в то же время усиливались опасения в связи с активизацией буржуазной реакции, явно стремившейся ликвидировать даже самые скромные социальные завоевания Февральской революции. «Буржуазия, — справедливо писал тот же „Часовой клубов“, — пребывает в невероятном гневе и сверхвозбуждении; ее привилегии, ее средства эксплуатации находятся под угрозой; она

предпочитает пролить последнюю каплю крови, чем лишиться хотя бы одного сантима своих прибылей, которые она приучена получать за счет пота народа»⁵². Разнужданная антикоммунистическая кампания являлась наиболее ярким проявлением реакционных тенденций, которые с каждым днем набирали силу.

В создавшихся условиях созревала мысль о необходимости нового совместного выступления. Инициативу проявил коммунистический Клуб неподкупных, клуб Деланта и Пийо. Он обратился к другим клубам с призывом собраться 2 апреля в 2 часа на площади Шатле на братский банкет, прислать туда или делегации, или прийти в полном составе с развернутыми знаменами⁵³. 2 апреля под проливным дождем собрание действительно состоялось, так как ряд клубов откликнулся на это приглашение⁵⁴.

Брожения, наблюдавшиеся в клубах, недовольство политикой Временного правительства, тяжелое экономическое положение, усиление буржуазной реакции и все большее пренебрежение к социальным чаяниям широких масс привели к новому народному выступлению, состоявшемуся 16 апреля.

История этого выступления — одна из наиболее темных страниц революции 1848 г., несмотря на обилие источников, включая и мемуарную литературу. Оно не было заранее подготовлено клубами, как манифестация 17 марта. Правда, 11 апреля на заседании Общества прав человека и гражданина было внесено предложение организовать новую народную демонстрацию для оказания давления на Временное правительство, однако оно не было принято. В выступлении 16 апреля главную роль сыграли рабочие корпораций, связанные с Люксембургской комиссией.

На 16 апреля было назначено избрание рабочими корпорациями 14 офицеров генерального штаба национальной гвардии. Предполагалось, что в этот день на Марсовом поле соберутся десятки тысяч рабочих. Во что может вылиться это собрание, понимали и члены Временного правительства, и руководители клубов.

⁵⁰ Ibid.

⁵³ Archives nationales. C. 941. Этот призыв опубликован в: *Commune de Paris. 1848. 1 avr. N 24. P. 3.*

⁵⁴ *Lucas A. Les clubs et les clubistes: Histoire complète, critique et anecdotique des clubs et des comités électoraux, fondés à Paris depuis la Révolution de 1848. P., 1851. P. 171.*

⁵⁰ *Voix des Clubs. 1848. 22 mars. N 11. P. 1.*

⁵¹ *Sentinelle des Clubs. 1848. 7 avr. N 3 P. 2.*

В дни, предшествовавшие собранию на Марсовом поле, происходили многочисленные встречи и секретные совещания между представителями различных политических течений, о которых, несмотря на обилие мемуаров, нам доподлинно ничего не известно, не говоря уже о том, что некоторые сведения об этих совещаниях (например, между Флоттом и Коссидьером, между Бланки, Кабе и Распайлем), судя по всем другим данным, не являются достоверными. Из всех этих встреч, подлинность которых нельзя ставить под сомнение, наиболее примечательны переговоры Барбеса с Ледрю-Ролленом и беседа Бланки с Ламартином.

Встреча Ламартина с Бланки состоялась в шесть часов утра 15 апреля в здании министерства иностранных дел. О ней мы знаем почти исключительно из мемуаров Ламартина, за точность которых ручаться, конечно, трудно. Если верить Ламартину, их беседа была вполне успешной; Бланки будто бы согласился с ним, что недопустимы никакие попытки установления диктатуры и что следует обеспечить в нормальных условиях созыв Национального собрания. Тот же Ламартин год спустя подтвердил это на процессе в Бурже, заявив, что они с Бланки пришли к соглашению по всем пунктам. Хотя это показание и было весьма благоприятным для Бланки, который со скамьи подсудимых даже поблагодарил Ламартина кивком головы, но вряд ли оно соответствовало действительности. Самовлюбленному поэту могло, конечно, казаться, что он своим красноречием убедил Бланки, но вряд ли тот дал ему какие-либо гарантии относительно своего «мирного» поведения.

Что касается переговоров Барбеса с Ледрю-Ролленом, то они были непосредственно связаны с политическими проектами, усиленно обсуждавшимися в те дни. Жорж Санд говорила о четырех различных «заговорах», назревавших в то время. С уверенностью можно утверждать лишь следующее. Почти несомненно, что Луи Блан думал использовать собрание десятков тысяч рабочих на Марсовом поле. Среди рабочих корпораций, связанных с Люксембургской комиссией, он пользовался большим влиянием. Он стремился, чтобы это собрание вылилось в демонстрацию, которая потребовала бы от Временного правительства создания «министерства прогресса», т. е. вместо временной и бесправной Люксембургской комиссии наделенного всеми полномочиями государственного органа, который он должен был возглавить. Это подтвержда-

ется словами Гарнье-Пажеса, что в случае выполнения этого требования, умеренные члены Временного правительства вынуждены были бы подать в отставку. Может быть, это и составляло тайную цель Луи Блана.

Ледрю-Роллен со своей стороны какое-то время думал использовать собрание 16 апреля для реорганизации Временного правительства и удаления из него хотя бы некоторых умеренных министров, что привело бы к фактическому переходу власти в его руки. В этих целях он вел переговоры со многими представителями демократических течений. К тому времени Барбес был избран командиром 12-го легиона национальной гвардии, что было воспринято как большая победа демократических сил. Поэтому Ледрю-Роллен был особенно заинтересован привлечь его на свою сторону.

Конечно, Бланки, да и не только он, а и все коммунисты-революционеры, все «красные» клубы искали случая изменить существующее политическое положение, особенно накануне выборов в Национальное собрание. О заседании Центрального республиканского общества 15 апреля мы располагаем лишь косвенными данными, поскольку протокол заседания не сохранился, но и они свидетельствуют о большом возбуждении, царившем в этом клубе, где много говорилось о манифестации, которая должна была состояться на следующий день. Один из выступавших даже заявил, «что пришло время, чтобы те кто осуществлял революцию, воспользовались ее результатами, что они больше не будут терпеть, чтобы революцию присвоили богатые, собственники, буржуа, что завтрашний день должен быть днем действий»⁵⁵. Сохранилась запись о заседании 15 апреля Клуба революции, сделанная, очевидно, полицейским агентом⁵⁶. Председательствовал Барбес, обсуждался тот же вопрос. «Речь шла о том, чтобы собраться на Марсовом поле, чтобы отправить оттуда делегацию к Временному правительству, дабы выразить ему серьезное недовольство всей революционной части народа и потребовать отзыва департаментских комиссаров, чьи реакционные тенденции очевидны. Этот демарш должен иметь также цель добиться изменения состава Временного правительства, сохранив некоторых его членов и удалив тех, кто по слабости и неспособности ухудшают положение». Было сочтено, одна-

⁵⁵ Wassermann S. Op. cit. P. 125.

⁵⁶ Rapport de la commission d'enquête... II, 104.

ко, целесообразным, прежде чем принять решение об участии клуба в этой манифестации, получить о ней дополнительные сведения. Как видим, в клубе Бланки говорили о 16 апреля, как о «дне действий», а в клубе Барбеса — о необходимости изменения состава Временного правительства. Но характерно, что ни тот ни другой клуб не приняли официального решения об участии в демонстрации рабочих корпораций. А Центральное братское общество Кабе, бывшее в свое время инициатором манифестации 17 марта, вообще в этот день не заседало.

16 апреля собравшиеся на Марсовом поле рабочие корпорации двинулись к Ратуше, где находилось Временное правительство. К ним присоединились члены многих клубов, и в первую очередь Центрального республиканского общества. Сам Бланки прибыл на Марсово поле с группой своих сторонников. На процессе в Бурже он объяснял это тем, что хотел воспользоваться случаем для распространения «Ответа» на «документ Ташеро». Разумеется, это объяснение было чересчур пафосным. Несомненно, он преследовал другие цели, но какие? Вынашивал ли он действительно в тот день планы захвата власти? Обвинительное заключение, впоследствии ему предъявленное, ставило вопрос именно так, но, несмотря на все старания следственных властей, не приводило никаких убедительных доказательств. Мы знаем, что Бланки отнюдь не был инициатором демонстрации и что она носила мирный характер. Вряд ли такой опытный революционер, как Бланки, стал бы строить планы захвата власти с помощью безоружных людей. Правда, кое-кто из современников утверждал, что среди демонстрантов были и некоторые члены Центрального республиканского общества, имевшие при себе скрытое оружие. Очевидно, Бланки просто наблюдал за ходом событий, чтобы в случае, если бы они приняли благоприятный оборот, попытаться вмешаться и взять инициативу в свои руки.

Но сразу же выяснилось, что на это рассчитывать не приходится: участь этой наспех организованной демонстрации была predetermined заранее из-за отступничества Ледрю-Роллена. Если он первоначально и строил планы использования демонстрации рабочих корпораций для изменения состава правительства, то затем отказался от них. Он все более опасался, что это движение не только укрепит позиции Луи Блана, но и даст возможность Бланки захватить власть. Уже 15 апреля на заседании Временного правительства он предупредил своих коллег,

что Бланки может воспользоваться собранием рабочих корпораций на Марсовом поле для провоцирования восстания. 16 апреля утром после длительной беседы с Ламартином он окончательно решил сорвать манифестацию и поэтому дал согласие на созыв национальной гвардии. Национальная гвардия, поднятая по тревоге, заняла площадь и все улицы, примыкающие к Ратуше. Демонстранты, шедшие к Ратуше, кое-как продвигались мимо шеренг вооруженных национальных гвардейцев. Манифестация, на которую многие возлагали надежды, была сорвана.

Одной из главных жертв маневра Ледрю-Роллена оказался Барбес наряду с рядом других демократических деятелей, с которыми тот до этого вел переговоры. Когда стали бить сбор национальной гвардии, Барбес также вывел 12-й легион, которым командовал. Он был уверен, что идет поддержать левое крыло Временного правительства, решившее отделиться от умеренных. На деле же вышло, что национальная гвардия, включая и его легион, выступила в защиту всего Временного правительства. «Так объясняется, — пишет по этому поводу Домманже, — странная роль щита, сыгранная Барбесом без его ведома. Он вскоре заметил, что был одурачен интриганом и умеренными, но было слишком поздно»⁵⁷. Таким образом, даже Домманже, стремящийся всячески очернить Барбеса, вынужден признать этот факт. Между тем на процессе в Бурже подручные Бланки вроде Флотта, обвинявшие Барбеса в недостойном поведении по отношению к Бланки, сами всячески стремились использовать тот факт, что Барбес вывел 16 апреля на улицу свой 12-й легион, для его дискредитации, что тоже было, по меньшей мере, недостойным приемом.

Демонстрация 16 апреля интересует нас, однако, прежде всего под углом зрения нашей темы. Она существенно отличалась от народной манифестации 17 марта, когда выдвигались лишь чисто политические требования, отсрочка выборов в Национальное собрание и демилитаризация Парижа. 16 апреля речь шла уже о социальных требованиях. Демонстранты несли плакаты с лозунгами: «Истинная организация труда». «Покончить с эксплуатацией человека человеком». О том же говорилось в их петиции. Это означало не что иное, как требование ко-

⁵⁷ *Dommanget M. Auguste Blanqui et la révolution de 1848. P., 1972. P. 126.*

ренного общественного переустройства, упразднения буржуазного общества, создания нового общественного строя. Неудивительно поэтому, что эта демонстрация была воспринята как «коммунистический заговор». Независимо от того, существовал ли такой заговор или нет, в тот день на улицу действительно вышли две противоборствующие силы — противники и сторонники буржуазного порядка. 16 апреля явилось предвестником грандиозной классовой битвы между буржуазией и пролетариатом, разразившейся в Париже в июне.

Луи Менар, очевидец событий и друг Луи Блана, сблизившийся с Бланки, знакомый с Марксом и Энгельсом, опубликовал с декабря 1848 г. по февраль 1849 г. серию фельетонов, изданных затем отдельной книгой, в которых по свежим следам излагал события первых месяцев революции. По поводу 16 апреля он писал: «В один момент и как бы по договоренности всюду распространился слух, что 200—300 тыс. коммунистов собрались на Марсовом поле во главе с Кабе, Распайлем и Луи Бланом и что они, вооруженные, движутся к Ратуше, чтобы свергнуть Временное правительство»⁵⁸. Кабе тоже сообщал, что в тот день всюду ходили слухи, «что 200—300 тыс. коммунистов собрались на Марсовом поле, что среди них находились Бланки, Распайль и Луи Блан, что я, Кабе, тоже находился там и что меня видели даже верхом на коне, что все эти разбойники идут вооруженные на Ратушу, чтобы низвергнуть Временное правительство, что они намерены грабить, убивать и поджигать»⁵⁹. Газета «Мессаже» писала, что хотели повторить демонстрацию 17 марта, но в пользу Бланки, Кабе и Луи Блана. Газета «Конституционель» утверждала, что целью манифестации было установление «коммунистической диктатуры»⁶⁰. Газета «Консерватер де ла републик» сообщала, что в ряды рабочих проникли «коммунисты-материалисты», чтобы развязать гражданскую войну; если бы им удалось захватить власть и осуществить свою «отвратительную систему», то Франция скатилась бы в ужасную пропасть⁶¹. Все буржуазные газеты освещали демонстрацию 16 апреля как «коммунистическое движе-

ние». А «красная» газета «Голос женщин» констатировала: «Недоброжелательные слухи искусно распространялись... на улицах и общественных площадях: утверждали, что собравшиеся на Марсовом поле намерены двинуться на Ратушу во главе с Кабе и Бланки, чтобы свергнуть Временное правительство и силой установить коммунизм»⁶².

Спешно поднятая по тревоге национальная гвардия вместе с мобильной гвардией устроили на улицах Парижа настоящий антикоммунистический шаш. По сообщению «Попюлера» и других газет, гвардейцы кричали: «Долой коммунистов! Долой Кабе, долой Бланки!», «Долой Кабе и его клику! Кабе — на виселицу!», «Долой Кабе, долой Бланки, долой бездельников!», «Долой Луи Блана, долой коммунистов!», «Долой Кабе! Долой комиссию трудящихся (Люксембургскую комиссию. — А. И.)! В воду Бланки! В воду коммунистов! В воду Кабе!»⁶³

О том, как все это было заранее организовано, мы находим очень интересные сведения в газете «Национальное собрание». Около полудня (16 апреля. — А. И.) генерал Дювивье отправился в казармы мобильных гвардейцев; он сообщил им, что сегодня состоится манифестация... что речь идет о свержении Временного правительства. Он спросил их, может ли он рассчитывать на их содействие, и указал им на коммунистов как организаторов этого заговора. Тотчас же мобильные гвардейцы, согласившись с высказываниями своего генерала против коммунистов, стали кричать: „Долой коммунистов! Долой Кабе! Долой Бланки!“ Что касается национальных гвардейцев, то они были предупреждены еще ночью; им был дан пароль, и сегодня они непрерывно и энергично кричали: „Долой коммунистов! Долой Кабе! Долой Бланки!“⁶⁴. Комментарии, как говорится, излишни.

Вся эта вакханалия не закончилась днем вместе с демонстрацией. Расходясь, национальные гвардейцы продолжали свои выпады против коммунистов, и, что следует специально отметить, — к ним стали присоединяться обыватели. Как писала та же газета «Национальное собрание», в тот вечер «национальная гвардия, сопровождаемая внушительной толпой, возвращаясь в свои дома,

⁵⁸ *Ménard L.* Prologue d'une révolution: Février — juin 1848. P. 1957. P. 27.

⁵⁹ *Populaire.* 1848. 20 avr. P. 1.

⁶⁰ *Ibid.* P. 2.

⁶¹ *Conservateur de la république.* 1848. 18 avr. N 3. P. 1—2 // BN. Lc², 1777.

⁶² *Voix des femmes.* 1848. 18 avr. N 26. P. 1.

⁶³ *Populaire.* 1848. 20 avr. P. 2, 3, 4.

⁶⁴ *Assemblée nationale: Journal quotidien, politique, scientifique et littéraire.* 1848. N 49. 18 avr. P. 1—2 // BN. Lc², 1599.

продолжала кричать: „Долой коммунизм!“... требуя, чтобы армия вернулась в Париж»⁶⁵. «В тот вечер,— по словам газеты „Пресс“,— состоялась вторая манифестация, еще более мощная, еще более торжественная... шествие началось в 8 часов и еще не закончилось к 10 часам вечера. В течение всего пути 200 тыс. человек в едином и грозном порыве кричали: „Долой коммунистов! Долой Кабе! Долой бездельников! Да здравствует республика! Да здравствует Ламартин!“ Весь Париж был стихийно иллюминирован». С пометкой «10 часов вечера» газета «Юнион» сообщала: «Париж дышит удовлетворением; дома стихийно иллюминируются; повсюду кричат: „Долой коммунистов! Долой Кабе! Кабе — в Шарантон (в сумасшедший дом.— А. И.)! Долой Бланки и компанию! Долой бездельников! Да здравствуют трудящиеся!“»⁶⁶.

А вот и свидетельства частных лиц. Один из них общал, что, находясь на набережной, на углу улицы Монэ, он услышал, как в группе собравшихся там людей поносили коммунистов. Хотя и не будучи сам коммунистом, он попытался за них заступиться. Тогда его схватили и потащили к перилам, чтобы сбросить в воду; его еле спас один студент Политехнической школы. Другой человек, прибывший в Париж в тот вечер, попав в 9 часов на улицу Жан-Жака Руссо, вынужден был задержаться там, так как путь был прегражден легионом национальной гвардии, двигавшимся в сторону площади Победы. «Офицеры размахивали саблями и кричали: „Долой Кабе! Долой коммунистов!“ А национальные гвардейцы вторили этим крикам с каким-то иступлением». Третий сообщал, что в различных группах коммунистов обвиняли в лени и пьянстве, многие гвардейцы даже кричали: «Смерть коммунистам!» — и угрожали убить первого встречного коммуниста. В Сен-Жерменском предместье распространяли брошюры «Разоблаченный Кабе», «Сорванные замыслы коммунистов». Проходя по улице Сен-Дени, один каменотес увидел там сборище и услышал крики: «Долой коммунистов! Долой Кабе! Нужно его повесить!» Когда он спросил, почему они это кричат, ему ответили, что коммунисты — причина нужды, что они хотят раздела имущества и не хотят работать. Когда он пытался их разубедить, они стали кричать: «Это коммунист, нужно его повесить»⁶⁷. Такова была атмосфера,

дарившая в Париже не только 16 апреля, но и в последующие дни.

Дело не ограничилось только угрозами в адрес Кабе и Бланки. Вечером 16 апреля группа национальных гвардейцев подошла к зданию, где заседало Центральное республиканское общество. К счастью, там находились несколько «монтаньяров» из вооруженного корпуса префектуры полиции. При виде их гвардейцы ретировались⁶⁸. Правительство выдало даже ордер на арест Бланки, но он не был приведен в исполнение, а затем был отменен.

Хуже сложилось дело с Кабе. Хотя он не был на Марсовом поле и не имел фактически никакого отношения к демонстрации, раздававшиеся в его адрес угрозы побудили друзей предупредить его, чтобы он не ночевал дома. Это оказалось отнюдь не излишней предосторожностью. В 9 часов вечера банда в 500—600 человек подошла к его дому, выкрикивая: «Долой коммунистов! Смерть Кабе!» Затем около часа ночи 200 национальных гвардейцев вновь приблизились к его дому с криками: «Кабе на виселицу!» Национальные гвардейцы, охранявшие находившееся напротив здание почтамта, не только им не препятствовали, но сами присоединились к ним. Они удалились лишь, когда консьержу удалось их убедить, что Кабе нет дома. Но в течение ночи еще две банды пытались вторгнуться в его дом. Все это повторилось и день спустя, в ночь с 17 на 18 апреля. Кабе был вынужден несколько дней скрываться. Одновременно национальные гвардейцы вечером 16 апреля пригрозили силой закрыть Центральное братское общество. Напуганный хозяин помещения, где заседало общество, заявил, что он больше не может сдавать его: таким образом, клуб Кабе оказался временно закрытым, и намеченное на 17 апреля заседание не состоялось. Клуб возобновил свою деятельность только 24 апреля⁶⁹.

Итак, хотя 16 апреля Временное правительство опасалось непосредственно лишь Бланки и его сторонников, но состоявшаяся в этот день рабочая демонстрация, прошедшая под лозунгами, направленными против буржуазного общественного строя, вызвала реакцию против всего коммунистического движения в целом, против коммунизма и социализма. Более того, как мы могли убедиться, на пер-

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Populaire. 1848. 20 avr. P. 3, 4.

⁶⁷ Ibid. P. 1, 3, 4; 27 avr. P. 3.

⁶⁸ Ménard L. Op. cit. P. 28.

⁶⁹ Populaire. 1848. 20 avr. P. 2, 4; 27 avr. P. 3.

вом месте фигурировало не имя Бланки, а имя Кабе. Это и понятно, так как именно Кабе, неустанно и открыто пропагандировавший коммунизм, являлся как бы символом этого учения. Интересно, что к именам Кабе и Бланки присоединяли имя входившего в состав правительства социалиста Луи Блана. С лозунгом «Долой коммунистов!» связывалось и требование упразднения Люксембургской комиссии.

Уже вечером 16 апреля состоялись заседания Клуба революции и Центрального республиканского общества. В Клубе революции Барбес очень резко осудил антикоммунистическую кампанию.

«Из рядов Национальной гвардии,— сказал он,— раздался военный клич. Весь Париж оглашался кровавыми воплями. „Долой коммунистов! Долой Кабе!“ — таковы были пароли. До Февраля нападали на республиканцев; сегодня не осмеливаются больше кричать: „Долой республиканцев!“, а нападают на коммунистов... Ну что же, граждане, хорошо: если великодушная умеренность народа лишь придавала смелости тем, кому она служила защитой, если... испускают военный клич, то пусть будет война». Собрание одобрило в принципе предложение одного из своих членов — организовать новую мощную и внушительную демонстрацию, «чтобы впредь враги республики и, скажем прямо, социализма не могли больше лелеять свои преступные намерения»⁷⁰.

В Центральном республиканском обществе Бланки говорил: «Сегодня мы побежденные, и я обращаюсь к вам как побежденный, т. е. с ненавистью в сердце и с жаждой мщения». Взяв вновь слово после выступления ряда ораторов, он заявил, что те, кто кричал «долой коммунистов», это те, кто не осмеливались кричать «долой республику». В конце заседания он охарактеризовал события этого дня как триумф контрреволюции, указав, однако, что он непрочный и временный и что нужно набраться храбрости и терпения «в ожидании великого дня реванша». Собрание приняло решение реорганизовать Центральное республиканское общество по примеру прежних тайных обществ⁷¹. Бланки, как видим, под влиянием происшедших событий вновь думал вернуться к своей излюбленной тактике тайных заговоров. И хотя на следующий день были назначены начальники секций, которые пред-

полагалось создать, но эта реорганизация общества так и не была осуществлена.

Убежденность Барбеса и Бланки, что «долой коммунистов» кричали те, кто не осмеливался еще кричать «долой республику», разделялась и многими другими, в том числе и органами «красной» прессы. Так, газета «Отец Дюшен» 20 апреля писала: «Враги революции возлагают все свои надежды на беспорядок. Слово „коммунизм“ многим внушает страх, как слово „республика“ долгое время пугало слабых... Они использовали это слово... в своих провокационных целях и посеяли искусственный страх, вложивший в уста наших братьев преступные проклятия»⁷². Газета «Эгалитарная демократия», в свою очередь, тогда же писала: «Мы с болью видим, что коммунисты, чьи честные и мирные намерения должны бы были быть хорошо известны, становятся козлами отпущения, на которых изливает свою ненависть реакционная партия. Это против них она бросает невежественное насилие»⁷³.

Справедливы ли были подобные утверждения? На этот вопрос можно ответить и да и нет. Конечно, все скрытые роялисты, все противники республики с радостью поддерживали антикоммунистическую кампанию и охотно кричали «долой коммунистов», не имея еще возможности открыто проявлять свои антиреспубликанские настроения. Но было бы величайшей ошибкой полагать, что 16 апреля только антиреспубликанцы выкрикивали этот лозунг. Наглядная иллюстрация тому — инцидент, происшедший на заседании Центрального республиканского общества. Когда Бланки заявил, что «долой коммунистов» кричат те, кто не осмеливается кричать «долой республику», какой-то молодой человек из числа присутствующих прервал его и громко воскликнул: «Да здравствует республика! Долой коммунистов!»⁷⁴ Такие возгласы раздавались и в других местах.

Основную роль в травле коммунистов играли буржуазные республиканцы во главе с самим Временным правительством. Ведь, кстати сказать, именно в их руках находилась в то время национальная гвардия, именно их детищем была и мобильная гвардия. И, несомненно, был прав Кабе, когда писал в «Попюлере»: «Совершенно оче-

⁷⁰ Rapport de la commission d'enquête... II, 104—105.

⁷¹ Commune de Paris. 1848. 19 avr. P. 3.

⁷² Pere Duchêne. 1848. 20 avr. N 3. P. 1.

⁷³ Democratie egalitaire. 1848. 20 avr. N 1. P. 6.

⁷⁴ Commune de Paris. 1848. 19 avr. P. 3.

видно, что именно вы, господа из Временного правительства, отвергаете социализм и коммунизм»⁷⁵.

Речь шла не только об умеренных членах правительства, о «людях из Националя». К этому непосредственно был причастен и Ледрю-Роллен, который, отказавшись от своих честолюбивых замыслов, переметнулся на сторону правых членов правительства как раз из страха перед захватом власти коммунистами. Еще до революции Ледрю-Роллен открыто выступал против коммунизма. Теперь он поспешил вновь публично отмежеваться от коммунистов. В очередном «Бюллетене республики», опубликованном 21 апреля, он называл коммунистов экзальтированными сектантами, проповедующими химерическое установление равенства состояний, сторонниками неосуществимой теории. «Протест парижского населения против коммунистов» он рассматривал не как выступление против республики, а, наоборот, как безоговорочную поддержку республиканского образа правления. Он выражал надежду, что в Национальное собрание будут избраны лица, готовые обеспечить победу республики и в случае надобности сокрушить ее врагов, под которыми он опять-таки понимал коммунистов⁷⁶. Ледрю-Роллен выражал не только свое личное мнение. Он отражал настроения широких мелкобуржуазных слоев, которые в своем страхе перед коммунизмом все более смыкались с буржуазной реакцией и выступали с ней единым фронтом против коммунистической угрозы.

Отметим еще одно важное обстоятельство. Неправильно было бы думать, что все «социальные школы» поддерживали в те критические дни коммунистов. Правда, многие их представители осуждали гонения на коммунистов. Так, прудонистский орган «Представитель народа» порицал позицию правительства и национальной гвардии, разоблачая миф о мнимом заговоре, призывал не ставить вне общества под именем коммунистов трудящихся, производителей, рабочих. «Будьте настороже, — писала газета, — сегодня кричат: „Долой Кабе, долой коммунистов!“ Завтра будут кричать: „Долой Луи Блана, долой социалистов!“ Послезавтра закроют клубы и запретят собрания. Раз вступив на этот прекрасный путь, больше не остановятся»⁷⁷. Но были и обратные примеры. Ортодоксальные фурьеристы во главе с Консидераном

⁷⁵ Populaire. 1848. 27 avr. P. 2.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Ibid. 20 avr. P. 3.

заявляли в отношении коммунистов по существу неблагоприятную позицию.

В фонде «социетарной школы», хранящемся в Национальном архиве, имеется тетрадь с краткими протокольными записями заседаний фурьеристского Клуба объединенных социалистов (Club des socialistes unis)⁷⁸. Из них мы узнаем, что в первый месяц революции фурьеристы считали необходимым тесный союз всех «социальных школ». Так, 9 марта собрание сочло необходимым, «чтобы все социалисты договорились между собой, дабы обеспечить избрание в Национальное собрание возможно большего числа социалистов». 19 марта собрание вновь высказалось за то, «чтобы в Учредительном собрании были представлены все социалистические школы». «Объединенные социалисты» поддерживали связь с другими клубами, в том числе с Центральным республиканским обществом, делегация которого была ими принята 12 марта в связи с проектом обращения к правительству по поводу ввода войск в Париж. Фурьеристы выдвинули даже кандидатами в депутаты и некоторых коммунистов, включая Савари и Кабе. Но к моменту демонстрации 16 апреля отношение ортодоксальных фурьеристов к коммунистам начинает меняться. «Демократи пасифик» — главный фурьеристский орган — поместил весьма неблагоприятную статью о событиях 16 апреля. Из нее следовало, что Бланки и его друзья действительно хотели свергнуть Временное правительство и захватить власть; что это и побудило призвать национальную гвардию, которая сорвала эту попытку; при этом фурьеристский журнал ничего не писал об антикоммунистических выпадах и не осуждал их. Более того, Консидеран, чья кандидатура была выставлена в департаменте Луаре, опасаясь обвинений в коммунизме, напечатал афишу с цитатами из своих прежних произведений, в которых осуждал коммунизм, изображая его как самую подрывную, самую опасную и самую страшную доктрину. «Так что, — справедливо писал „Попюлер“, — его старые враждебные выпады, вновь цитируемые и повторяемые, как бы оправдывают все недавние неистовства против коммунистов и являются поощрением новых насилий»⁷⁹. Газета фурьеристского толка «Социальный банкет», уже до этого осуждавшая коммунизм, обвиняла коммунистов в попыт-

⁷⁸ Archives nationales. 10AS. 31.

⁷⁹ Populaire. 1848. 20 avr. P. 3; 23 avr. P. 2.

ке захвата власти 16 апреля и писала: «Их опасные доктрины не разделяются большинством. Пусть не утверждают, что они могут быть осуществлены. Нет, тысячу раз нет, здоровая часть Франции не хочет быть коммунистической... 16 апреля коммунисты показали свое бессилие»⁸⁰. Как видим, и многие мелкобуржуазные «социалисты» стремились теперь отмежеваться от коммунизма.

Изоляция коммунистов и подлинных социалистов отражала реальное соотношение классовых сил. Пролетариат, чьей идеологией являлся коммунизм, был полностью изолирован и имел, по крылатому выражению К. Маркса, «на своей стороне только себя самого». Против него единым фронтом выступала и буржуазия, и собственническое крестьянство, и мелкобуржуазные слои, и даже организованный в мобильную гвардию люмпен-пролетариат. Если 16 апреля дело не дошло до открытого столкновения, то события этого дня выявили уже ту расстановку классовых сил, которая оказалась столь роковой, когда два месяца спустя парижский пролетариат уже с оружием в руках выступил против «буржуазного порядка».

IV

Выборы в Учредительное собрание, состоявшиеся 23 апреля, закончились поражением «красных» кандидатов. Из 880 депутатов их было избрано только около 100. Комментируя результаты выборов в Париже, «Попюлер» с горечью писал: «Таким образом, в Париже ни один социалист не избран... Луи Блан прошел еле-еле. Ни одного рабочего из Люксембурга. Победу одержал только список Насионаля»⁸¹. В департаментах дело обстояло еще хуже. Здесь наряду с буржуазными республиканцами, которые в целом получили абсолютное большинство, были избраны и многочисленные роялисты.

Выборы прошли не в спокойной обстановке. Даже в Париже произошли столкновения между реакционно настроенными студентами и рабочими. В некоторых городах и населенных пунктах вспыхнули волнения. Наиболее серьезный оборот дело приняло в Руане. Антагонизм

между рабочими и буржуазными слоями населения проявлялся там особенно ярко. Буржуазная реакция действовала совершенно открыто. Республиканским властям не подчинялись, их осыпали оскорблениями; демонстративно срубали посаженные в начале февраля «деревья свободы». По всякому поводу повторяли, что необходимо поскорее приструнить рабочих. Когда 27 апреля стали известны результаты выборов, неблагоприятные для кандидатов, выставленных революционными клубами, в городе начались волнения, которые продолжались два дня. Рабочие попытались было ворваться в Ратушу, но были отброшены. В городе стали возводить баррикады. Буржуазная национальная гвардия с самого начала проявляла необычайную жестокость и сознательно провоцировала рабочих, убивая женщин и детей. Против безоружных рабочих, защищавшихся лишь камнями, были брошены не только национальная гвардия, но и регулярные воинские части, которые, чтобы разрушить баррикады, использовали даже пушки. Это была настоящая бойня. Чтобы составить себе о ней ясное представление, достаточно привести следующие данные, опубликованные газетой «Реформа»: по баррикадам было произведено 150 пушечных выстрелов; убито 150 рабочих, не считая раненых; в то же время ни один национальный гвардеец, ни один солдат не пострадал⁸². После этой беспрецедентной бойни сразу же начались массовые аресты.

Обычно руанские события связывают исключительно с выборами в Национальное собрание. Но нам кажется, что безусловно был прав Кабе, когда рассматривал их как одно из последствий парижских событий. Указывая, что после 16 апреля по всей стране усилилась травля коммунистов, он писал, что этот день предопределил победу реакции и стал причиной руанской бойни⁸³. Чтобы правильно уяснить это, необходимо не забывать, что еще в эпоху Июльской монархии Руан являлся одним из важных центров коммунистического движения во Франции. Еще в 1840 г. руанские коммунисты обратились со специальным посланием «к своим парижским братьям». Именно в Руане вел свою пропаганду и публиковал свои «Письма к трудящимся» коммунист-революционер Шарль Нуаре; среди руанских коммунистов имелись как многочисленные представители революционно-коммунистиче-

⁸⁰ Banquet social: Journal du XII arrondissement. 1848. 18 avr. N 15. P. 1 // BN. Lc², 1743.

⁸¹ Populaire. 1848. 30 avr. P. 1.

⁸² Ibid. 4-7 mai. P. 2.

⁸³ Ibid. 11-14 mai. P. 1.

ского движения, так и икаррийцы⁸⁴. После Февральской революции именно коммунисты возглавляли рабочее движение в Руане и руководили революционными клубами, состоявшими в основном из рабочих. Поэтому буржуазная реакция, стремившаяся «покончить с рабочими», не могла не испытывать особой ненависти к коммунистам. Весть о раздавшемся в Париже 16 апреля боевом кличе «Долой коммунистов!» не могла не воодушевить ее на окончательную расправу с революционно настроенным рабочим классом и местными коммунистами.

Корреспонденции из Руана, опубликованные в «Полюере», дают ясное представление о сложившейся там ситуации. Один из руководителей икаррийцев, Кодрон, касаясь событий в этом городе, приводил следующие факты о преследовании коммунистов, начавшемся после 16 апреля. «Манифестация в Париже против коммунистов,— писал он,— сразу же рикошетом отразилась здесь ... Нам стали свирепо угрожать, а в отношении многих наших друзей даже перешли к действиям... В пятницу я отправился в Ратушу, где заканчивался подсчет голосов. Там я узнал, что коммунистов обвиняли в том, что они причина всех несчастий, и ожесточение было всеобщим. Я покинул Ратушу в два часа дня. Дойдя до улицы Сен-Николя, я увидел национального гвардейца, повторно выкрикивавшего: „Долой коммунистов!“». Этот гвардеец хотел даже застрелить Кодрона, приставив к его щеке ружье. Ему все же удалось вернуться домой, где он застал другого коммуниста, которому таким же образом угрожали. Когда они попытались выехать из города, их задержали, обвинив в том, что они хотели привести рабочих из окрестностей для участия в сражении, происходившем в Руане, и угрожали даже их расстрелять. В субботу, воскресенье и понедельник проходили массовые аресты лиц, известных как республиканцы и коммунисты⁸⁵.

В другом письме из Руана указывалось, что число арестованных дошло до 300—400 человек. «Арестовывают всех коммунистов и демократов, известных своей подлинно республиканской позицией после 24 февраля. Всех их рассматривают как коммунистов и обращаются с ними не лучше, чем с настоящими коммунистами»⁸⁶. Как видим, и в Руане удары буржуазной реакции были на-

правлены прежде всего против коммунистов, к ним причисляли даже всех искренних революционеров, так как именно в коммунистах видели главных идеологов столь ненавистной буржуазии «социальной революции», с которой хотели покончить раз и навсегда.

Бернар Порнен, командир «монтаньяров», узнал о событиях в Руане во время обеда в ресторане из вечерней газеты. Он тотчас бросился к Бланки. Дело в том, что возглавляемые коммунистами «монтаньяры», хотя и считались официальной гвардией префекта полиции Косидьера, все более сближались с бланкистами. Напомним, что именно присутствие «монтаньяров» на заседании Центрального республиканского общества предотвратило нападение на этот клуб отряда национальной гвардии. Порнен намерен был двинуть на Руан «монтаньяров» и хотел, чтобы Бланки направил туда членов своего клуба с тем, чтобы прийти на помощь руанским рабочим. Он застал у него Виллена, Собрие, обоих Фомберто и несколько других лиц, совместно редактировавших обращение к Временному правительству. Однако его предложение было отклонено⁸⁷. Бланки решил ограничиться лишь письменным протестом.

Правда, это обращение к Временному правительству, написанное самим Бланки (поскольку черновик имеется в его рукописях) и расклеенное в Париже, было составлено в весьма энергичных выражениях. В нем говорилось, что контрреволюция искупалась в народной крови. «Это все те же палачи и те же жертвы! С одной стороны — бешеные буржуа, подталкивающие на резню глупых солдат, которых они напоили вином и ненавистью; с другой стороны — несчастные, беззащитные рабочие, падающие от пуль и штыков убийц!» Временному правительству задавался вопрос, как случилось, что рабочие Руана не были организованы в отряды национальной гвардии и что одна лишь аристократия была организована и вооружена? Почему республиканское правительство поддерживает роялистских убийц? «Что это, измена или трусость? Кто вы, их соучастники или безвольные тряпки?» В обращении выдвигались требования: «1) роспуска и разоружения руанской буржуазной гвардии; 2) ареста и предания суду генералов и офицеров буржуазной гвардии и пехотных войск, по приказу которых и под руководством которых происходила резня; 3) ареста и преда-

⁸⁴ См.: Иоаннисян А. Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840—1841 гг. М., 1983. С. 146—170.

⁸⁵ Populaire. 1848. 4—7 mai. P. 1.

⁸⁶ Ibid. 11—14 mai. P. 2.

⁸⁷ Chenu A. Les conspirateurs. P., 1850. Pt 2. P. 145—148.

пия суду так называемых членов апелляционного суда — приверженцев Луи-Филиппа, которые были назначены им и которые... арестовали служащих муниципалитета и заполнили тюрьмы республики; 4) немедленного удаления из Парижа пехотных войск, которых реакционеры... призывают устроить для парижских рабочих Варфоломеевскую ночь»⁸⁸.

Конечно, не следует полагать, что один лишь Бланки от имени своего клуба энергично протестовал против руанских событий. Клуб революции создал под руководством Барбеса комиссию из десяти человек, чтобы потребовать от Временного правительства объяснений в связи с руанскими событиями и отправиться в Руан, чтобы добиться рассмотрения этого дела и привлечения виновных к ответственности. 1 мая Клуб решил обратиться к правительству с требованием «немедленно вооружить рабочих промышленных городов с тем, чтобы они могли защищаться, если их попытаются убивать, как это было в Руане»⁸⁹. Общество прав человека и гражданина на заседании 30 апреля также бурно восприняло весть о «руанской бойне»; зачитанное об этом сообщение вызвало, как гласит протокол, «чувство сильного негодования». Один из членов даже воскликнул, «что необходимо немедленно отправиться в Руан, чтобы потребовать у буржуа отчета за пролитую кровь; если сегодня реакция поднимает голову в Руане, то завтра она сделает то же в Париже»⁹⁰. Как раз в те дни от имени Общества прав человека и гражданина была опубликована афиша, подписанная Вилленом, Лебоном, Юбером, Шипроном и Барбесом, в которой излагались его принципы. Мы уже говорили о ее содержании в предыдущей главе. Но афиша, открыто осуждая тех, кто защищает «старую общественную организацию», и грозившая им «правосудием», была справедливо воспринята современниками как непосредственный отклик на руанские события. Поэтому реакционно настроенные элементы срывали ее, как и афишу Бланки.

Что касается Центрального братского общества Кабе, то оно приняло обращение к Временному правительству, в котором содержались следующие требования: 1) освободить в Руане и во всех других местах граждан, арестованных за свои убеждения; 2) провести расследование

руанских событий; 3) провести расследование событий в Париже 16 апреля; 4) принять все необходимые меры, чтобы прекратить преследования социалистов, коммунистов и республиканцев в Париже и в департаментах⁹¹. Это обращение выгодно отличалось от других тем, что оно связывало руанские события с происками буржуазной реакции в Париже и открыто говорило о преследовании социалистов и коммунистов, требуя положить им конец.

Мы имеем также возможность судить о позиции Клуба Горы Констан. Вице-председатель этого клуба Легаду в первой половине мая выпустил три номера газеты «Гора Братства», которая должна была являться как бы органом возглавляемого Констаном клуба. В этой газете была опубликована статья «Бойня в Руане». «Расстреляли невооруженный народ,— говорилось в ней.— Некто Франк-Карре (прокурор, санкционировавший репрессии против арестованных.— А. И.), беззаветно преданный свергнутому омерзительному правительству, бывший генеральный прокурор бывшего Суда пэров, уполномочен вести следствие против рабочих, схваченных национальной гвардией. Мы требуем, чтобы этот Франк-Карре и его сеиды реакции были арестованы как виновные в преступлении против нации, как неисправимые заговорщики против прав народа, чтобы они были доставлены в Париж, судимы в Люксембурге и казнены на Гревской площади»⁹².

Констан и сам непосредственно откликнулся на события 16 апреля и преследования коммунистов. Довольно широко известно написанное по этому поводу стихотворение бывшего сенсаниста, а затем фюрериста, члена Центрального республиканского общества Пьера Лашамбоди (Lachambeaudie). В этом стихотворении, озаглавленном «Не кричите больше: „Долой коммунистов!“», Лашамбоди писал: «Почему должны быть одиозными слова равенство, коммунизм, надежда ... Друзья, неужели земля имеет для одних плоды и цветы, а для других только тернии? Станем апостолами святого труда; все плоды станут общими для всех... Ночь кончается, будем надеяться, что наступит прекрасный день»⁹³. Но и Констан опубликовал аналогичное стихотворение: «Опять кричат: „Долой коммунистов!“». По-прежнему царит роскошь. Народ, из-

⁸⁸ Бланки Л. О. Избр. произведения. М., 1952. С. 145–149.

⁸⁹ Wassermann S. Op. cit. P. 156.

⁹⁰ Rapport de la commission d'enquête... P. 105.

⁹¹ Populaire. 1848. 11–14 mai. P. 4.

⁹² Montagne de la fraternité. 1848. N 1. 5 mai. P. 4 // BN. Lc², 1800.

⁹³ Voix des femmes. 1848. 20 avr. N 36. P. 3; Populaire. 1848. 4–7 mai. P. 2.

бавившийся от королей, ничего не получил. Свобода, эта ложная надежда, не превратилась еще в право на существование; обездоленные имеют в своем распоряжении лишь меч или крест. Что же нужно, умереть? Нет, нужно жить. Вчерашние короли не предвидели, что они так скоро погибнут. Всех тех, кто кричит: „Долой коммунистов!“, ждет гибель»⁹⁴.

V

Неблагоприятные результаты выборов, означавшие поражение сторонников «социальной республики», вызвали глубокое разочарование. Первое же заседание открывшегося 4 мая Национального собрания подтвердило самые худшие опасения. В состав Комиссии исполнительной власти не были избраны ни Луи Блан, ни Альбер, т. е. два социалиста, входившие во Временное правительство и официально считавшиеся представителями рабочего класса. Национальное собрание с ходу отвергло и предложение о создании взамен прекратившей свое существование Люксембургской комиссии министерства труда и прогресса. Сразу же стало ясно, что оно намерено положить конец всем иллюзиям о каком-то бы ни было социальном переустройстве. «В лице Национального собрания, — писал К. Маркс, — вся Франция явилась судьей парижского пролетариата. Собрание немедленно порвало со всеми социальными иллюзиями февральской революции и напрямик провозгласило *буржуазную республику*. и только буржуазную республику»⁹⁵.

Неудивительно поэтому, что в последние дни апреля и в первой половине мая в демократических кругах все более нарастал гнев против бесславно кончавшего свои дни Временного правительства и против приступившего к работе Национального собрания. Эти настроения находили свое яркое отражение в «красной» прессе.

Газета «Отец Дюшен», комментируя результаты выборов в Национальное собрание, писала: «Пролетариат понял, что истинная республика со всеми своими благородными институтами не может быть делом рук разграбленных людей, заинтересованных в ее упразднении... наш

враг — это наш сегодняшний хозяин; наш хозяин — это эгоистический владетель всех богатств». Истинный враг — это «тот класс, чьи происки против пролетариата более опасны и коварны, чем были происки дворян и бывших священников против первой республики»⁹⁶. В статье «Последние вздохи Временного правительства» газета задавала вопрос: «Граждане, что вы сделали начиная с 24 февраля?»⁹⁷ За что Национальное собрание выразило правительству благодарность? «Довольны ли вы тем, что правительство, которое оказалось для страны роковым, по причине своего бессилия ничего не дало народу, кроме пустых прокламаций... когда необходимы были дела?»⁹⁸ Автор другой статьи «Обещать и держать слово» заявлял: «Чем больше я думаю о времени, отделяющем нас от героической революции, осуществленной трудящимися, тем более содрагаюсь, видя бесстыдство и наглость людей, злоупотребивших святым доверием народа... вы обманули его обещаниями и вы уже забыли торжественно данное слово о царстве справедливости, равенства и братства... Национальное собрание, всецело созданное по вашему образцу и подобию, поспешило присоединиться к вашему клятвопреступлению и предать забвению взятые перед народом обязательства»⁹⁹.

Такие же критические высказывания мы находим в единственном номере газеты «Республиканский цензор», изданном 14 мая Шарлем Селье, бывшим редактором подпольной газеты «Свободный человек» (*Homme libre*), в которой в 1838 г. была помещена известная статья «Об общности». Монархия пала, но в республике все осталось по-прежнему. Народ голоден, но царит порядок. В Руане арестовывают патриотов, но рента на бирже повышается, кареты биржевых маклеров и танцовщиц обдают грязью пролетариев. Марраст блаженствует в мэрии. Паньер вместо принцев охотится в Шантильи. В этих условиях, писала газета, «мы считаем, что революция не имеет права сложить оружие до того, как она завершит свою победу, и что перед лицом эгоистического и губительного для свободы сопротивления восстание было и всегда остается самым священным долгом»¹⁰⁰.

⁹⁶ Père Duchêne. 1848. 2 mai. N 7. P. 1—2.

⁹⁷ Ibid. 4 mai. N 8. P. 1.

⁹⁸ Ibid. 11 mai. N 11. P. 1.

⁹⁹ Ibid. 16—17 mai. N 13. P. 1.

¹⁰⁰ Censeur républicain. 1848. 14 mai. N 1. P. 1—2 // BN. Lc², 1809.

⁹⁴ Voix des femmes. 1848. 20 avr. N 36. P. 3.

⁹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 27.

В двух номерах новой «красной» газеты «Журнал дьявола» также разоблачались члены избранной Национальным собранием исполнительной комиссии, живущие в роскоши, в условиях нужды и страданий народа. «Проповедуйте равенство и братство, но пусть это не мешает вам пировать в министерских дворцах, разъезжать в придворных каретах и облакачиваться на перила королевских лож». Народ страдает. Деньги целиком остались в прежних руках. В Париже нужно прокормить сто тысяч голодных ртов, а в это время «директоры» Мари, Паньер, Гарнье-Пажес, Ледрю-Роллен, Араго поселяются в Люксембургском дворце, среди роскоши. «Бедняки, друзья мои, когда вы вышли на улицу 24 февраля, разве это было для того, чтобы поместить всех этих прекрасных господ в обиталище, которое столь успешно занимал г-н Пакье, с его судебной мантией?» «В революции, — говорилось в статье, подписанной известным нам Эдуардом Горжем, — необходимо переменить не только людей, но и порядок вещей»¹⁰¹.

Анализируя результаты выборов, Торе писал в «Истинной республике», что победила буржуазная коалиция, цель которой установить «господство класса буржуазии». «Не имеет значения, что название политического строя изменилось и что бурбонские персонажи заменены адвокатами и буржуа. Суть общества остается прежней... Будут говорить о суверенитете народа. Но богатые, капиталисты, лавочники останутся на деле суверенами...»¹⁰² «Положение серьезно, очень серьезно», — констатировала «Коммуна Парижа». Социальные язвы не зарубцевались, так как революция оказалась в руках людей, настроенных отнюдь не революционно и стремившихся низвести ее к незначительным политическим переменам, в то время как требовалась «социальная трансформация». «Вы провозглашаете республиканскую форму правления, мы же хотим большего, чем простая форма... мы хотим истинную республику, которая обеспечит существование всех и обеспечит каждому наиболее возможное счастье»¹⁰³. «Да, — писал „Попюлер“, — это буржуазия, это аристократия, которые угрожают республике и революции. Да, это пороки социального строя, это голод, это нужда, которые приводят народ в отчаяние... Да, правительство могло все упорядочить, все предохранить, все

гарантировать, все улучшить... Да, это его неспособность, его слабость, его безразличие являются причиной всех несчастий; на него падает вся ответственность... Да, нация разделена сегодня на два лагеря, и борьба идет между объединенной буржуазией и аристократией, с одной стороны, и пролетариатом — с другой»¹⁰⁴.

Еще до выборов в Национальное собрание высказывалась мысль, что если они дадут отрицательные результаты, то такое антинародное Национальное собрание не может быть признано законным. 14 апреля в 16-м номере «Бюллетеня республики» была опубликована статья Жорж Санд, в которой говорилось, что «если выборы не приведут к победе социальной истины», то народу останется только одно: «...вторично выразить свою волю и отсрочить решения ложного национального представительства»¹⁰⁵. Даниэль Стерн также свидетельствует: в клубах проповедовали, что если результаты выборов не будут соответствовать пожеланиям народа Парижа, то он имеет право поступить по своему усмотрению с избранными депутатами¹⁰⁶. Даже некоторые правительственные комиссары, вроде коммуниста Ксавье Сориака, посланного в Монтобан, открыто заявляли, что если будут избраны лжереспубликанцы, то они все равно не смогут заседать, так как их бросят в Сену¹⁰⁷.

Эти умонастроения хорошо выражены в письме одного из рабочих делегатов при Люксембургской комиссии, Готье, опубликованном 16 апреля в газете «Отец Дюшен». Есть люди, которые считают, что нужно поддерживать и уважать Национальное собрание, каков бы ни был его состав. «Это мнение ...выражение или большой глупости, или реакционной мысли, так как сегодня нельзя больше сомневаться в том, что истинными друзьями народа являются республиканцы, демократы и социалисты. Следовательно, если во время выборов народ получит правильную ориентацию, то Учредительное собрание окажется всецело демократическим; в противном же случае народ окажется обманутым, и тогда он должен использовать свою суверенную власть, чтобы распустить Собрание и организовать новые выборы. Оспаривать это право народа — значит отрицать его суверенитет». В примечании от редакции говорилось: «Да, гражданин, оспаривать это

¹⁰¹ Journal du diable. Mai 1848. N 1, N 2 // BN. Lc², 1841.

¹⁰² Vraie République. 1848. 29 avr. N 34. P. 1.

¹⁰³ Commune de Paris. 1848. 15 mai. N 67. P. 1.

¹⁰⁴ Populaire. 1848. 4—7 mai. P. 2.

¹⁰⁵ Duveau G. 1848. P., 1965. P. 101.

¹⁰⁶ Stern D. Histoire de la Révolution de 1848. P., 1965. P. 348.

¹⁰⁷ Les travailleurs et les communistes. P., 1848. P. 13.

право народа — значит отрицать его суверенитет, и, скажу больше, это означает гражданскую войну»¹⁰⁸.

Результаты выборов лишь укрепили эти настроения, которые находили свое выражение прежде всего в клубах. Клуб Монморанси (Club de Montmorency) выпустил даже афишу — обращение ко всем французам, в котором заявлял, что выборы были фальсифицированы¹⁰⁹. «Клуб Монморанси полагает, что Национальное собрание является совершенно незаконным и что большинство французов того же мнения». На заседании Центрального республиканского общества 9 мая Эскирос, говоря о критическом положении страны, заявил, что, пользуясь великодушной беспечностью народа, его хозяева, на момент победенные, вновь взяли власть в свои руки. Другой член клуба Арну Френи подверг резкой критике Национальное собрание. «Учредительное собрание, — заявил он, — не что иное, как национальная мастерская. Там находятся рабочие, уполномоченные народом работать для него. В тот день, когда рабочие не выполняют свой долг в отношении хозяина, последний имеет право прогнать их из мастерской и заменить их более верными слугами. Подумайте об этом, так называемые представители народа, хозяин наблюдает за вами»¹¹⁰. Это был уже прямой призыв к разгону Национального собрания. А орган Клуба Горы Константа «Гора Братства» 5 мая откровенно говорила о том, что за этим должно последовать. Народ снова выступит, «и вскоре Национальное собрание, эту бесцветную копию старомодного жирондизма, заменит, чтобы восторжествовать навеки, социалистический Конвент»¹¹¹.

Что в те дни в революционных кругах действительно разрабатывались подобные планы, свидетельствуют бумаги, конфискованные при обыске у одного из видных деятелей Февральской революции, Собрие (Sobrier)¹¹². В период Июльской монархии он входил в тайные общества и вел пропаганду среди рабочих. Не будучи сам коммунистом, Собрие был близок к ним, интересовался социальными проблемами и выступал за «социальную рес-

публику». После революции он был назначен заместителем префекта полиции Коссидьера, но через четыре дня отказался от этой должности. Поселившись на улице Риволи, в прежнем здании бюро гражданского листа, он, подобно Коссидьеру, окружил себя гвардией из «монтаньяров». Вместе с Каэньем (Cahaigne) он основал и редактировал газету «Коммуна Парижа», которая, как мы видели, выступала за «социальную трансформацию», за коренное общественное переустройство. С одной стороны, он был близок с Ледрю-Ролленом, с другой — поддерживал тесные связи с социалистами и коммунистами, в частности с Торе и Юбером, и входил в состав бюро Клуба клубов.

Среди конфискованных в его доме документов имелись проекты семи декретов, написанных от имени Комитета общественного спасения¹¹³. Первый декрет от имени народа Парижа провозглашал роспуск Национального собрания, «состоявшего в подавляющем большинстве из реакционеров», и создание Комитета общественного спасения из девяти членов, «наделенного неограниченными полномочиями, дабы принять все меры, чтобы учредить настоящую демократическую республику и самыми энергичными средствами подавить реакцию, если она посмеет вновь поднять голову». Второй декрет запрещал выезд из страны и вывоз денежных средств, объявляя всех эмигрантов изменниками родины, стоящими вне закона. Третий декрет предусматривал роспуск всех административных, судебных и прочих властей. Из испытанных патриотов должны были быть созданы военные отряды под названием «сила рабочих» (force ouvrière), на которых возлагалась охрана общественного порядка. Буржуазии и национальным гвардейцам запрещалось появляться на улице в мундирах и с оружием в руках. Четвертый декрет, в целях оказания немедленной помощи нуждающимся гражданам, предписывал «капиталистам» в течение пяти дней внести суммы, пропорционально возрастающие в зависимости от их прибылей — вплоть до половины дохода; одновременно в тот же срок такие же суммы должны были быть внесены и земельными собственниками. У капиталистов, неподчинившихся этому декрету, конфисковывалось все их состояние в пользу нуждающихся, а у земельных собственников их земли, провозглашаемые коммунальными угодьями. Из фонда,

¹⁰⁸ Père Duchêne. 1848. 16 avr. N 2. P. 2.

¹⁰⁹ Appel fait par le Club de Montmorency à tous les citoyens français // BN. Lb⁵³, 1128.

¹¹⁰ Rapport de la commission d'enquête... P. 114—115.

¹¹¹ Montagne de la Fraternité. 1848. 5 mai. N 1. P. 3.

¹¹² См. краткий биографический очерк в: Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français. Vol. 111. P. 410—411.

¹¹³ Rapport de la commission d'enquête... II, 268—271.

созданного из сумм, вносимых капиталистами и землевладельцами, должны были выдаваться пособия нуждающимся семьям. Пятый декрет среди конфискованных бумаг отсутствует. Шестой декрет предписывал «муниципальным комитетам» немедленно оповестить коммуны о новой республике, возглавляемой Комитетом общественного спасения. Седьмой декрет гласил: «Организация труда на основах, возможных в настоящее время, будет обнародована в течение трех недель. Она целиком будет в интересах рабочих, ограждая в то же время, насколько это допустимо, справедливые права хозяев». Этот же декрет предусматривал организацию упомянутых выше муниципальных комитетов, избираемых лишь проверенными патриотами и состоящих из семи членов, не менее пяти из которых должны быть рабочими.

Эти проекты декретов были составлены одним из сотрудников Собрания, Сеньорэ (Seigneuret), и, если верить заявлению Собрания на суде, даже без его ведома. Как бы то ни было, они представляют исключительный интерес. Они предусматривают создание революционной диктатуры, возглавляемой Комитетом общественного спасения. Классовый характер этой диктатуры совершенно ясен. Она опирается на военные формирования, называемые «силой рабочих». Вся административная и даже судебная власть на местах сосредоточивается в руках муниципальных комитетов, пятеро из семи членов которых должны быть рабочими. Таким образом, революционная диктатура опирается на рабочий класс, поскольку именно рабочие составляют костяк и вооруженных сил и административных органов. Комитет общественного спасения принимает незамедлительные меры для помощи нуждающимся путем обложения капиталистов и земельных собственников чрезвычайным палогом. Хотя в декретах ничего не говорится о конечной цели революционной диктатуры, но о ней можно догадаться по таким мероприятиям, как полная экспроприация капиталистов (в случае сопротивления) и конфискация земельной собственности с превращением ее в коммунальные угодья. «Организация труда» в интересах рабочих осуществляется «на основах, возможных в настоящее время», и тем самым подчеркивается ее временный, переходный характер. Таким образом, совершенно ясно, что задачей революционной диктатуры являлась, если пользоваться терминологией «Коммуны Парижа», «полная социальная трансформация».

Бумаги конфискованные у Собрания, свидетельствуют, что идея разгона Национального собрания обсуждалась не только в прессе и клубах. Разрабатывались и конкретные планы. Народ Парижа рассматривался как гарант революции, имеющий право положить конец деятельности избранного в результате фальсифицированных выборов Учредительного собрания, состоявшего «в подавляющем большинстве из реакционеров», и тем самым спасти революцию и обеспечить создание «социальной республики». Эти идеи носились в воздухе. Требовалась лишь искра, чтобы вызвать новое массовое народное движение.

VI

В силу ряда исторических причин польский вопрос еще в эпоху Июльской монархии находился в центре внимания французского революционного движения. Все передовые слои французского общества поддерживали борьбу польского народа за независимость. Французские революционеры самых различных направлений связывали победу революции во Франции с освобождением Польши и других поработанных народов Европы. После Февральской революции этот вопрос получил особую актуальность. Активно пропагандировалась идея о долге революционной Франции оказать активную помощь всем европейским народам в их борьбе как против монархической власти, так и за национальное освобождение. Революционное движение, охватившее почти всю Европу, воодушевляло всех сторонников «социальной революции». Восстание поляков в Познани и Галиции вновь выдвинуло на первый план польский вопрос. Весть о расправах над поляками прусской военщины и об обстреле австрийцами Кракова еще более обострили положение. Для умонастроения французских революционных кругов было характерно выражение в афише Клуба равенства, расклеенной в Париже 12 мая, пожелание, «чтобы французская республика потребовала от правительств России, Пруссии и Австрии немедленного восстановления Польши и объявила бы им войну, если они не согласятся, чтобы эта нация вновь обрела свое место среди европейских держав»¹¹⁴.

¹¹⁴ Bulletin du Club de l'Égalité // BN. Lb⁵⁴, 1947

Уже с первых чисел мая в различных клубах выдвигались требования организации массовой демонстрации, дабы побудить Национальное собрание занять активную позицию в польском вопросе. Однако они наталкивались на сопротивление Централизаторского комитета, созданного после выборов в Национальное собрание и роспуска 28 апреля Клуба клубов в целях согласования деятельности клубов. В него вошли в основном новые люди, но председателем оставался Юбер. Сопротивление Централизаторского комитета было сломлено лишь 10 мая под давлением Распайля и его Клуба друзей народа, который еще за четыре дня до этого потребовал от Национального собрания решить польский вопрос или мирным путем, или военными средствами. Централизаторский комитет дал в этот день принципиальное согласие на организацию подобной манифестации¹¹⁵. Таким образом, Распайль, который впоследствии стремился все свалить на Юбера, был, по существу, одним из главных инициаторов и вдохновителей этой манифестации.

Мы не можем здесь подробно излагать все перипетии подготовки «польской» демонстрации. Несмотря на то что она была назначена на понедельник 15 мая (день, когда в Национальном собрании должны были начаться дебаты по польскому вопросу), уже 13 мая состоялась стихийная манифестация, в которой приняли участие несколько тысяч человек. Манифестация и прошедшее за день до этого подготовительное собрание показали, что намечавшаяся демонстрация вряд ли ограничится польским вопросом. Юберу на этом собрании с большим трудом удалось убедить присутствующих отказаться от вооруженного выступления и настоять на мирном характере демонстрации. И 12 и 13 мая на собраниях делегатов многочисленных революционных клубов Юберу удалось добиться этого лишь с оговоркой, что демонстранты будут вести себя мирно только в том случае, если не будут атакованы. А под «атакой» подразумевался сбор национальной гвардии. 14 мая утром Юбер написал письмо мэру Парижа Маррасту, прося его не давать распоряжения о сборе национальной гвардии, так как это может привести к кровопролитию, подобно руанскому. Лишь в этом случае он мог поручиться за мирный характер намеченной на следующий день манифестации¹¹⁶.

Архивные материалы подтверждают, что еще до демонстрации было ясно, что она будет использована для выдвижения и ряда социально-политических требований. В докладе префектуры полиции от 14 мая читаем: «Вчерашний день был очень неспокойным. Группы были многочисленны, в некоторых местах собирались такие большие сборища, что они мешали движению экипажей. Предметом обсуждений, более оживленных, чем обычно, был вопрос о Польше, а также об организации труда»¹¹⁷. Итак, говорили не только о Польше, но и об организации труда, что было вполне понятно, так как за два дня до этого Национальное собрание отвергло предложение о создании министерства труда и прогресса, что вызвало большое возбуждение и недовольство. В тот же день на заседании Клуба объединенных рабочих (*Club des ouvriers réunis*), на котором было решено принять участие в предстоящей манифестации, один из ораторов заявил: «Рабочий сейчас достаточно просвещен, чтобы его можно было обмануть словами. Если наши хозяева не хотят возратить пролетариям то, что они им должны, это вскоре приведет к большому несчастью». Собрание закончилось под возгласы: «Да здравствует организация труда!»¹¹⁸

15 мая утром полицейские власти сообщили министру внутренних дел, что в этот день состоится манифестация, которая должна носить мирный характер. «Но,— отмечалось в докладе,— если национальная гвардия спровоцирует народ, то те, у кого не будет оружия, могут найти таковое у Собрания. Клубы твердо убеждены, что правительство незамедлительно падет и что наступает день их господства. Это убеждение придает им смелость, и вследствие этого могут иметь место провокации, что при теперешнем состоянии умов возбудит страсти». В конце доклада была следующая приписка: «Все меры приняты, и г-н Коссидьер согласен с нами, чтобы при первых же волнениях надо арестовать Собрание, Бланки и близких к ним лиц»¹¹⁹.

Итак, полицейские власти опасались, что «польская» манифестация может привести к попытке захвата власти, причем связывали ее в первую очередь с Собранием и Бланки, приказ об аресте которых был уже согласован с префектом полиции Коссидьером. Имели ли эти опасения ка-

¹¹⁵ *Amann P. H. Revolution and Mass Democracy. (N. J.) 1975. P. 205–209.*

¹¹⁶ *Ibid. P 212–222.*

¹¹⁷ Archives nationales. C. 932.

¹¹⁸ *Ibid.*

¹¹⁹ *Ibid.*

кое-либо реальное основание? Что касается Собрание, то на этот вопрос следует, очевидно, дать положительный ответ. Именно в эти дни были написаны найденные у него проекты декретов, предусматривавшие роспуск Национального собрания и создание Комитета общественного спасения. А это, разумеется, не были невинные литературные упражнения. В резиденции Собрание на улице Риволи действительно имелось оружие, которое могло быть в случае надобности использовано. В распоряжении Собрание был и отряд вооруженных «монтаньяров». Несомненно, он что-то замыслил. Манифестация, организации которой он всячески содействовал, очевидно, рассматривалась им как удобный предлог для попытки захвата власти.

Более сложно обстоит дело с Бланки. Публично он выступал против манифестации. На заседании Центрального республиканского общества 13 мая, где большинство ораторов высказалось за участие в демонстрации, он пытался разубедить их, уговаривал подождать еще пять-шесть недель и против своей воли дал в конце концов согласие на участие в этой манифестации, дабы не оказаться в изоляции. Газеты в связи с этим писали, что на заседании Центрального республиканского общества произошло нечто новое: сторонники Бланки его опередили. Не случайно на процессе в Бурже Бланки утверждал, что он приложил «огромные усилия», чтобы предотвратить эту манифестацию¹²⁰. Но дело обстояло не так просто. Кроме публичных заседаний Центрального республиканского общества, у Бланки происходили и секретные совещания с самыми близкими ему людьми. Полиция называла их заседаниями «комитета Бланки» и старалась, естественно, получить о них информацию. 14 мая полицейские власти составили на основе агентурных сведений докладную записку, озаглавленную «Тайное мнение комитета Бланки о теперешнем положении». Мнение это излагалось следующим образом: «В то время как буржуазия считает себя полным хозяином правительства и всех дел, клубы сегодня полагают, что правительственная машина расстроена больше, чем когда бы то ни было, и что Национальное собрание вследствие своего бессилия преждевременно прекратит свое существование, и, следовательно, демократическая партия никогда не была ближе

к тому, чтобы вновь овладеть властью, добиться победы, которой до сих пор ей не удалось завоевать»¹²¹. Таким образом, Бланки и его ближайшее окружение полагали, что момент является благоприятным для захвата власти. Если, однако, Собрание активно готовился к этому, то Бланки, видимо, предпочитал выжидательную тактику. Не совсем уверенный в том, какой оборот примет намеченная манифестация, он хотел играть на первых порах роль наблюдателя с тем, чтобы затем активно выступить и взять инициативу в свои руки, если наступит благоприятный момент.

Решительным противником намеченной манифестации был Барбес. Избранный в Национальное собрание, он был к тому времени депутатом, примыкая к крайне левым. 8 мая он выступал против выражения благодарности Временному правительству и потребовал расследования «резни» в Руане вопреки злобным протестам реакционного большинства Национального собрания. Его мужественное выступление нашло горячую поддержку даже в Центральном республиканском обществе. Но он считал намеченную манифестацию опасной и 14 мая не только заявил об этом Луи Блану, но вечером того же дня, поддержанный, в частности, Торе, провел в Клубе революции решение не участвовать в демонстрации¹²².

До самого последнего момента не скрывал своих опасений и Юбер, хотя Центризаторский комитет взял на себя организацию «польской» манифестации. Об этом с неоспоримостью свидетельствует сохранившийся в архиве протокол заседания Центризаторского комитета от 14 мая, проходившего под председательством Юбера. «Председатель, — говорилось в нем, — сообщил присутствующим сведения, полученные им сегодня относительно манифестации в пользу поляков. Он выразил большое опасение и заявил, что если бы было в его власти воспротивиться этой манифестации, то он непременно сделал бы это. Он убежден, что национальная гвардия лишь выжидает момент, чтобы схватить свои жертвы, и что она будет провоцировать мирных граждан, участвующих в этой демонстрации»¹²³. Юбер, стало быть, опасался, что манифестация даст национальной гвардии предлог разделаться с демонстрантами и нанести таким образом удар по демократическим силам.

¹²⁰ Wassermann S. Op. cit. P. 169—172; Dommanget M. Auguste Blanqui... P. 159—161.

¹²¹ Archives nationales. c. 932^A.

¹²² Wassermann S. Op. cit. P. 167—168.

¹²³ Archives nationales. C. 932^A.

О событиях 15 мая мы имеем подробные сведения как из материалов процесса в Бурже, на котором, кроме обвиняемых, были допрошены и десятки свидетелей, а также из многочисленных описаний современников; среди них наиболее изложения выделяется упомянутая выше книга Луи Менара.

В 11 часов утра безоружные рабочие и члены различных клубов, собравшиеся на площади Бастилии, начали свое шествие по бульварам к площади Революции (площади Согласия). Во главе колонн демонстранты несли знамена клубов и рабочих корпораций, равно как и знамена Польши, Италии и Ирландии. Первоначально предполагалось, что шествие остановится на площади Революции, откуда специальная делегация отправится в Национальное собрание, заседавшее в Бурбонском дворце, на противоположном берегу Сены. Но когда участники манифестации достигли площади, то увидели, что отряд 1-го легиона национальной гвардии, двигавшийся параллельными улицами, пытается перекрыть дорогу к мосту Конкорд. Тогда толпа, чтобы предотвратить это, сама двинулась к мосту. Мост этот охранялся мобильной гвардией. Накануне было решено сосредоточить там 5000 или даже 6000 гвардейцев, но это решение не было выполнено, и фактически мост охраняли всего 500 человек. Генерал Куртэ, командовавший гвардией, видя создавшееся положение, велел беспрепятственно пропустить демонстрантов.

Первыми мост перешли члены Центрального республиканского общества во главе с Бланки. Толпа, подошедшая к Бурбонскому дворцу, после нескольких инцидентов с охранявшими его национальными гвардейцами ворвалась во двор, а потом в само здание и проникла в зал заседаний, сперва на трибуны для публики, затем и в амфитеатр, где заседали депутаты. Собрание, Бланки, Распайль, Юбер, подталкиваемые напавшей на них толпой, оказались у самой трибуны. Взойдя на нее, Распайль зачитал заранее заготовленную петицию, требовавшую восстановления польского государства, если нужно, даже путем войны. Выступивший вслед за ним Барбес предложил Национальному собранию одобрить петицию народа и выразить ему благодарность. Одновременно он призвал демонстрантов удалиться. По справедливому мнению Менара, если бы Национальное собрание приняло предложение Барбеса, то толпа, преисполненная энтузиазма, удалась бы и все кончилось бы мирно. Но депутаты хранили молчание, и это еще более раздражало народ.

В этот момент многочисленные голоса стали требовать, чтобы Бланки, находившийся у трибуны, выступил с речью. Его буквально внесли на трибуну и принудили говорить, хотя, как он сам утверждал впоследствии, он отнюдь не думал этого делать. Однако вынужденная речь Бланки была, безусловно, весьма впечатляющей, несмотря на ее относительно умеренный тон. Хотя она была непосредственно посвящена польскому вопросу, Бланки использовал свое выступление, чтобы коснуться животрепещущих политических вопросов. Прежде всего, говоря о руанских событиях, он потребовал освобождения всех арестованных и привлечения к ответственности виновников массовых убийств. Далее он упомянул о нужде народа. Народ требует от Национального собрания, заявил он, чтобы оно безотлагательно и неотступно занималось вопросом предоставления работы и обеспечения хлебом многих тысяч граждан, которые в настоящее время этого лишены. В этой связи он указывал, что экономический кризис не результат Февральской революции; он возник еще до революции и имеет глубокие социальные причины. Наконец, от имени народа он выразил сожаление, что людей, пользующихся его любовью, систематически отстраняют от власти. Речь Бланки, в которой он искусно связал международные вопросы с актуальными социальными проблемами, произвела большое впечатление и много раз прерывалась одобрительными возгласами. Теперь уже кричали не только «Да здравствует Польша!», но и «Да здравствует организация труда!». Тем самым менялся характер происходившей демонстрации; из манифестации в защиту Польши она превращалась в выступление, выдвигающее социальные требования.

Между тем народ все прибывал и прибывал. Повторные просьбы Луи Блана и Ледрю-Роллена покинуть помещение не приводили ни к каким результатам. Тогда вновь выступил Барбес. Он снова призвал Национальное собрание солидаризироваться с пожеланиями народа относительно Польши. Не ограничившись этим, он выдвинул теперь и ряд политических требований. Он предложил, чтобы Национальное собрание приняло постановление об удалении войск из Парижа, заявив, что в противном случае депутаты будут рассматриваться как изменники родины. Но главное его предложение заключалось в том, чтобы было принято решение о чрезвычайном налоге на богатых в размере 1 млрд. фр.

Впоследствии Бланки и бланкисты издевались над этим предложением Барбеса и отмежевывались от него. Бланки, противопоставляя свою позицию 15 мая позиции Барбеса, саркастически вопрошал: «Разве это он (т. е. Бланки.— А. И.) подсказал Барбесу его предложение о миллиарде?» А Менар характеризовал «знаменитое предложение о миллиарде» (издательское выражение Домманже) как «оплошность»¹²⁴. Однако совершенно иную оценку этому предложению Барбеса дали К. Маркс и Ф. Энгельс. В статье «Миллиард», опубликованной 16 марта 1849 г. в «Новой рейнской газете», говорилось, что в начале революции в Париже был расклеен подписанный рабочими плакат, в котором «прямо предлагалось потребовать обратно миллиард, дарованный эмигрантам в виде возмещения в 1825 году... Рабочие с восторгом читали плакат... они тысячами собирались у плаката и по своему обсуждали его содержание». Но Временное правительство вместо этого ввело 45-сантимный налог на крестьян, в результате чего те отшатнулись от революции. «При таких печальных для революции обстоятельствах наступило 15 мая. Требование Барбеса о миллиарде, хотя и облеченное в другую форму, подобно искре снова подействовало на народ и вызвало целый пожар. Даже июньская битва не могла вытравить мысль о миллиарде, и теперь, когда в Бурже начался процесс Барбеса, эта мысль все более захватывает крестьян... Агитация за возврат миллиарда уже охватила всю Францию, и если бы этот вопрос решался всеобщим голосованием, за него было бы подано еще больше голосов, чем за Наполеона. Требование возврата миллиарда — это первое революционное мероприятие, которое втягивает крестьян в революцию»¹²⁵.

В этот момент стала ясно слышна дробь барабанов. Вновь бросившись к трибуне, Барбес потребовал объявить изменником родины того, кто приказал созвать национальную гвардию. Председательствующий Бюше вынужден был на клочке бумаги написать распоряжение о том, чтобы прекратили бить сбор. Дробь барабанов временно прекратилась. Толпа, однако, и внутри и вне здания не расходилась.

Необычайная духота, царившая в помещении, шум и гам были настолько невыносимы, что многие почувство-

вали себя плохо. Юбер, больной туберкулезом, еле державшийся на ногах, упал в обморок и пролежал в обморочном состоянии в течение получаса. Когда он очнулся, то услышал дробь барабана. Кругом кричали, что бьют сбор национальной гвардии, чего, как мы знаем, он с самого начала опасался. О том, что тогда произошло, сам Юбер так рассказывал на суде. Он сразу понял: или демонстранты должны удалиться из здания Национального собрания и отступать по улицам, пробиваясь через шеренги национальных гвардейцев, что было бы повторением унижительного для рабочих 16 апреля, или оставаться на месте и быть пойманными там, как в мышеловке. Поэтому он подумал, что лучше все поставить на карту и предпринять решительный шаг, который мог бы круто изменить положение. Он решил объявить о роспуске Национального собрания, чего, по его словам, не осмеливались сделать (хотя стремились именно к этому) ни Бланки, ни Распайль. «Я утверждаю,— заявил он на суде,— что 15 мая народная партия не могла ничего потерять, но могла все выиграть, захватив власть»¹²⁶. Поэтому, взойдя на трибуну, он торжественно провозгласил: «Граждане! Собрание не хочет дать ответ народу! Ну, хорошо! Тогда я от имени народа, обманутого своими представителями, объявляю, что Национальное собрание распущено!»¹²⁷

В исторической литературе давно дебатруется вопрос о том, не было ли это заявление Юбера сознательной провокацией? Не рассматривая всю эту литературу, возьмем лишь последнюю работу, посвященную этой теме, а именно статью Блесделя «Алоиз Юбер и 15 мая 1848 г.», опубликованную в 1984 г. и как бы подводящую итог предыдущим исследованиям¹²⁸. Нельзя, конечно, согласиться с автором, пытающимся объяснить поведение Юбера с позиций фрейдизма. Ссылаясь на утверждение Делеклюза, что Юбер был наивен, как ребенок, он пытается изобразить его как человека экзальтированного и даже истеричного, который всегда хотел быть мучеником и поэтому готов был даже взять на себя вину других. Но с выводами Блесделя, что 15 мая Юбер отнюдь не дейст-

¹²⁶ Procès des accusés du 13 juin 1849, précédé du procès du citoyen Huber. P. 1849. P. 34, 43.

¹²⁷ Ménard L. Op. cit. P. 36.

¹²⁸ Blaisdell L. L. Aloysius Huber and may 15, 1848: New insights into an old mystery // International Review of Social History. 1984. Vol. 29, pt 1. P. 34–61.

¹²⁴ Dommanget M. Auguste Blanqui... P. 179.

¹²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 378–379.

вовал как провокатор можно, конечно, согласиться. Бледный справедливо указывает, что пущенные слухи о его связях с Мари и Маррастом не имеют никакого серьезного основания. Есть только два письма Юбера Мари, ничего по существу не говорящие. Нет так же никаких доказательств его близких связей с Маррастом. Мы знаем, что Юбер послал ему 14 мая письмо как председатель Центризаторского комитета с настойчивой просьбой не призывать национальную гвардию во избежание кровопролития. Но говорить на этом основании о каких-то подозрительных связях Юбера с Мари и Маррастом столь же нелепо, как, скажем, обвинять Бланки в «связях» с Ламартином на том основании, что он имел с ним свидание и вел с ним переговоры.

Мы знаем, что Юбер был противником «польской» манифестации и до конца высказывал в этой связи свои опасения. На суде он вновь повторил это, добавив, что, когда манифестация все же состоялась, он всячески стремился воспрепятствовать тому, чтобы неорганизованная толпа ворвалась в Национальное собрание. Это его заявление было подтверждено на суде всеми свидетелями. Так, Стевено показал: «На собрании 12 мая Юбер воспротивился организации манифестации и уступил лишь нехотя». Свидетель Шильман «рассказал о шагах, предпринятых Юбером, чтобы манифестация носила мирный характер. Он сам был на этой манифестации. Юбер сказал ему, когда они прощikli внутрь дворца Национального собрания: „Я совершенно обессилен, оставайся у этой двери и не допускай, чтобы через нее входили в здание; нужно предотвратить большое несчастье“». К этому Шильман добавил, «что он работал в Ратуше и никогда не слышал о каких-либо связях между Маррастом и Юбером». Свидетель Морис, участвовавший в собрании делегатов, созванном в связи с подготовкой манифестации, заявил, что «Юбер оспаривал идею манифестации и особенно энергично воспротивился, когда один из ораторов предложил пойти на нее вооруженными»¹²⁹. Такие свидетельства можно было бы умножить.

Итак, «провокатор», пытающийся предотвратить манифестацию, всячески стремящийся не допустить вторжения народа в Бурбонский дворец, большой и обессиленный, падающий в глубокий обморок — не слишком ли это странный способ организации провокации? Не разумнее

ли поверить вполне правдоподобному рассказу Юбера о мотивах, побудивших его, когда он очнулся и услышал барабанную дробь, провозгласить роспуск Национального собрания?

Не следует забывать также, что идея роспуска Национального собрания не возникла внезапно в голове лишь одного Юбера. Она буквально носилась в воздухе. Напомним, что многие «красные» клубы и «красные» газеты открыто и многократно провозглашали право народа Парижа разогнать «плохое» Национальное собрание. Таков был настрой и многих участников демонстрации. Недаром еще до выступления Юбера в зале распространялись списки с именами членов нового Временного правительства.

На процессе в Бурже Бланки пытался создать впечатление, что он был решительным противником шага, предпринятого Юбером: «Должен признаться, — заявил он, — что камень, упавший на мою голову с шестого этажа, не оглушил бы меня более этого». В подготовленных материалах к защите на Буржском процессе он даже писал, что будто бы посмотрел во время выступления Юбера на часы и, увидев, что было четыре часа с четвертью, сказал самому себе: «Вот время, когда совершена громадная ошибка»¹³⁰. Отвечая на эти заявления Бланки, Юбер во время процесса над ним сказал в заключительном слове следующее: «Я не обвиняю Бланки в измене, я буду гораздо справедливее и правдивее, чем он. Но что он делал там (в Национальном собрании. — А. И.)? Почему он не уходил оттуда? Чего ждал он в течение трех часов? Разве не ждал он чего-то вроде роспуска Национального собрания, и, так как для этого требовалось известное мужество, не ждал ли он, чтобы кто-то другой взял на себя эту инициативу? Если он этого не ждал, то что же он делал? Разве он хотел, чтобы национальная гвардия окружила и захватила нас? ... Поскольку он так осуждал роспуск Национального собрания, разве не мог ли он сделать другую вещь? Почему он не взошел на трибуну после меня и не крикнул: „Нет, собрание не распущено!“ Бланки имел свой персонал в амфитеатре, Бланки был влиятельным, его слушались, и положение изменилось бы»¹³¹. Действительно, зачем было Бланки смотреть на часы и что-то бормотать про себя, если он считал объявление о роспу-

¹²⁹ Procès des accusés du 13 juin 1848... P. 34–35.

¹³⁰ Wassermann S. Op. cit. P. 180.

¹³¹ Procès des accusés du 13 juin 1848... P. 44.

ске Национального собрания роковой ошибкой? Бланки сидел в то время на скамье для депутатов, и ему стоило только встать и поднять руку. Ему благоговейно внимали, и он мог, используя свой авторитет, свести на нет заявление Юбера. Но он даже не попытался сделать это. Он даже не пожелал помочь одному из своих самых близких приверженцев, морскому офицеру Дефлотту, который хотел было опровергнуть заявление Юбера, но которого никто, разумеется, не хотел слушать. Объяснение всему этому может быть только одно: Бланки, вопреки своим последующим уверениям, отнюдь не негодовал в связи с выступлением Юбера. Он принял участие в манифестации и более трех часов сидел в Национальном собрании, именно рассчитывая на такой поворот событий. К. Маркс в этом отношении совершенно категоричен. В «Классовой борьбе во Франции с 1848 по 1850 гг.» он писал: «Бланки, Барбес, Распайль и другие пытались 15 мая разогнать Учредительное собрание, ворвавшись во главе парижского пролетариата в зал заседаний»¹³².

После объявленного Юбером роспуска Национального собрания Бюше удалился со своего председательского места и почти все депутаты покинули зал заседаний. Это лишь создало у демонстрантов иллюзию, что разгон Национального собрания удачно осуществлен. Среди общего шума с трибуны зачитывались разные списки членов Временного правительства. В одном из них, сохранившемся в архиве, перечислялись, например, следующие имена: Ледрю-Роллен, Торе, Кабе, Бланки, Барбес, Флокон, Собрисе, Коссидьер¹³³. Вскоре стали слышны возгласы: «В Ратушу!» Такова была старая революционная традиция: новое правительство должно было быть провозглашено в Ратуше и там начать свою деятельность. Огромная толпа двинулась из Бурбонского дворца к зданию Ратуши. Она чуть ли не на руках несла присоединившихся к ней Барбеса и Альбера. Впоследствии, чтобы обелить Барбеса, некоторые стремились доказать, что Барбеса принудили идти в Ратушу чуть ли не силой. Но на процессе в Бурже он сам решительно это опровергнул, заявив, что он действовал не по принуждению, а вполне добровольно. Нигде на пути безоружный народ не встречал сопротивления. Генерал Тампур, командовавший мобильной гвардией, расположенной вокруг Бурбонского

дворца, хотя и отказался внять призыву Юбера и присоединиться к инсургентам, но приказал гвардейцам беспрепятственно пропустить их через мост на правый берег Сены. Некоторые из гвардейцев присоединились даже к толпе, а многие из них кричали: «Да здравствует Временное Правительство!» Примерно десятитысячная толпа, беспрепятственно двигаясь вперед, вскоре подошла к площади Ратуши. Охранявшие ее национальные гвардейцы и батальон республиканской гвардии, командиром которого был старый друг Барбеса полковник Рей, также беспрепятственно пропустили ее. Толпа овладела Ратушей. Находившийся там мэр Парижа Марраст спрятался в одном из кабинетов. Расположившись в Ратуше, Распайля, Пьера Леру, Торе. Одновременно Коссидьер В первой из них сообщалось о создании Временного правительства в составе Барбеса, Ледрю-Роллена, Альбера, Распайля, Пьера Леру, Торе. Одновременно Коссидьер был оставлен в должности префекта полиции. Национальной гвардии предписывалось разойтись по своим кварталам. Во второй прокламации новое Временное правительство извещало о своем намерении предъявить ультиматум России и Пруссии о восстановлении Польши, а в случае его отклонения объявить им войну¹³⁴.

Спонтанный характер развернувшихся событий лучше всего иллюстрирует то, что в состав Временного правительства был включен Ледрю-Роллен (его имя фигурировало и в предварительных списках), а Коссидьер был оставлен в должности префекта полиции. Между тем Ледрю-Роллен вместе с Ламартином как раз готовился в это время с помощью вооруженной силы подавить народное выступление, а Коссидьер, занимавший более чем двусмысленную позицию, поспешил покинуть префектуру полиции. Внезапность попытки захвата власти иллюстрируется и следующим. Возглавившие эту попытку Барбес и Альбер не сумели и не успели даже использовать имевшиеся в их распоряжении возможности. А эти возможности не были такими уж незначительными. 18 мая, подводя итоги имевшим место событиям, «Попюлер» указывал, что в Ратуше были пушки, оружие и боеприпасы, что 12-й легион национальной гвардии, которым командовал Барбес, насчитывал около 28 тыс. человек, и большая часть гвардейцев была ему предана, что имелись «монтаньяры» префектуры полиции. Но все эти силы

¹³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 51.

¹³³ Archives nationales. С. 940.

¹³⁴ Rapport de la commission d'enquête... I, 116.

не были использованы¹³⁵. Это и понятно. Ведь Барбес еще утром, отправившись как депутат на заседание Национального собрания, и не думал о том, что может произойти. А прибыв в Ратушу, он не имел ни времени, ни возможности установить контакт со своим легионом. Что касается «монтаньяров», большинство которых находилось под влиянием Бланки, то они по имеющимся данным были охвачены глубоким брожением. Среди них даже раздавались возгласы: «Да здравствует Бланки! Да здравствует Барбес!»¹³⁶ Но ни от Бланки, ни от кого-либо другого не поступало никаких указаний.

Бланки вышел из Бурбонского дворца одним из последних. По некоторым сведениям, он отправился к Круссу, обитавшему на набережной Месажерии, по другим, по-видимому более достоверным, — в кафе на улице Сен-Дени. Но это не имеет существенного значения. Из обоих этих пунктов он мог следить за событиями, разворачивавшимися в Ратуше и вокруг нее, продолжая, таким образом, оставаться в роли наблюдателя, с тем чтобы затем действовать сообразно сложившимся обстоятельствам. Даже такая поклонница Бланки, как Вассерман, пишет по этому поводу следующее: «Каким бы ни было мнение Бланки о самой манифестации, момент, чтобы отстраниться, был выбран неудачно, нужно было или попытаться остановить манифестантов, или возглавить их, но оставаться в бездействии, предоставить все ходу событий было недостойно роли вождя... Как и 25 февраля, как и 17 марта, как и 16 апреля, в момент, когда нужно было действовать, Бланки уклонялся, не считая случай благоприятным»¹³⁷.

Между тем события развивались быстро. Захват Ратуши продлился всего час. Марраст, оставшийся в здании, разослал приказы новым батальонам национальной гвардии, которые подошли к площади с возгласами «Да здравствует Национальное собрание!» и окружили Ратушу. Барбес и Альбер были немедленно арестованы. Одновременно в очищенный от посторонних зал Национального собрания вернулись депутаты и возобновили заседание. Они приняли резолюцию с выражением благодарности национальной и мобильной гвардии и армии. Узнав от прибывшего на заседание Марраста об аресте Барбеса и Альбе-

ра, они санкционировали их арест, а также арест генерала Куртэ.

В тот же вечер начались массовые репрессии. Был арестован Собрисе, пытавшийся, по некоторым сведениям (о чем было официально заявлено в Национальном собрании), завладеть министерством внутренних дел; национальные гвардейцы вторглись в его резиденцию на улице Риволи, захватили всех, кто там находился, сломали мебель, унесли деньги, посуду и все ценные предметы. Был арестован Распайль, произведены обыски в квартирах Бланки и Флотта. Только 15 мая были арестованы 139 человек¹³⁸, в последующие дни были арестованы Ланамбр, Фомберто-отец, Дефлотт и многие другие, в том числе Пьер Леру. Вскоре число арестованных достигло нескольких сот человек; правда, большинство из них были затем отпущены. Бланки попытался скрыться, но на этот раз ему не удалось, как в 1839 г., скрываться несколько месяцев. Через десять дней, 26 мая, он был арестован в доме одного своего знакомого.

22 мая были официально запрещены Центральное республиканское общество и Клуб друзей народа Распайля. Заседания Клуба революции были прерваны на десять дней, хотя у правительства не было предложения, чтобы его окончательно распустить, поскольку клуб этот отказался участвовать в манифестации 15 мая. Правительство поспешило также распустить отряд «монтаньяров» префектуры полиции, политическая неблагонадежность которого ни для кого не являлась тайной.

Подчеркнем один важный момент, который иногда недостаточно учитывается историками. И власти, и буржуазные политические деятели, и буржуазная пресса пытались использовать события 15 мая для новой антикоммунистической травли, приписывая эти события «заговору» коммунистов и социалистов. Это нашло свое выражение в том, что уже вечером 15 мая национальные гвардейцы вторглись в квартиру Кабе и разгромили ее, хотя Кабе и Центральное братское общество не имели ни малейшего, хотя бы косвенного, отношения к событиям этого дня. Кабе, предупрежденный друзьями, был вынужден вновь, как и 16 апреля, временно скрываться. Он опубликовал в «Попюлере» декларацию протеста и подробное описание разгрома его квартиры. Он сообщал также, что повсюду говорили об его аресте, а один национальный гвардеец

¹³⁵ Populaire. 1848. 18 mai. P. 1.

¹³⁶ Rapport de la commission d'enquête... I, 145-146.

¹³⁷ Wassermann S. Op. cit. P. 181.

¹³⁸ Listes des detenus // Archives nationales. C. 932A.

даже хвалился 16 мая утром, что они арестовали «этого бандита Кабе». Буржуазная газета «Пресс» распространила в тот день ложное сообщение, что вторгшуюся в Национальное собрание толпу возглавляли Барбес, Бланки, Кабе и Распайль¹³⁹. Это было началом той антикоммунистической свистопляски, которая вновь началась во Франции после майских событий.

Процесс обвиняемых по делу 15 мая (к судебной ответственности были привлечены в конечном счете 21 человек) состоялся лишь 7 марта — 2 апреля 1849 г. Дело рассматривалось в Бурже специально созданным Верховным судом. Мы не стали бы касаться этого процесса, если бы не один происшедший на нем инцидент, связанный с Юбером.

Юберу удалось скрыться и бежать в Англию. Оттуда он прислал в адрес Комиссии по расследованию подробное письмо, помеченное 1 августа 1848 г.¹⁴⁰ В нем он брал на себя всю ответственность за события 15 мая. Провозглашая роспуск Национального собрания, он ни с кем не договаривался; не было никакого заговора, и только он один несет всю ответственность. «Как бы тяжела ни была эта ответственность, я ее беру на себя, я даже на ней настаиваю, не желая, чтобы она была возложена на людей, арестованных в связи с майскими событиями, за поступок, виновником которого являюсь я один. Если имеется виновный, то это только я; я готов отдать себя в ваше распоряжение; но преследуйте только меня, если вы не хотите, чтобы жертвой закона стали невинные люди».

И вот вдруг на заседании суда в Бурже выступил в качестве свидетеля бывший секретарь префектуры полиции Монье, заявивший, что он нашел в досье Юбера в префектуре полиции письма и доклад, оригинал которого находится в архиве. На суде было оглашено лишь «резюме» доклада, представленного будто бы летом 1838 г. за подписью Юбера префекту полиции. Чтобы понять, о чем шла речь, напомним следующее. Еще в 1836 г. Юбер, замешанный в одном заговоре, был присужден к тюремному заключению. В мае 1837 г. он подпал под амнистию, объявленную в связи с браком герцога Орлеанского, но в декабре был вновь арестован в связи с участием в новом заговоре с целью покушения на короля.

Из «резюме», представленного Монье, следовало, что Юбер систематически информировал полицейские власти об этом новом заговоре, возглавлявшемся Штеблем, Грувилем и другими. Распайль, проговорившийся, что и у него была копия этого документа, тут же стал открыто обвинять Юбера за события 15 мая и выразил удивление, как ему удалось бежать в Англию. Барбес спросил, рукой ли Юбера написаны представленные документы, на что Монье ответил, что не знает его почерка, но документы находятся в архиве, и поэтому это легко проверить. На последующих заседаниях суда Барбес повторно, но тщетно добивался, чтобы была проверена подлинность документов, приписываемых Юберу¹⁴¹.

Эти «разоблачения» Монье, с нескрываемым удовлетворением встреченные не только Распайлем, но, к сожалению, и Бланки (и ему было выгодно изображать себя невинной жертвой полицейского провокатора), вызвали, однако, тягостное недоумение среди коммунистов-революционеров. Издававшийся в то время Эженом Фомберто и Шаравэ орган революционного коммунизма «Социальная коммуна» по этому поводу писал: «Как Юбер, являвшийся в течение 15 лет одним из самых отважных солдат демократии, Юбер, который, едва достигнув мужского возраста, со всей страстью посвятил себя святому делу человечества, Юбер, чье тело было умерщвлено во всех темницах, во всех карцерах — начиная от Консьержери и кончая Мон-Сен-Миселем; наконец, Юбер, который чуть не умер в тюрьмах Тура после десятилетнего заключения, этот Юбер был одним из сеидов полиции? Наше сердце отказывается этому верить»¹⁴².

Действительно, это обвинение было абсурдным по своему существу. Человека, сообщившего будто бы полиции о заговоре и тем самым предотвратившего убийство короля, приговаривают к пожизненному заключению и держат в тюрьмах вплоть до революции, в самых нечеловеческих условиях, в результате чего он заболевает чахоткой и превращается в калеку. Все это было совершенно непонятным.

Откуда же появился «документ» Монье? В архиве префектуры полиции имеется копия этого «документа»¹⁴³; и можно лишь изумляться, что ни один историк не удо-

¹⁴¹ Procès des accusés du 15 mai... P. 96, 103, 140.

¹⁴² Commune sociale: Journal mensuel des travailleurs. 1849. Mars. N 4. P. 28 // BN. Jo 1938.

¹⁴³ Archives de la Préfecture de police. A/a 428.

¹³⁹ Populaire. 1848. 18 mai. P. 1.

¹⁴⁰ Rapport de la commission d'enquête... II, 107—111.

сужился на него взглянуть. В его заголовке говорится, что это данные, касающиеся одного из обвиняемых по делу о событиях 15 мая. Следовательно, этот «документ» появился лишь после этих событий, в связи с процессом в Бурже. Но наиболее интересной является резолюция о приобщении этого «документа» к делу. В ней недвусмысленно сказано, что «об этом до сих пор ничего не было известно». А ведь Монье утверждал, что в префектуре полиции уже имелось целое досье на Юбера.

26 марта 1849 г., узнав о выдвинутых против него обвинениях, Юбер отправил из Лондона письмо «в одну социалистическую газету» (как сказано в протоколе), в котором сообщал, что, поскольку реакция не щадит ни одного самоотверженного республиканца, его не удивляет направленная против него «гносная клевета». Если демократы-социалисты сочтут это необходимым, то он немедленно отправится в Бурж. При всех обстоятельствах он просил создать суд чести, чтобы рассмотреть выдвинутые против него обвинения¹⁴⁴. Но, не дождавшись ответа и едва сумев собрать у друзей деньги, необходимые на покупку билета, Юбер прибыл во Францию с тем, чтобы отправиться в Бурж. По дороге, в Вьерзоне, он был арестован, но все же доставлен в Бурж. Однако председатель Верховного суда отказался допустить его на процесс и распорядился отправить в Париж¹⁴⁵.

«Эта новость, распространившаяся в аудитории к моменту закрытия заседания, произвела самое сильное впечатление», говорится в судебном протоколе: Действительно, этого никто не мог ожидать. Этого, разумеется, не могли ожидать ни Распайль, ни Бланки. Трудно было себе представить, чтобы человек, сумевший найти убежище в Англии, мог добровольно вернуться во Францию, зная, что тем самым обрекает себя на каторгу.

Юбера, однако, не допустили, как видим, на процесс в Бурже. Просидев несколько месяцев в тюрьме, он предстал перед судом лишь в октябре 1849 г. Его судил Верховный суд в Версале, созванный в связи с процессом над обвиняемыми по делу о демонстрации 13 июня 1849 г.¹⁴⁶ Юбер сразу же заявил, что прибыл из Англии и предстал перед судом не для того, чтобы защитить себя от обвинений, связанных с событиями 15 мая, так как он

ничего не отрицает и полностью отвечает за свои действия, за которые несет ответственность лишь он один. Он предстал перед судом, чтобы защитить свою честь и опровергнуть клеветнические обвинения, выдвинутые против него на процессе в Бурже. Задача Юбера была не из легких. Председатель Верховного суда не только не шел ему навстречу, но, наоборот, всячески подчеркивал, что его судят за участие в майских событиях и что вопрос о возведенной на него клевете не относится к делу. Суд повторно отверг, в частности, его требование вызвать для очной ставки в качестве свидетелей Бланки и Распайля.

Юберу все же удалось добиться согласия суда затребовать из префектуры полиции его досье. И тут произошел невероятный конфуз. «Гражданин секретарь суда, — как сказано в протоколе, — зачитывает письмо префекта, в котором он сообщает, что не может представить это досье, поскольку оно, очевидно, было сожжено, как и все досье тайных агентов, и что даже если бы оно еще существовало, его нельзя найти, потому что оно принадлежало предшествующей администрации»¹⁴⁷. Тогда раздался возглас Юбера: «А может быть, его вообще не существовало?» Действительно, ведь Монье, составивший свое «резюме» после событий 15 мая, повторно уверял на процессе в Бурже, что держал в руках это досье и что оно находится в архиве. Теперь стало совершенно бесспорным, что он попросту лгал.

Все вызванные по делу свидетели, давая показания, связанные с событиями 15 мая, с негодованием отвергали клевету на Юбера. Стевено засвидетельствовал, что еще до показаний Монье Юбер писал ему из Лондона о намерении вернуться во Францию и предстать перед судом, дабы спасти остальных обвиняемых. Кинью заявил: «Я знаком с Юбером очень давно: политический заключенный, как и он, я знаю, что в тюрьме все преимущества, которыми он пользовался, заключались в том, что он всегда был закован в самые тяжелые цепи и всегда содержался в самых ужасных карцерах». Нугес также утверждал: «Я был политическим заключенным вместе с Юбером. Если он имел в тюрьме какую-либо привилегию, то она всегда заключалась лишь в том, что к нему относились с большей суровостью»¹⁴⁸.

Вызванный для допроса Монье сперва заявил, что он подтверждает то, что говорил в Бурже, но, отвечая на

¹⁴⁴ Procès des accusés du 15 mai... P. 120.

¹⁴⁵ Ibid. P. 129.

¹⁴⁶ Procès des accusés du 13 juin 1849, précédé du procès du citoyen Huber. P. 10—49.

¹⁴⁷ Ibid. P. 33.

¹⁴⁸ Ibid. P. 34—35.

вопросы Юбера, окончательно запутался в своих показаниях. Теперь он говорил, что все документы в досье Юбера были написаны одной рукой, а в Бурже он утверждал, что письма были написаны одной рукой, а доклад — поддельным почерком. Юберу удалось установить, что он имел через племянника связи с Распайлем. Прижатый к стенке, Монье вынужден был в конце концов заявить: «Что касается того, был ли Юбер агентом королевской или республиканской полиции, я не могу на это ответить, так как нахожусь в полном неведении»¹⁴⁹. Но в чем же тогда был смысл представленного им «резюме?».

Алоиз Юбер, бесспорно, одна из трагических фигур в истории. Он прожил сравнительно короткую жизнь, на 26 лет меньше, чем Бланки, проведя 13 лет в тюрьмах и 3 года на каторге. Но Бланки и другие революционеры при жизни и после смерти пользовались славой. Имя же Юбера, с юношеских лет включившегося в революционное движение, было облито грязью. И теперь, 140 лет спустя, в исторической литературе, к сожалению и в советской, вспоминают не о его революционных заслугах, а говорят о нем, как о «подозрительном субъекте», как о «полицейском агенте», как о «провокаторе». Думается, что настало время сказать правду о человеке, даже в тюрьме защищавшем и обосновывавшем коммунистические идеалы и видевшем единственный смысл жизни в борьбе за «победу социализма».

¹⁴⁹ Ibid. P. 37.

Абгар Рубенович Иоаннисян

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 года во ФРАНЦИИ и КОММУНИЗМ

М.: НАУКА. 1989

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2010. Книга подготовлена в виде сканов (5 pdf файлов) и выложена по главам в нашей библиотеке и сообществе: <http://www.diary.ru/-vive-liberta/p113481602.htm>

Предисловие

Глава I. Участие коммунистов в Февральской революции. Вечер 25 февраля. Афиши и прокламации. Газеты Дезами, Эскироса, Констана и Торе. «Красная» пресса в марте—апреле 1848 г.

Глава II. Проекты «организации труда». Пропаганда коммунизма икарийской школой. Вильгардель, Масе, Гарен де Витри. «Индивидуализм и коммунизм». Оуэнистские проекты. Антикоммунистические брошюры

Глава III. Парижские клубы. Коммунистические клубы: Центральное братское общество, Клуб братских друзей, Клуб журнала «Фратерните», Клуб Горы, Клуб неподкупных, Клуб будущего и другие. Центральное республиканское общество. Клуб революции. Общество прав человека и гражданина. Манифестация 17 марта. Клуб клубов и агитация в департаментах. Программы коммунистических кандидатов в депутаты

Глава IV. «Документ Ташеро». Антикоммунистическая кампания и преследования коммунистов. Демонстрация 16 апреля и ее последствия. Выборы в Национальное собрание и обострение политического кризиса. События 15 мая

Глава V. Накануне решающей битвы. Клубы. Собрания под открытым небом. «Красная» печать. Коммунистическая агитация

Заключение

Глава пятая

Накануне решающей битвы. Клубы. Собрания под открытым небом. «Красная» печать. Коммунистическая агитация

I

Пять недель, отделяющие события 15 мая от июньского восстания, были периодом необычайного обострения социальных и политических противоречий. С одной стороны, быстро усиливалась буржуазная реакция. Не только роялисты различных оттенков, но и буржуазные республиканцы, в чьих руках находилось Национальное собрание и правительство, не скрывали уже своего намерения окончательно ликвидировать скромные и подчас даже символические социальные завоевания Февральской революции, т.е. те «социальные учреждения», которыми, по словам К.Маркса, республика вынуждена была себя обставить непосредственно после революции. Обещания «организации труда» были официально преданы забвению еще в начале мая, когда Национальное собрание, едва приступив к своей деятельности, поспешило отклонить предложение о создании министерства труда и прогресса. Теперь открыто обсуждался вопрос о ликвидации национальных мастерских. Одновременно буржуазные круги не скрывали враждебного отношения к политической активности рабочих масс, находившей свое выражение в деятельности народных клубов, в «красной» прессе, в «сборищах» и других публичных выступлениях на улицах Парижа. «Необходимо покончить со всем этим» — таков был лозунг буржуазной реакции.

Но в то же время усиливалось брожение среди парижского пролетариата. Рабочие все более осознавали, что их предали и обманули. Коммунисты и социалисты различных направлений реалистически оценивали создавшееся положение, разоблачали и клеймили реакцию, призывали вести борьбу за «социальную революцию», за ликвидацию буржуазного общественного строя, за коренное преобразование общества. Не только продолжали свою активную деятельность многие прежние клубы, но даже делались попытки организовывать новые. Появля-

лись и распространялись новые органы «красной» печати. Накануне решающей битвы между буржуазией и пролетариатом положение в Париже было крайне напряженным и тревожным.

События 15 мая, безусловно, отрицательно сказались на «клубном движении». Официально были запрещены лишь два клуба — Центральное республиканское общество Бланки и Общество друзей народа Распайля. Внесенное 18 мая в Национальное собрание одним из депутатов предложение о запрещении всех клубов не было принято, так как Национальное собрание еще не решалось открыто отменить провозглашенное революцией право ассоциаций. Но все же число клубов к тому времени значительно сократилось. По словам Аманна, ему удалось обнаружить упоминания о деятельности во второй половине мая и в июне всего 48 клубов¹. Правда, он делает оговорку, что поскольку речь идет главным образом о данных печати, цифра эта весьма относительна, так как о некоторых клубах газеты могли ничего не сообщать. Несомненно одно, что общее число клубов заметно уменьшилось по сравнению с периодом расцвета «клубного движения» в марте—апреле. Косвенным подтверждением этому является следующий факт. Если в свое время к Клубу клубов в связи с подготовкой выборов в Национальное собрание примкнули 149 клубов, то к Центральной комиссии по проведению демократических выборов, организованной в связи с дополнительными выборами в Париже 4—5 июня, примкнули всего 35 клубов.

Конечно, говоря о сокращении числа клубов, нужно иметь в виду, что некоторые малочисленные клубы, видимо, не ликвидировались, а объединялись. В Национальной библиотеке хранится, например, афиша от 27 мая, в которой сообщается, что известный нам коммунистический Клуб неподкупных и Клуб рынка (Club des Halles) решили объединиться и впредь функционировать как единый клуб². Весьма вероятно, что этот случай не был единственным и что подобным образом объединились и ряд других клубов. Но только этим нельзя объяснить резкое сокращение общей численности клубов. Оно было, несомненно, связано с мерами властей по свертыванию их деятельности. Наиболее эффективной из них была

следующая. Мэр Парижа Марраст отдал распоряжение, запрещавшее клубам проводить заседания в общественных зданиях, в частности в школах. Многие же клубы рабочих предместий не имели средств для найма помещений. Эта мера, таким образом, носила открыто классовый характер и была направлена против народных пролетарских клубов, «клубов бедняков», как тогда говорили. Это было одним из характерных проявлений усиливавшейся после событий 15 мая буржуазной реакции.

Как бы то ни было, оставшиеся клубы были в те критические недели весьма активны. Главенствующую роль играли в эти дни два больших клуба — Клуб революции и Общество прав человека и гражданина.

Как мы видели, события 15 мая, приведшие к аресту Барбеса, прервали на время деятельность Клуба революции. Но уже 25 мая он возобновил свои заседания. В начале июня к нему примкнули некоторые бывшие члены Центрального республиканского общества, в том числе Дефлотт, Жирар, Савари, а также члены других клубов, прекративших свое существование, как, например, Керсози, будущий военный руководитель июньского восстания, входивший прежде в Общество друзей народа Распайля, или Боден, бывший председатель коммунистического Клуба будущего. Таким образом, состав Клуба революции пополнился многими видными коммунистами и революционерами, что не могло не содействовать его радикализации, хотя в нем имелось и довольно сильное умеренное крыло.

Клуб революции демонстративно переизбрал своим председателем Барбеса, заключенного в Венсене, решив оставить его председательское кресло свободным. 2 июня в Клубе было зачитано послание Барбеса, в котором он благодарил членов клуба за «акт храбрости», т. е. за переизбрание его председателем; он всегда мечтал, чтобы они играли в нынешней революции ту роль, которую якобинцы сыграли в первой; теперь, когда реакция поднимает голову, это более чем необходимо. Естественной преградой для контрреволюции являются народные общества; он призывал поэту сипотить вокруг себя эти общества и привить им свой боевой дух. В ответном обращении клуба к Барбесу говорилось: «Свобода, равенство, братство находятся под угрозой... Вокруг нас ежедневно усиливается реакция... Надвигается новый социальный кризис; ответственность за него будут нести те, кто его спровоцирует». Обращение заканчивалось словами: «Мы

¹ *Amann P. H. Revolution and Mass Democracy.* (N. J.) 1975. P. 243.

² *Bibliothèque Nationale. Lb⁵⁴, 269* (далее: BN).

ждем тебя; до скорого свидания, Барбес»³. Уже одно это обращение, как и неоднократное провозглашение на его заседаниях лозунга «Да здравствует демократическая и социальная республика!», свидетельствуют о политической позиции Клуба революции накануне июньских событий.

Весьма активную роль в недели, предшествовавшие июньскому восстанию, продолжало играть Общество прав человека и гражданина. Мы знаем, что с самого начала оно было построено по образцу прежних тайных обществ. В конце мая и в июне, как свидетельствуют краткие протокольные записи его секретаря Жиле, Общество все больше уделяло внимание укреплению своей подпольной военной организации⁴. Не касаясь здесь спорного вопроса о роли Общества прав человека и гражданина в июньском восстании, скажем лишь, что нельзя отрицать, что многие его члены приняли в нем самое непосредственное участие.

В те недели возникает и несколько новых клубов. В конце мая был основан Клуб социальной организации (Club de l'organisation social), переименованный в июне в Клуб социального объединения (Club de la reunion sociale); его председателем был доктор Ломбар. Этот клуб, который Люка характеризует как коммунистический, был не чем иным, как попыткой воссоздания прежнего Клуба прогресса, руководимого Юбером и прекратившего свое существование после событий 15 мая⁵. В Национальной библиотеке сохранилась афиша от 30 мая⁶, извещавшая об учреждении Клуба социальной организации для изучения прав и обязанностей, вытекающих из свободы и братства, без которых нет равенства. «Равенство обязывает нас видеть во всех людях наших равных в правах и обязанностях». В полицейском донесении, опубликованном в материалах следственной комиссии, среди клубов, пропагандирующих «анархические идеи», упоминается и этот клуб, в котором «восхваляют Барбеса, Кабе, Бланки и тому подобных»⁷.

³ Wassermann S. Les clubs de Barbès et de Blanqui. P., 1913. P. 193–195. Полный текст обращения Клуба революции к Барбесу опубликован в материалах следственной комиссии. См.: Rapport de la commission d'enquête... II, 94–95.

⁴ Amann P. H. Op. cit. P. 257–258.

⁵ Lucas A. Les clubs et les clubistes. P., 1851. P. 186.

⁶ BN. Lb⁵⁴, 285.

⁷ Rapport de la commission d'enquête... P. 98.

Одновременно, несмотря на запрет, предпринимались попытки восстановить и Центральное республиканское общество. Одна была предпринята Лакамбром во второй половине мая. Из его неизданных воспоминаний мы узнаем, что Лакамбр, находившийся в то время в подполье, созвал однажды вечером многих бывших членов Центрального республиканского общества у ворот Сен-Дени, где в то время происходили многочисленные собрания, что облегчало подобное нелегальное собрание, на котором было принято решение основать новый клуб, для которого удалось отыскать помещение на улице Шаброль. На первом заседании этот клуб принял название Клуб трудящихся (Club des travailleurs). По предложению Лакамбра было решено ежедневно собираться сперва под открытым небом — для ведения пропаганды, а затем на улице Шаброль. Так продолжалось несколько дней, но 28 мая Лакамбр был арестован⁸.

В материалах следственной комиссии имеются упоминания о некоем клубе на улице Реколе, который характеризуется как «осколок клуба Бланки, анархический клуб». Как видно из полицейских донесений, клуб призывал рабочих национальных мастерских не покидать Париж и не ехать на работу в провинцию. В одном из таких донесений клуб на улице Реколе назван Центральным клубом объединенных трудящихся⁹.

Но подлинным преемником Центрального республиканского общества стал Клуб народа (Club du peuple), основанный 17 июня Эскиросом. Этот клуб преследовал цель вновь объединить бывших членов Центрального республиканского общества, избежавших преследований. Об этом свидетельствовал сам состав руководства клуба: его председателем был Эскирос, вице-председателями Дефлотт и Лашамбоди, секретарями Фейатр, Бери, Лоуре, Эжен Фомберто-сын (отец был арестован). Среди членов-основателей были Марш, Морель, Жавело и многие другие бывшие члены Центрального республиканского общества, в том числе много коммунистов¹⁰. Клуб народа просуществовал всего несколько дней и не успел развернуть свою деятельность. Но его политическое направление не вызывает никаких сомнений. В материалах следственной комиссии он характеризуется как «осколок Центрального

⁸ Dommanget M. Auguste Blanqui et la Révolution de 1848. P., 1972. P. 191–192.

⁹ Rapport de la commission d'enquête... II, 196–197.

¹⁰ Ibid. II, 97.

республиканского общества, проповедующий анархические взгляды». Люка писал об этом клубе: «22 июня 1848 г. в зале Клуба народа открыто проповедовали необходимость уничтожения буржуазии и гражданскую войну. На следующий день, 23 июня, наличие в этом зале тридцати пяти раненых и около двадцати трупов свидетельствовало, что поучения Эскироса, Дефлотта и всех прочих принесли свои плоды»¹¹.

Революционная агитация велась не только в клубах. В конце мая и начале июня по вечерам на бульварах, главным образом у ворот Сен-Дени и Сен-Мартеша, на площади Бастилии и в других местах собирались тысячные толпы народа, среди которых было много рабочих национальных мастерских. На этих «сборищах», как их называли власти, выступали различные ораторы и обсуждались актуальные вопросы. Как свидетельствуют архивные документы, открыто выражалась солидарность с теми, кто попытался 15 мая разогнать Национальное собрание. Буквально каждый день префектура полиции сообщала, что участники многочисленных сборищ кричали: «Да здравствует Барбес!»¹² Имя Бланки не упоминалось, поскольку в событиях 15 мая он играл пассивную роль. в то время как Барбес попытался возглавить новое революционное Временное правительство, а поэтому его популярность в те дни была огромной.

В то же время из архивных материалов мы узнаем (а это еще более важно и интересно), что на сборищах открыто велась коммунистическая пропаганда. В докладе префекта полиции от 5 июня читаем: «На площади Пантеона и на углу улицы Клотер расположилась группа — примерно 100 рабочих, которые обсуждают доктрину коммунизма; среди этой группы царит большое оживление, но мнения весьма различны». В докладе от 6 июля говорится: «Среди собравшихся у ворот Сен-Дени распространяли брошюру, озаглавленную „Наставление о коммунизме“ (Instruction du communisme)». 8 июня префект повторно сообщал: «Среди групп продают брошюру, озаглавленную „Наставление о коммунизме“ (Instruction sur le communisme)». 9 июня он писал, что между 7 и 8 часами вечера у ворот Сен-Дени образовалось сборище, пели революционные песни и кричали: «Да здравствует Барбес! Да здравствует Кабе!»¹³

По мере приближения июньских событий все более активно обсуждался вопрос о необходимости вооруженной борьбы. В одном донесении о происшедшем в те дни многолюдном собрании на площади Бастилии отмечалось: «Беспрестанно рассматривался вопрос о вооруженной борьбе для низвержения Национального собрания. Там один высокий и худой человек... говорил о социализме. Будучи рабочим, он пользовался известным авторитетом среди различных групп. Ошибка народа в феврале, утверждал он, состояла в том, что наши депутаты не были назначены на самих баррикадах»¹⁴.

Уже в начале июня правительство решило принять репрессивные меры против «незаконных сборищ». 5 июня министр внутренних дел внес в Национальное собрание соответствующий законопроект, который после коротких дебатов был 7 июня принят подавляющим большинством голосов; он был поистине драконовским по сравнению даже с законодательством, действовавшим в эпоху Июльской монархии. Согласно этому закону, запрещались любые вооруженные сборища, а также невооруженные, если они нарушали общественный порядок. При этом вооруженным сборищем считалось любое скопление народа, на котором присутствовал хотя бы один вооруженный человек, причем вооруженный даже не огнестрельным, а хотя бы холодным оружием, например саблей. Такое толкование понятия «вооруженное сборище», как и ссылка на «нарушение общественного порядка», также допускавшая самое произвольное толкование, фактически предоставляло властям право разгонять любые народные собрания и подвергать их участников суровым карам.

Этот откровенно реакционный закон, ликвидировавший фактически одно из пемногих завоеваний Февральской революции — право публичных собраний, вызвал всеобщее возмущение в демократических кругах. В своем протесте Клуб революции напоминал депутатам, что право собраний было завоевано на февральских баррикадах, что Национальное собрание торжественно обещало санкционировать права, завоеванные революцией, но теперь, лишь месяц спустя, оно посягнуло на них законом против сборищ. Тем самым депутаты превысили свои полномочия и злоупотребили властью. Еще более резкий характер носил протест Общества прав человека и гражданина — протест, к которому Общество предложило

¹¹ Lucas A. Op. cit. P. 189.

¹² Archives nationales. C. 932^B.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. C. 934.

присоединиться всем другим клубам. В нем содержалось откровенное предупреждение: «Гнет приводит к взрыву, а разве народ не имеет оснований тревожиться, видя появление декрета, суровость и возмутительная несправедливость которого оставляют далеко позади сентябрьские законы, против которых народ восстал как один человек». В этом протесте осуждение закона о сборищах связывалось с требованием вывода из Парижа войск, которые во все возраставшем количестве стягивались в столицу¹⁵.

В те июньские дни была предпринята попытка организовать грандиозный «народный банкет», банкет «братства трудящихся», или «банкет в пять су», как его называли, поскольку его участники должны были вносить всего по пять су, т. е. 25 сантимов. Инициаторами банкета были рабочие национальных мастерских и газета «Отец Дюшен». Предполагалось, что в банкете примут участие около 300 тыс. человек. Видимо, основной целью этой массовой демонстрации было предостеречь власти от каких-либо попыток роспуска национальных мастерских. Но этот проект сразу же был встречен в штыки буржуазной прессой, буржуазными политическими деятелями и правительственными властями. Газета «Национальное собрание» писала, что подлинной целью подобной манифестации является установление «красной республики». Ей вторили и другие органы буржуазной печати. Открыто выражалось опасение, что если банкет в 12-м округе Парижа послужит непосредственным толчком для свержения Июльской монархии, то грандиозный пролетарский банкет приведет к низвержению буржуазной республики.

Вопрос о «банкете народа» вызвал разногласия и внутри клубов. Многие опасались, что подобная массовая манифестация может выйти за рамки мирной демонстрации; боялись повторения событий 15 мая, того, что стихийное выступление рабочих даст повод буржуазной реакции окончательно расправиться с ними. В Клубе революции один из ораторов говорил об «эгоизме класса буржуазии, которая ждет лишь случая, чтобы сокрушить демократию». Даже коммунист Боден заявил, что в условиях «буржуазного террора» необходимо предотвратить этот банкет, «так как мы не хотим вести наших братьев на бойню». Аналогичные опасения высказывали члены Общества прав человека и гражданина; они даже приняли специальную резолюцию об отсрочке банкета, поскольку

ку антидемократические силы могли использовать подобное многолюдное собрание в провокационных целях. Мы не будем излагать подробности переговоров представителей различных клубов с организаторами банкета. Скажем лишь, что в конце концов было решено отложить банкет до 14 июля. После июньского восстания банкет, разумеется, не состоялся. Мы упомянули здесь о проекте организации этой массовой народной демонстрации, как о лишнем свидетельстве брожения среди рабочих столицы, особенно среди рабочих национальных мастерских¹⁶.

В этой напряженной политической обстановке 4–5 июня состоялись в Париже дополнительные выборы в Национальное собрание в связи с тем, что в апреле некоторые депутаты были избраны одновременно в ряде избирательных округов и в связи с аннулированием выборов в одном избирательном округе. Различные клубы составляли многочисленные списки «красных» кандидатов в депутаты. Среди них была и кандидатура Эскироса, «кредо» которого было опубликовано в «Коммуне Парижа»¹⁷. «В настоящее время, — говорилось в нем, — во Франции имеются лишь две партии: люди, служащие революции и те, которые ее предают... Национальное собрание является лишь вторым изданием Палаты Луи-Филиппа... со всех сторон наступает и брызжет слюной реакция». Имеются, однако, люди, хорошо знакомые с бедствиями рабочего класса и стремящиеся положить им конец; они хотят завершить эру революций путем достижения всеобщего счастья, братства и справедливости. На них клеветают, их доктрины искажают, их изображают кровопийцами. «Правда, мы нарушаем покой счастливых сегодняшнего дня, так как мы возвещаем о конце привилегий... Мы нарушаем покой бездельников, так как мы требуем для всех право производить и жить трудясь... Пусть те, которые нам верят, следуют за нами! За лишениями и жертвами текущего дня вырисовывается идеал нового общества... Сын Парижа, родившийся в нашем героическом Сент-Антуанском предместье, среди промышленных предприятий, я взываю к моим братьям, трудящимся... в момент, когда

¹⁶ История «банкета народа» лучше всего изучена тем же Аманном, использовавшим, в частности, архив комиссии по организации банкета, хранящийся в Военном архиве Франции. Он опубликовал на эту тему в 1960 и 1968 гг. две статьи в French Historical Studies, а затем дал их краткое изложение в своей книге. См.: *Amann P. H. Op. cit.* P. 264–280.

¹⁷ *Commune de Paris. 1848. 29 mai. N 77. P. 2–3.*

интересы рабочего класса преданы забвению, люди, искренне любящие демократию, не могут стоять в стороне». Эскирос, как видим, откровенно провозглашал себя и своих единомышленников поборниками идеала нового коммунистического общества и защитниками интересов рабочего класса.

Списки, составленные различными клубами и рабочими корпорациями, были в конце концов согласованы, был рекомендован единый список кандидатов на 11 вакантных мест, включавший только сторонников «демократической и социальной республики». Была создана Центральная комиссия по проведению демократических выборов, которая обратилась ко всем рабочим департамента Сены с призывом учесть уроки апреля, принять активное участие в выборах и голосовать за социалистов.

Дополнительные выборы дали совершенно неожиданный результат. Буржуазные республиканцы, доминировавшие в Национальном собрании, потерпели поражение. С одной стороны, были избраны откровенные реакционеры и роялисты вроде Тьера и даже — Луи Бонапарт. С другой стороны, были избраны четыре левых кандидата, в числе которых Прудон и Пьер Леру. Многие социалисты и коммунисты, включая Кабе и Торе, получили значительное число голосов. Выборы наглядно свидетельствовали об обострении политической обстановки в столице, о дальнейшем размежевании классовых сил, об усилении реакции и в то же время о росте политической активности рабочего класса.

II

Недели, предшествовавшие июньскому восстанию, были свидетелями необычайного расцвета «красной» прессы. Как это может показаться ни парадоксальным, большая часть «красных» газет появилась не в марте — апреле, а во второй половине мая — июне 1848 г. Наряду с некоторыми органами, основанными раньше, в эти недели распространялись десятки новых «красных» газет. Правда, многие из них были недолговечными и насчитывали всего несколько номеров. Это и понятно, так как июньские события положили им конец. Но расцвет этой «красной» прессы накануне восстания, связанный с политическим кризисом и обострением классовой борьбы, был вполне закономерным. Среди «красных» публицистов были и коммунисты, и фурьеристы, и прудонисты, и пред-

ставители других «социальных школ». Но все они были сторонниками «демократической и социальной республики» и активно боролись против буржуазной реакции.

Из существовавших уже органов «красной» печати следует прежде всего упомянуть газету «Отец Дюшен», основанную еще в апреле, поскольку это был ее самый массовый орган, издававшийся тиражом от 50 до 70 тыс. экземпляров. Именно «Отец Дюшен», пользовавшийся большой популярностью в рабочей среде, был инициатором «банкета народа». Возглавлявшие эту газету Тюилье (Thuillier) и Колфаврю (Colfavru) — первый в качестве ответственного издателя, а второй как главный редактор — не были коммунистами, а Тюилье подчас отзывался о коммунизме критически. Но на страницах своей газеты они давали слово и представителям коммунистической мысли.

Политическая позиция газеты после событий 15 мая была весьма определенной: «Да, мы являемся врагами привилегий, и мы сознаемся в нашем гнусном желании упразднить эксплуатацию человека человеком»¹⁸. В обращении от имени «Отца Дюшена» к рабочим национальных мастерских говорилось: «Я с вами, мои друзья, я такой же пролетарий, как и вы!.. Да здравствует демократическая и социальная республика!»¹⁹ А в связи с декретом о сборищах газета даже угрожающе писала: «Вы увидите, товарищи, что не сегодня-завтра мы будем вынуждены вновь взять наши ружья и снова построить несколько баррикад... Когда правительство нарушает права народа, восстание является самым священным правом и самым необходимым долгом»²⁰.

17 мая газета опубликовала письмо Бланки, в котором он резко протестовал против лживых обвинений в Национальном собрании против него и его друзей²¹. В связи с дополнительными выборами газета наряду со своим редактором Колфаврю выдвинула следующих кандидатов в депутаты: Бланки, Раснайля, Юбера, Кабе, Прудона, Леру, Готье, Керсози²². Несколько дней спустя она опубликовала письмо Эжена Фомберто, в котором он спрашивал, почему во втором списке кандидатов, напечатанном в газете, нет имени Бланки? Не потому ли, что

¹⁸ Père Duchène. 1848. 21—23 mai. N 15. P. 2.

¹⁹ Ibid. 30 mai — 1 juin. N 19. P. 1.

²⁰ Ibid. 8—11 juin. N 24. P. 1.

²¹ Ibid. 21—23 mai. N 15. P. 21—23.

²² Ibid. 30 mai — 1 juin. N 19. P. 1.

газета поверила клевете, содержащейся в «документе Та-шера»? Редакция отрицала это, указывая, что то был список, согласованный с другими органами демократической прессы. Одновременно в том же номере газета напечатала письмо Лакамбра, Флотта и Фомберто, протестующее против клеветы, распространяемой в реакционной прессе о Центральном республиканском обществе и его председателе Бланки²³.

Газета печатала документы разных «социальных школ». Так, она опубликовала проект конституции, составленной сенсимонистом Родригом²⁴. Главным представителем коммунистической мысли, выступавшим на страницах газеты, был Готье (Gautier), бывший член подпольного Общества коммунистов-материалистов и один из обвиняемых на их процессе, а после революции делегат рабочих в Люксембургской комиссии. Он опубликовал в «Отце Дюшене» ряд статей под общим заглавием «Социальный вопрос». Готье резко осуждал учение Прудона, который, с одной стороны, провозглашает собственность воровством, а с другой — защищает ту же собственность. Сам же он еще в 1833 г. в журнале «Здравый смысл» (Bon sens) писал, что земля и ее плоды — общая собственность всех людей. Свершившаяся революция — революция социальная, она должна полностью изменить положение трудящихся. Но препятствием этому является частная собственность. Осуществить «трансформацию собственности» не так уж трудно. Подобно Дезами и многим другим коммунистическим идеологам тех дней, Готье в качестве одного из основных мероприятий предлагал ограничение права наследования и прогрессивный налог на наследство. Государство, постепенно сокращая собственность, должно заменить ее общественными институтами, «результатом которых явится счастье всех»²⁵. Некий «рабочий национальных мастерских» также писал в «Отце Дюшене»: «Чего хочет рабочий, так это общего счастья, благосостояния для всех... он взывает к лучшему будущему, для завоевания которого его братья пали под вражескими пулями. Он хочет, чтобы пот, который орошает землю — это общее достояние, не проливался бы на благо лишь одного человека»²⁶.

Накануне июньского восстания, критикуя статью в «Конституционель», осуждавшую все «подрывные» социальные доктрины, «Отец Дюшен» писал: «Мы понимаем, что газета, защищающая статус-кво, ужасается этими доктринами; мы согласны, они носят подрывной характер: они на самом деле стремятся ниспровергнуть всякое общество, основанное на эгоизме и привилегии. Народу надоело, что его эксплуатирует банда паразитов, интриганов, болтунов, вся заслуга которых заключается в трусливой лести народу после его победы, дабы затем легче заткнуть ему рот. В настоящее время Франция является полем сражения, на котором сошлись два непримиримых врага — вор и обворованный, обманщик и обманутый, эксплуататор и эксплуатируемый; эта битва не на жизнь, а на смерть»²⁷.

Из существовавших уже органов «красной» печати большую роль играла также «Истинная республика» Торе, продолжавшая разоблачать буржуазную реакцию, защищать демократические права, требовать коренного переустройства общества. Подробное изложение различных материалов, напечатанных в этой ежедневной газете, заняло бы слишком много места. Ограничимся поэтому обращением Торе к народу Парижа, опубликованным 12 июня, которое дает исчерпывающее представление о его политической позиции за десять дней до восстания. Называя себя республиканцем и социалистом, Торе писал: «Мы должны совершить сегодня революцию гораздо более глубокую, чем революция 1789 г. ...Мы должны вывернуть наизнанку все принципы так называемой цивилизации, которая все еще угнетает громадное большинство людей... Мы должны все трансформировать: и политику, и мораль, и производство». «Совершенно несомненно, что в настоящее время во Франции имеются лишь две партии: революционеры-социалисты и буржуа-консерваторы, народные республиканцы и роялисты-аристократы. Все другие растворились между красным и белым. Да здравствует республика и социальная революция!.. Пролетарии близки к тому, чтобы стать хозяевами Французской республики»²⁸. Эти высказывания такого опытного политического деятеля, как Торе, свидетельствуют, сколь сильными были еще иллюзии о возможности завершить «социальную революцию», которая привела бы к власти пролетариат.

²³ Ibid. 4–6 juin. N 22. P. 2.

²⁴ Ibid. 18–20 juin. N 28. P. 1.

²⁵ Ibid. 4–6 juin. N 22. P. 2; 6–8 juin. N 23. P. 2; 20–22 juin. N 29. P. 2.

²⁶ Ibid. 6–8 juin. N 23. P. 2.

²⁷ Ibid. 15–18 juin. N 27. P. 2.

²⁸ Vraie république. 1848. 12 juin. N 78. P. 1.

Значительное большинство новых периодических изданий, выступавших глашатаями «красной республики», не примыкало к какой-нибудь определенной «социальной школе». Характерен в этом отношении отказ редакции газеты «Республиканский Христос» дать конкретный ответ на вопрос, является ли эта газета коммунистической, фурийской, социалистической или сенсимонистской²⁹. Но газета открыто заявляла, что необходима такая республика и социальная организация, при которой все имели бы возможность обеспечить себе благосостояние, работая сообразно своим способностям. Обращаясь к своим братьям-рабочим, она писала: «Богатые, крупные буржуа всюду кричат, что вы воры, каторжники, коммунисты, бездельники, которые хотят грабить, жить ничего не делая, пресыщаясь их деньгами. Но радуйтесь, царство справедливости близко». Она резко осуждала закон о собраниях и приветствовала идею «банкета в пять су», где будут провозглашаться тосты за царство братства, «за прогресс социальной революции»³⁰. Власти хотят порядка. [Но скажите, пожалуйста, какого порядка? Порядка штыков и муниципальной гвардии, порядка страха и гнета?] Народ не может с этим смириться. Отсюда собрания и уличные демонстрации³¹.

Столь же общий характер носила социальная платформа газеты «Старый кордельер». Обращаясь к социалистам, она писала: «Вы, социалисты... благоразумные люди, учитывающие все нужды, все способности, как бы вы ни назывались, кто бы ни был вашим патроном, входя в обсуждение практических вопросов, я разделяю ваши желания и хочу, чтобы испытали ваши системы, так как их основа хороша — это братство»³².

За социальную революцию и за социализм высказывалась и другая «красная» газета, также заимствовавшая свое название из эпохи Великой французской революции, — «Робеспьер». Она провозглашала, что настало время «социальной эмансипации». «Я буду энергично защищать храбрых людей, обязавшихся дать нам истинную республику, декларируя окончательное упразднение эксплуатации человека — мужчины, женщины, ребенка, — декларируя право на жизнь, обеспеченное гарантирован-

ной работой, и организацию труда — путем ассоциации». Необходима социальная революция, так как не имело никакого смысла совершить еще одну политическую революцию только для того, чтобы место прежних развращенных лиц заняли новые честолюбцы. Но для радикальной трансформации общества необходима развернутая программа социальных реформ, а также целая серия необходимых мероприятий, которые дадут возможность добиться осуществления новой социальной хартии. В социальной революции политика и социализм, т. е. средство и цель, должны шагать бок о бок. Газета выступала против каких-либо насильственных действий, хотя и констатировала диаметрально противоположность интересов «социальных классов»; она считала, что час социальной эмансипации пробил для всех народов и ратовала за создание «священного союза революционных народов», обращаясь к ним со следующим призывом: «Объединение дает вам в руки неотразимое оружие. Организуйте молчаливую и последовательную европейскую забастовку, пусть международная конкуренция не будет больше препятствием в достижении всеобщего благосостояния; пусть лепта всех пополнит центральную кассу для непрерывной агитации против эксплуатации человека человеком»³³.

Само название газеты «Красная республика» свидетельствовало о ее политической платформе. Газета интересна главным образом своей резкой критикой восторженно-буржуазной реакции. В статье, посвященной закону о собраниях, она напоминала об обещаниях, которые после Февральской революции давались народу, той «пролетарской массе», которая ее совершила. Но теперь народ ничему и никому больше не верит. Он не верит ни Маррасту, ни Ламартину, усыпавшему его песнопениями, ни всем этим адвокатам и журналистам, объявившим себя его избранниками. Правительство применяет в отношении народа старые методы: сегодня полицейские постановления, завтра атаку с холодным оружием, а затем — картечь; оно имеет в своем распоряжении хорошо дисциплинированных солдат во главе с командующими, готовыми ради чинов и почетных званий повторить бойню на улице Транснотен. «Создается впечатление, что вы хотите завязать бой»³⁴. Новые короли, ставшие таковы-

²⁹ Christ républicain. 1848. 8 juin. N 1. P. 1 // BN. Lc², 1866.

³⁰ Ibid. 11–14 juin. N 2. P. 1–2.

³¹ Ibid. 14–18 juin. N 3. P. 1.

³² Vieux Cordelier. Drapeau du peuple: fraternité, égalité, liberté. 1848. 19–20 mai. N 2. P. 1 // BN. Lc², 1822.

³³ Robespierre: Journal de la réforme sociale. 1848. 1 juin. N 1. P. 1–2; 5 juin. N 2. P. 1–2 // BN. Lc², 1852.

³⁴ République rouge. 1848. 11–13 juin. N 2. P. 1 // BN. Lc², 1874.

ми благодаря февральским баррикадам, должны понять, что народ от них отвернулся. «Вы сажаете в тюрьму Барбеса, Альбера, Распайя, Бланки, а народ открыто им симпатизирует... Пролетарии видят наконец, кто их друзья, где они должны искать своих истинных представителей». На требования голодных пролетариев отвечают криками: «Долой коммунистов, социалистов, эгалитариев!» «Поклянемся же мы все, строители будущего, — погибнуть или завоевать новый мир». Знамя будущего — это красное знамя, «знамя равенства, братства, полного единства нации. Идея, которую оно символизирует — это идея окончательной победы народа над сбродом эгоистов, эксплуататоров и паразитов... Это знамя было нашим в Лионе, в июне и в апреле (имеются в виду восстания 1832 и 1834 гг. — А. И.), оно было нашим в феврале. В будущем оно будет знаменем Франции и всего мира»³⁵.

В противоположность «Робеспьеру» в «Красной республике» ярко проявились революционные настроения. Но следует не упускать из вида, что эта газета находилась под влиянием идей прудонизма. Под заголовком приводилась цитата из Прудона о красном знамени; газета писала не только об организации труда, но и об «организации кредита».

Среди новых органов «красной» печати, безусловно, прудонистский характер носила газета «Спартак, освободитель народа»³⁶, в двух опубликованных номерах которой содержались ссылки на предложения Прудона, говорилось о взаимном обмене и кредите.

Газета «Социальное спасение» была, наоборот, фурьеристским органом и редактировалась фурьеристом Артуром де Бонаром (Arthur de Bonnard). Она также резко осуждала сложившееся во Франции положение и пропагандировала лозунг «социальной революции». До сих пор народ не пожинал плодов ни от одной из предыдущих революций. «Низвергнув Людовика XVI в 1793 г., Карла X — в 1830 г., Луи-Филиппа — в 1848 г., народ обрушивался только на верхушку дерева тирании, он лишь срубал эту верхушку, вот и все». Но это дерево не погибло, наоборот, его ветви лишь больше расцвели, и именно поэтому эксплуатация человека человеком еще более усилилась. Необходима социальная революция, необходи-

мо изменить все основы общества³⁷. Разумеется, эту «социальную революцию» газета мыслила как мирное переустройство общества путем создания ассоциаций на фурьеристских принципах. Интересно, однако, что реальная действительность побуждала Бонара, как и многих других фурьеристов, отказываться от основы основ идеала «социетарной школы» — от объединения в ассоциации как капиталистов, так и трудящихся. «Буржуа-эгоист! — с негодованием восклицала газета, — ты не хочешь объединиться с нами. Ну хорошо! Мы объединимся без тебя»³⁸.

«Настоящий Отец Дюшен 1848 года»³⁹ пытался противопоставить себя «Отцу Дюшену» Колофрью и называл себя «социалистической и радикальной газетой». Но ничего более радикального в нем, по существу, не было. Он также резко критиковал деятельность Национального собрания, задавая вопросы «народным представителям»: намерены ли они дать республиканской Франции революционную конституцию, не отрекаются ли они от права на труд, провозглашенного Временным правительством, рассматривают ли они себя как слуги народа, намерены ли они обеспечить народу демократическую и социальную республику? Реакция набирает все новую силу. В начале кричали: «Долой коммунистов! Повесить Кабе!» Затем: «Долой социалистов-фаланстерианцев!» Теперь уже кричат: «Долой клубистов!» Т. е. долой право собраний. Остается сделать лишь последний шаг и начать кричать «долой республиканцев». Народ должен активно бороться против реакции и за свои права⁴⁰. Но, характеризуя демократическую республику, газета ограничивалась лишь общими словами: «Это такое социальное установление, которое... приведет к упразднению всего искусственного неравенства, всех монополий, всех привилегий, увековечивших эксплуатацию человека человеком, которой социальные революции стремятся положить конец»⁴¹.

Газета «Любезный житель предместья» заимствовала свое название, используя слова, сказанные в свое время Луи-Филиппом. Она также причисляла себя к социа-

³⁷ Salut social. Moniteur du commerce véridique: Journal des droits de l'homme, rédigé par les opprimés. 1848. 19–22 juin. N 1. P. 1–2 // BN. Lc², 1900.

³⁸ Ibid. 23–25 juin. N 2. P. 1.

³⁹ Vrai père Duchêne de 1848. N 1, 2, 3 (без дат) // BN. Lc², 1824.

⁴⁰ Ibid. N 2. P. 1–2.

⁴¹ Ibid. N 3. P. 2.

³⁵ Ibid. 13–16 juin. N 3. P. 1.

³⁶ Le Spartacus, Libérateur du peuple. 1848. 18–22 juin. N 2; 24–25 juin. N 1 // BN. Lc², 1897.

листическому лагерю. «Мы являемся республиканцами-социалистами», — заявляла она⁴². Критикуя Виктора Гюго, осуждавшего «красную республику» и бывшего сторонником «умеренной республики», газета писала: «Его республика дала нам до сих пор лишь финансовый кризис, потерю кредита, злоупотребления, безработицу, нищету, интриги, монополию, откровенную кровавую реакцию»⁴³. У власти находится «буржуазная партия». После Февральской революции рабочие требовали организации труда. Людей, поддерживающих это требование, поспешили удалить в Люксембург, отняли у них все возможности осуществить обещания, данные ими рабочим. После событий в Руане был развязан «буржуазный террор». 15 мая возмущенный народ ворвался в Национальное собрание. В результате, однако, все свободы, завоеванные в феврале, были нарушены, самые преданные бойцы демократической партии заключены в Венсене, клубы стали рассматриваться как подозрительные, был обнародован закон о сборищах, народная пресса подвергается преследованиям⁴⁴. В форме отчета о заседании «великого исполнительного совета мандаринов Китая» и о принятом на нем декрете газета разоблачала замыслы властей в отношении национальных мастерских. Все рабочие, говорилось в этом декрете, не имеющие работу, рассматриваются как подозрительные лица и мятежники и должны в течение 2½ часов покинуть столицу; все отказывающиеся подчиниться этому декрету расстреливаются. Газета призывала жителей предместий тщательно хранить свои ружья, с тем чтобы по первому же сигналу они снова оказались в их мужественных руках⁴⁵. «Мы боролись на февральских баррикадах, и, кто знает, не понадобится ли нам скоро вновь воздвигнуть этот оплот народной свободы?»⁴⁶

В другой «красной» газете «Диоген санкюлот» была помещена статья «Свобода, равенство, братство — ложь, насмешка, бесстыдство»⁴⁷, в которой реальная действительность противопоставлялась этим официальным лозун-

гам. Во имя ли свободы разгоняют с оружием в руках людей, собирающихся в общественных местах для обсуждения государственных дел; во имя ли свободы бросают в тюрьмы тех, кто откровенно выражает свои мысли; во имя ли свободы пытаются восстановить цензуру и ограничить свободу печати? Равенство — это упразднение привилегий, это ликвидация классов, это возможность для каждого достичь того или иного уровня благосостояния соответственно своим истинным способностям. Но где это равенство? Нет братства в стране, где имеются нищие и эгоисты парвеню, где используется грубая сила, где имеются тюрьмы. «Победа, одержанная на баррикадах, оказалась комедией».

Газета «Апостол народа» провозглашала себя социалистической. В «декларации принципов», опубликованной в проспекте, говорилось: «Мы не хотим ни эксплуатации человека человеком, ни эксплуатации человека нуждой, ни эксплуатации человека государством... В хорошо организованной и честно управляемой республике не должно существовать ни бедных, ни бездельников»⁴⁸. Как видим, социализм газеты носил самый общий характер. Более того, выпад против эксплуатации человека государством, очевидно, следует рассматривать как осуждение бабувистского коммунизма. Опубликованная в ней поэма «Голос республики» состояла из двух частей. Первая — под названием «Триумф», помеченная 1 марта, ярко повествовала о надеждах на всеобщее братство, порожденных Февральской революцией. Вторая — «Приложение», помещенная 27 мая, выражала горькое разочарование. «Франция видела прекрасный сон, но все осталось по-старому. Кретины-политики, обещавшие равенство и хлеб, не обращая внимания на страдания народа, обжирются теперь в Люксембургском дворце. Национальное собрание занимается бесплодной болтовней. «Вы нас обманули... Между вами и народом больше нет никакой связи»⁴⁹. Организация труда — таковой была основная задача, и если бы она была решена, лишь тогда слова «свобода, равенство, братство» приобрели бы смысл. После революции это дело было поручено Луи Блану. «Как он с ним справился? Являются ли рабочие теперь более счастливыми? Организован ли труд?.. Наоборот, у нас есть опасение, что он все скомпрометировал, хотя в Люк-

⁴² *Aimable faubourien: Journal de la canaille*. 1848. 1-4 juin. N 1. P. 1 // BN. Lc², 1848/49.

⁴³ *Ibid.*

⁴⁴ *Ibid.* 15-18 juin. N 5. P. 1.

⁴⁵ *Ibid.* 1-4 juin. N 1. P. 1-2.

⁴⁶ *Ibid.* 15-18 juin. N 5. P. 1.

⁴⁷ *Diogene sans-culotte*. 1848. 22-25 juin. N 1. P. 1-2 // BN. Lc². 1894.

⁴⁸ *Apôtre du Peuple: Journal socialiste, politique, littéraire et artistique*. 1848. Specimen. P. 1 // BN. Lc², 2056.

⁴⁹ *Ibid.* P. 1-2; 6 juin. N 2. P. 1-4.

сембурге были произнесены бесчисленные речи». «Верно ли, что французские патриоты Франсуа Араго, Марраст, Ледрю-Роллен, Луи Блан, Кремье и прочие поспешили выгодно пристроить своих многочисленных родственников и друзей, вместо того чтобы заниматься нуждой народа?» Если это так, то кровь народа и в 1848 г. пролита даром, лишь на пользу нескольким честолюбцам⁵⁰.

Еще более резкая критика Временного правительства и Национального собрания содержится в «Газете санкюлотов», издававшейся Констаном Гильбеем (Hilbey). Гильбей, бывший политический заключенный, выйдя из тюрьмы после революции, сразу в конце февраля опубликовал афишу, в которой одним из первых заклеил Временное правительство. «Предатели навечно останутся предателями. Если вы отдадите вашу судьбу в такие руки, вы пропали, новая революция станет неизбежной, и кровь наших братьев была пролита зря». Буржуазия хочет извратить и эту революцию. Не нужно мелких реформ; необходимо ниспровергнуть все здание существующих законов, установленных злодеями и для защиты злодеев. Гильбей требовал созыва Национального конвента и в заключение писал: «Никакой амнистии, наказание всех предателей»⁵¹. Он примкнул к Клубу Горы Констана и, по утверждению Люка, был одним из его влиятельных членов⁵². Гильбей издал все четыре номера «Газеты санкюлотов»⁵³ — три до июньского восстания, а последний, четвертый, лишь в декабре 1848 г. В нем была опубликована статья о заговоре Бабефа, в которой осуждалась выдвинутая последним программа общности имуществ, «основанная на заблуждении, что люди обладают одними и теми же способностями. Общность, предлагаемая Бабефом, была бы рабством для всех»⁵⁴. Эта статья свидетельствует, что Гильбей отнюдь не был коммунистом бабувистского толка. Но это не мешало ему в столь же резких выражениях, как и в своей афише, осуждать людей, стоявших во главе республики и предавших революцию.

Санкюлоты, ставшие три месяца назад суверенами, после того как они победили на баррикадах, остались те-

ми же санкюлотами. Теперь их называют анархистами, бандитами, коммунистами, канальями. Национальное собрание приняло закон против сборищ под предлогом борьбы против анархии. В хорошо организованном обществе не может быть анархистов; «если вновь начинают говорить об анархистах, это означает, что появились новые тираны». Национальное собрание хочет задушить и демократическую прессу: «...как и в прошлом, будет только пресса буржуазии, богатых, привилегированных»⁵⁵.

Гильбей резко критиковал деятельность Временного правительства и то слепое доверие, которое оказывали ему народные массы. В день демонстрации 17 марта, отправившись к Ратуше, он увидел не народ, а множество безумцев, оравших: «Да здравствует Временное правительство!» Когда он сделал попытку разъяснить некоторым демократам, что на самом деле представляет это правительство, его объявили роялистским агентом. Эта доверчивость народа дорого ему обошлась⁵⁶.

Гильбей решительно выступал в защиту Бланки. В то же время он резко обрушился на Луи Блана. Критикуя его предложение о равенстве заработной платы, он указывал, что тот отнюдь не хочет установить равенство между всеми людьми. «Он стремится сохранить неравенство классов... Он сам сознает, что он пристроился там (в составе Временного правительства.— А. И.), чтобы охранять находившиеся под угрозой состояния богатых, т. е. развлекать вас разговорами об организации труда, чтобы вы не думали о реорганизации всего общества в целом».

В этой связи Гильбей излагал свои взгляды на конечную цель революции. «Что нужно, так это организовать не один из классов граждан, а реорганизовать все общество в целом и превратить его в один класс, закрепить права всех; затем, когда каждый будет пользоваться своими правами, если люди захотят объединиться, чтобы работать и жить вместе, это будет лишь следствием права на ассоциацию, но не для кого не будет обязательным, так как это было бы другой формой тирании... Могут существовать лишь свободные ассоциации; всякая ассоциация, организованная с участием государства, была бы ужасающим рабством... Вмешательство государства в организацию труда может быть лишь временной мерой, до того как общество будет преобразовано»⁵⁷. Гильбей, бу-

⁵⁰ Ibid. 4 juin. N 1. P. 1—3.

⁵¹ Les Murailles révolutionnaires. P. 81.

⁵² Lucas A. Op. cit. P. 184.

⁵³ Journal des sans-culottes, par le citoyen Constant Hilbey // BN. Lc², 1837.

⁵⁴ Ibid. 1848. 4 déc. N 4. P. 1—2.

⁵⁵ Ibid. 28 mai. N 1. P. 1; 8—11 juin. N 3. P. 1.

⁵⁶ Ibid. 28 mai. N 1. P. 1.

⁵⁷ Ibid. P. 1—2.

дучи противником бабуизма, также высказывался, однако, за полную социальную реорганизацию, за создание бесклассового общества, допуская при этом создание свободных коммунистических общин без вмешательства государства. Во взглядах Гильбея проявлялись, безусловно, анархические настроения, находившие свое выражение еще в период Июльской монархии, особенно в воззрениях юанитариев.

Газета «Красный колпак» тоже называла себя «знаменем санкюлотов»⁵⁸. И она рассматривала сложившееся положение как критическое. Революция ничего не изменила. Сегодня, как это было и раньше, пролетариат испытывает гнет. «Уже наши свободы отдаляются, наши самые драгоценные права ограничены или нарушены, и, может быть, вскоре нам придется выполнить самую страшную и самую священную из наших обязанностей». Газета напоминала о праве сопротивления насилию и призывала идти вперед по пути революции. Она довольно подробно излагала и свои общественные идеи. «Нужно хорошо уяснить себе, что имевшая место революция является не чисто политической, а главным образом социальной. Политическая свобода и равенство, откровенно говоря, лишь средства для достижения социального равенства, которое и есть истинная цель». Для приближения к этой цели газета пропагандировала ряд немедленно осуществимых мероприятий: здесь и прогрессивный налог, и организация труда, гарантирующая каждому трудоспособному работу с соответствующей заработной платой и участием в прибылях, и система страхования от болезней и несчастных случаев. «Однако все это только основы перехода от настоящего к будущему. Установление истинной справедливости в распределении будет достигнуто, когда общество будет организовано так, что станет возможным применение принципа: лишь потребности порождают права, а способности — обязанности. Что касается средств для осуществления необходимой перестройки старых обществ, их, по нашему мнению, еще необходимо отыскать, это проблема текущего столетия»⁵⁹. Как видим, и «Красный колпак» видел конечную цель революции в установлении нового общественного строя, основанного на социальном равенстве.

III

Среди «красных» газет имелись и такие, которые выступали непосредственно от имени рабочего класса, причём часть из них открыто защищала коммунизм.

Здесь в первую очередь следует упомянуть о «Газете трудящихся»⁶⁰, о подлинно рабочей газете, издававшейся бывшими рабочими делегатами Люксембургской комиссии. Ее подписывал как один из ответственных издателей — рабочий-столяр Перно. Кроме шести номеров газеты, до нас дошли и некоторые рукописные материалы редакции, конфискованные, очевидно, после июньского восстания и хранящиеся в делах следственной комиссии.

В первом номере было опубликовано обращение «К вам трудящимся». В нем говорилось: «24 февраля было политическим прологом серьезной драмы, которая должна закончиться полной и радикальной эмансипацией производителей... Мы хотим, чтобы ассоциация во всех ее видах была единственным знаменем, объединяющим всех трудящихся. Мы хотим, чтобы как само слово, так и идея эксплуатации человека человеком больше не существовала... Мы хотим, чтобы привилегии любой формы были быстро упразднены. Мы хотим, чтобы счастье было обеспечено всеми и для всех». Предпочтительней достичь всего этого мирными средствами, «если только не нарушат неотъемлемые права — собраний, ассоциаций и свободы печати»⁶¹.

Среди рукописных материалов имеется и другое обращение к трудящимся. Оно призывало рабочих, жертв эксплуатации человека человеком, принимать активное участие в газете, которая намерена вести непрерывную борьбу против эксплуататоров. «Чего мы хотим, чего мы прежде всего желаем, основывая эту народную трибуну, так это мощного, активного и практического содействия всех рабочих, которые, как и мы, поняли, что единственным возможным решением является новая социальная организация... О вы все, которые мечтали о славе нашей родины и о счастье человеческого рода, вы, которые поняли, что, поскольку все люди являются братьями, они должны взаимно поддерживать друг друга, придите к

⁵⁸ Bonnet rouge: Drapeau des sans-culottes // BN. Lc², 1875.

⁵⁹ Ibid. 1848. 15—18 juin. N 2. P. 1—2.

⁶⁰ Journal des travailleurs, fondé par les ouvriers délégués au Luxembourg // BN. Lc², 1862.

⁶¹ Ibid. 1848. 4 juin. N 1. P. 2.

ним, придите! К делу же, братья, к делу! Приближается время, когда тот, кто не идет вперед, отстывает. Приближается время, когда старая общественная система должна рухнуть под всеобщим грозным напором Братства»⁶².

«Манифест делегатов корпораций, заседавших в Люксембурге», опубликованный во втором номере газеты, указывал, что рабочие потерпели поражение на выборах потому, что были разобщены, не были организованы. «Да, нам прежде всего нужна мощная организация, которую ничего не могло бы сокрушить. Та, что мы вам предлагаем, проста: это организация народных секций, объединенных комитетом делегатов труда. Наша цель, братья, — эмансипация пролетариата, завоевание наших социальных прав»⁶³. В статье «Да здравствует республика!» говорилось, что с самого начала революции все кричали: «Да здравствует республика!» — но все осталось по-старому, изменились лишь названия, королевские прокуроры превратились в прокуроров республики, а Палата депутатов переселилась в другой дворец. Но рабочие не хотят ни республики Спарты, ни Рима, ни Венеции, ни Америки. Они хотят республику, в которой были бы воплощены в жизнь лозунги свободы, равенства, братства, «где умственный и физический труд был бы почитаем и справедливо вознаграждался, где, стало быть, богатство было бы всеобщим, а нужда невозможна»⁶⁴. Теперь все стараются пародировать первую революцию, ссылаются на нее, заимствуют все, вплоть до названий газет. Но это недопустимо. Новая революция является совершенно иной, и республика должна носить чисто социальный характер»⁶⁵.

Со страниц «Газеты трудящихся» веет духом назревших грозных событий. Предвещая предстоящую решительную борьбу, газета настаивала на создании «мощной организации» рабочих масс, на объединении рабочих в народных секциях под руководством единого комитета. Поскольку газета была органом делегатов рабочих корпораций при Люксембургской комиссии, то неудивительно, что, призывая к ниспровержению старой общественной системы, она пропагандировала социалистические проекты, разрабатывавшиеся в Люксембурге.

«Организация труда», издававшаяся в июне одним из будущих руководителей июньского восстания, Лаколонжем (Lacolonge), также называла себя «газетой рабочих»⁶⁶. Газета решительно разоблачала восторжествовавшую во Франции реакцию, публикуя даже хронику под названием «Белый террор», где приводились соответствующие конкретные факты. Она называла республику, установленную Национальным собранием, «буржуазной республикой», помещая на своих страницах списки крупных капиталистов и земельных собственников с указанием суммы их доходов. Резко критикуя антидемократические законопроекты, преследовавшие цель упразднить свободу собраний и прессы, протестуя против ввода войск в Париж, она призывала рабочих бороться против буржуазной реакции.

В первое время после Февральской революции буржуазия вынуждена была маневрировать. «Буржуазия предоставляла действовать; с нетерпением и тревогой она ждала разрушения баррикад; она воздавала хвалу Альберу и Луи Блану, спасавшим страну от анархии». Но, вновь почувствовав почву под ногами после выборов в Национальное собрание, буржуазные деятели сразу же подняли знамя реакции. «Они вновь обрели свое рвение, утраченное 23 и 24 февраля. Теперь они были достаточно сильны, чтобы разрушить едва начатое дело реформы труда, промышленности и всего общества»⁶⁷.

В современном обществе, указывала газета, все поглощается капиталом. «Труд, храбрость, талант, слава, почести — все в конечном итоге на пользу только ему... Достаточно бросить лишь взгляд на современное общество, чтобы убедиться, что капитал поглощает все, все разрушает и ниспровергает... Именно об эту роковую скалу разбивается теперь триумфальная колесница Февраля. Реакционеры Национального собрания, реакционеры буржуазии осмеливаются открыто заявлять, что они скорее установят господство короля, консула и даже иностранцев, чем согласятся с общественным устройством, исключаящим эксплуатацию человека капиталом!.. Нет, мы не отступим, пока не завоюем для нас и наших детей социальную организацию, при которой человек эксплуатирует себя в пользу всех, получая, в свою очередь,

⁶² Archives nationales. C. 942.

⁶³ Journal des travailleurs. 1848. 8–11 juin. N 2. P. 1.

⁶⁴ Ibid. 11–15 juin. N 3. P. 1.

⁶⁵ Ibid. 15–18 juin. N 4. P. 2.

⁶⁶ Organisation du travail: Journal des ouvriers // BN. Lc², 1857.

⁶⁷ Ibid. 10 juin. N 8. P. 2.

часть благосостояния пропорционально своему труду»⁶⁸.

Газета «Набат трудящихся»⁶⁹ редактировалась бывшим сенсимонистом Эмилем Барро (Barrault) и Франсуа Делантом. О Деланте, коммунисте-революционере, решительно выступившем 25 февраля против Бланки, председателе коммунистического Клуба неподкупных, мы уже неоднократно упоминали. Барро в одной из статей характеризовал его как «сына народа и настоящего рабочего», активного участника революции, прекрасного оратора, «любимого во всех народных клубах, где ему доводилось выступать»⁷⁰.

На страницах «Набата трудящихся», кроме самого Деланта, выступали и другие коммунисты. Так, бывшие осужденные по делу коммунистов-материалистов Кофино, Жибо, Санс, Жавело, Лефевр, Дежоб, Дюфур опубликовали открытое письмо министру юстиции, разоблачавшее этот инсценированный процесс. Они указывали, что хотя после революции они были освобождены из тюрьмы, но поставлены вне общества, их избегают, перед ними закрыты мастерские. Поэтому они требовали полной реабилитации⁷¹. В своей статье Дезире Гей писала: «Пусть среди нас не будет больше множества людей без одежды, без хлеба, без пристанища, не будет больше покинутых стариков, печальных слуг капитала и собственности, которыми капитал и собственность пренебрегают, когда их силы исчерпаны»⁷².

Газета ярко и убедительно описывала тяжелое положение рабочего класса⁷³. Она констатировала глубокие противоречия между буржуазией и народом. Революция 1848 г. еще ничего не дала народу. Новая власть, желая успокоить его нетерпение, бросила ему слова об организации труда; но нужны не слова, а дела⁷⁴. Все эти «честные люди» — банкиры, промышленники, крупные земельные собственники — требуют «умеренной республики». «Увековечить эксплуатацию массы трудящихся; рассматривать народ, лишенный самого необходимого, как живую машину, удовлетворяющую все ваши аппети-

ты; объявлять утопией все попытки обновления этого чудовищного общественного строя — вот в чем состоит ваша честность»⁷⁵. Все сторонники всевластия капитала ненавидят национальные мастерские и выступают против вмешательства государства в производство. Рабочие же «понимают высокое предназначение трудящихся, когда государство станет их главой и их отцом»⁷⁶. Неужели же единственным результатом Февральской революции будет восстановление системы наемного труда, «победа хозяев над рабочими, надеявшимися на свою эмансипацию»⁷⁷. «Повседневно буржуазия оттачивает свои штыки, запасается патронами и говорит о необходимости покончить с канальями»⁷⁸.

В статье «Династия и собственность» газета прозорливо указывала, что буржуазия в своем стремлении сохранить существующий строй собственности неизбежно предпочтет отказаться от республики и восстановит монархический образ правления. В настоящее время буржуазия демонстрирует свою любовь к республиканской системе, но это лишь приговорство. «Все собственники являются сторонниками династий. Все династии опираются на собственников». Династия держит в руках орудие власти, а собственники — орудия труда. Отсюда — совпадение их интересов, их совместный заговор против своих подданных и трудящихся. «Этим объясняется революция 1848 г., имеющая двойственный характер — и политический, и социальный. Народ считал, что инструмент власти, находясь в руках одной семьи, используется в эгоистических, а не в национальных интересах. Народ считал также, что орудия труда, находясь в руках одного класса, приносят ему доход лишь благодаря этой привилегии, в ущерб нуждам широких масс... Но династия имела только одну голову, а собственность имеет тысячи. Поэтому один из двух результатов революции был достигнут сразу, другой может быть достигнут лишь постепенно. Что же должно было произойти в этих условиях? То, что после первого смятения, вызванного революционной встряской, династия и собственность постараются заключить союз, чтобы победить своего общего врага — республику. В этом реальный и глубокий смысл реакции, которая ежедневно бесстыдно заявляет о себе... собственность, опасаясь быть

⁶⁸ Ibid. 13 juin. N 11. P. 1.

⁶⁹ Tocsin des travailleurs // BN. Lc², 1854.

⁷⁰ Ibid. 21 juin. N 21. P. 1.

⁷¹ Ibid. 15 juin. N 15. P. 2.

⁷² Ibid. 13 juin. N 13. P. 2.

⁷³ Ibid. 6 juin. N 6. P. 2.

⁷⁴ Ibid. 7 juin. N 7. P. 2.

⁷⁵ Ibid. 20 juin. N 20. P. 1.

⁷⁶ Ibid. 3 juin. N 3. P. 1.

⁷⁷ Ibid. 20 juin. N 20. P. 1.

⁷⁸ Ibid. 8 juin. N 8. P. 1.

низверженной, вновь призывает какую-нибудь династию как гарантину своего существования»⁷⁹.

В статье «Кто не является социалистом, не является республиканцем» говорилось, что в теперешней республике, где люди вынуждены продавать свою рабочую силу тем, кто владеет орудиями труда, нет ни равенства, ни свободы, ни братства. Какое может существовать братство «между прожигателями жизни и голодными, между учеными и невежами, между хозяевами и наемниками, между владельцами орудий труда и наемными рабочими». Истинная республика та, которая «предоставляет орудия труда в распоряжение тех, кто может их использовать, где все трудящиеся образуют одну громадную семью, справедливо распределяя плоды своего труда». Только тогда будут осуществлены принципы свободы, равенства и братства⁸⁰.

Буквально накануне июньского восстания в передовой, озаглавленной «Новый порядок», газета так формулировала основную задачу революции: «Обладание орудиями труда не должно быть больше привилегией, предоставляющей возможность потреблять, не производя... Упразднить чудовищные остатки старого строя, установить новый строй — вот в чем весь вопрос»⁸¹.

Из многочисленных в те дни периодических изданий, использовавших популярное еще с эпохи Великой французской революции имя Дюшена, некоторые были отнюдь не прогрессивного направления⁸²; особый интерес представляет издававшаяся от имени «мамаши Дюшен» газета «Трудящийся»⁸³.

Уже в первом номере газета указывала, что народ, победивший 24 февраля, снова находится во власти новых аристократов, всех этих Гарнье-Пажесов, Маррастов, Кремье, Паньеров, Бюше, потому что он оказался способным только низвергнуть старую монархию, но не сумел построить ничего нового⁸⁴. «Реакция, Реакция, Реакция!» — восклицала газета. Всего спустя два месяца

после февральских баррикад бросают в тюрьму республиканцев, закрывают истинно народные клубы, а чтобы ввести в заблуждение рабочих, гнева которых все же опасаются, назначают комиссию, задача которой отложить организацию труда до греческих календ⁸⁵. «Бедная республика! Бедный народ! Значит, ты всегда будешь проливать кровь в пользу тех, кто тебя эксплуатирует»⁸⁶. «Конечно, мы тоже хотели бы братского слияния всех классов общества, чтобы не было больше всех этих названий различных каст — буржуа, рабочий... однако, видя ретроградные тенденции наших неисправимых привилегированных, не должны ли мы предупредить пролетариев, что их хотят еще раз обмануть и эксплуатировать?»⁸⁷ Люди, пришедшие к власти после Февральской революции, не выполнили ни одного из своих обещаний, в частности об организации труда. «Начиная с 16 апреля они узурпировали у народа его суверенитет... Чтобы спасти свои шкуры и свои портфели, они кричат во все горло: „Долой коммунистов, смерть поджигателям!“». «В феврале наши пули не поразили врага в сердце. Наше дело еще не закончено, оно лишь едва намечено, и дабы покончить с привилегиями и злоупотреблениями, которые подтачивают общество, мы должны сказать этим людям, которые имеют безрассудную претензию нами управлять, уходите, мы сами справимся с нашими делами, поскольку, чтобы быть хорошо обслуженными, необходимо обслуживать самих себя»⁸⁸.

Но свое общественно-политическое кредо газета подробно изложила в своем последнем, шестом номере, опубликованном за день до июньского восстания. «Многие презренные эксплуататоры, живущие за счет пота народа, вселили ужас в сердца, говоря ему, что коммунисты являются грабителями, убийцами, поджигателями... Обвинять коммунистов это значит не знать их намерений, их проектов, это значит наносить смертельный удар республиканскому девизу — свобода, равенство, братство... Пусть же хорошо поймут, что коммунисты, на которых натравили невежд и воров, являются наиболее передовыми республиканцами; они видят на горизонте проблеск

⁷⁹ Ibid. 14 juin. N 14. P. 1.

⁸⁰ Ibid. 12 juin. N 12. P. 1.

⁸¹ Ibid. 22 juin. N 22. P. 1.

⁸² Так, например, газета «Внук отца Дюшела» (Le petit-fils du père Duchêne // BN. Lc², 1885) носила откровенно реакционный характер, высмеивала право на труд, изображала рабочих бездельниками и не скрывала своих бонапартистских симпатий.

⁸³ Travailleur, par la mère Duchêne // BN. Lc², 1833.

⁸⁴ Ibid. 1848. 27–29 mai. N 1. P. 1.

⁸⁵ Речь идет о комиссии по изучению положения рабочих, которую назначило Национальное собрание, отвергнувшее предложение об организации министерства труда и прогресса.

⁸⁶ Travailleur. par la mère Duchêne. 1848. 29–31 mai. N 2. P. 1.

⁸⁷ Ibid. 31 mai – 2 juin. N 3. P. 2.

⁸⁸ Ibid. 3–5 juin. N 4. P. 1–2.

лучших дней... все преступление коммунистов состоит в провозглашенном ими принципе равенства в обязанностях и обязательности труда сообразно способностям каждого... Поверьте мне, общность не что иное, как благосостояние масс... Рабочий, изнуряющий себя работой, должен иметь свою долю в пользовании: мы этого хотим, мы этого добьемся... Лишь ассоциация может спасти людей и нации, а ассоциация — это коммунизм»⁸⁹. Итак, газета открыто выступала в защиту коммунистов и провозглашала коммунистический идеал.

Газета «Политика женщин», издание которой принята в июне Дезире Гей, также характеризовала коммунизм как наилучший общественный строй. Было издано всего два номера этой газеты — один в июне, другой в августе⁹⁰. Нас интересует здесь первый номер, вышедший 18–24 июня 1848 г. В нем помещен диалог группы женщин во дворе Лувра. В разговоре принимают участие несколько работниц, в числе которых одна социалистка и одна икарійка, и некая дама. Одна из женщин жалуется, что она уже все заложила, ее муж безработный, дети босы, а в доме нет ни одного су. Другие тоже выражают аналогичные жалобы. Дама заявляет, что если бы рабочие вели себя спокойно, то промыслы снова возродились бы, и все было бы хорошо, на что одна из работниц возражает: «Да, для хозяев; они платили бы рабочим половину заработной платы и заставляли бы их оплачивать все издержки революции». Дама утверждает, что, наоборот, рабочие имеют всю выгоду от революции, что их заработную плату увеличили, а рабочий день сократили. Это, в свою очередь, вызывает реплику работницы: «Да, на бумаге, а в мастерских заработная плата женщин всюду снижена; пользуются нашей нуждой». В ходе дальнейшей беседы работницы требуют увеличения заработной платы, так как они не намерены вечно оплачивать прекрасные апартаменты и красивые туалеты своих хозяек. В разговор вмешивается социалистка. Призывая к спокойствию, она предлагает работницам регулярно собираться, чтобы обсуждать свои проблемы, чтобы совместно искать выход из трясины, в которой они находятся. На заданный ей вопрос, является ли она коммунисткой, она отвечает: «Я являюсь социалисткой и хочу осуществить то, что возможно; коммунизм — это

идеал совершенства, но я думаю, что мы еще далеко не столь хороши, чтобы жить в общности». Когда икарійка заявляет, что нужно показать на практике истинное братство, а другие ссылаются на существование различных общин, социалистка возражает: «Все это правда, и можно было бы сослаться еще на религиозные общины христианства; но все это является несовершенным, так как это изолированные усилия, а ничего совершенного не будет, пока само государство не станет коммунистическим». На реплику, что нужно показать пример, она отвечает, что «женщины имеют навыки, с которыми они не могут сразу порвать, чтобы начать жить в общности... мы могли бы поэтому временно ассоциироваться лишь частично для того или иного вида труда». На выраженное опасение, что это может погасить революционный дух, «который только и способен побуждать нас стремиться к лучшему общественному строю», она отвечает: «Это было бы верно, если бы мы отказались от пропаганды, но мы будем выступать с публикациями, поучать устно и, осуществляя то, что возможно, постоянно двигаться к лучшему; женщины не должны отказываться от позитивных свершений, направляясь одновременно к своему идеалу». В ходе дальнейшей беседы социалистка подчеркивает, что женщины должны действовать рука об руку с мужчинами: «Мы будем помогать мужчинам, объединяющимся в клубах, в корпорациях, чтобы гарантировать наши свободы и организовать новое общество».

Приведенный выше диалог, изложенный, разумеется, не полностью, наглядно свидетельствует об идеях, которые пропагандировала Дезире Гей в основанной ей газете. Выступая от имени трудящихся женщин, работниц, называя себя социалисткой, она непосредственно пропагандировала организацию рабочих производственных ассоциаций. Но она не скрывала, что общественным идеалом, к которому надлежит стремиться, является коммунизм. При этом она высказывалась против создания отдельных коммунистических общин. Именно для этого она и вводит в диалог икарійку, со взглядами которой на необходимость организации подобных общин она отнюдь не солидаризируется. Нужно, указывает она, чтобы все государство было коммунистическим.

В том же номере помещен диалог между двумя молодыми девушками; одна — из богатой семьи, другая — дочь рабочего и сама работница. Богатая девушка одобряет возгласы «Долой коммунистов!», так как коммунисты —

⁸⁹ Ibid. 22–24 juin. N 6. P. 1.

⁹⁰ Politique des femmes // BN. Lc², 1896.

дений государства и чтобы каждый работал определенное количество часов в день... Если бы мы жили в общности, если бы мы все работали, если бы мы были все объединены, мы все были бы счастливы, и не было бы людей, которые только отдыхают и пользуются всеми благами жизни, в то время как другие работают по 15—18 часов в день, чтобы прокормить семью»⁹¹. «Политика женщин», описывая тяжелое положение рабочего класса, и в частности трудящихся женщин, открыто пропагандировала коммунистический идеал.

Накануне июньских событий ведущим политическим органом «красной» печати был «Общественный обвинитель» Эскироса, которому удалось выпустить четыре номера этой газеты⁹². Одновременно, как мы знаем, Эскирос в те дни организовал новый Клуб народа. Уже в первом номере «Общественного обвинителя» было помещено извещение о предстоящем открытии этого клуба, а в четвертом — отчет о его первом заседании, причем указывалось, что члены бюро Клуба являются сотрудниками газеты, которая станет его органом. Поэтому если в первых двух номерах говорилось, что газета издается Альфонсом Эскиросом, то в третьем и четвертом уже значилось «Альфонсом Эскиросом и членами — основателями Клуба народа». Более того, два последних номера подписал в качестве ответственного издателя бывший председатель Клуба трудящихся, а теперь один из секретарей Клуба народа, Фейатр (Feuillatre). В газете, кроме самого Эскироса, печатали статьи и другие члены клуба. Хотя большинство материалов, публикуемых в газете, были анонимными, но среди тех, которые были подписаны, мы находим имена Адель Эскирос, Томасена (Thomassin), бывшего члена Клуба революции, одного из организаторов «народного банкета», члена бюро Клуба народа, а также вице-председателя этого клуба поэта Лапшамбоди. Некоторые статьи были подписаны инициалами.

Газета отнюдь не скрывала своего политического направления и своих общественных идеалов. Обосновывая название газеты, Эскирос писал: «Ее знаменем является социальная республика»⁹³. Она выступает как обвинитель привилегий, обвинитель богатых и как защитница бедных, она стремится к такой республике, где царил бы

грабители и хотят, чтобы богатые поделились с ними всем, что они имеют. На это молодая работница отвечает, что коммунисты — это люди, которые желают счастья для всех, они ничего не хотят взять сами у богатых, но они хотят, чтобы все имущества находились бы в ве-

⁹¹ Ibid. 1848. 18—24 juin. N 1. P. 1—2.

⁹² Accusateur public par Alphonse Esquiros // BN. Lc², 1702.

⁹³ Ibid. 1848. 11—14 juin. N 1. P. 2.

са и руля... Победа социализма непреодолимо приближается»⁹⁵.

Но основная задача газеты состояла не в обосновании преимуществ нового общественного строя, а в разоблачении буржуазной республики и возглавлявших ее «умеренных» республиканцев. Обращаясь к ним, Эскирос писал в первом номере газеты: «Вы хотели установить республику, основанную на сделке, вам же удалось лишь восстановить правление Луи-Филиппа, с более посредственными людьми и с меньшей стабильностью в делах... Рабочий является для вас таким же препятствием и помехой, каким он был и при монархии. После того как вы его завербовали в национальные мастерские, вы думаете только о том, как его удалить из больших городов... Без симпатий к рабочим классам, бесчувственные к братским Франции народам, вы с ужасным хладнокровием взирали на их избиение объединившимися монархами... Каждый день вы выступаете против анархистов. Так вот, я говорю вам, что ваше правление является самой худшей из всех анархий... Благодаря вам, благодаря вашим нерешительным и дряблым действиям стали возможными помыслы о новой монархии. Как все слабые правительства, вы прибегаете к запугиванию и насилию. После того как при последней монархии вы протестовали против государственных тюрем, превентивных арестов, обвинений в моральном соучастии, вы возобновляете теперь эти гнусности; вы заполняете те же самые тюрьмы вашими старыми друзьями республиканцами, огромная вина которых в ваших глазах заключается в том, что они считают вашу политику отвратительной, ваши действия — необдуманными и ретроградными... вы являетесь старым хвостом старого либерализма... Вы постоянно следовали всем старым утопиям, всем изношенным системам; между правильным и ложным вы всегда склонялись к заблуждениям вчерашнего дня, против правды завтрашнего; вы сломя голову бросились во все туники конституционного режима... Республика для „Националя“ — это Марраст в Ратуше; республика для „Реформы“ — это Флекон в министерстве сельского хозяйства и торговли»⁹⁶.

В последующих номерах газета столь же решительно клеймила стоявших у власти буржуазных республиканцев. «Бесполезные мучения, которые вы заставляете

братство и всеобщее счастье⁹⁴. «Мы хотим, — заявлял Томасен, — порядка без эксплуатации; когда наши доктрины будут осуществлены, братство не будет больше пустым словом». Старое общественное здание полностью прогнило. Лишь социализм может спасти французское общество. «Начнется новая эра. Только с этой эпохи человечество не будет больше блуждать наугад, без компа-

⁹⁴ Ibid. 14–18 juin. N 2. P. 1.

⁹⁵ Ibid. 21–25 juin. N 4. P. 2.

⁹⁶ Ibid. 11–14 juin. N 1. P. 1.

переносить Распайля, Бланки, Собрин, Барбеса, заточив их и лишая их воздуха и движения, свидетельствуют о вашей личной ненависти к ним и жажде мщения. Бланки, Распайль имеют талант, а у вас его нет. Барбес владеет сердцем народа, а к вам народ проявляет лишь безразличие и презрение... Старая черная банда монархической магистратуры, эти враги всякой свободы, всякой демократии, ставят вам свои условия, которым вы подчиняетесь... Я ищущ, что вы сделали после 24 февраля, и ничего не пахожу; вы заполнили лишь одну пустоту; а именно пустоту Венсенской башни... Вы не способны ничего установить — ни порядок, ни свободу. Вашими трусливыми уступками монархическому духу, вашей неспособностью действовать вы поощряете всех кандидатов на корону»⁹⁷.

Одновременно газета разоблачала классовый характер буржуазной демократии. Всеобщее избирательное право явилось «одним из обманов революции 1848 г.», так как буржуазия имела все возможности использовать его в своих интересах. «Февральская революция произошла при криках „Да здравствует избирательная реформа!“ Мы имеем теперь эту прекрасную реформу во всей ее полноте и, отнюдь не чувствуя себя лучше, убеждаемся, что всеобщее избирательное право освящает, более чем когда-либо, тиранию меньшинства, тиранию сильного над слабым, богатого над бедным, хозяина над рабочим». Низвергая прежний режим, необходимо заменить его новым, лучшим общественным порядком, иначе все останется по-старому.

Перешедшая республика — «республика антидемократическая и антисоциальная». «Необходимо, чтобы все это изменилось! Эти слова у всех на устах, у всех в сердцах». Газета, однако, призывала воздерживаться от бесполезных демонстраций, от сборищ, которые на руку лишь полиции. «Наша сила теперь в отрицании и ожидании; сохраним же эту силу»⁹⁸. Буржуазный класс ищет битвы, но он ее не получит. Мы призываем трудящиеся классы протестовать своим молчанием против неистовства умеренных, одетых в мундиры национальной гвардии». Если буржуазия все же навязет эту битву, она получит сокрушительный отпор. «Если буржуазия питает замыслы отомстить народу, то мы совершенно уверены в исходе

борьбы. Рабочий класс ждет: он не будет кричать на улицах и площадях, не будет размахивать знаменами, не подаст никакого знака. Но, подвергнутый нападению, он будет защищаться как один человек... Не полагайтесь на видимость вашей силы. Вы вооружены, но и другие тоже»⁹⁹.

Позиция «Общественного обвинителя» была характерна для всей «красной» прессы июня 1848 г. Вся она последовательно и бескомпромиссно выступала против буржуазной республики, против стоявших у власти буржуазных республиканцев и разоблачала восторжествовавшую буржуазную реакцию. Иллюзии о всеобщем братстве были уже полностью изжиты. Все «красные» газеты ясно видели глубокие классовые противоречия, раздиравшие общество, наличие двух антагонистических классов — буржуазии и рабочего класса, пролетариата. Требуя свержения буржуазного строя, они не призывали, однако, парижский пролетариат к вооруженному выступлению. Наоборот, они убеждали рабочих не давать повода для провокаций. Слишком свежи еще были воспоминания о событиях 15 мая. Мы видели, что в те дни в демократических клубах встречала сопротивление даже идея «народного банкета» — из опасения, что его организация может привести к повторению этих событий. В то же время «красные» газеты писали о решимости народа, рабочих защитить завоевания революции.

Таким образом, «красная» пресса, включая и «Общественного обвинителя», занимала не наступательную, а оборонительную позицию. Эта позиция отражала настроения, царившие в те критические дни среди оставшихся на свободе деятелей демократического лагеря, включая коммунистов, — настроения, бесспорно, связанные с неудачной попыткой разгона Национального собрания, с арестом виднейших революционеров, с вводом войск в Париж. Эти настроения, нашедшие свое выражение и в «красной» прессе, как бы предвещали поражение июньского восстания. Это грандиозное выступление парижского пролетариата, вызванное отчаянием, спровоцированное закрытием национальных мастерских, носило по существу оборонительный характер. Но вопреки оптимистическим прогнозам Эскироса это оборонительное сражение не закончилось и не могло закончиться победой.

⁹⁷ Ibid. 18–21 juin. N 3. P. 1.

⁹⁸ Ibid. 18–21 juin. N 3. P. 1.

⁹⁹ Ibid. 21–25 juin. N 4. P. 1.

Заключение

Революция 1848 г. во Франции блестяще проанализирована К. Марксом в его классических работах «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Говоря о причинах поражения июньского восстания, которое было борьбой за сохранение или уничтожение буржуазного строя, К. Маркс писал: «Победительницей осталась буржуазная республика. На ее стороне стояла финансовая аристократия, промышленная буржуазия, средние слои, мелкие буржуа, армия, организованный в мобильную гвардию люмпен-пролетариат, интеллигенция, попы и сельское население. Парижский пролетариат имел на своей стороне только самого себя... Все классы и партии во время июньских дней сплотились в партию порядка против класса пролетариев — партии анархии, социализма, коммунизма»¹. Полная изолированность парижского пролетариата наложила свой отпечаток на весь ход политических событий с февраля по июнь.

Поражению пролетариата и крушению всех «социальных иллюзий» способствовала и полная неорганизованность тех сил, которые выступали как его идейные и политические руководители. Не говоря уже о наличии различных «социальных школ», многие из которых своими мелкобуржуазными утопиями лишь отвлекали его от классовой борьбы, не было единства и организованности и в самом коммунистическом движении. Характерная для этого движения в дореволюционный период раздробленность не была преодолена и в ходе революции. Движение это не только не привело к созданию политической партии, оно вообще не имело никакой единой организации, единого центра. Коммунистические клубы были многочисленны и, за исключением икарыйского Центрального братского общества, не пользовались широким влиянием; такие же клубы, как Центральное республиканское общество или Общество прав человека и гражданина, носили неоднородный характер. Главное

заключалось в том, что социалистические и коммунистические деятели революции 1848 г. не руководствовались подлинно научной теорией. А теоретическая беспомощность неизбежно вела к политическим ошибкам.

Среди многочисленных социалистических и коммунистических деятелей периода революции двое пользовались особым авторитетом. То были Луи Блан и Бланки. Но ни тот ни другой не оказались на высоте положения.

Войдя в состав Временного правительства как представитель рабочего класса, Луи Блан сыграл в революции роковую роль. В. И. Ленин, повторно ссылаясь в 1917 г. на опыт французской революции 1848 г., в первую очередь клеймил «луиблановщину». С первых же дней революции Луи Блан призывал рабочих к спокойствию, призывал их доверять Временному правительству, возлагать надежды на предстоящую «организацию труда». Создание возглавляемой Бланом Люксембургской комиссии — этой, по словам К. Маркса, «социалистической синагоги» — сеяло среди рабочих иллюзии о возможности коренного социального переустройства при содействии буржуазного Временного правительства. А влияние Луи Блана на рабочих не следует недооценивать. В работе Люксембургской комиссии участвовали около семисот делегатов от рабочих корпораций, и они верили Луи Блану, шли за ним; как свидетельствует рабочая пресса мая—июня 1848 г., даже тогда они относились к нему с глубоким уважением и высоко ценили его деятельность. Правда, к тому времени рабочие корпорации испытывали уже глубокое разочарование; именно они составили костяк демонстрации 16 апреля и активно участвовали в выступлении 15 мая; наконец, именно они и были подлинными инициаторами июньского восстания. Но дело было уже сделано: Луи Блану удалось сдержать революционный натиск рабочих масс в первые критические недели революции. А за это время успела поднять голову и окрепнуть буржуазная реакция, результатом чего и явилась июньская трагедия.

Бланки, бесспорно, также пользовался большим влиянием. Его авторитет как организатора восстания 1839 г. был очень высок. В сущности, из всех участников тайных обществ периода Июльской монархии он один мог претендовать на роль вождя. Известно, что К. Маркс впоследствии весьма лестно о нем отзывался, считая его вождем пролетарской партии. Бланки давал верную

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 126—127.

оценку Временному правительству, защищал красное знамя как символ революции, требовал отсрочки выборов в Национальное собрание, правильно полагая, что поспешные выборы будут реакционными, протестовал против ввода войск в Париж, клеймил руанскую «бойню», постоянно предупреждал об опасности контрреволюции. Он выступал как искренний защитник интересов пролетариата. Но его теоретическая беспомощность вела к крупным политическим ошибкам. Привыкший к заговорщицкой тактике, Бланки был абсолютно неспособен руководить массовым революционным движением и правильно использовать сложившуюся обстановку. Отсюда его первая роковая ошибка 25 февраля, когда он упустил возможность создать, опираясь на широкие народные массы, подлинно революционное правительство. Он не понял тогда, что «промедление смерти подобно». В дальнейшем он также выступал с декларациями, но не действовал. Он устраивал в Центральном республиканском обществе тайные закрытые совещания, но фактически ничего не предпринимал. Во всех трех народных выступлениях — 17 марта, 16 апреля, 15 мая — он играл не активную, а пассивную роль, рассчитывая в лучшем случае при благоприятном стечении обстоятельств с помощью нескольких десятков тайно вооруженных заговорщиков использовать их в своих целях.

Несмотря на все различие между Луи Бланом и Бланки, занимавших на первый взгляд противоположные политические позиции, и активная деятельность Луи Блана и бездельность Бланки в первые решающие недели революции привели объективно к одним и тем же результатам. Временное правительство, используя старый государственный аппарат, укрепило свою власть. Буржуазия, занимавшая в первые дни после Февральской революции оборонительную позицию, перешла в наступление и сумела повести за собой мелкобуржуазные слои населения и крестьянство. Избранное в этих условиях Национальное собрание установило чисто буржуазную республику. Буржуазные республиканцы, при полной поддержке роялистов различных толков, приступили к ликвидации демократических завоеваний революции. Парижский пролетариат, полностью изолированный, все же вынужден был в конце концов приять бой, но в самых неблагоприятных для него условиях.

Хотя пролетариат, стремившийся, по словам В. И. Ленина, к победе над буржуазией и безбоязненному разви-

тию революции вперед, и потерпел поражение, но первые месяцы Февральской революции ознаменовались широким выдвижением его социальных требований, сводившихся к ликвидации строя, основанного на эксплуатации человека человеком. Эти требования находили свое яркое выражение в клубах, в агитационной литературе, в «красной» печати. Требования социального равенства как конечной цели революции выдвигали представители различных «социальных школ» — и фурьеристы, и прудонисты, и некоторые бывшие сенсимонисты вроде Пьера Леру. Но совершенно несомненно, что главенствующую роль в этом играли коммунисты.

Следует, однако, внести ясность в терминологию тех дней. Термин «социализм» получил к тому времени широкое распространение. Почти все учения, ставившие целью социальные преобразования, именовались «социалистическими». Среди них значительное место занимал мелкобуржуазный «социализм», не имевший ничего общего с подлинным социализмом в научном понимании этого термина. В то же время существовал разнородный в толковании взаимосвязи понятий социализм и коммунизм.

Некоторые отождествляли коммунизм с социализмом и использовали термин «социализм» вместо термина «коммунизм». Так, Юбер в своих брошюрах говорил уже о социализме и о победе социализма, хотя из его характеристики социализма ясно, что он имел в виду коммунистический общественный строй. Такое же отождествление коммунизма с социализмом мы находим у многих других коммунистических идеологов, причем иные из них давали своему «социализму», дабы отличить его от прочих, более конкретную дефиницию. Так, Констан говорил о «радикальном социализме», а члены коммунистического Клуба братских друзей называли себя «аглитарными социалистами».

Другие считали коммунизм одной из доктрин социализма. Эта точка зрения, имевшая довольно широкое хождение, была следующим образом сформулирована Торе: «Социализм это родовое понятие, одним из видов которого является коммунизм. Коммунисты — это социалисты, представляющие себе общество, построенное совершенно одной определенной системе. Прочие социалисты имеют иные системы»².

² Vraie République. 1848. 29 mai. N 64. P. 1.

Наконец, имелись и такие, кто рассматривал социализм как первую стадию общественного преобразования, необходимую для последующего торжества коммунизма, или (пользуясь словами «социалистки» в диалоге, опубликованном в «Политике женщин») как осуществление возможного в ожидании установления коммунистического равенства. Этот взгляд нашел свое выражение в следующей формулировке Жюля Лешевалье: «Социализм — это коммунизм переходного периода (*Le communisme de transition*); коммунизм является его логическим и обязательным финалом»³.

Последняя точка зрения была, разумеется, наиболее правильной. Она приближалась к научному пониманию социализма как первой стадии коммунистической формации. Но в тот период преобладало отождествление коммунизма с социализмом или рассмотрение коммунизма как одного из социалистических учений. В дальнейшем, как известно, термин «коммунизм» постепенно выходит из употребления и в течение последующей исторической эпохи заменяется словом «социализм». Однако в годы революции термин «коммунизм» использовался не только икарийцами, но и большинством других сторонников нового общественного строя, основанного на принципе: от каждого по способностям, каждому по потребностям.

В революции приняли активное участие все деятели различных коммунистических течений дореволюционного периода — и икарийцы, и члены коммунистических тайных обществ, и коммунистические идеологи, и рядовые бойцы. Как печатные источники (книги, брошюры, пресса), так и использованные нами архивные материалы (конфискованный архив Клуба клубов) свидетельствуют об этом. В революционных боях приняли непосредственное участие даже икарийцы, подавляющее большинство которых было уже до этого настроено революционно, а их руководитель Кабе в первые два месяца после Февральской революции проявил себя как выдающийся и дальновидный деятель. Крупнейший теоретик революционного коммунизма Дезами не только предпринял издание газеты, но, являясь членом Центрального республиканского общества, возглавил и собственный Клуб гобеленов. Активными революционными деятелями стали все основные сотрудники главного ор-

гана революционного коммунизма 40-х годов журнала «Фратерните», организовавшие даже свой клуб, председателем которого был Савари. Бриж, редактор «Фратерните» в 1842—1843 гг., возглавил коммунистический Клуб братских друзей. Пийо, один из организаторов в 1840 г. «первого коммунистического банкета», был членом коммунистического Клуба неподкупных, во главе которого стоял старый подпольщик Делант. Другой организатор этого банкета Омбер тоже возглавлял собственный клуб. Председателем коммунистического Клуба Горы был автор «Библии свободы» Констан, издававший и газету. Другой видный коммунистический теоретик Жюль Гей, друг и сотрудник Дезами по «Альманаху общности», вместе со своей женой Дезире активно участвовал в политической жизни, будучи секретарем Клуба братских друзей и вице-председателем Клуба братского союза. Среди членов различных клубов мы находим имена почти всех известных нам участников тайных коммунистических обществ периода Июльской монархии — Кофино, Жавело, Дюфура, Лионна, Симара, Майера, Лакамбра, Флотта и многих других. В революционном отряде «монтаньяров», охранявшем префектуру полиции и распущенном после событий 15 мая, мы находим старых коммунистических подпольщиков Порнена, Галлана, Виту, Велликюса.

В период революции коммунистическое движение не было, разумеется, представлено только дореволюционными деятелями. Появляется много новых имен, о чем свидетельствует и коммунистическая литература и «красная» пресса. Коммунистический идеал получает еще более широкое распространение. Многие клубы и органы «красной» печати видели в установлении коммунистического равенства конечную цель революции.

Здесь возникает вопрос, можно ли называть всех коммунистов, принимавших активное участие в революции, бланкистами, как это часто делают в исторической литературе? На этот вопрос можно дать лишь отрицательный ответ. Совершенно бесспорно, что перепуганная буржуазия, стоявшие у власти буржуазные республиканцы, как и роялистская контрреволюция, считали Бланки своим главным врагом, человеком, стремившимся к захвату власти и установлению диктатуры. Бесспорно и то, что он был наиболее авторитетным вождем среди коммунистов-революционеров. Вокруг него группировались люди, которых можно уже было называть

³ Lucas A. Les clubs et les clubistes. P., 1851. P. 81.

бланкистами. То были, прежде всего, лично преданные ему лица, его непосредственные сподручные, как Лакамбр и Флотт; были и люди, находившиеся под его сильным влиянием, как, скажем, Эжен Фомберто или даже Эскирос, пытавшийся в июне восстановить Центральное республиканское общество. Всех этих людей — некоторых безоговорочно, других условно — можно, конечно, называть бланкистами. Но нельзя называть бланкистами всех членов Центрального республиканского общества, а тем более всех коммунистов-революционеров. Нельзя называть бланкистом Дезами, который как теоретик был, несомненно, выше Бланки, имел собственную программу общественного переустройства, организовал собственный клуб. Не были бланкистами и председатели других коммунистических клубов — Констан, Бриж, Омбер, Боден; последний, кстати сказать, как и некоторые другие коммунисты-революционеры, был более тесно связан с Обществом прав человека и гражданина. Разве можно называть бланкистами Жюля и Дезире Гей? Собственный облик имела и группа журнала «Фратерните», возглавляемая Савари. Что касается Деланта, вступившего 25 февраля в открытый конфликт с Бланки, а также Пийо, то они не только не были бланкистами, но не вошли даже в Центральное республиканское общество. Мы не говорим уже о Юбере, возглавившем Клуб клубов, которому Бланки тщетно пытался противопоставить конкурирующую организацию.

Схема бабувизм—бланкизм является, конечно, очень удобной. Но реальная историческая действительность сложнее всех надуманных схем. Как нельзя включать все революционно-коммунистическое движение эпохи Июльской монархии в рамки бабувизма, так нельзя коммунизм периода революции сводить к одному бланкизму и объявлять всех коммунистов, принимавших в ней участие, учениками и последователями Бланки.

Но верно и другое. Политическая активность значительной части коммунистов дореволюционного поколения ограничивается февралем—июнем 1848 г. События 15 мая, июньское восстание, закрытие клубов, преследование «красной» прессы положили фактически конец революционно-коммунистическому движению периода Июльской монархии. Его главные представители покидают историческую арену. Дезами, умерший два года спустя, совершенно исчезает из виду, Пийо, хотя и пытавшийся осенью 1848 г. возродить коммунистические клу-

бы, после своей неудачи также остается в тени вплоть до Парижской Коммуны. Та же участь постигает Савари, Констан, Брижа и многих других коммунистических деятелей 40-х годов. Среди нового поколения коммунистов-революционеров все больший удельный вес приобретают бланкисты. Имя заключенного в тюрьму Бланки все чаще становится символом революционного коммунизма. В 1850 г. К. Маркс и Ф. Энгельс вели уже переговоры с бланкистами, которые к тому времени занимали ведущее положение во Французском революционном движении. Так, в конце Второй республики и в начале Второй империи оформляется бланкизм как политическое течение, сыгравшее заметную роль в политической жизни Франции.

Французский коммунизм периода революции 1848 г. продолжал оставаться коммунизмом ненаучным. В выступлениях Кабе, в газете «Попюлер», в брошюрах икаррийской школы излагались старые идеи общинного коммунизма, генетически связанные с оуэнизмом; сам Оуэн также пропагандировал в революционной Франции свое учение и имел там непосредственных последователей. Все коммунисты, включая представителей революционного коммунизма 40-х годов, были, как и раньше, столь же беспомощны в обосновании коммунистического идеала, выдвигая чисто рационалистические и моральные доводы, изображая коммунизм как наиболее разумный и справедливый строй, обеспечивающий счастье всех. Разрабатывая мероприятия переходного периода, даже такие выдающиеся мыслители, как Дезами, отдавали дань мелкобуржуазным утопиям и делали особый упор на ограничении права наследования, не понимая, что наследование это не причина, а следствие частной собственности.

Но было бы неправильно ограничиваться лишь констатацией ненаучного характера коммунизма периода революции 1848 г. во Франции. Сама жизнь, сами революционные события, побуждали коммунистов правильно оценивать реальную действительность с ее ожесточенной классовой борьбой и делать верные выводы. В «Классовой борьбе во Франции с 1848 по 1850 г.» К. Маркс справедливо указывал, что после революции мелкобуржуазный доктринерский социализм, «устраняющий в своей фантазии при помощи маленьких фокусов и больших сентиментальностей революционную борьбу классов», уже не выражал больше классовых стремлений

пролетариата. Уступая этот социализм мелкой буржуазии, пролетариат все более объединялся вокруг революционного социализма, вокруг коммунизма: «Этот социализм есть *объявление непрерывной революции, классовая диктатура* пролетариата как необходимая переходная ступень к *уничтожению классовых различий вообще*, к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту во всех идеях, вытекающих из этих общественных отношений»⁴.

Уже вечером 25 февраля революционеры-коммунисты, собравшиеся в Прадо, пришли к правильному заключению о необходимости установления революционной диктатуры и разрушения всего государственного аппарата. И после этого коммунистическая пресса неоднократно ставила этот вопрос и указывала, что именно сохранение старой государственной машины и было главной причиной успехов буржуазной реакции. Разумеется, коммунисты, принимавшие участие в революции, не могли еще точно и по-научному сформулировать вывод о необходимости слома старой государственной машины, как это сделал К. Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Но интуитивно, инстинктивно они правильно подходили к решению этого основного вопроса революции.

В коммунистической агитационной литературе, в «красных» органах печати мы находим совершенно верный классовый анализ общества, указание на паличие в обществе двух основных противоборствующих классов — буржуазии и пролетариата. Характерно при этом, что если до революции термин «пролетариат» обычно трактовался в расширенном смысле, как синоним всех общественных низов, то теперь он почти всегда отождествлялся с рабочим классом. Иллюзии о всеобщем братстве, имевшие широкое хождение непосредственно после Февральской революции, под воздействием суровой действительности быстро улетучились. Уже с первых дней революции их разоблачали многие коммунисты-революционеры, подчеркивавшие коренное различие интересов буржуазии и пролетариата. В дальнейшем же, особенно в мае—июне, под воздействием победы буржуазной реакции вся «красная» печать констатировала непрерывную,

ожесточенную борьбу между этими двумя классами. Коммунисты открыто говорили о том, что борьба эта не должна закончиться победой буржуазии над рабочим классом, победой хозяев над рабочими, а, наоборот, выражали надежду, что пролетариат станет вскоре хозяином Франции. Конечно, лозунг диктатуры пролетариата был выдвинут и мог быть выдвинут только К. Марксом, только научным коммунизмом. Но несомненно, что французские революционные коммунисты в марте—июне 1848 г. вплотную подошли к мысли о необходимости завоевания власти рабочим классом для низвержения буржуазного общественного строя. А составленные накануне выступления 15 мая проекты декретов Комитета общественного спасения, который должен был взять власть после разгона Национального собрания, предусматривали уже установление революционной диктатуры, целиком опирающейся на рабочий класс.

Классовая борьба в первые месяцы революции, завершившаяся июньским восстанием, носила столь обнаженный характер, что коммунисты (и, как мы могли убедиться, отнюдь не один Бланки) приходили к правильной оценке текущих политических событий. Если мы сопоставим их оценки мероприятий Временного правительства,— начиная от создания мобильной гвардии и кончая установлением 45%-ного дополнительного налога,— событий 17 марта, 16 апреля, 15 мая, их оценку деятельности Национального собрания с оценками, данными К. Марксом в его двух работах, посвященных революции 1848 г., то увидим зачастую их полное совпадение.

В «Классовой борьбе во Франции с 1848 по 1850 г.» К. Маркс, говоря о провозглашенном революцией праве на труд, писал: «Право на труд в буржуазном смысле есть бессмыслица, жалкое благочестивое пожелание, но за правом на труд кроется власть над капиталом, а за властью над капиталом — присвоение средств производства, подчинение их ассоциированному рабочему классу, следовательно, уничтожение наемного труда, капитала и их взаимоотношения»⁵. В 1895 г. во «Введении» к этой работе Маркса Энгельс указывал: «Совсем особое значение придает этой работе то обстоятельство, что в ней впервые дана формула, в которой рабочие партии всех стран мира единогласно кратко резюмируют свое требо-

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 91.

⁵ Там же. С. 40.

вание: экономического преобразования: присвоение средств производства обществом». Далее, приводя вышеупомянутую цитату, Энгельс отмечал: «Таким образом, здесь впервые сформулировано положение, которым современный социализм резко отличается как от всех разновидностей феодального, буржуазного, мелкобуржуазного и т. д. социализма, так и от туманной „общности имущества“, выдвигавшейся и стихийным рабочим коммунизмом»⁶.

После Февральской революции 1848 г. некоторые коммунистические идеологи старой формации, и прежде всего Кабе, продолжали придерживаться прежней формулы «общности имущества». Но, как мы могли убедиться, очень многие уже видели и понимали, что господство буржуазии, капиталистов и эксплуатация ими рабочих зиждется на том, что они владеют «орудиями труда», и поэтому выдвигали как основное требование передачу орудий труда и вообще всех средств производства государству с тем, чтобы республика, как писал «Набат трудящихся», предоставила их в распоряжение всех трудящихся, объединенных в единую семью. Конечно, лишь Маркс точно сформулировал положение о передаче обществу средств производства, положение, которое Энгельс справедливо считал отличительной чертой «современного социализма». Но эта идея выдвигалась, как видим, уже в первые месяцы революции. А это свидетельствует о том, какое решающее влияние оказала революция 1848 г. на развитие социалистической мысли.

Сам факт, что под влиянием революционных событий 1848 г. социалистическое и коммунистическое движение во Франции, все более тесно переплетавшееся с рабочим движением, приобрело более реалистический характер и по своей оценке классовой борьбы в буржуазном обществе и по своим социально-политическим требованиям, имеет большое историческое значение. В силу разных причин марксизм стал распространяться во Франции лишь с 70-х годов XIX столетия. Тем большее значение имеет то, что под влиянием революции 1848 г. многие социалисты и коммунисты заняли по ряду основных вопросов правильные позиции, близкие к позициям марксизма; это предопределило дальнейший подъем социального движения во Франции — вплоть до Парижской Коммуны.

⁶ Там же. Т. 22. С. 531—532.